АЛАН САВАДЖ

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

Мастера
Романа
Исторического

ALAN SAVAGE

QUEEN OF LIONS

A NOVEL

Мастера Романа Исторического

АЛАН САВАДЖ

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

РОМАН

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1996

ББК 84.4 Вл
С12

Серия
«МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»
выпускается с 1995 года

QUEEN OF LIONS
Copyright © Alan Savage 1994

© Cover illustration by Brian Salmon

Перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00111-2

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

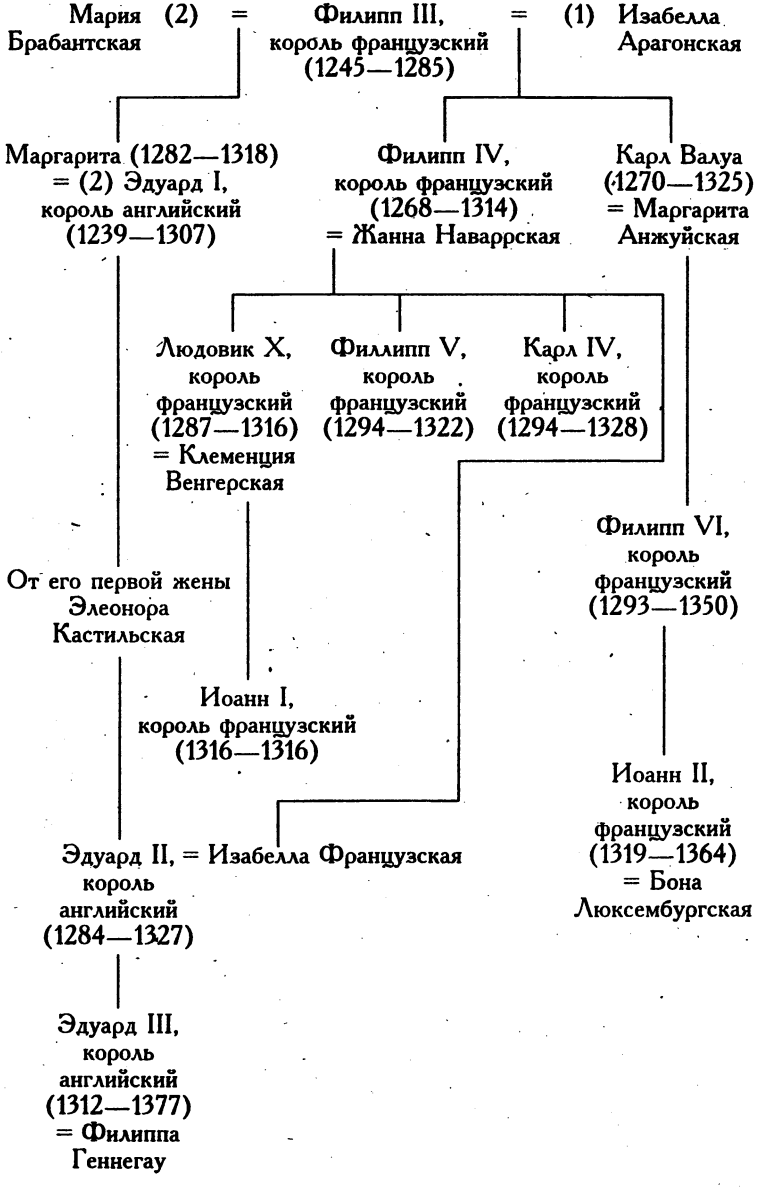
РОМАН

Перевод с английского
А.Ш. Ибрагимова

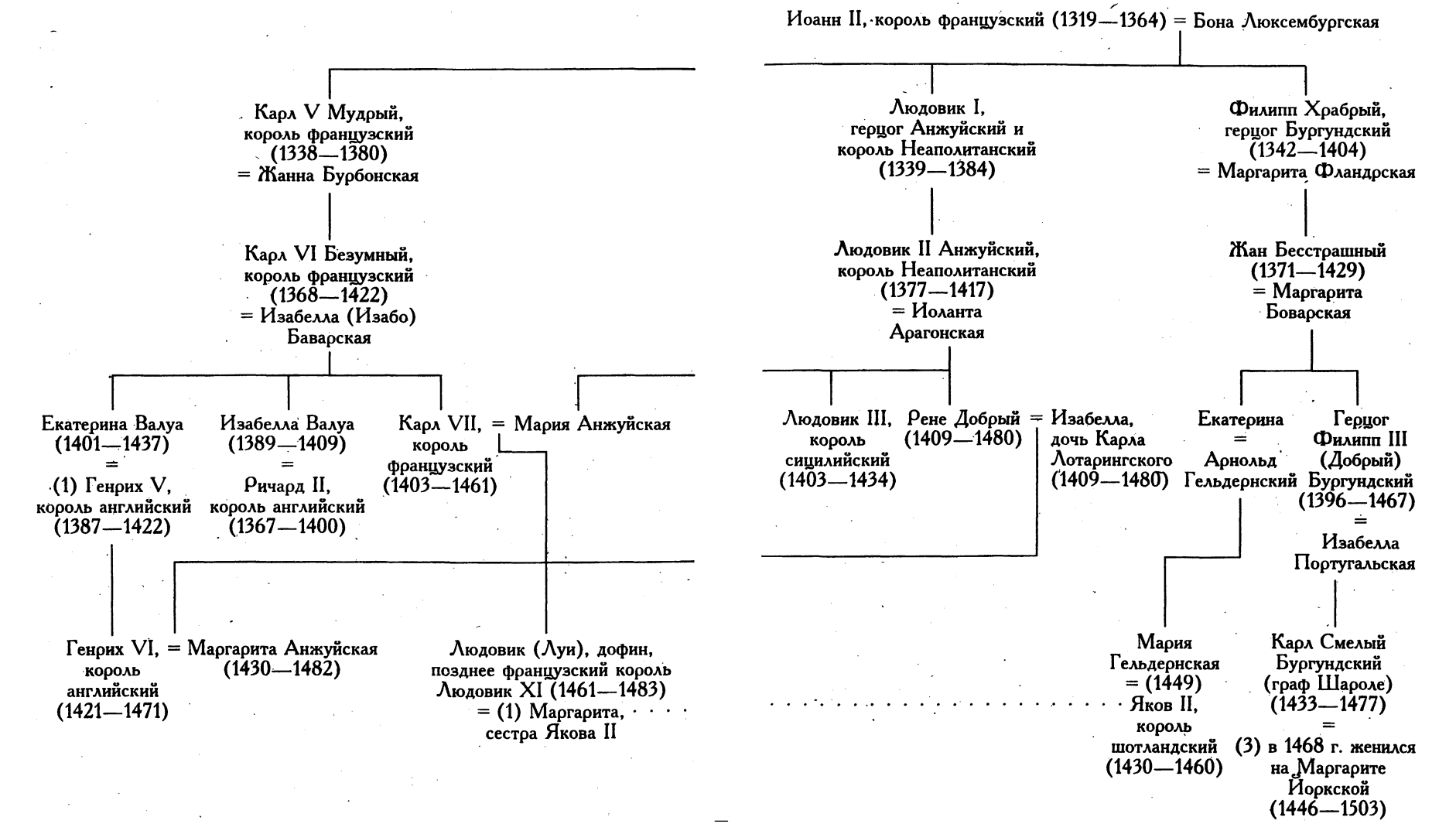
Queen of Lions

Copyright © Alan Savage 1994

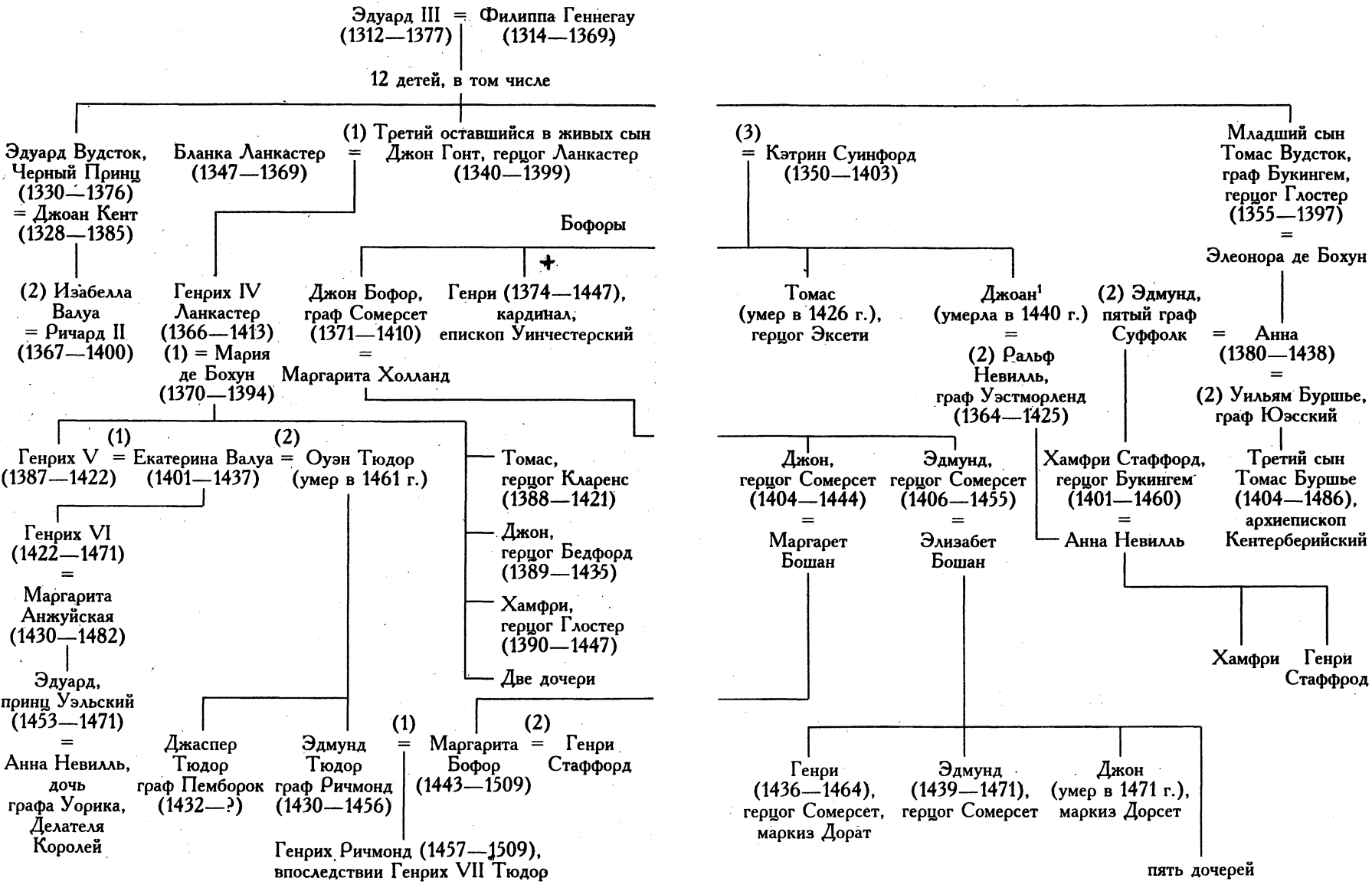
ОБЩИЕ ПРЕДКИ ГЕНРИХА VI И МАРГАРИТЫ АНЖУЙСКОЙ

РОДСТВО МЕЖДУ ГЕНРИХОМ VI АНГЛИЙСКИМ, МАРГАРИТОЙ АНЖУЙСКОЙ И ГЕРЦОГАМИ БУРГУНДСКИМИ

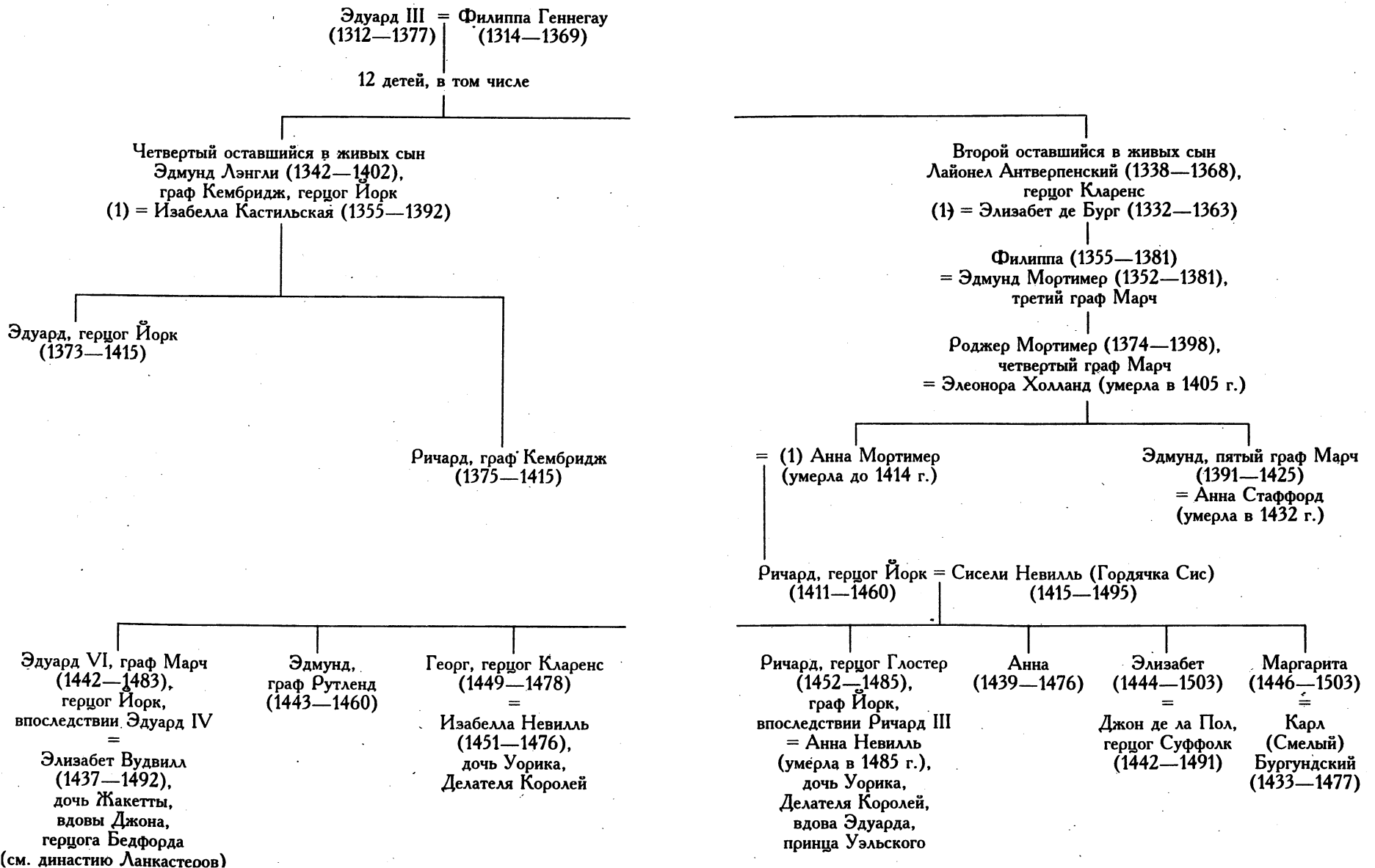

ДИНАСТИЯ ЛАНКАСТЕРОВ

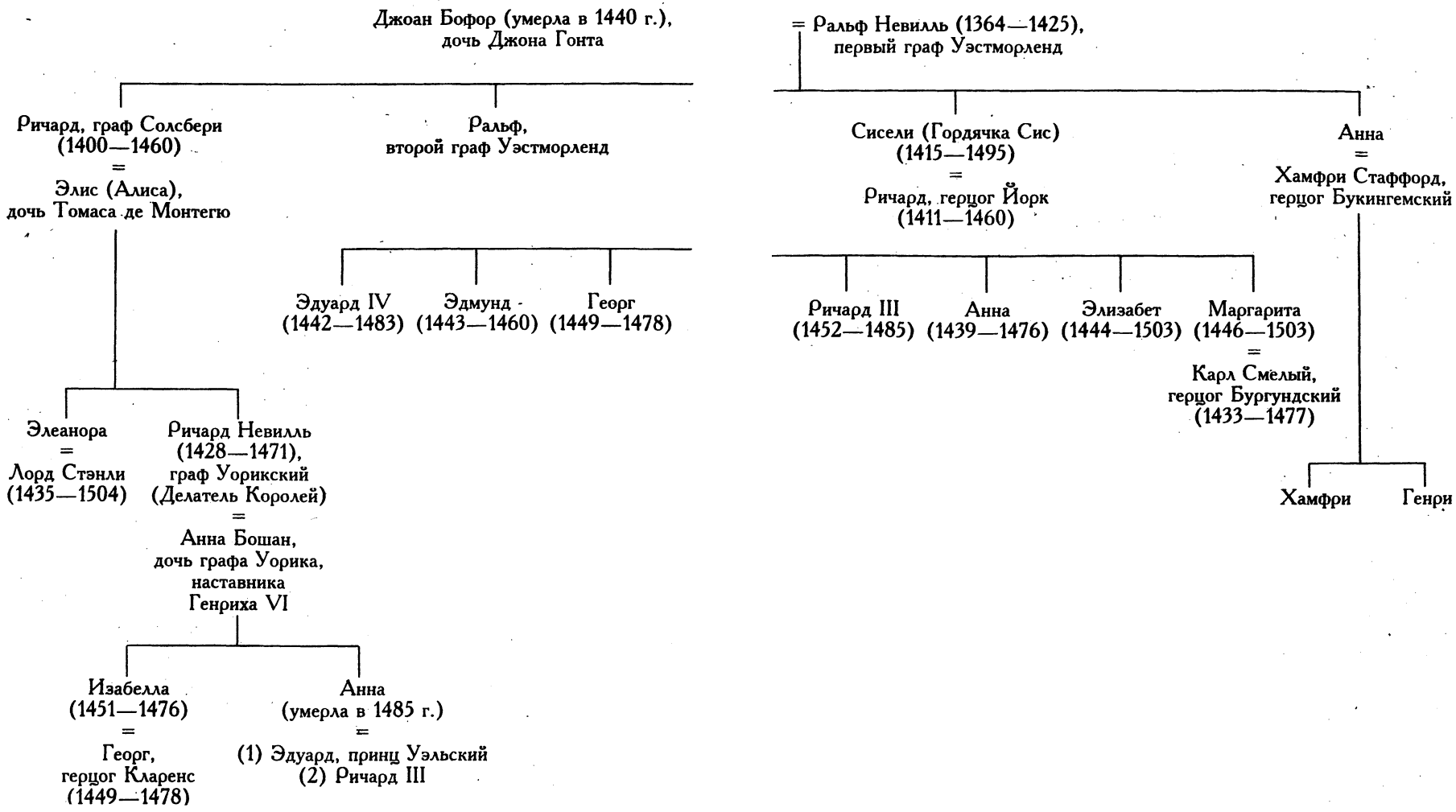

[1] См. генеалогическое древо Невиллей.

ДИНАСТИЯ ЙОРКОВ

ДИНАСТИЯ НЕВИЛЛЕЙ

Я была королевой.
И я все еще королева, несмотря
на несчастья, преследующие меня.
Единственно, о чем я сожалею,
так это о том, что не вышла замуж
за своего свёкра. Разве тогда
мы не покорили бы мир?
Я все сокрушила бы ради своей славы.
Не пощадила бы никого, даже себя.
Они называли меня волчицей,
но сами были львами под моими знаменами

Глава 1

— Поторапливайся, — сказала маман. — Тебя ожидает граф.

— Но ведь это вполне естественно, чтобы граф ожидал принцессу, — возразила я. — Тем более что граф не слишком-то благородного происхождения.

— Не имеет значения, — не терпящим возражения тоном заявила маман. — Он фаворит короля Генриха[1]. Твой дядя Шарль[2] настойчиво советует заключить этот брак, более того, проявляет к нему живейший интерес.

Дядя Шарль — он был женат на сестре матери — без сомнения, проявлял живейший интерес. И не только к браку. У него вызывало живейший интерес все, что имело отношение к его «маленькой Мег». Зачастую этот интерес становился раздражающе навязчивым. Никогда нельзя было предвидеть, что выкинет дядя Шарль, — такую уж семейную черту он унаследовал.

---

[1] Генрих — английский король Генрих VI (1421—1471), муж Маргариты Анжуйской (1430—1482).

[2] Шарль (ласкательно Шарли) — французский король Карл VII (1403—1461), отец дофина Луи (Людовика), позднее французского короля Людовика XI (1423—1483). Поскольку повествование ведется от лица француженки Маргариты (в английском произношении Маргарет) Анжуйской, переводчик сохранил ее французское произношение имен этих королей.

Однако предлагаемый мне брак интересовал и меня саму, причем гораздо больше, чем казалось маман. В свои четырнадцать лет я должна была стать супругой величайшего, как все уверяли, короля во всем христианском мире. И этот брак, вы только представьте себе, зависел от одобрения внука торговца! Но я всегда принимала жизнь такой, какая она есть. Если мне суждено получить величие из рук торговца, пусть так оно и будет.

Сопровождаемая маман, она шла рядом со мной, сестрой Иолантой и фрейлинами, те держались позади, я вступила в зал для аудиенций, где меня ожидал Уильям де ла Пол, граф Суффолкский.

Я была готова ко всему чему угодно, ведь мне непрестанно твердили, будто все англичане — негодяи, которые только тем и заняты, что сжигают французские усадьбы да насилуют живущих там женщин. И вот теперь мне предлагают выйти замуж за их короля, руководствуясь, скорее всего, соображениями политическими. Но с раннего детства мне внушали, что, выходя замуж, я должна буду пожертвовать своими личными чувствами ради государственных интересов.

Должна признаться, меня не слишком-то интересовал королевский посланник. По полученным мною сведениям, в мае 1444 года графу Суффолкскому исполнится сорок четыре. Иными словами, он чуть ли не в дедушки мне годился, а молодые девушки отнюдь не склонны интересоваться дедушками.

Однако увидев графа, я была ошеломлена. При моем появлении он расшаркался и описал широкий полукруг шляпой. И эффектное же, следует признаться, он представлял собою зрелище: золотая диадема, отороченная коричневым мехом, розовая, крашенная мареной мантия, серо-голубые отвороты рукавов и в тон им остроносые башмаки. Но больше всего меня поразила не одежда — сам граф, высокий мужчина, могучего — в отличие от придворных моего дяди

Шарля — сложения, с золотисто-рыжей шевелюрой и бородой и сверкающими голубыми глазами. Было в его облике нечто орлиное; благородная, высокомерная манера держаться выгодно отличала его от моего дяди, склонного, невзирая на свой королевский сан, семенить и сутулиться, словно под бременем плохих вестей. Впрочем, он и в самом деле получил немало плохих вестей за свою жизнь. Но, глядя на графа Суффолкского, оставалось только с уверенностью сказать, что этот человек не получал никаких вестей, кроме хороших.

Короче говоря, это был самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела или увижу, за исключением одного моего заклятого врага: да поразит его холерой Господь!

Глядя на графа Суффолкского, я невольно подумала, что, если он типичный англичанин, — а почему бы ему и не быть типичным англичанином? — я счастливейшая из женщин. К тому же мне не раз говорили что Генрих VI — достойный сын своего знаменитого отца Генриха V, великолепного образчика мужчины своего времени.

Могу, не хвалясь, заверить, что и граф оказался поражен мною не меньше, чем я им. Обращаясь к одному из своих приближенных, уверенный, очевидно, что я не знаю английского языка, он заметил: «Да она чертовски хороша!»

Английский язык входил в круг предметов, которым меня обучали, и я прекрасно все поняла, однако не обиделась, ибо учитель объяснил мне, что англичане не способны произнести ни одной фразы без ругательства. Французы, кстати, нередко иронизируют по этому поводу.

Отзываясь обо мне подобным образом, граф, разумеется, имел в виду лицо, ибо фигуру мою скрывали пышные одежды. И он отнюдь не лгал. Не он единственный восторгался моей красотой, к тому же истинность его слов подтверждало и зеркало. При-

рода наделила меня маленьким ростом, — в четырнадцать лет во мне было всего пять футов от пяток до короны, и с годами я подросла всего на дюйм или два, — поэтому и черты лица у меня мелкие, зато почти правильные. Оживляет их округлый подбородок, небольшой чуть вздернутый нос, высокий лоб, улыбающийся, когда мне хочется быть приятной, рот, но самое главное — зеленые широко расставленные, сияющие (опять же по моему желанию) глаза. И в эту минуту они, вероятно, сияли от удовольствия.

У графа были все основания восхищаться и моими длинными, вьющимися, темно-каштановыми с рыжеватым отливом волосами, также увенчанными золотой диадемой, которую я носила, конечно же, с бóльшим правом, чем он. Что до моего тела, то оно, повторяю, было целиком скрыто кобальтово-синим платьем до полу с глухим воротом. Это платье, усыпанное ярко-алыми звездами, было одним из самых моих любимых. И все-таки граф видел перед собой еще незрелую девушку.

Но ведь он прислан, чтобы определить, достойна ли я быть королевой.

— Мадемуазель, — сказал он по-французски, поклонившись в сторону моей матери.

— Мсье, — ответила я и, после того как моя мать села, жестом указала ему на кресло и села сама.

— Выехав в Тур, чтобы встретить меня, — сказал он, — вы оказали мне большую честь, мадемуазель.

— Таково было желание его величества, мсье.

— Гм, — только и вымолвил граф. Нетрудно понять, что он считал весьма спорным вопрос, кто именно является истинным правителем Франции: его король или мой дядя, но ведь он прибыл для того, чтобы наводить мосты, а не разрушать их. — Его светлость король Генрих посылает вам свои дары. — Полуобернувшись, он помахал рукой, и его приближенные,

толпившиеся позади, преподнесли мне всякие безделушки: зеркальца, шелка и тому подобное, хотя всего этого у меня и так было предостаточно. Англичане, совершенно очевидно, не собирались дарить мне чего-либо истинно ценного, пока окончательно не остановят на моей персоне свой выбор.

— К сожалению, мне нечем вас отблагодарить, — сказала я, щедро одаривая графа улыбкой.

— Напротив, мадемуазель. Вы можете предложить его светлости самый ценный из всех даров — свою руку.

— В том случае, однако, если вы выразите свое одобрение.

Итак, я перехватила у графа инициативу. Он покраснел, растерялся и оправился от смущения, лишь услышав спасительные звуки трубы, возвещавшие, что мой дядя намеревается удостоить нас своим присутствием.

Все встали и повернулись лицом к двери; мужчины приветствовали дядю Шарля поклонами, а мы, дамы, глубокими реверансами.

Карл, седьмой французский король с этим именем, считался величайшим неудачником. Его мать была распутницей, отец — безумцем. Родители лишили его, в ту пору еще подростка, права наследовать трон. Ему досталась горькая участь видеть, как его страну захватили армии Генриха V, который вместо него занял французский трон. Во время своего посещения Бордо он едва не потерял слух и навсегда усомнился в незыблемости окружающего мира. Из омута отчаяния его вызволили лишь заклинания провидицы, простой крестьянки, способной вдохновлять на победу целые армии. Общественное мнение так и не решило, считать ли ее святой или ведьмой, но она стояла рядом с ним, когда он, попирая заключенные его отцом договоры, короновался в Реймском кафедральном соборе, однако новоиспеченный король даже пальцем не шевельнул,

чтобы спасти Жанну д'Арк от сожжения, уронив тем самым свой авторитет в глазах народа.

При всем этом после безвременной кончины Генриха V, вследствие которой девятимесячный младенец — племянник Шарля и мой будущий муж — стал наследником английского и французского тронов, мой дядя медленно и осторожно, но с поразительной настойчивостью взялся за то, чтобы вернуть себе утраченное наследство и восстановить свое доброе имя. Будучи женат на сестре маман, он неизменно доброжелательно относился ко мне, хотя и трудно ожидать от сына безумного отца поведения вполне здравомыслящего человека.

Как я уже упоминала, в свои сорок лет дядя Шарль при ходьбе сильно сутулился и, невзирая на то, что его постоянно окружали вооруженные телохранители, беспрестанно оглядывался, точно опасаясь ножа убийцы. Однако больше всего он, вероятно, боялся своего собственного сына, моего кузена Луи, невзрачного, с подлой душой коротышку, который сейчас следовал за ним по пятам. Дофин уже неоднократно участвовал в заговорах против отца, и не оставалось сомнения, что их теперешнее примирение продлится весьма недолго.

По сравнению с английской знатью кузен Луи был одет весьма скромно, но все же заметно лучше, чем его отец. Одежды на дяде Шарле выглядели неряшливыми и помятыми, очевидно, он частенько и спал в них. Кроме всего прочего, в этот день он явно не брился.

Трудно себе представить более разительный контраст, чем между этим королем и графом, который только что изменил мой взгляд на мужскую красоту.

Тем не менее — пусть никого не введет в заблуждение его неряшливый вид — дядя Шарль умел ценить женскую красоту; я говорю не только о себе или моей тете, но прежде всего о его любовнице, бесконечно обожаемой им Аньес Сорель. Великолеп-

ный замок в окрестностях Тура, куда для встречи с английским посланником несколько месяцев назад он пригласил мама и меня (папа́ не смог сопровождать нас, так как был нездоров), мой дядя не строил, но зато приложил много стараний, чтобы сделать его еще красивее, чем прежде. Теперь в этом замечательном жилище дядя изволил проводить куда больше времени, чем в закопченном и шумном Париже, который, кстати сказать, лишь недавно был возвращен Франции.

Обнимая мою мать, дядя прямо-таки лучился улыбкой; так же ласково он обнял мою сестру Иоланту, а затем и меня, пройдясь пальцами вверх и вниз по моей спине. Выросшая в весьма вольной атмосфере французского двора, я не минуты не сомневалась, что мой добрый дядя весьма охотно заменил бы в своей постели мадемуазель Сорель на мадемуазель Маргариту Анжуйскую, если бы не знал, что такой кровосмесительный поступок навлечет на него проклятие церкви и положит конец всем его надеждам на заключение выгодного договора с Англией.

— Милорд, — обратился он к графу Суффолкскому, — как вам понравилась наша маленькая анжуйская роза?

— На мой взгляд, ваша милость, вы описали ее совершенно точно и достоверно.

— Хорошо, хорошо. — Усевшись, король улыбнулся всем собравшимся. — Стало быть, мы можем приступить к переговорам?

— Сначала я должен доложить обо всем его светлости, ваша милость.

— Гм, — пробурчал дядя Шарль, недовольный предстоящей задержкой, а также тем, что граф не употребляет, обращаясь к нему, оспариваемый титул. — Гм. — Он сделал знак подать вино, и завязалась общая беседа.

Мы с Суффолком, будучи в центре внимания, подошли друг к другу и одновременно подняли бокалы.

— Так что же вы скажете своему повелителю, милорд? — спросила я.

— Что встретил поистине изумительное существо...

— Существо, милорд?

Тут мои глаза впервые блеснули сталью, естественно повергнув его в смущение.

— Я хотел сделать комплимент, мадемуазель, — оправдываясь, пробормотал он.

— Хорошо, сочту это высказывание за комплимент, — великодушно согласилась я. — Продолжайте.

— Чьи щеки румянятся, словно спелые яблоки, а губы так и просят поцелуя...

Я вздернула брови.

— Вы говорите чересчур смело, милорд.

— Чья манера держаться и поступь не по годам величественны, — продолжал этот наглец. — Разумеется, я сожалею о том, что не могу рассказать о тех ваших прелестях, которые по необходимости скрыты от глаз людских.

Наши взгляды скрестились.

— И какое все это может иметь влияние на исход нынешних переговоров, милорд? — спросила я, ничуть не смущенная его дерзостью. Более того, мне нравилось слышать подобные слова от столь красивого мужчины.

— Полагаю, решающее, мадемуазель.

Я, со своей стороны, решение уже приняла. Я намерена непременно выйти замуж за короля, владеющего значительной частью Франции, чьи предки более ста лет причиняли жестокие муки стране, которую я называю своей. Сбудется ли мое честолюбивое желание, смогу ли я переменить ход самой истории?

— Тогда встаньте пораньше, милорд, — заметила я. — Говорят, реки прекраснее всего на заре. Но пересекайте их осторожно, чтобы с вами не приключилось какой-нибудь беды.

Многие ученые лекари утверждают, будто купание вредно и злоупотребление им грозит безвременно свести в могилу. Я — живое свидетельство того, что они заблуждаются.

Все эти врачеватели — жители севера, где холодная вода и в самом деле вызывает кашель, простуду, а то и печеночные колики. Но до этого времени я жила в более умеренном климате, и моя бабушка по отцовской линии, к несчастью недавно сошедшая в могилу, Иоланта Арагонская, с тех пор как я себя помню поощряла во мне любовь к купанию. Это пристрастие разделяли моя маман и ее сводная сестра, и как только стихали зимние ветры, все мы и фрейлины французского двора имели обыкновение ранним утром спускаться к Луаре, чтобы искупаться в свое удовольствие. Даже зимой мы умудрялись купаться в огромном чане, стоящем в будуаре тети Мари; этой же привычки, к великому смущению моих фрейлин, я продолжала придерживаться и в Англии, где, как оказалось, особы королевской крови купались лишь четырежды в год.

Но я отклоняюсь от своей темы. Особенным удовольствием для нас было купаться, когда кто-нибудь тайно за нами наблюдал. Не стану утверждать, будто царственные особы и придворные дамы отличались чрезмерной распущенностью, хотя не обходилось и без этого. Но, безусловно, ничто подобное не касалось нас с Иолантой. Мы, конечно, отлично знали о полночных свиданиях и тайных ласках на безлюдных галереях, но нас считали слишком юными и не позволяли принимать участие в этих восхитительных развлечениях, ведь мы были девственницами. Однако мы наблюдали, слушали и учились, особенно завидуя прелестной Аньес, обожавшей разгуливать по замку с обнаженными грудями, упиваясь собственной красотой. Впрочем, даже если маман и разрешила бы нам последовать ее примеру, Иоланта и я были недостаточно щедро наделены природой, чтобы привлечь к

себе восхищенные мужские взгляды. Но во время купания мы могли наслаждаться своей наготой, как и все другие, так как наши привычки были общеизвестны, а стражники и близко не подпускали к нам любопытствующих похотливцев. Каким образом умудрится подсмотреть за нами граф Суффолкский, я не знала, это его личное дело.

Однако сама мысль о том, что он, возможно, захочет подсмотреть за нами, действовала на меня возбуждающе. Конечно, ему ни за что не подобраться достаточно близко и придется довольствоваться лишь общим впечатлением. Но хватит ли у него смелости попытаться? Ответ на этот вопрос помог бы мне разобраться не только в характере графа, но, может быть, и в основных чертах всех англичан, хотя едва ли окажется достаточно беглого взгляда на мою обнаженную плоть, чтобы составить обо мне хоть сколько-нибудь верное мнение.

Когда на следующее утро мы купались в реке, плеская водой друг в друга и оглашая окрестности радостными криками, я краешком глаза нет-нет да поглядывала, не следит ли кто за нами... и уже потеряла было всякую надежду, когда вдруг заметила лодку без весел, быстро приближающуюся к нам по течению.

С противоположного берега и с высокого обрыва над нами доносились предостерегающие громкие крики. Но стражники не вмешивались: увлекшись ловлей раков, злосчастный гребец вполне мог упустить весла, и было бы жестоко застрелить его из арбалета, тем более все видели, что это английский посланник.

Восхищению моему не было границ. Я знала, что граф доблестно сражался под руководством прославленного Гарри[1], но меня приятно поразила примененная им стратегия и тактика. Завидев приближающуюся лодку, которая должна была проплыть совсем близко, граф тем временем энергично жестикулиро-

[1] Великий Г а р р и — прозвище Генриха V (1387—1422).

вал и весьма убедительно взывал о помощи, — мои компаньонки, естественно, завопили от ужаса и погрузились в воду по самые глаза. Но я, очевидно, совсем потеряла голову от стыда и вместо того, чтобы нырнуть под воду, выбралась на берег и, хотя моя кожа сплошь покрылась пупырышками, стала взбираться по крутому косогору к своим одеждам; как я ни торопилась, на это понадобилось несколько минут. Спасаясь бегством, я выбилась из сил, так же, как, без сомнения, и граф, потому что он перестал взывать о помощи и повалился на днище лодки, которую продолжало сносить течением.

— Проказница Мег, — пожурил дядя Шарль. — Ты, видно, принимаешь меня за дурака.

Я и в самом деле принимала его за дурака, но, понятно, не могла сказать ему об этом.

У него вошло в привычку после ужина на полчаса сажать меня на колени и одной рукой поглаживать по спине, а другой — по ягодицам. В конце концов он был не только мой дядя, но и король, и никто не осмеливался одернуть его. Каждый раз, когда он начинал свои похотливые пассы, маман и тетя Мари не переставая хихикали — ни дать ни взять две девчонки — и нарочито громко говорили: «Как его величество обожает свою милую Мег!» Можно предположить, что он питал особую слабость к имени Мег, ибо проявлял такую же привязанность к своей невестке, шотландской принцессе Маргарет, семейная жизнь которой, — а она была замужем за кузеном Луи, — по слухам, не очень-то ладилась.

Зато мадемуазель Сорель смотрела на меня как на змею, хотя беспокоиться ей, по правде говоря, не стоило. Прикосновения дяди Шарля вызывали во мне отвращение, и я не могла понять, как она, обнаженная, каждую ночь терпит его ласки. Но дядя служил источником нашего благосостояния, и мне приходи-

лось улыбаться, целовать его в щеку и нежно обнимать, рискуя оцарапать лицо о колючий подбородок.

— Вот уж не ожидал от него такой проделки, — шепнул он мне на ухо. — Признайся, Мег, он сделал это с твоей подсказки?

— Боже упаси, ваше величество, — возмутилась я. — Да мне едва удалось не лишиться чувств, увидев его.

Умелое притворство, лицедейство — одно из первых искусств, которому должна обучиться всякая принцесса.

— Но что случилось с графом, ваше величество? Уж не унесло ли его в море? — с невинным видом спросила я. И это притом, что море находилось в сотнях миль от того места, где мы купались.

— Нет, нет, его спасла свита. Говорят, граф весьма расстроен случившимся.

— Вполне естественно, — заметила я.

Мой замысел полностью удался. На следующий день, 22 мая, Суффолк явился в аббатство Бомон-ле-Тур, где мы жили: маман предпочитала держать нас на расстоянии от французского двора с его свободной моралью.

В это раннее утро все мы были en déshabillé[1], однако узнав, что граф имеет сообщить нам нечто очень важное, в сопровождении нескольких монашенок тотчас же направились в приемный зал.

Граф дожидался нас в одиночестве, ибо никого из его свиты не впустили в аббатство. Я была одета в тонкое платье поверх ночной рубашки, и, привычно расшаркиваясь, он прямо-таки пожирал меня глазами.

— Ваше величество, — произнес он, официально обращаясь к маман, как к королеве Неаполитанской. — Я имею честь просить руки вашей дочери

---

[1] Одеты по-домашнему *(фр.)*.

Маргариты от имени моего августейшего повелителя Генриха VI, короля Англии и Франции.

От неожиданности маман широко раскрыла глаза.

Однако я, хотя и не поверила своим ушам, сразу нашлась:

— У нас создалось такое впечатление, милорд, что вы собирались вернуться в Англию, чтобы посоветоваться с его величеством.

— В этом нет необходимости. Я обладаю полномочиями действовать по собственному усмотрению.

Ах, негодник! Почему же он до сих пор умалчивал об этих полномочиях.

— К сожалению, — сказала маман, — прежде чем ответить вам, я должна переговорить со своим мужем и королем.

— Его величество Карл, король Франции, — Суффолк с трудом выдавил эти слова, — и его величество король Неаполитанский уже дали согласие на этот брак.

— Что ж, — неопределенно сказала маман.

— Стало быть, все решено, — вмешалась я.

Через два дня в церкви Святого Мартина в Туре состоялось торжественное оглашение предстоящего брака. Совершением обряда руководил папский легат Питер де Монт, которого специально пригласили несколько дней тому назад, предвидя возможность подобного события. В качестве доверенного лица Генриха VI выступал граф Суффолк. Я протянула ему руку, он переплел свои пальцы с моими и, проникновенно посмотрев мне в глаза, поклялся любить и почитать меня, пока нас не разлучит смерть; те же слова повторила и я. Я ощущала сильнейшее волнение. Ведь мне было всего четырнадцать, — день моего рождения — 23 марта, — а я обручилась с самым красивым человеком из тех, кого знала. Однако в тот момент я нисколько не сомневалась, что одного взгляда на будущего мужа будет достаточно, чтобы навсегда вычеркнуть Суффолка из памяти.

После того как веселый колокольный перезвон возвестил миру о помолвке, мы отправились в аббатство Святого Юлиана, где дядя Шарль, присутствовавший на церемонии, устроил для нас великолепное пиршество. Впервые со мной обращались, как с настоящей королевой. Я сидела во главе стола, между дядей Шарлем и Суффолком, — теперь мое положение оказалось выше, чем у маман, и прислуживали мне четыре графини. Они нарезали для меня мясо, наполняли вином кубок, то и дело вытирая мои пальцы смоченными в розовой воде салфетками. Я достигла подлинного величия.

В ту же ночь состоялся бал, где я танцевала до четырех часов утра, преимущественно с графом, что было вполне естественно, ведь он олицетворял моего супруга.

В течение двух последующих дней в окрестностях Тура происходило состязание: французские рыцари бились с английскими, пытаясь взять реванш за Азенкур[1]. Я сидела в королевской ложе вместе с дядей Шарлем, французской королевой, маман и дорогим папа, который оправился наконец от болезни. В этих ожесточенных схватках многих смельчаков вышибли из седла, но граф Суффолкский одолел всех противников; я взирала на него почти как на полубога. Одновременно с турниром открылась и праздничная ярмарка.

Помимо поединков и ярмарки, дядя Шарль приготовил для нас немало других удивительных сюрпризов, которые поражали всех присутствующих, особенно дам, одна за другой разыгрывавших притворные обмороки. Гигантского роста силачи носили на плечах целые деревья, и дамы, укрывшись за веерами, обсуждали, насколько вероятно, что у верзил выше семи футов все члены соразмерны по величине. Со-

---

[1] Селение на севере Франции, где в 1415 г. войска Генриха V разгромили французские войска.

стоялись единоборства на верблюдах, причем выглядели они довольно потешно. Хотя верблюды на коротких дистанциях не уступали в скорости лошадям, но плохо повиновались поводьям и усидеть на них стоило большого труда, поэтому доблестные рыцари нередко оказывались на земле и вынуждены были сражаться с пытавшимися их укусить животными, а не со своими противниками.

Никогда в жизни не была я так счастлива.

Тут самое время заметить, что полученное мною — и принятое — предложение было далеко не первым. На принцесс всегда большой спрос.

Первым постучался в мою дверь граф Сен-Поль; мне едва исполнилось четыре года, но он уже просил моей руки для сына. Положение оказалось довольно затруднительным, так как мой отец за два года до этого, когда мне было чуть больше годика, унаследовал от моей матери права на Лотарингское герцогство и отправился его завоевывать, однако потерпел поражение и был захвачен в плен. Его освободили лишь после того, как он пообещал благосклонно рассмотреть предложение Сен-Поля. Поскольку отец не сдержал своего слова, его вновь захватили в плен.

Однако через два года после этого положение отца улучшилось. После смерти Джованны II, королевы Неаполитанской, он выдвинул законные притязания на ее корону, а также на власть над Минорkой и Майоркой; столь же законное право он имел претендовать и на Иерусалимское королевство. Папа, разумеется, все еще томился в тюрьме, но маман смело отправилась на завоевание Неаполитанского королевства, отослав меня на это время в Анжу, к бабушке по отцу.

Поначалу казалось, что мамина, а следовательно, и папина цель близка к осуществлению, и я приоб-

рела некоторую важность. Сам бургундский герцог Филипп просил моей руки для своего старшего сына, графа Шароле. Излишне упоминать, что я не была знакома с этим юношей, да и вряд ли он имел шансы понравиться пятилетней девочке. Я частенько размышляю, какую бы супружескую чету мы с ним составили, ведь с тех пор он стал прославленным воителем, прибавил к своему имени прозвище Смелый, но, даже выступая на стороне моих противников, никогда не забывал, что мы едва не стали мужем и женой. Недавно он окончил жизнь на пиках швейцарских крестьян, но такая участь гораздо предпочтительнее той, что впоследствии постигла моего супруга.

Однако мой отец счел неприемлемыми условия, предъявленные герцогом Филиппом, и хотя брачный контракт предусматривал его немедленное освобождение, это предложение так и осталось непринятым.

В 1442 году герцог Филипп вновь затронул вопрос о моем браке, на этот раз он ходатайствовал за графа Невера. Но к тому времени лорренский конфликт был уже улажен, и папа выпустили на свободу, однако все его надежды на мой брак рассыпались в прах, и я так и осталась невестой на выданье.

Невзирая на то, что я неоспоримо была принцессой, а мой отец королем, мы не имели своих владений, а наиболее для нас приемлемым потенциальным свекорам было недостаточно хорошенького личика невесты для своих сыновей, пусть в придачу к этому личику те получили бы еще и стройное, готовое подчиниться их желаниям тело. Папа был известен под именем Рене Доброго; вот его титулы, в порядке их важности: король Иерусалимский, король Неаполитанский, герцог Анжуйский и герцог Барский, граф де Гиз, граф де Лоррен, граф Прованский и маркиз де Пон-а-Муссон. Именно Пон-а-Муссон стал местом моего рождения, ибо этот город и Гиз были в то время единственными его владениями.

Что до всего остального, то Иерусалимское королевство досталось ему в наследство от какого-то отдаленного предка. После окончательной неудачи крестовых походов это королевство существовало лишь на некоторых древних картах. Папа никогда там не бывал да никогда и не сможет побывать, ибо единственной силой, способной вытеснить сарацин из Святой земли, были османцы, которые как раз в это время занимались завоеванием Балкан.

Притязания папа на Неаполитанское королевство были столь же законными и столь же неосуществимыми. Неаполитанские Анжу, как их звали, хотя и доводились нам близкими родственниками, отличались куда более решительными характерами. Поговаривали, будто Джованна I убила своего первого мужа, а затем поочередно имела еще троих мужей. По красоте меня часто сравнивали с этой особой, считавшейся красивейшей женщиной своего времени. Я воспринимаю подобные заявления как комплименты; что касается совершенного ею убийства, то впоследствии я поняла: королевам, если они, конечно, хотят остаться королевами, довольно часто приходится прибегать к этому отчаянному способу действий.

Насколько мне известно, Джованну II, чья смерть породила не слишком обоснованные надежды у моего папа, никогда не обвиняли в убийстве, зато говорили, будто она переспала со всеми мужчинами в своем королевстве. Это, понятно, преувеличение, но, как свидетельствует мой собственный опыт, жизнь вынуждает королев быть не слишком щепетильными в этом отношении, однако ясно, что Джованна II была отъявленной потаскухой.

Сам собой напрашивается вывод, что неаполитанцы — довольно-таки дикий народ, и папа, естественно, не удалось обуздать их, такая же неудача постигла и маман. Хотя сам император подтверждал права папа на Лотарингию, он так и не смог завладеть герцогством. Оставались Анжу и Прованс. Гер-

цогство Анжуйское (там, в Анжере и Сомюре, я провела большую часть своего детства) находилось слишком близко от английских владений во Франции и частое мародерство со стороны проходящих по нему армий сильно подорвало его финансовое положение. Гиз и Пон-а-Муссон имели небольшую территорию. И только солнечный Прованс обеспечивал дорогого папа сколько-нибудь значительным доходом.

Но папа, увы, не был непреклонным, честолюбивым воителем, готовым любой ценой овладеть принадлежащими ему наследственными владениями. Будь это так, он навряд ли стяжал бы прозвище Доброго. Получил он другое прозвище — Последний из трубадуров; для него и впрямь было куда приятнее сочинить изящное рондо, чем взяться за копье. Он тратил на поддержку искусства во всех его проявлениях гораздо больше денег, чем мог себе позволить, поэтому мы всегда находились на грани полного разорения, надеясь лишь на благосклонную помощь дяди Шарли. Его-то финансы всегда были в превосходном состоянии.

Поэтому мои шансы на замужество то поднимались, то падали в зависимости от того, насколько ему удавалось преуспеть в осуществлении своих прав на очередное наследственное владение. И шансы эти со временем внушали все меньше и меньше оптимизма... вплоть до прибытия посланника английского короля.

Вот в этом-то и заключалась загадка: если принцесса Маргарита Анжуйская, дочь обедневшего короля, недостаточно хороша для графа Сен-Поля, наследника герцогства Бургундского, или графа Невера, каким образом она может стать избранной супругой величайшего повелителя во всем христианском мире.

Как я уже упоминала, по политическим соображениям этот брак был желателен как для моего отца, так — и это более важно — для дяди. Однако мне в голову не приходило, что и у англичан есть повод для заключения этого брака.

Тем не менее, как я вскоре узнала, дела у англичан обстояли не так уж блистательно. Преждевременная смерть Великого Гарри посеяла среди них раздор, который в течение тридцати лет искусно скрывал старший брат Генриха V Джон, герцог Бедфордский, который не уступал ни доблестью, ни полководческим талантом своему знаменитому единоутробному брату. Хотя сожжение Жанны д'Арк и бросило тень на его добрую славу, нет оснований сомневаться, что он искренне считал ее ведьмой.

Недолгое возвышение Жанны д'Арк и последующий подъем французского национализма создали серьезные проблемы для англичан. Мой дорогой граф Суффолк оказался как раз тем человеком, который вынужден был снять осаду Орлеана, склонившись перед гордо реющими знаменами Жанны д'Арк. И только доблестный Бедфорд смог отплатить за это поражение. Но с 1435 года, когда Бедфорд умер, могучая английская военная машина стала давать ощутимые сбои.

Молодому английскому королю было в то время четырнадцать лет, столько же, сколько и мне, когда меня выдали замуж. Немало его столь же молодых предков надевали доспехи и во главе своей армии отправлялись на войну. Но Генрих VI оказался не таков. Управление королевством было доверено Большому совету, в котором главные роли играли соперничавшие между собой Хамфри, герцог Глостерский, Джон Бедфорд, брат Генриха V и, следовательно, дядя моего будущего супруга, а также кардинал Генри Бофор, его двоюродный дед. С обоими этими джентльменами я впоследствии весьма близко познакомилась. Достаточно сказать,

что они представляли совершенно противоположные точки зрения. «Добрый» герцог Хамфри — убей меня Бог, если я понимаю, почему его так называли, — настаивал на продолжении войны с Францией, тогда как кардинал желал закончить ее почетным для обеих сторон миром.

Для достижения своих целей обе партии употребляли самые разнообразные средства. Замысел, который вынашивал кардинал, был предельно прост: женить молодого короля на французской принцессе и тем самым положить конец войне, слишком дорого обходившейся обеим сторонам. Еще в 1439 году для этого к дяде Шарли было тайно направлено посольство, но кардинал столкнулся с неожиданной трудностью: отсутствием подходящей принцессы. Хотя дядя Шарли был, как я подозреваю, полубезумен, а потому лишен здравого смысла, ему никак нельзя было отказать в хитрости. Конечно же, у него *есть* принцесса на выданье, причем по воспитанию и происхождению она настоящая француженка, как-никак его собственная племянница... и к тому же очень хороша собой.

И вот его замысел принес желанные плоды. Так я, по крайней мере, предполагала.

Если я и питала глупую надежду, что меня тотчас же отвезут в Англию, где я принесу свою девственность в дар могучему красивому королю и, как я мечтала, пылкому возлюбленному, то вскоре от нее не осталось и следа. Дядя Шарль вел очередную свою войну. Да и был ли когда-нибудь перерыв между его войнами? В то время он сражался против герцогства Мец и сделал перерыв лишь на зимний период. Его приезд в Тур, где он улаживал мои дела, был не чем иным как прелюдией к возобновлению кампании. Он призвал участвовать в осаде Меца и моего папа, а поскольку дядя Шарли оплачивал все наши расходы,

папа вынужден был подчиниться. Поэтому мой отъезд в Англию отложили до окончания кампании, то есть на несколько месяцев.

Эта отсрочка, очевидно, вполне устраивала Суффолка, который, ни с кем не советуясь, принял столь смелое решение и теперь должен был вернуться в Англию и сообщить королю и его приближенным о помолвке. Кроме всего прочего, королевская женитьба отнюдь не ограничивается принесением клятвы в верности. Она всегда тесно связана с государственными делами, и, соглашаясь на мою помолвку с английским королем, дядя Шарль сделал графу определенные предложения, которые тот принял. В то время я не знала, каковы эти предложения, в противном случае не чувствовала бы уверенности в своем будущем.

Суффолк, однако, не проявлял никаких колебаний или сомнений. Как доверенное лицо моего будущего супруга, перед отъездом он навестил меня, чтобы попрощаться.

— Я вернусь еще до истечения года, — заверил он меня, — чтобы с подобающим столь торжественному случаю эскортом сопровождать вас в Англию.

— Мой супруг не приедет сам, милорд? — поинтересовалась я.

— Весьма сомневаюсь. Он может прибыть во Францию лишь во главе армии, а именно этого мы все стараемся избежать. Не тревожьтесь, ваша светлость, он будет ожидать вас в Англии со всем нетерпением молодого сердца.

Я схватила его за руку.

— Расскажите мне о нем. Высокого ли он роста?

— Высокого, ваша светлость.

— Столь же высокого, как и вы, милорд?

— Нет, не столь высокого, ваша светлость.

— Широк ли в плечах?

— Достаточно широк, ваша светлость.

— Так же широк, как и вы, милорд?

— Нет, ваша светлость. Но ведь он вдвое моложе.

— Какие у него волосы — золотистые?

— Нет, скорее рыжие.

— Как и ваши, милорд?

— Да, ваша светлость.

— Носит ли он бороду?

— Сейчас нет, ваша светлость.

Я была разочарована, так как находила весьма привлекательной бороду Суффолка.

— Расскажите мне, отважен ли он, — попросила я графа. — Искусно ли владеет копьем и мечом?

— Как сказать... — Граф явно пребывал в смущении. — Во всем христианском мире ни у кого нет более прочных доспехов, чем у него.

Я была не в настроении обдумывать его ответы.

— Насколько он преуспел в искусстве верховой езды?

— Его светлость — превосходный наездник.

— Во многих ли турнирах принимает он участие?

Смущение графа стало еще более очевидным.

— Его светлость — очень ученый человек, — сказал он.

— Часто ли он выезжает на охоту? Здесь, во Франции, если позволяет погода, мы охотимся каждый день.

— Его светлость — очень набожный человек.

Поразмыслив над этими словами, я задала жизненно важный для меня вопрос.

— Смогу ли я полюбить его, милорд, так же сильно, как?.. — Я прикусила язык и залилась румянцем, осознав, что чуть было не проговорилась.

Суффолк был не из тех людей, что упускают возможность обрести преимущество, пусть самое незначительное.

— Так же сильно, как... кого, ваша светлость?

— Есть много мужчин, которых я могла бы полюбить, милорд, — сказала я, — если таковы предначертания судьбы.

Граф быстро оглянулся, чтобы удостовериться, одни ли мы, и поцеловал мои пальцы.

— Милая Мег, есть лишь одна женщина, которую я мог бы и хотел полюбить, даже вопреки предначертаниям судьбы.

Суффолк поднял голову и посмотрел на меня в упор. Он был втрое старше меня, женат, имел детей. Но так ли это важно, если тебе четырнадцать и ты влюблена? Девушки в четырнадцать лет влюбляются пылко и страстно, и пусть эта влюбленность частенько проходит за несколько недель или даже дней, но пока они влюблены, всем своим существом стремятся к предмету своего обожания. Хорошо, если предмет обожания отгорожен от них высокой стеной и они видят его лишь издали, что отнюдь не мешает им тяжело вздыхать, а порой и лишаться чувств.

Мне, однако, не повезло. Предмет моего обожания стоял передо мной, мы были одни, он держал меня за руку и медленно, но властно привлекал все ближе и ближе к себе.

— О Мег! — воскликнул он. — Мег, Мег, Мег! Я полюбил вас, как только увидел ваше лицо. Но когда я увидел вас купающейся, увидел ваше блистательное тело...

Существовал только один способ прекратить это безумство, а именно — закрыть ему рот. Что я и сделала... своим ртом.

Не уверена, но, видимо, пока мы говорили, граф тесно прижал меня к себе, знаю только, что несколько секунд наши языки искали друг друга, а его руки ощупывали мое, к счастью, прикрытое до самых лодыжек платьем тело, и я испытывала самые восхитительные ощущения.

Затем он вдруг отпустил меня, видимо осознав, что сделал, и его лицо стало пепельно-серым.

— Ваша светлость... — Он упал на колени.

Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла обрести дар речи. Я порывалась вновь броситься в его

объятия, но благоразумие пришло мне на выручку. Суффолк продолжал стоять на коленях, с опущенной головой, без сомнения ожидая, что я немедленно призову стражу, заключу его в тюрьму и обреку на жестокую казнь. Я положила руку ему на плечо, и он резко поднял голову.

— Полагаю, нам лучше всего забыть эти последние пять минут, милорд, — сказала я.

— Да, — пробормотал он, жадно вглядываясь в мое лицо. — Да.

— И ни одна живая душа не должна знать о том, что произошло между нами.

— Да, ваша светлость. Клянусь блюсти молчание.

— Тогда поцелуйте мою руку, уходите и возвращайтесь лишь после того, как ваш король будет готов принять меня.

Он схватил мою руку.

— Мег!

— Уходите, — повторила я, — вы должны уйти, милорд.

Его пальцы на мгновение сжали мои, но он тут же отпустил мою руку и поклонился.

— Я буду считать каждую секунду до нашей новой встречи, ваша светлость.

Мне хотелось проводить его до дверей и махать рукой, пока он не скроется вдали, но это было слишком рискованно. У меня бешено колотилось сердце, щеки горели, и мне требовалось, по крайней мере, несколько минут, чтобы успокоиться и обрести свой обычный вид.

Но этих нескольких минут и не оказалось в моем распоряжении. Прежде чем я успела перевести дух, появилась маман.

— Что он сказал? — спросила она.

— Попрощался со мной.

Маман пронзила меня испытующим взглядом.

— И ничего больше?

— А что еще он мог сказать, маман?

Маман по-прежнему не отводила от меня глаз; она всячески кривила рот, как обычно, когда пребывала в нерешительности. Но между нами никогда не было истинной близости. Пока она расходовала свои силы на то, чтобы отвоевать владения мужа, я находилась на попечении бабушки. Эта милая испанская гранддама воспитывала меня до самой своей смерти, а умерла она лишь за восемнадцать месяцев до тех событий, с которых я начала свое повествование. Невзирая на глубокую старость, бабушка до последних дней сохраняла бодрое расположение духа и неизменно обо мне заботилась.

Она много рассказывала мне о диком Арагоне, о его лесистых горах, обрывистом морском побережье и красивых обитателях. Рассказывала и о сражениях с маврами. Не то чтобы ей случилось быть их очевидцем, — к тому времени, когда бабушка родилась, Реконкиста[1] уже почти завершилась, и оставшиеся мавры, как и ныне, проживали в небольшом Гранадском королевстве в юго-восточной части Иберийского полуострова, — но говорила она так убедительно, как будто сама лично присутствовала при этих столкновениях, продолжавшихся несколько столетий.

Я любила бабушку и горько оплакивала ее кончину. Но мне в то время исполнилось уже двенадцать лет, и я понимала, что раз родилась женщиной, то должна терпеливо сносить свою женскую долю. Возвратившаяся как раз в это время маман всячески пыталась меня утешить, но оказалось, что мы стали чужими друг другу. Мы пытались преодолеть эту отчужденность, но в то время, как я отличалась серьезностью, проявляла живейший интерес к делам этого мира, маман, с ее фривольным характером, думала

---

[1] Реконкиста — отвоевание испанцами и португальцами земель, захваченных арабами (маврами).

лишь о своем очередном увлечении. Зная мораль французского двора, я предпочитаю не задумываться над тем, насколько *далеко* заходили эти увлечения. Поэтому, повторяю, между нами так и не возникло истинной близости, я подозреваю даже, что маман побаивалась меня, внезапных вспышек моего гнева.

Вот и теперь, желая предостеречь меня от необузданных желаний, маман не находила подходящих слов.

— Граф, без сомнения, порядочный человек, достойно представляющий своего великого повелителя. Надеюсь, ты высоко ценишь выпавшее на твою долю счастье, Мег? — только и сказала она.

— Да, маман, ценю, — заверила я ее.

Уединившись в своей комнате, я спокойно обдумала все происшедшее. До сих пор меня никогда не целовали, по крайней мере так страстно. Даже дядя Шарли, который не упускал случая обласкать меня, не осмеливался притрагиваться своим языком к моему. Меня охватило такое чувство, будто я лишилась целомудрия. Впрочем, я и в самом деле потеряла бы его, не найди в себе силы вовремя оттолкнуть графа.

Разумеется, я была прекрасно осведомлена о том, что происходит между мужчиной и женщиной в постели; об этом позаботилась в свое время моя бабушка. Но, как, вероятно, и большинству молодых девушек, мне не терпелось испытать еще неизведанные ощущения, хотя я и отдавала себе полный отчет в том, что для сохранения своей репутации, которая в противном случае окажется безнадежно загубленной, в первый раз необходимо совершать это запретное действо со своим мужем.

Столь же хорошо я знала и о том, что адюльтер с королевой может рассматриваться как государственная измена, со всеми вытекающими отсюда последствиями для его участников. В нашей французской королевской семье такое уже случалось. Всего за сто

лет до моего рождения король Людовик X женился на венгерке по имени Клеменция, которую застали в объятиях одного из пажей. Несчастный юноша был разорван на части четырьмя лошадьми; забеременевшей же Клеменции позволили родить, после чего удушили ее в темнице. Никто не решился оспаривать отцовство ребенка — а это был сын, — и он прожил менее года, причем некоторое время официально считался королем Франции.

Равным образом я была осведомлена и о том, что помолвка влечет за собой такую же ответственность, как и бракосочетание. В глазах всего мира я уже была королевой Англии, и ни один человек на свете не мог этого изменить, хотя, Бог — свидетель, многие и пытались это сделать.

Иначе говоря, мне было над чем подумать, но я влюбилась и не могла подавить в себе это чувство, как не могла прекратить дышать. Еще до истечения года мой возлюбленный должен вернуться, чтобы отвезти меня к другому человеку. Удивительно ли, что все во мне кипело, когда я размышляла над перипетиями своей судьбы.

С охватившим меня чувством следовало немедленно покончить, да только я не знала, как это осуществить. И вот тут-то мне на помощь пришла бабушкина мудрость. Спасибо доброй женщине за воспитание. В раннем детстве я до безумия обожала мед; заметив это, бабушка целую неделю трижды в день пичкала меня излюбленным лакомством и излечила мою нездоровую страсть. С тех пор миновало несколько лет, прежде чем я вновь притронулась к меду. В случае с Суффолком я, совершенно очевидно, не могла применить это лекарство. И дело даже не в том, что меня страшили ужасающие последствия — просто графа не было рядом. Зато он постоянно пребывал в моих мыслях, и я, следуя бабушкиной методе, принялась усиленно думать о нем. Все это бесконечно длинное, нудное лето я денно и нощно изводила себя мыслями

о нем. Выйдя из дома, я представляла, что он идет рядом. Воображала, словно именно он прислуживает мне во время трапезы. А когда преклоняла колени в церкви, заставляла себя думать, да простит меня Пресвятая Богородица, будто и он стоит тут же, коленопреклоненный.

А уж по ночам в постели — это было труднее всего вынести. Бабушка объяснила мне, чего следует ожидать от мужчины, но она, естественно, не могла проиллюстрировать свои слова. А когда однажды я случайно наткнулась на пажа, справлявшего малую нужду, предмет, который вызывал мой интерес и который я с большим удовольствием ощупала бы, был поспешно упрятан в гульфик.

Однако природа наделила меня богатым воображением, и в конце концов я смогла поздравить себя с успехом своего замысла: к тому времени, когда воюющие армии разошлись по своим зимним квартирам, граф был изгнан из моего сердца.

Не следует думать, будто все то лето я только тем и занималась, что думала о графе Суффолкском. Дел у меня было по горло.

Прежде всего следовало готовить приданое. Требовалось множество хуппеландов[1] и сюркотов[2], а также особенно модных при французском дворе платьев с глубоким декольте. Эти платья шились из бархата, парчи или шелка, в зависимости от времени года, для которого они предназначались; причем преимущество отдавалось самым ярким цветам. И сколько еще всего прочего! Теплые платья, у которых ворот, манжеты и подол оторочены мехом. Сетчатые головные уборы и остроконечные колпаки-хеннины, очень неудобные для ношения, потому что их легко

[1] Широкие плащи.

[2] Верхняя одежда, накидки.

мог сорвать ветер, и, когда требовалось войти в дверь, они цеплялись за притолоку. Золотые сетчатые нижние рубашки, надеваемые под платья. И в довершение ко всему — большое количество драгоценностей, многие из которых я получила в виде подарков: золотые пояса, цепочки, ожерелья, броши, наперсные кресты, ковчежцы, конечно же, кольца всевозможных форм, размеров и самой разной ценности.

В связи с помолвкой мне преподнесли сотни подарков, но самым среди них любимым, возможно, потому, что этот подарок оказался совершенно неожиданным и необычным, был львенок, посланный мне самим герцогом Бургундским. Уж не знаю, сделано ли это было с каким-нибудь хитроумным намеком, но так как мой характер был еще никому, включая и меня самое, неизвестен, полагаю, что герцог просто не захотел походить на других. Я обожала игривого маленького проказника, которого нарекла Альбионом, одним из прежних названий страны, которая должна была стать моей второй родиной.

Заботы перемежались двумя моими любимыми развлечениями. Я либо охотилась, либо, свернувшись клубочком, читала какую-нибудь хорошую книгу, чаще всего новеллы Боккаччо. Сто раз перечитывала я эти замечательные рассказы, где меня восхищало буквально каждое слово.

Я также старалась быть в курсе всего происходящего в мире и вокруг меня; как раз в то время не случалось ничего особенного, но ведь никогда нельзя знать наперед, какую пикантную сплетню услышишь при нашем маленьком дворе.

Четыре года назад, например, один из знатнейших людей Франции, Жиль де Рэ, был посажен на кол и сожжен как колдун. Говорили, будто он заманивал маленьких детишек обоих полов к себе в замок, тешил свою плоть, а затем зверски убивал несчастных. Если судить по тем слухам, что доходили до наших

ушей, повергая нас в изумление и трепет, он тешил свою плоть даже с мертвыми, не зная никакой меры в своем стремлении к наслаждениям.

Представьте же себе мои чувства, когда я узнала об этих несчастных существах, мальчиках и девочках, возможно, моих сверстниках, которые попадали в мрачный замок де Рэ, где их безжалостно насиловали, а затем умерщвляли самыми ужасными способами. Естественно, я не могла не задумываться над своей будущей судьбой, ведь мне предстояло уехать из моей дорогой Франции в страну с отвратительным климатом, населенную свирепыми людьми, единственным развлечением которых, по моим сведениям, была война.

Какая же участь постигнет меня? Теперь, возвращаясь к прошлому, я должна сказать, что у меня были все основания хорошенько задуматься. Но всякий раз я вспоминала о благородном Суффолке, и на душе у меня становилось легче.

Лето близилось к концу, и я с нетерпением ожидала начала осенних дождей. Но по независящим от меня обстоятельствам мои девичьи мечты и замыслы не осуществились. В тот год выдалась погожая осень, и военные действия продолжались куда дольше обычного. Но если я была только раздосадована, то герцог де Мец впал в отчаяние: кое-как продержавшись летом, он мечтал поскорее отвести армию на зимние квартиры, пополнить запасы провианта и обзавестись новой амуницией, да и вообще приготовиться к продолжению войны в следующем году.

Дядя Шарли (или, что более вероятно, его военные советники, ибо сам он ничего не смыслил в воинском искусстве), сознавая, что город плохо защищен, решил воспользоваться хорошей погодой для продолжения боевых действий, впредь до полной победы.

Все это, казалось, не должно было иметь ко мне отношения, но когда в декабре граф Суффолкский пересек Ла-Манш и доехал до границы английских владений во Франции, вместо того чтобы направиться на юг, в Сомюр, где я ожидала его, или позвать меня в Тур, он прибыл в Нанси, где размещались штаб-квартира и двор дяди Шарли. Я надеялась, что и меня пригласят в Нанси, но никакого приглашения не последовало. Не оставалось ничего иного как торчать в опостылевшем Сомюре. А ведь я не сомневалась, что свадьба уже решенное дело, вряд ли обе стороны стали бы упорно торговаться из-за моего приданого или каких-либо преимуществ, которые мой брак мог принести одной из сторон.

Меня раздосадовало известие, что вместе с графом приехало множество красивых рыцарей и еще более прекрасных дам, в честь которых устраиваются великолепные балы, пиршества и турниры. Но еще больше то, что на этот раз граф прибыл не один, а с женой. Я тотчас же почувствовала неприязнь к этой счастливой женщине.

Рождественский праздник прошел в Сомюре очень скучно.

Наконец в феврале последовало долгожданное предложение. Переговоры закончились; маман и я должны были присоединиться к папа, находившемуся в Нанси.

К этому времени зима уже полностью вступила в свои права, и поездка оказалась достаточно трудной. Но меня подбадривало радостное предвкушение грядущего счастья. Плоды созрели, наступила пора их сбора.

И мои ожидания оправдались. К концу месяца мы прибыли в Нанси, где нас ожидало приятное известие о взятии Меца. По этому случаю были устроены веселые празднества, которые послужили лишь пре-

людией к другому куда более радостному празднику, свадебному.

Неделю спустя мой брак с Генрихом VI был торжественно скреплен епископом Луи де Эранкуром в кафедральном соборе в Нанси. На церемонии присутствовало множество знатных особ.

Вместе с другими братьями прибыл и мой старший брат Жан, которого титуловали герцогом Калабрийским. Хотя он никогда не был в южной Италии, но титул этот принадлежал ему по праву, как старшему сыну и наследнику Неаполитанского короля, точно так же, как наследника английского престола называют принцем Уэльским, и не важно, что в действительности папа никогда не восседал на неаполитанском троне.

Я всегда преклонялась перед Жаном, убежденная, что не могу и рассчитывать на столь высокое, как у него, положение. Но всего за один год все резко переменилось. Я стала самой важной представительницей нашей семьи и встретила великолепного мужчину, равного которому мне еще не доводилось видеть.

Маркиз Суффолкский, удостоенный этого высокого титула в награду за удачно выполненное поручение, и я не имели времени, чтобы увидеться перед церемонией, лишь издали обменялись взглядами. В кафедральном соборе, однако, он взял меня за руку, действуя как доверенное лицо моего мужа, которого я так и не видела. Я думаю, мы оба дрожали, когда он надел на мой палец обручальное кольцо, а по окончании службы, склонив голову, запечатлел поцелуй на моей щеке. Но, вероятно, он так же, как и я, прилагал все усилия, чтобы изгнать меня из своего сердца, и поэтому мы держались отчужденно.

Однако с началом недели развлечений — турниров, пиршеств и балов — мы уже не могли сторониться друг друга. Перед каждым поединком английская королева должна была привязывать шарф к копью своего «мужа» и вместе с ним открывать все

балы. Поэтому мы сближались день ото дня. Я улыбалась маркизу, протягивающему мне копье, в страхе сплетала пальцы, когда он, пришпорив коня, мчался на своего противника и, трепеща, льнула к нему в танцевальном зале.

Надобно напомнить, что события эти происходили в начале марта. Трудно представить себе более холодное и слякотное время года, а потому совершенно не подходящее для рыцарских турниров. Даже маркиз несколько раз падал, когда его конь скользил на влажной почве ристалища, и все же Суффолк неизменно оказывался победителем.

Не радовал теплом и уютом и замок, хотя во всех каминах и пылал огонь, по залам по-хозяйски разгуливали сквозняки, поэтому те, кто располагались рядом с камином, буквально поджаривались, тогда как сидящие поодаль дрожали от холода. Мне даже пришлось отказаться от купаний. Но я испытывала поистине небесное блаженство от общества маркиза. Эта неделя оказалась одной из самых памятных в моей жизни, ничто не омрачало счастья. Поверенный английского короля даже не пытался пробраться ко мне тайком, а я довольствовалась ожиданием. Скоро я поеду в Англию, к своему мужу, моя французская семья останется позади, а маркиз Суффолкский будет совсем рядом.

Глава 2

Как я уже упоминала, Суффолка в этой поездке сопровождала его жена. Насколько я поняла, ввиду моих юных лет именно к ней должны были перейти от маман все заботы обо мне; до того времени, пока я не соединюсь с мужем, она станет опекать меня.

Едва узнав о существовании этой женщины, я почувствовала к ней жгучую неприязнь, порожденную завистью: ей принадлежит то, чего я так страстно

желаю. Когда же меня уведомили о том, что в течение месяца она будет обладать полной властью надо мной, эта неприязнь переросла в безграничную ненависть.

Разумеется, мы были представлены друг другу сразу же по моем приезде в Нанси, но пока не пришло время отправляться в Англию, она держалась в тени и появилась в моих покоях лишь для того, чтобы проследить за упаковкой вещей. И все-таки ее присутствие еще больше усложнило мое достаточно противоречивое чувство к Суффолку.

Элис де ла Пол, высокая красивая женщина спокойного нрава, с неизменной приветливой улыбкой на губах, отнюдь не была простой домохозяйкой, которая обрела высокое положение благодаря удачному браку. Напротив, в девичестве она носила фамилию Чосер, и ее дед считался известным придворным поэтом короля Эдуарда III. Поэт был таможенным досмотрщиком, не слишком-то высокое положение, но его сын Томас, отец Элис, приобрел хорошую репутацию. Начав церемониймейстером при дворе Ричарда II, он снискал благосклонность Генриха IV и его сына, ему были пожалованы несколько поместий и ответственные посты, благодаря чему он разбогател. Еще более важно то, что по материнской линии он был родственником Бофоров, которые, в свою очередь, состояли в побочном родстве с Джоном Гонтским[1]. Таким образом Элис оказалась дальней родственницей короля.

Как только мы с Элис познакомились поближе, моя неприязнь мгновенно улетучилась, мы подружились и продолжали дружить в самые трудные периоды, пока наконец, как и многие другие, она не устала бороться и не примирилась с этим чудовищем — Эдуардом Йоркским. Но шел 1445 год и до этого оставалось еще много лет.

---

[1] Джон Гонтский (1340—1399) — герцог Ланкастерский, четвертый сын Эдуарда III.

Наша дружба тем более примечательна, что, едва став королевой, еще даже не начав путешествия в Англию, я уже столкнулась с первыми трудностями. Накануне того дня, когда мы собирались тронуться в путь, в мои покои явилась разъяренная мама и швырнула на стол свиток пергамента.

— Этот Суффолк, — объявила она, — имеет наглость требовать, чтобы твою свиту урезали на две трети, подумать только — на две трети!

Все предыдущая неделя прошла в развлечениях, и я почти не задумывалась над тем, какова окажется моя свита. Конечно, я знала, что еще летом мама готовила список, подбирала подходящих людей. Но, заглянув в пергамент, я, честно сказать, была поражена непомерной величиной составленного ею списка.

Для удовлетворения всех моих нужд согласно списку требовалось шесть фрейлин, четверо пажей, восемнадцать служанок, двенадцать швей, шесть прачек, четверо поваров, двое кондитеров, шестеро пекарей, шесть судомоек, четверо сокольничих и шестеро псарей.

И все это помимо моего мажордома Луи д'Эристаля, исповедника отца Жозефа и еще четверых священников и двоих слуг, присматривавших за королевским львом — моим любимцем Альбионом.

— Но, маман, — заметила я, — англичане вполне могут сами нанять судомоек и прачек. Даже псарей.

— Что за чепуха! — возмутилась маман. — Я этого не потерплю.

И все же ей пришлось пойти на попятный. Суффолк был неумолим, и я выехала из Нанси с куда меньшим числом сопровождающих, чем требовала маман.

Однако малочисленность моей свиты стала заметна не сразу, потому что меня решили сопровождать папа и мой брат Жан. Дядя Шарли, естественно, не собирался приближаться к пограничной

территории, где его могли бы захватить в плен англичане, и уж тогда, можно не сомневаться, ему пришлось бы провести в тюрьме остаток своих дней. Но дядя в сопровождении своих придворных выехал вместе со мной за ворота Нанси, где он простился со мной, крепко сжав меня в своих объятиях и шепнув на ухо:

— О Мег, Мег! Согласись, что я всегда очень тепло относился к тебе. — По щекам его струились слезы.

— Всегда, мой дражайший дядюшка, — подтвердила я.

— Тогда вспоминай обо мне, как о человеке, который нежно любил тебя и желал только добра.

Разумеется, проливая крокодиловы слезы, он думал не столько о наших личных отношениях, сколько о тех преимуществах, которые сулит дружба между английской королевой и французским королем.

— Конечно, я буду вспоминать о вас, дядя, — пообещала я, мысленно оговариваясь, однако, что мой долг перед новой родиной должен стоять превыше долга перед любой другой страной.

Мы распрощались, предполагая, что никогда больше не увидимся. Это предчувствие сбылось. Если бы мне никогда больше не пришлось увидеться и с моим кузеном, дофином Луи, то моя жизнь, возможно, сложилась бы куда счастливее. После моего расставания с дядей Шарли меня продолжали провожать многие рыцари и фрейлины французского двора, ведь официально я находилась на попечении брата короля герцога Орлеанского. От Нанси до Шалона я ехала по раскисшей зимней дороге в самом блистательном окружении. Однако среди провожающих не было маман, она вернулась в Анжер вместе с Иолантой. Я уверена, что и в их души закралось предчувствие, что мы никогда больше не увидимся.

Папа проводил меня до самого Бар-ле-Дюка, где мы и обнялись с ним на прощание, заливаясь сле-

зами, все остальные проследовали со мною до Шалона, где предполагалось окончательно доработать брачный договор и передать меня в руки встречающих.

С принцессами часто обращаются как с имеющим определенную цену товаром; увы, они и в самом деле остаются товаром, даже когда становятся королевами.

Мы довольно весело добрались до Шалона, и только после подписания договора мои сопровождающие позволили себе проявить неподдельную печаль по поводу предстоящего расставания. Перед тем как я удалилась в спальню, множество мужчин и женщин простились со мною, зачастую со слезами на глазах. Среди них и Пьер де Брезэ, главный министр моего дяди и самый могущественный человек во всей стране: ему подчинялась не только армия, но и весь двор. Устроив так, чтобы мадемуазель Сорель очутилась в постели короля, он еще больше укрепил свои позиции.

Де Брезэ был красив, хорошо сложен и не стар, лет тридцати пяти, но прежде в моем присутствии всегда разыгрывал роль важного государственного деятеля. Однако теперь, прощаясь со мной, он преклонил одно колено и поцеловал мою руку, задержав ее чуточку дольше, чем позволяли приличия.

— Дорогая королева, — сказал он, — с вашим отъездом французская земля никогда уже не будет прежней.

— Что вы, ваша милость, — ответила я. — Вскоре вы совсем позабудете обо мне.

— Я? Никогда, ваша светлость. Я, Пьер де Брезэ, клянусь всю жизнь бережно хранить ваш образ в своей памяти. Подарите мне что-нибудь на прощание.

Я хотела было придать своему лицу суровое выражение, но мне не удалось: слишком велико оказалось мое удивление. Конечно, я понимала, что он находится

в таком же подчинении у дяди Шарля, как и милорд Суффолк — у Генриха VI, и его признание, по всей вероятности, продиктовано не столько искренними чувствами, сколько политическими соображениями... Но он был красивым мужчиной, хотя и полной противоположностью маркиза — невысокий, темноволосый, смуглолицый да и помоложе, к тому же я знала, что он богат и обладает большой, пусть и временной, властью.

Да и какая женщина может остаться недовольной признанием в любви, пусть его искренность и сомнительна, тем более, если она знает, что это признание сделано без малейшей надежды на взаимность. Поэтому я подарила Пьеру де Брезэ свой шелковый шарф, который он на мгновение прижал к щеке, а затем спрятал. О, если бы я могла предвидеть грядущее.

Из Шалона мы отправились в Париж, и я впервые увидела замечательнейший из всех городов, хотя, честно признаться, я была несколько разочарована. К сожалению, все еще стояли холода, и хотя снег стаял, зарядили долгие, нагоняющие тоску дожди.

— Сами небеса оплакивают отъезд вашей светлости, — заметил мсье д'Эристаль.

Но меня уже не трогали подобные льстивые слова: моя отроческая романтичность быстро уступала место трезвому пониманию реальной жизни. Поэтому-то, при всей своей знаменитости, Париж казался мне прежде всего убогим скопищем лачуг к северу от реки, а не слишком многочисленные дворцы на острове так тесно лепились друг к другу, что я прямо-таки задыхалась в их окружении.

— С точки зрения обороны города место выбрано замечательно, — сказал Суффолк, глядя глазами солдата на быстро бегущие воды Сены, которая разделялась здесь на рукава. И в самом деле, как свиде-

тельствует история, первые парижане собрались на острове де ля Ситэ, чтобы спастись от нашествия полчища грабителей, нагрянувших из-за Рейна.

Мое критическое настроение, однако, не распространялось на собор Парижской Богоматери, поистине самое великолепное сооружение, которое я когда-либо видела или увижу. 16 марта 1445 года меня приняли в этом священном месте со всеми подобающими королеве почестями: громко трубили рожки и в унисон им звучали приветственные крики парижан, низко кланялись знатные особы и священники, а вдалеке, за пределами крепостных стен, даже палили пушки. В небо были подняты сотни и сотни голубей. В самом же соборе в мою честь состоялось торжественное богослужение, все молились за мое благополучие и здравие.

К концу этого дня я изнемогала от усталости.

До сих пор меня постоянно окружали люди, и у меня не было ни малейшей возможности поговорить с маркизом наедине. Впрочем, я не уверена, что слишком хотела этого. К тому же рядом со мной неотлучно находилась его жена, чье общество доставляло мне искреннее удовольствие. Однако я должна была выказать Суффолку свое недовольство по поводу сокращения списка сопровождающих; это представлялось мне тем более необходимым, что отныне он являлся моим подданным.

Поэтому, невзирая на сильное физическое влечение к этому человеку, я удостаивала его лишь презрительной улыбки. И всякий раз, когда мы появлялись перед народом, а он как доверенное лицо моего мужа стоял рядом, держа меня за руку, я не допускала ни малейшего проявления своих чувств.

В тот вечер в Париже после долгого изнурительного дня я уже собиралась лечь спать, когда ко мне вошла моя старшая фрейлина мадам Байи и сказала,

что граф Суффолкский просит о конфиденциальном разговоре.

— Прикажете отказать ему, ваша светлость? — спросила мадам Байи.

Я задумалась. Элис уже ушла, я еще не начинала раздеваться, к тому же я сильно досадовала, что после своего возвращения во Францию Суффолк не проявлял особого желания побыть со мной наедине.

— Нет, — сказала я, — пригласите его войти. А сами, мадам, выйдите, чтобы не слышать нашего разговора, но все же оставайтесь достаточно близко на тот случай, если мне потребуется позвать вас.

Она повиновалась, и через несколько секунд граф уже стоял передо мной, раскланиваясь и исподтишка беспокойно поглядывая на Альбиона, который по привычке лежал возле моего кресла, негромко утробно рыча, как и обычно при появлении незнакомых людей.

— Я уже подумала, милорд, что существую для вас лишь как королева, — заметила я. — Присаживайтесь, пожалуйста. Вот сюда. — И я показала на стоявшее в нескольких футах от меня кресло, опасаясь, как бы он не опустился на колени у моих ног.

Суффолк сел, не отрывая от меня взгляда.

— Вы знаете, что я вас люблю, — сказал он.

Я почувствовала, что щеки у меня пылают, но постаралась ответить как можно спокойнее:

— Надеюсь, милорд, что меня будут любить все мои подданные.

Он проигнорировал мою попытку свести наш разговор к банальностям.

— Я не мог подойти к вам раньше, потому что вы все время были окружены членами своей семьи и этими французскими мужланами.

Я подняла брови. Не слишком-то уважительно сказано — «французские мужланы».

— Вы забыли упомянуть о своей жене, милорд.

— Вы недовольны ее присутствием?

— Нет, что вы, я нахожу ее очаровательной.

Несколько секунд он обдумывал мои слова, затем сменил тему:

— Но нам уже недолго осталось быть среди французов. Завтра, ваша светлость, мы ступим на английскую землю.

— Я считаю каждую минуту, милорд.

— И там вы окажетесь на попечении губернатора Нормандии, герцога Йоркского.

— Значит, я не увижу своего мужа.

— Нет, ваша светлость. Король Генрих не может оставить Англию. Герцог же — двоюродный брат короля.

— Я знаю, милорд.

— К тому же он люто ненавидит меня, — добавил Суффолк.

— В самом деле, милорд?

— Поэтому... — Недоговорив, он соскользнул с кресла и опустился передо мной на одно колено, пожирая меня взглядом. — Мег, милая Мег. Надеюсь, что все, мною сделанное, соответствует вашим желаниям.

— Вы же знаете, что это именно так, милорд.

— Прошу вас, никогда не забывайте об этом, какому бы давлению вы ни подвергались.

— Давлению, милорд?

— Вы не знаете, что происходит сейчас в Англии, куда вы направляетесь. — И он рассказал мне о раздирающем страну надвое соперничестве между Глостером и Бофором, сообщив, что сам он принадлежит к ратующей за мир партии Бофора.

— Но ведь, устроив мой брак с королем, разве вы не одержали решительной победы, милорд? — спросила я. — Несомненно, уже вся Англия знает об этом. Вы говорите: давление? Ни один человек не посмеет пренебрегать моей волей.

— Да, конечно, — согласился он, — но есть способы навредить даже королеве — через ее слуг.

Я нахмурилась:

— Говорите яснее, милорд.

— Не все в Англии, позвольте мне быть откровенным, считают вас подходящей партией для нашего короля.

— Они полагают, что я уродина?

— Все знают, что вы прекраснейшая из женщин, ваша светлость.

Я улыбнулась. Подобные комплименты я могла бы слушать часами.

— Может быть, кто-то сомневается, что в моих жилах течет истинно королевская кровь?

— Вы, несомненно, принадлежите к роду, более древнему, чем род нашего короля.

— Что же им тогда не нравится? Просто, что я француженка? Но ведь в течение двухсот лет почти все английские короли женились на француженках. — Я рассмеялась. — А до того Плантагенеты и сами были французами.

Он глубоко вздохнул.

— Люди говорят, что вы, ваша светлость, приезжаете в нашу страну без подобающего приданого.

Я опять нахмурилась:

— Но ведь это хорошо известно, милорд. Постыдно выдвигать против меня такое обвинение.

— Да, верно, ваша светлость. Мы уже давным-давно договорились, что никакого приданого не требуется.

— Тогда в чем же дело?

Он поднялся, и я уже хотела было позвать Байи, но тема разговора весьма заинтересовала меня. К тому же Альбион опять заворчал, и он не приблизился ко мне, а несколько раз прошелся по спальне. Было ясно, что Суффолк многое не договаривает.

— Ваша светлость, я прибыл во Францию как полномочный посланник английского короля. Мне было поручено подобрать достойную невесту для моего повелителя и договориться об окончании войны.

Я предполагал, что мне удастся выполнить оба поручения без особых трудностей.

Я сидела, подперев подбородок ладонью: это было мое первое соприкосновение с дипломатией.

— К сожалению, мне не повезло, — продолжал он, — я увидел вас, да еще и раздетой...

— Милорд, — перебила я, — не будем говорить на эту тему. Да и как вы можете говорить «не повезло!».

— Вам придется выслушать меня, в последний раз, ваша светлость. Когда я увидел вас, еще до купания в реке, то сразу же понял: вы единственная женщина, достойная быть королевой Англии. Вы знаете, что я влюбился в вас с первого взгляда. Выслушайте меня, умоляю вас, — поспешил он добавить, видя, что я намерена прервать его. — Я полагал, что о моих чувствах знаете только вы, и никто другой. Но, как оказалось, я ошибся.

— Милорд! — испуганно вымолвила я.

— Не бойтесь. Вам, по крайней мере, ничто не угрожает. Так вот, я также полагал, что ваш дядя — человек бесхитростный, можно сказать, простак...

Он остановился, видимо ожидая, что с моей стороны последуют какие-либо возражения, но я тоже была убеждена, что дядя Шарль — простодушный человек.

— К сожалению, — продолжал Суффолк, — это далеко не так. Он чрезвычайно проницателен, если не сказать, чрезвычайно хитер, и, сразу же заметив мою симпатию к вам, решил воспользоваться ею в своих интересах. Он предложил мне съездить в Англию, чтобы заручиться одобрением уже заключенной помолвки, однако свои истинные намерения открыл лишь после того, как приехал в Нанси. Он заявил, что согласится на заключение брака, только если будут приняты его условия. Вместо мирного договора между Англией и Францией он предложил подписать соглашение о перемирии на два года.

Лишь по истечении этого срока оно будет заменено мирным договором, согласно которому Англия должна будет передать Франции провинцию Мэн, а также те части Анжу, что захвачены вашими войсками, с той, как я понимаю, целью, чтобы ваш отец получил достойную его королевского сана территорию...

— И что же тут предосудительного? — перебила я. — Ведь Мэн — частично, а Анжу — полностью входят в наследственные владения моего отца. Оккупация англичанами всей этой территории незаконна.

Суффолк опустил голову.

— Увы, ваша светлость, английский народ не желает поступиться ни одним ярдом отобранной у Франции земли. Многие, без сомнения, скажут, что король Карл только делает вид, будто старается ради вашего отца, на самом же деле он приберет все к своим рукам. — Суффолк поднял голову. — Король Карл был непреклонен, и, чтобы не потерять вас, мне не оставалось ничего иного, как принять его условия.

Он всячески пытался улестить меня. Тем временем я старалась осмыслить чудовищное значение им сказанного.

— Милорд, вы хотите сказать, что англичане обвинят вас в том, что вы пожертвовали английской территорией? Что я не только ничего не принесла Англии, но и обошлась слишком дорого? Кто в Англии знает об этом?

— Пока еще никто, ваша светлость.

— И что же ожидает вас, когда тайное станет явным?

— Я постарался заранее обезопасить себя, ваша светлость. Прежде чем взяться за это поручение, я получил от парламента карт-бланш на ведение переговоров о заключении брака.

— Но вы не предупредили парламент о своих намерениях?

— Поскольку я не знал, что у вашего дяди на уме, я даже не предполагал, на сколь значительные территориальные уступки мне придется пойти.

— И вы опасаетесь, что заключенное вами соглашение может оказаться опротестованным?

Суффолк упал передо мной на колени; видя, в каком он отчаянии, я не нашла сил оттолкнуть его. Альбион вновь поднялся и потянулся. Выглядел зверь весьма грозно, но я погладила его по голове, и он удалился в угол, продолжая следить за графом.

— Они не вправе порицать меня за то, что я отдаю Мэн и Анжу, но никогда мне этого не простят. Они будут выжидать, пока я совершу какую-нибудь ошибку, и уж тогда постараются разделаться со мной. Без вашей поддержки, ваша светлость, я человек обреченный.

— Без моей поддержки, милорд?

Девушка, до пятнадцатого дня рождения которой оставалось несколько дней, безусловно, заслуживает прощения за то, что колебалась, прежде чем принять на себя такую ответственность.

— Вы повелительница Англии. Никто не посмеет сказать «нет» вашим решительным настояниям.

— Исключая моего мужа, милорд. Может быть, вам следует обратиться к нему?

— Король Генрих — достойный человек, ваша светлость. Более чем достойный. Но... я сомневаюсь, чтобы он смог поддержать меня столь же умело, как вы.

Я не вполне поняла, что он имеет в виду, приняв сказанное им за очередной комплимент.

Не дождавшись ответа, Суффолк схватил мои пальцы.

— Моя судьба в этих руках, ваша светлость. Я умоляю вас помнить об этом, как и о том, что всеми моими поступками руководила любовь к вам.

— Милый Суффолк, — произнесла я и в следующий же миг уже стояла напротив него на коленях,

оказавшись в его объятиях; наши губы слились в поцелуе, а его руки блуждали по моей спине и плечам и даже ненадолго скользнули ниже талии. Подобная нескромность смутила меня. Пожалуй, есть что-то отталкивающее в пылком увлечении средних лет женатого мужчины девушкой на тридцать лет моложе его. Теперь, когда я и сама достигла зрелого возраста, этот эпизод, признаться, представляется мне и впрямь отвратительным.

Но в то время я была еще совсем девочкой и поступала бездумно и неосмотрительно. Только Господь знает, что могло бы произойти, ибо ни один парламент на земле не способен оправдать такое преступление, как лишение королевы девственности, если бы на помощь мне не пришел Альбион, который поднялся на задних лапах и испустил грозный рев, — даром что был всего лишь львенком. В мою спальню тотчас вбежали Байи и еще несколько женщин.

Но к этому времени я уже высвободилась из объятий Суффолка и, сохраняя полное самообладание, сидела в кресле. Само собой разумеется, и граф стоял передо мной.

— Почему вы врываетесь в спальню? — надменно спросила я. — Вас не звали.

— Но, ваша светлость, лев... — попробовала было возразить Байи.

— Должно быть, проголодался. Отведите его поесть.

Подозрительно поглядывая на графа, фрейлины стали покидать мою опочивальню.

— А вы, Байи, останьтесь, — приказала я. — Мне пора готовиться ко сну... Я хорошо поняла все вами сказанное, граф, — добавила я, обращаясь к Суффолку. — Вы можете быть уверены, что я навсегда запомню ваши слова. А теперь — спокойной ночи.

Поколебавшись, он взглянул на Байи, затем на меня, затем поклонился и вышел. Не сомневаюсь, что в ту ночь он долго ворочался в постели. Так же, как и я.

Естественно, у меня не возникало никаких опасений за свое будущее. Из страха перед эшафотом граф не посмеет сказать ни слова о том, что произошло между нами. К тому же он любит меня и, думаю, сохранит любовь до самой смерти.

Во всяком случае, в тот вечер у меня были куда более серьезные поводы для размышлений. Следующий день обещал стать самым важным в моей жизни. Герцог Орлеанский и герцог Калабрийский проводили меня до пограничного Пуасси, где тепло со мною распрощались.

— Ты на пути к величию, сестра, — сказал Жан. — Да пошлет тебе судьба благополучие и процветание!

— И тебе тоже, дорогой брат, — ответила я.

Увы, оба эти пожелания не сбылись.

Я въехала в город в сопровождении свиты, подчиняющейся графу Суффолкскому, но меня уже ожидал большой отряд вооруженных воинов, рыцарей, а также лучников, которые в последующие годы нанесли значительный урон французскому рыцарству.

Девушки осыпали цветами дорогу перед моей лошадью и очень мило пугались Альбиона, которого вели передо мной на прочном поводке. Громко трубили фанфары, священник непрестанно благословлял меня, не смолкал воспевавший меня хор, а в некотором отдалении от толпы, один, если не считать очень маленького мальчика, восседал герцог Йоркский.

Зрелище, надо признаться, было впечатляющее. Герцог Йоркский выглядел внушительно, мужественной наружностью не уступая графу Суффолкскому, но производимое им впечатление усиливала незримая аура его королевского происхождения; к тому же, на французский манер, он был чисто выбрит. Надеюсь, никто не подумает, будто я настолько легкомысленна, что немедленно прониклась к нему теми же чувствами, что и к Суффолку, тем более что,

приблизившись и посмотрев ему в глаза — он тем временем приветствовал меня широким взмахом руки с зажатой в ней шляпой, — я сразу же поняла: герцог никогда не станет моим другом. И главная причина заключалась в том, что, как считали многие, герцог Йоркский имел гораздо более весомые основания претендовать на английский трон, чем мой дорогой супруг.

Полагаю, что эта мысль нуждается в пояснении. Великий король Эдуард III, умерший за семьдесят лет до того времени, когда начинается мое повествование, имел нескольких сыновей. Двое умерли в детстве. Среди тех, кто остался в живых, самым знаменитым был старший, Эдуард по прозвищу Черный Принц, который произвел во Франции даже большие опустошения, чем его отец. Однако он умер, так и не успев занять престол, и правление английским государством оказалось в руках его безрассудного молодого сына Ричарда II (его второй женой была сестра дяди Шарля Изабелла, и, следовательно, он приходился мне дядей).

Царствование Ричарда II породило такое возмущение, что его без труда низложил собственный кузен Генрих Ланкастерский, который вступил на престол под именем Генриха IV. Этот Генрих, дядя моего дорогого супруга, был отпрыском третьего оставшегося в живых сына Эдуарда Великого, Джона Гонтского, герцога Ланкастерского. Без всякого сомнения, он узурпировал трон у своего кузена Ричарда, но Ричард был бездетен и выказал полную неспособность управлять государством. С тех пор как его свергли, а я могу засвидетельствовать, что свергнутым властителям почти не на что надеяться, ни один голос в королевстве не возразил против захвата королевской власти Ланкастерским Домом. Помалкивали даже другие его кузены и кузины, в том числе и принцесса Филиппа, дочь второго оставшегося в живых сына Эдуарда III Лайонела, герцога

Кларенского, а ведь англичане не признают салического закона[1], запрещающего женщинам наследовать трон, поэтому она обладала первоочередными правами на трон.

Однако не подлежит сомнению, что, заговори Филиппа о своих правах, никто бы не внял ее голосу. Она была женщиной, и хотя ее права формально существовали, англичане предпочитали, чтобы в смутные времена ими правили мужчины.

В течение двух поколений никто даже не вспоминал о ее правах на престол: все эти годы Англия процветала. А когда Генрих IV умер от какой-то заразной болезни, подхваченной им еще в юности во время крестовых походов, то его сын Генрих V принес Англии еще большее процветание. Но двадцать три года назад Генрих Великий умер, и, как я уже рассказывала, после его кончины и недавней кончины его брата Бедфорда, дела в стране пошли не так благополучно, как прежде, а ее победы в войне с Францией сменились поражениями. Англичане стали шепотом поговаривать, будто узурпаторство приносит дурные плоды, забывая — это ведь так свойственно людям, — что почерпнули много хорошего из этого замутненного колодца.

Внучка Филиппы, Анна Мортимер, вышла замуж за своего дальнего родственника Ричарда, графа Кембриджского, младшего сына Эдмунда, герцога Йоркского, доводившегося пятым сыном Эдуарду III. Этот Ричард не причинял никаких хлопот предкам моего дорогого супруга, но его сын, которого также звали Ричардом, стал герцогом Йоркским. Как сын Анны Мортимер он был прямым потомком Лайонела Кларенского, старшего брата Джона Гонтского. Вот этот-то человек и приветствовал меня на английской территории с холодным презрением, хотя и воздавал почести, подобающие королеве.

---

[1] Закон, по которому женщины не могли наследовать корону.

Вместе с ним был трехлетний мальчик, хорошо сложенный крепыш, облаченный в латы и даже с небольшим мечом на боку.

— Мой старший сын, ваша светлость, — сказал герцог. — Эдуард, граф Марчский.

Если бы я могла тогда предвидеть будущее, я бы постаралась внушить Альбиону, что этот трехлеток — лучший для него завтрак. Но не будучи провидицей я потрепала это ужасное чудовище по голове и сказала:

— Какой красивый мальчик!

— Он унаследовал красоту от матери, — галантно заметил герцог.

Странное сложилось положение. Обладай герцог даром предвидения, он, несомненно, постарался бы устроить в течение последующих нескольких недель, когда я всецело находилась в его власти, какое-нибудь дорожное происшествие со смертельным исходом, и король остался бы вдовцом, так и не став моим мужем. Нам предстояло сделаться самыми ожесточенными и мстительными врагами, какие только ступали по этой земле, пока же мы ужинали вместе, пили вино и разговаривали, словно самые близкие друзья.

Я думаю, это не вина герцога, что при первой встрече он не придал большого значения новой королеве. Я провела две утомительные недели в Нанси, но еще до этого убедилась, что путешествовать зимой по Франции — дело отнюдь не легкое. На протяжении всего этого времени я ложилась спать слишком поздно, чрезвычайно много танцевала и поглощала непозволительно большое количество еды и вина. К тому же благодаря Суффолку я постоянно пребывала в эмоциональном напряжении. Вследствие всего этого розы моих щек поблекли, глаза перестали искриться, и от моей сияющей красоты остался лишь слабый намек.

Вечером этого дня, к вящему беспокойству мадам Байи и Элис, у меня появились признаки простуды.

Встревожились и те английские дамы, которые заранее приехали во Францию, чтобы сопровождать меня в дороге, и теперь постоянно толпились вокруг меня.

— Эта мерзкая французская погода плохо сказалась на здоровье вашей светлости, — заметила графиня Солсбери.

Это ее предположение изрядно меня раздосадовало. Претила мне и властность этой женщины. Позднее я узнала, что она свойственница герцога Иоркского. Герцог еще более упрочил свои позиции, женившись на важной особе Сисели Невилль, сестре графа Солсбери, мужа графини. Этот человек был одним из богатейших землевладельцев во всем королевстве; не уступал ему в богатстве и его брат, граф Уэстморлендский. Что до злосчастного сына графа Солсбери, которого кое-кто называл Делателем Королей, но который стал могильщиком всех моих надежд, то о нем я расскажу позднее.

Достаточно сказать, что миледи Солсбери с ее властным характером не могла допустить, чтобы какая-то несчастная простуда нарушила тщательно разработанные планы моего приема. Поэтому, невзирая на возражения графини Суффолк, которая, увы, не обладала достаточной силой характера, чтобы противостоять высокомерной графине Солсбери, принадлежавшей к гораздо более богатой семье, на другой день мы выехали в Мант, откуда, разместившись на нескольких барках, поплыли вниз по течению в Руан. В моей барке находились не только обе графини, но и граф и герцог со своим сыном; зато с Альбионом меня разлучили.

— Я не стану путешествовать в одной барке с этим чудовищем, — решительно заявила графиня Солсбери.

Разумеется, как королева, я могла бы настоять на своем, но чувствовала себя слишком плохо для того, чтобы это сделать. Ко всему еще я страшно мерзла. Когда 22 марта, накануне дня моего рождения, мы

достигли Руана, я лежала в постели, страдая от сильного озноба и насморка.

К этому времени даже мои надменные попечительницы заволновались. Они долго совещались шепотом, а когда мы подплыли к причалу, переполненному встречающими, приказали, чтобы к нам приблизилась вторая барка, и продолжили свое совещание. Затем ко мне подошла графиня Солсбери и села возле кровати.

— Ваша светлость нездоровы, — заметила она.

Я восприняла это замечание как проявление английского остроумия.

— Мы обсудили симптомы вашей болезни и послали на берег за врачом, ваша светлость. До его прибытия мы решили отложить высадку.

— А как же мое торжественное вступление в Руан? — пробормотала я.

— К величайшему сожалению, его придется отсрочить. Однако для подготовки вашего вступления в Руан уже произведены значительные расходы, люди приехали за много миль, чтобы приветствовать свою королеву. Они будут весьма и весьма огорчены, если праздничные торжества не состоятся. Поэтому герцог посоветовал мне... заменить вас. — При всей своей наглости она явно нервничала, ожидая моего ответа, и действительно при этих словах я едва не вскочила с постели. — Всего на один день, ваша светлость, поспешила добавить она.

Застонав, я упала обратно на подушки.

— Но ведь у меня всего-навсего простуда, миледи, — сказала я. — Завтра мне уже будет лучше.

— К сожалению, ваша светлость, мы опасаемся, что у вас нечто худшее, чем простуда.

Я широко открыла полусомкнутые было глаза.

— И что же это?

— Ваша светлость... — У нее был такой вид, будто она вот-вот разразится потоком слез, но я не сомневалась, что она только лицедействует, и очень неплохо, кстати сказать. — Мы опасаемся, что у вас оспа.

Я лежала в полубеспамятстве. Настоящий обморок случился со мной всего раз в жизни, при ужасающих обстоятельствах, о которых я в свое время поведаю. И все же глаза мои были закрыты, голова кружилась. Разумеется, я понимала, что она говорит о малой, а не о большой оспе[1], которая едва ли может поразить девственницу. Однако мы, смертные, подвержены множеству тяжелых болезней, причиняемых болезнетворными флюидами, содержащимися во вдыхаемом воздухе. Самая ужасная из них — таинственная «черная смерть»[2], которая около ста лет назад сократила население Европы на треть, и даже в наши дни наблюдаются вспышки этой болезни, которая сеет гибель и бедствия, где бы ни появлялась.

Однако малая оспа, или просто оспа, ненамного уступает по своим губительным последствиям «черной смерти»: при этой болезни все тело, особенно лицо, покрывается отвратительными пустулами. Даже если больной и выздоравливает, его лицо остается обезображенным многочисленными ямочками — оспинами. Неужели и на мою долю выпало подобное несчастье? Ведь мне всего пятнадцать лет, со всех сторон я слышу похвалы своей красоте, вот-вот должна впервые встретиться со своим мужем, который знает меня лишь по описаниям. Удивительно ли, что я пала духом и разразилась слезами.

На моей спине и в самом деле высыпали маленькие волдырчики, что и встревожило моих попечительниц.

Через час к барке пристала лодка с врачом. Занавеси в помещении, где я лежала, были плотно задернуты, ибо никто из моего окружения не хотел, чтобы собравшиеся на берегу встречающие заподозрили, что

---

[1] В отличие от малой, или обычной, оспы, в те времена так называли сифилис.

[2] Чума.

с их королевой случилось нечто ужасное. Между тем графиня Солсбери облачилась, вернее было бы сказать втиснулась в одно из моих платьев, которое едва не разошлось по швам, ибо она была женщина зрелая, а я совсем юная девушка, после чего ее отвезли на берег, дабы изобразить мое триумфа́льное вступление в столицу Нормандии. С тяжелым сердцем слушала я приветственные крики и пушечную канонаду. У меня было такое чувство, словно я навсегда рассталась с земной славой.

Врач, звали его Робертом, оказался небольшим человечком с худым лицом. Прежде чем притронуться ко мне, он несколько минут рассматривал мое лицо, напевая жалкое подобие какой-то песенки. Затем, продолжая напевать, положил мне на шею два пальца и попросил Байи приоткрыть лиф моего платья. Она выполнила его просьбу дрожащими пальцами; в пятнадцать лет груди у меня уже сформировались, хотя и не достигли еще полного размера.

Говорят, что преждевременно развившиеся молодые девушки часто влюбляются в своих лекарей, потому что эти джентльмены заглядывают туда, куда не смел заглядывать до них ни один мужчина. На мой взгляд, эти девицы либо страдали ярко выраженным слабоумием, либо их лекари оказались куда привлекательнее, чем тот, что осматривал меня. Даже если бы я и не продолжала жить воспоминаниями об объятиях Суффолка, то не испытала бы ничего, кроме презрения, к этому похожему на куницу человечку, который, продолжая мурлыкать нечто невообразимое, приложил ухо к моей груди. Зачем лекарь это сделал, я не знаю, но полагаю, что он просто тешил свою похоть. С чего бы иначе ему усомниться, что мое сердце все еще бьется, ведь об этом убедительно свидетельствовало мое тяжелое дыхание. Но тут я впервые заметила, что и на груди у меня высыпали пустулы.

Кончив оскорблять мое женское достоинство, он перешел к прямому нападению на мои жизненно

важные органы: запрокинув мою голову, заглянул в ноздри и даже сунул свой омерзительный палец в одно из отверстий, что вызвало у меня новый приступ кашля.

И все-таки он сообщил мне лучшую новость, какую я когда-либо слышала за свою короткую жизнь, хотя вначале я и не оценила в полной мере значения его диагноза. Самолично завязав тесемки на моем халате, он сказал:

— Не думаю, что у вашей светлости малая оспа. — Слушая лекаря, я с трудом верила его словам. — Я полагаю, что у вас другая разновидность этой болезни: ветряная оспа, или в просторечии — ветрянка. Эта болезнь не столь опасна и заразительна.

— Как вы различаете их? — спросила я.

— Это не всегда легко, ваша светлость, однако у каждой болезни есть свои определенные симптомы. При обеих разновидностях высыпают пустулы, но при ветряной оспе они располагаются главным образом на лице и теле, при малой же оспе бывают поражены прежде всего ноздри. Ваши ноздри совершенно чисты.

Так вот что он, оказывается, хотел установить, прося, чтобы меня раздели. Я почти простила его.

— Стало быть, смерть мне не угрожает?

— Думаю, что нет. Ваша светлость молоды и сильны.

— И у меня не будет никаких отметин?

— Этого, к сожалению, я не могу гарантировать. — Заметив, что чувство облегчения, отразившееся на моем лице, сменилось озабоченностью, он поспешил добавить: — Но если ваша светлость воздержится от расчесывания пустул, можно с полным основанием надеяться, что они бесследно исчезнут, не причинив никакого ущерба вашей красоте.

Я еще не вполне успокоилась.

— И долго ли продлится это заболевание?

— Через две недели вы будете так же здоровы, как и всегда, ваша светлость. Но до выздоровления следует соблюдать полный покой.

Тут он поспешно ретировался, так как я швырнула в него туфлей.

Разумеется, я почувствовала облегчение при мысли, что у меня не малая оспа; но и ветряная в достаточной степени беспокоила меня. Пятнадцатилетняя девушка, все приданое которой — ее красота, скорее предпочтет умереть, чем остаться обезображенной на всю жизнь. Это беспокойство усугублялось советом врача в течение двух недель сохранять полную неподвижность, в то время как я романтически воображала, что мой муж сгорает от желания сжать меня в объятиях.

Вынужденная задержка не меньше раздражала герцога и близких ему дам, которые недвусмысленно высказали свое недовольство по этому поводу. Но они ничего не могли поделать. Лекарям следует повиноваться. Однако я сильно нервничала, и они тоже. На другой день после посещения врача все мое тело сплошь покрылось этими ужасными маленькими волдырями. Так как я постоянно лежала, те из них, что были на спине и на ягодицах, прорывались, и все они, и прорвавшиеся и непрорвавшиеся, нестерпимо зудели. Временами я даже стонала и все-таки не притронулась ни к одному из них, обнаружив ту силу характера, которая так часто выручала меня впоследствии.

И графиня и герцог, казалось, должны были бы понимать, что я не из тех, кем можно пренебречь, но оба они оказались слишком глупы, чтобы сделать надлежащие выводы; сделай они эти выводы, дальнейшая история их нации могла пойти по другому руслу. Во всяком случае я запрещала герцогу, другим мужчинам и особенно Суффолку посещать меня на ложе

болезни. Этот запрет, само собой разумеется, не касался лекаря Роберта, который посещал меня каждый день, но, честно сказать, я даже не считала его мужчиной.

Он хвалил меня за выдержку и в конце концов оказался прав: через десять дней, может быть, самых несчастливых дней в моей жизни, пустулы стали исчезать. С какой тревогой каждый раз смотрела я в зеркало и с каким облегчением замечала, как очищается мое прекрасное лицо. Но следы болезни все же остались. Несколько ямочек на спине и ягодицах и одна, едва различимая, на лице, как раз над левой бровью. Я часто думала, что она не только не нанесла ущерба моей красоте, но даже прибавила мне привлекательности.

К моей радости врач известил меня, что отныне я могу не опасаться заражения более опасной формой этой болезни.

7 апреля Роберт объявил, что мне можно отправиться в путь. Я поблагодарила его и велела даме Элис вручить ему несколько золотых монет. Боюсь, что она этого не сделала по причинам, которые скоро станут ясны, но во всяком случае я сердечно поблагодарила его.

Все это время я, конечно, получала множество пожеланий быстрейшего выздоровления; в течение двух воскресений в Руанском соборе, как и во всех английских церквах, усердно молились за мое исцеление. Все это очень меня растрогало, но приятнее всего оказалось получить письмо от моего дорогого супруга. Впервые в жизни видела я его почерк, и впервые он обращался ко мне прямо, без посредников.

Писал он довольно неразборчиво, прочитать его каракули было непросто, но я поняла, что он тоже считает дни, остающиеся до нашей встречи. Его чув-

ство можно было истолковать как любовь. Но тут я подумала, что объясняться в любви к человеку, которого никогда не видел, — чистейшее лицемерие. Важно другое: он *готов* полюбить. Как и я.

Я пребывала в прекрасном расположении духа, когда наконец смогла продолжать путешествие; вместе с многочисленной свитой мы поплыли на барках вниз по широкому течению Сены, рискуя встретить за Руаном naskaret — высокую приливную волну, идущую вверх по течению и представляющую собой серьезную опасность, ибо в своем стремительном движении она срывает с причала лодки и разрушает деревянные мостки и пристани.

Однако нам удалось благополучно добраться до Онфлёра, и я впервые в жизни увидела широкие воды Ла-Манша. Должна признаться, что зрелище это мне не понравилось. С юго-запада задувал сильный ветер, небо было серое, моросило, а волны казались еще более серыми, чем небо, лишь кое-где среди них белели клочья пены.

— Когда мы сможем пересечь пролив? — спросила я.

— Мы отплываем сегодня ночью, ваша светлость, — сообщил мне герцог.

— В такой шторм? Разумно ли это?

— Ну, какой это шторм, ваша светлость? Ветер довольно слабенький, к тому же еще и попутный. Мы просто проскользнем через пролив, вы даже не заметите, как окажетесь в Портсмуте.

С самой первой нашей встречи я питала инстинктивную неприязнь к этому человеку. Но теперь — я даже не пыталась скрывать этого от самой себя — я его ненавидела. Мне, однако, не оставалось ничего иного, как надеяться, что он прав.

Он и в самом деле оказался прав.

Англичане — островной народ, значительную часть своей жизни они проводят на воде, ибо их главное развлечение — совершать набеги на Францию, по-

этому они хорошо знакомы с причудливым нравом ветра и моря. Никто из моего многочисленного сопровождения не сомневался, что мы благополучно пересечем пролив, и остаток дня был потрачен на то, чтобы разместиться на судах ожидавшей нас небольшой флотилии.

Корабль, на котором мне предстояло плыть вместе со своей свитой, назывался «Иоанн Шербургский». Суда такого типа матросы называют «когом»; высокие борта, приподнятая на носу и на корме палуба, две мачты, очень широкий бимс. В кормовой части корабля находилась просторная каюта, где я и разместилась вместе с Байи, двумя графинями и другими женщинами. На сей раз я употребила свою власть и настояла на том, чтобы Альбион плыл вместе со мной, хотя и на палубе. Для безопасности его приковали цепью, но матросы боязливо обходили его стороной.

И Суффолк и Йорк также сели на прочный ког. Мы слышали, как капитан сказал:

— Клянусь Пресвятой Девой, если мы разобьемся о скалу или столкнемся с пиратами, Англия может лишиться одновременно и своей королевы, и самых первых вельмож.

Суффолк наградил его за эти слова увесистой затрещиной, но я, естественно, была встревожена. Мы сытно поели, не в тесной каюте, а на палубе, где, кстати, предстояло заночевать и милордам. Ветер, на мой взгляд, был чрезвычайно силен, но англичане не обращали на него никакого внимания, и мне невольно пришлось последовать их примеру.

Я стояла на палубе, поглубже, вплоть до самых ушей, нахлобучив свою шляпку, и наблюдала, как матросы отшвартовывают корабль. Один парус уже был поднят, и мы стали медленно отходить от причала. Капитан зычным голосом отдавал команды, матросы носились взад и вперед, выполняя их. Один из них неосторожно наступил Альбиону на хвост, и тот громко заревел. Следом за первым парусом подняли

и другие, и корабль, я пользуюсь выражением матросов, весело заплясал на волнах.

Это определение оказалось лишь наполовину верным. Едва выйдя из гавани, мы и в самом деле заплясали на волнах. Однако никакого веселья я не ощущала. Дождь к этому времени прекратился, ночь выдалась великолепная, свет полной луны озарял бурно волнующиеся воды. Но было бы куда лучше, если бы царила кромешная тьма. Волнение тотчас же подействовало на мой желудок, который сперва изверг обед, а затем и то, чего я вроде бы даже и не ела.

Мои фрейлины проводили меня в каюту и помогли улечься на весьма неудобное ложе: тонкий матрас, постеленный на дощатую палубу. Хлопоча вокруг, они наперебой пичкали меня разными кушаньями и напитками, отчего меня тошнило еще сильнее. Я жаждала смерти и даже молилась, чтобы мы и впрямь разбились о скалы или попали в лапы пиратов, о которых полушутя говорил капитан. Но молитвы мои не были услышаны, и в конце концов, поддавшись крайнему утомлению, я задремала.

Проснулась я днем. Качало уже не так сильно. Рядом со мной сидела графиня Солсбери.

— Мы уже прибыли, миледи? — спросила я, прирожденная оптимистка по натуре.

— Нет, нет, ваша светлость. Мы в Соленте[1], но к ужину должны уже прибыть в Портсмут. Вы не хотели бы увидеть свое новое королевство?

Ее слова воодушевили меня. Я позволила умыть и одеть себя и появилась на палубе. Справа возвышался остров, который надежно защищал нас от ветра, слева лежала низкая, очевидно, заболоченная земля. Это и была Англия.

По своей наивности я вообразила, будто наше путешествие уже закончено. Но мой несокрушимый

---

[1] Западная часть Ла-Манша, между островом Уайтом и Гемпширом.

оптимизм снова подвел меня. Солент оказался куда длиннее, чем я предполагала, — протяженностью более двадцати миль. Здесь встречалось к тому же много песчаных отмелей, среди которых «Иоанну Шербургскому» приходилось постоянно лавировать, что, естественно, еще удлиняло путь. Портсмут, куда мы направлялись, находился в восточном конце. Ввиду неблагоприятной погоды мы вошли в гавань с запада, миновав гряду остроконечных скал под названием Нидлэ[1].

Итак, на то, чтобы пересечь пролив шириной в шестьдесят миль, нам понадобилась целая ночь. Значит, на двадцать оставшихся миль уйдет менее половины этого времени, думала я. И глубоко заблуждалась. У меня теперь уже появился некоторый, причем весьма печальный опыт морского путешествия, и с каждой минутой мои опасения росли и росли. Прежде всего нам приходилось считаться с этими мерзкими приливами и отливами и, соответственно, с морскими течениями. В проливе они устремлены на восток и запад, тогда как курс нашего судна лежал на север. В Соленте два течения — на восток и на запад, и, к несчастью, тут наш корабль держал курс на восток. Несколько часов мы медленно тащились вперед, но когда прилив сменился отливом, нас отнесло почти на то же самое место, где мы были до этого.

Но где же ветер, который помог бы нам преодолеть течения, вызванные приливом и отливом? Увы, на море либо бушует сильный ветер, угрожающий корабельным мачтам, человеческим жизням и... желудкам, либо господствует затишье, приносящее, судя по всему, тоже мало радости. С юго-запада хотя и очень слабый, но дул ветерок — все, что осталось от свежего ночного ветра, к тому же мы находились с подветренной стороны от острова Уайт. Войдя в Со-

---

[1] Иглы *(англ.)*.

лент, с восточным течением скоростью четыре узла (проплыть узкий проход около Нидлз против течения невозможно) за три последующие часа мы прошли около шестнадцати миль. Уже замаячили было вдалеке шпили церквей, но тут прилив сменился отливом, скоростью все те же четыре узла, и нас незаметно оттащило назад на двенадцать миль. К этому времени стало уже смеркаться, и капитан решил бросить якорь в Ярмутском заливе, в северной части острова, ибо ночное плавание в этом районе чревато большими опасностями.

А нас он успокоил, сказав, что если завтра рано утром удастся воспользоваться попутным течением, то за какие-нибудь шесть часов мы доплывем до места назначения.

Я не поверила ему, хотя все окружающие, по-видимому, радовались его решению. И на сей раз оказалась права. Плавное покачивание судна, стоящего на якоре в уютном заливе, только убаюкивало, а не укачивало, и мы хорошо проспали эту ночь. На заре корабль отплыл с легким попутным ветром, имея в запасе шесть часов благоприятного течения. Увы, и ветер и течение оказались еще слабее, чем накануне. Вместо того чтобы, как уверенно предсказывал капитан, достичь Портсмута, мы были вынуждены бросить якорь всего в одной миле от гавани, потому что наступил полный штиль, прилив вновь сменился отливом, и нам пришлось провести еще одну ночь на море.

На переполненном пассажирами «Иоанне Шербургском» было весьма шумно. В довершение всех бед Альбиона тошнило по нескольку раз в день, и одному из матросов, со шваброй и ведром в руках, постоянно приходилось убирать за ним палубу, рискуя ненароком получить удар когтистой лапой. Боюсь, что на корабле уже зрел мятеж, когда мы наконец вошли в гавань.

Я надеялась, что на берегу меня ожидает мой муж, но его там не было. Как оказалось, нам предстояло

направиться на запад, в Саутгемптон, где, как нам сказали, и находился король. По пути в Портсмут мы уже проплывали мимо этого города, расположенного по берегам небольшого залива, закрытого для судоходства из-за многочисленных отмелей и, само собой разумеется, из-за смены приливов и отливов.

Туда-то, невзирая на свое утомление, я и вынуждена была направиться. Это путешествие могло бы оказаться очень приятным, ибо мы ехали по живописным местам, и, вопреки предостережению Суффолка, здешние жители были явно рады видеть меня и с большим энтузиазмом приветствовали во всех селениях, через которые проезжал наш кортеж. К несчастью, непрерывно лил дождь, к тому же нам пришлось пересечь вброд несколько стремительных речек, а потому мы насквозь вымокли. Но все же 14 апреля я достигла Саутгемптона. Меня, даже не дав возможности переменить одежду, немедленно отвезли в местное аббатство и там представили моему супругу.

Как часто я предвкушала этот радостный момент, как часто о нем мечтала! Я даже успокоила свою совесть, растревоженную флиртом с Суффолком, оправдывая себя тем, что причиной моему поступку послужило жгучее нетерпение увидеть моего настоящего мужа, которое и заставляло меня слишком благосклонно относиться к его полномочному представителю. И вот наступил этот столь долгожданный момент!

Первое мое впечатление оказалось весьма благоприятным. Королю в то время исполнилось двадцать три года. Он был высок ростом, слегка худощав, что можно было приписать его молодости. Его удлиненное, чисто выбритое лицо казалось несколько меланхоличным, но Генриха никак нельзя было назвать некрасивым. Когда же, приблизившись к нему, я

сделала глубокий реверанс, он улыбнулся, и улыбка эта придала еще больше очарования его чертам.

Мне, однако, бросилось в глаза, что из всех окружающих меня людей, включая не успевших привести себя в порядок герцога и графа, которые стояли по бокам от меня, меньше всего на короля походил Генрих VI. Одет он был не лучше, а хуже всех. Черный камзол и панталоны, скромнейшее жабо и ни одной драгоценности. Башмаки как у простого работяги и такие же нечищенные. Эти башмаки разительно отличались от элегантной обуви на ногах окружавших его придворных.

Что-то в его облике неуловимо напомнило мне дядю Шарля, за которого я, разумеется, никогда не вышла бы замуж. Но всего более огорчило меня то, что я не увидела ни огня в его глазах, ни величественной осанки, — никаких признаков того, что передо мной сын Великого Гарри, повелителя самого доблестного, воинственного народа на земле. И в этом он также походил на дядю Шарля, который, кстати сказать, приходился дядей и ему. До сих пор я даже не принимала во внимание этого обстоятельства. Теперь оно вызвало у меня сильную озабоченность.

Но ни один из присутствующих не мог бы усомниться в том, что я королева, их королева. Несмотря на плохую погоду к концу последнего этапа нашего путешествия я облачилась в лучшую свою одежду. Хотя мои туфли и оторочка подола платья были запачканы глиной, золотая парча не утратила своего блеска. На мне были все мои драгоценности, а высокая, остроконечная шляпа-хеннин, хотя и слегка отсыревшая, чиркнула по притолоке, когда я входила. Волосы, как и подобает девственнице, я распустила, и они лежали на моих плечах, точно шаль.

Король протянул мне руку, а когда я поцеловала его пальцы, жестом показал, чтобы я выпрямилась.

— Вы обворожительны, мадам, — заметил он. — Совершенно обворожительны. Клянусь, что вы благородный человек, Суффолк.

Это замечание вызвало смех у вельмож с обеих сторон и некоторое смущение у самого графа, без сомнения, сознававшего, насколько беспечно он вел себя по отношению к жене своего повелителя.

Все еще держа меня за руку, король повернулся к окружавшим его вельможам и дамам.

— Мадам, — сказал он, — я хотел бы представить вам моих дядей. Кардинал Бофор...

Кардинал — большой, тучный и багроволицый, как многие прелаты, которому шел уже седьмой десяток, — поцеловал мою свободную руку и одарил меня открытой сияющей улыбкой.

— Хамфри, герцог Глостерский...

Герцогу, младшему и последнему оставшемуся в живых сыну Великого Гарри, было за шестьдесят. Как и его сводный дядя, он отличался, пожалуй, излишней полнотой, но цвет его лица и тонкие, поджатые губы свидетельствовали о вспыльчивом характере, которого многие побаивались. Он отнюдь не удостоил свою новую племянницу сияющей улыбкой, а, наоборот, пронзил проницательным взглядом, как бы пытаясь скорее распознать во мне недостатки, нежели отыскать достоинства. Однако я любезно ему улыбнулась.

Конечно же, в течение долгих месяцев ожидания момента, когда стану королевой Англии, я изучала политическое положение в Англии, в чем, как я уже рассказывала, мне оказал неоценимую помощь граф Суффолк. Поэтому я не только поняла, что эти двое родственников смертельно ненавидящие друг друга соперники, но и уяснила, чем вызвана эта ненависть.

Причины их взаимной вражды коренились отнюдь не в соперничестве по поводу того, кто будет оказывать влияние на короля, а следовательно, и на внешнюю политику Англии. Джон Гонтский, отец

Генриха IV, дед Генриха V, Джона Бедфорда и Хамфри Глостерского и таким образом прадед моего дорогого супруга, отнюдь не был склонен довольствоваться законными лаврами отца семейства, не обрел он успокоения и в объятиях двух своих законных жен. Однажды его похотливые глаза заметили некую Кэтрин Суинфорд, женщину, по общему мнению, очень красивую. Красота была, видимо, ниспослана ей во искупление ее фамилии. Эту женщину мой сводный прадед, будучи далеко уже не молодым человеком, сделал любовницей, а затем и матерью своих детей. Первым родился Джон, вторым Генри, были и еще дети, но они не имеют никакого отношения к моему повествованию. Почувствовав приближение смерти, Джон Гонтский объявил второго сына своим законным наследником и присвоил ему фамилию Бофор по названию замка, где они жили, а единокровный брат Генрих IV удостоил Джона Бофора титула графа Сомерсетского, а затем и герцога. Генри же Бофор, избрав карьеру священника, взлелеял самые честолюбивые замыслы: одно время он даже претендовал на место Папы Римского. Силы, выступавшие против него, были слишком могущественны, но с помощью ловких дипломатических ходов он все же добился для себя красной кардинальской шапочки и стал самым приближенным из всех королевских министров.

Если оставить в стороне наглые притязания этого негодяя Йорка, после смерти Бедфорда, учитывая бездетность короля, Хамфри стал его наследником. Причем *единственным* наследником, ибо, когда Гонт легитимизировал сыновей Суинфорда, он включил в свое завещание условие, что никто из них не может наследовать престол.

Можно, казалось, было предположить, что этот вопрос окончательно решен и не подлежит пересмотру. Но Гонт был мертв, мертвы также его сын Генрих IV и внук Генрих V, зато кардинал Бофор жив.

За минувшие годы он скопил огромное состояние и теперь слыл богатейшим в стране человеком; ходили даже слухи, будто он не однажды своевременными и щедрыми субсидиями спасал короля от банкротства. Я не в полной мере сознавала значение этого, но не приходилось сомневаться, что кардинал является любимым родственником короля, и в тавернах шепотом поговаривали, будто Генрих VI вполне может одним росчерком пера ликвидировать условие своего прадеда, запрещающее Бофорам наследовать корону.

Разумеется, это не могло касаться кардинала. Тем временем представления продолжались:

— Эдмунд, граф Сомерсетский.

Он доводился племянником епископу Бофору и, следовательно, кузеном королю. Я была премного наслышана о его отце Джоне, первом герцоге Сомерсетском, и его старшем брате, втором герцоге, недавно почившем. Как старший, оставшийся в живых сын первенца, Эдмунд возглавлял Дом Бофоров. Его отец по праву считался победоносным воином, и Эдмунд пытался сравниться с ним, правда безуспешно. Эти попытки дорого обходились Англии, пока на посту губернатора Нормандии его не сменил герцог Йоркский.

Но этот человек, если исключить Бофоров как наследников, был следующим претендентом на трон после Хамфри Глостерского. В то время, однако, когда я его встретила, граф всеми силами стремился получить титул королевского герцога, который имели его отец и старший брат. Но он, несомненно, оставался потенциальным претендентом на трон.

Кто-то может поинтересоваться, почему Хамфри Глостерский не предпринимал никаких шагов, чтобы разрядить взрывоопасную ситуацию. Герцог был главным наследником, и, имей он сына, тот также по праву претендовал бы на корону. Однако ему так и не удалось обзавестись наследником. Как это неудивительно, он выбирал жен не по богатству или плодо-

витости, а по красоте. Знаю, говорили, будто и я была выбрана по тем же признакам, но ведь я королевская дочь и если не являюсь сейчас, то, во всяком случае, была матерью. Хамфри же сначала предложил руку и сердце графине Жаклин Эно — вдове брата дяди Шарля и, следовательно, тоже моего дяди Джона, домогаясь, помимо ее милости, поместий и немалого богатства. Это весьма огорчило ее сеньора, моего старого поклонника герцога Бургундского, и послужило началом долгой ожесточенной вражды, которая закончилась расторжением брака, а заодно и союза Бургундии с Англией. Пока происходили все эти события, у герцога, очевидно, не было времени заниматься продолжением рода.

Устав от раздоров, Хамфри оставил свою голландскую возлюбленную и женился на любовнице, женщине незнатного происхождения по имени Элеанор Кобем. Насколько я понимаю, она была очень хороша собой. Мне не довелось увидеть ни одной из жен герцога, поэтому не могу судить об их красоте, но кончила Элеанор очень плохо. Она стала участницей заговора, направленного против моего дорогого Генри. Сообщники вылепили восковую куклу, точное его изображение, а затем расплавили ее в огне, надеясь, что столь же плачевная участь постигнет и живого монарха. В этом случае герцог Хамфри взошел бы на престол, а Элеанор стала бы королевой.

Какой честолюбивый замысел!

И не менее бессмысленный. Да к тому же он был раскрыт: один из этой братии — примечательно, что его, как и деда моего Генриха, звали Болингброком, — под пытками во всем признался. Его вместе с сообщницей по прозвищу Ведьма Дурной Глаз наказали по всей строгости закона: ведьму сожгли на костре, а колдуна, как принято у англичан, повесили, еще живого вынули из петли, затем кастрировали, выпотрошили, обезглавили, а тело четвертовали. Третий сообщник, священнослужитель Саделл, умер в тюрьме.

Положение жены королевского герцога избавило Элеанор от столь ужасной участи. Но как кающуюся грешницу ее заставили пройти босиком в одной сорочке, с зажженной свечой в руке по улицам Лондона, после чего приговорили к пожизненному заключению, и весь остаток дней несчастную узницу переводили из замка в замок.

Все эти события произошли за три года до моего замужества и, естественно, отнюдь не способствовали смягчению вспыльчивого нрава Хамфри. Ему пришлось наблюдать со стороны, как унижали и бесчестили его возлюбленную жену; он даже пальцем не мог пошевелить для ее защиты, ибо — и не без основания — опасался, что подобное же обвинение будет предъявлено и ему самому.

Краткое описание наиболее влиятельных вельмож, которыми я не по своей воле оказалась окружена, дает некоторое представление о мрачной картине, которую представлял собой английский двор того времени. Но меня ничуть не волновали честолюбивые притязания и горести окружающих. Все мои помыслы были устремлены к королю, моему повелителю и супругу. В нем я видела воплощение своих честолюбивых замыслов и не сомневалась в нашем совместном возвышении на пути к славе, верила, что нас объединит любовь и общие родительские чувства.

Не хочу говорить о том, что сбылось из всего этого, но, по крайней мере, я знаменита.

Глава 3

Я наивно предполагала, что начавшееся еще в прошлом году в Туре преображение принцессы Маргариты Анжуйской в английскую королеву в тот момент, как я соединилась со своим мужем, завершилось. Мне предстоял еще долгий путь.

Прежде всего должна была состояться официальная свадебная церемония. Ее назначили на 23 апреля, то есть по прошествии девяти дней после моей первой встречи с королем. На протяжении этого времени я видела его светлость всего один раз, да и то мимоходом; второй раз я встретилась с ним намеренно, о чем сейчас и поведаю.

Хотя я сгорала от нетерпения стать наконец признанной супругой величайшего, как неустанно повторяли мне окружающие, короля во всем христианском мире, задержка огорчала меня отнюдь не так сильно, как можно было бы предположить. Прежде всего я не прочь была оправиться от утомительного морского путешествия и перенесенной ветряной оспы. Кроме того, я полагала, что придворные швеи за это время сумеют сшить для меня еще более роскошное платье, чем то, в котором я появлялась в Нанси или в соборе Парижской Богоматери. А еще мне хотелось оценить свое положение и составить более определенное мнение о муже и обществе, в котором суждено было вращаться до конца дней.

Первое мое желание полностью исполнилось. После полуторанедельного отдыха в Саутгемптоне я чувствовала себя как никогда здоровой.

Осуществить второе желание оказалось непросто.

— Ваша светлость, вы непременно должны надеть то же платье, в котором были на предварительной свадьбе, — решительно заявила герцогиня Солсбери. Ее поддержали многие другие родственницы, и среди них самая влиятельная — герцогиня Йоркская, которую даже подруги называли Гордячкой Сис и которая обладала еще более властным характером, чем ее невестка.

Она принадлежала, как я уже упоминала, к семейству Невиллей; двое ее братьев — граф Уэстморленд и граф Солсбери — были весьма влиятельными людьми. Из этих двоих наиболее могущественным считался Ричард Невилль, граф Солсбери. По прибытии в

Саутгемптон я однажды встречалась с ним, но так как он был мужем моей «bête noire»[1], я заочно испытывала к нему глубокую неприязнь, а после того, как увидела, это чувство лишь усугубилось. Тем не менее оба эти брата, унаследовавшие от своих предков большие поместья, являлись богатейшими людьми в королевстве, исключая разве что кардинала (и, как ни странно, собственного сына Солсбери, о котором я расскажу позднее). Но они ревностно почитали своего зятя герцога Йоркского.

Так вот именно Гордячка Сис и нанесла смертельный удар по моим надеждам на новое платье.

— В казне нет денег, ваша светлость, — сказала она. — Их пришлось полностью израсходовать на то, чтобы привезти вас сюда.

Ее слова произвели на меня ошеломляющее впечатление. Я воспитывалась в так называемой благородной бедности. Мой отец был королем без королевства: большую часть принадлежащих ему владений захватили англичане. Мне всегда внушали, что и дядя Шарль находится почти в таком же, как мы, положении. Хотя он и обладает королевством, но значительная его часть также захвачена этими «проклятыми англичанами», чьей королевой по воле судьбы я стала. Но я также знала, что всякий раз, когда мой отец оказывался на грани полного разорения, французская королевская казна неизменно приходила ему на помощь, и что именно дядя Шарль, пусть он и сам пребывал в затруднительном положении, оплатил пышные празднества, сопровождающие мою предварительную свадьбу.

Все придворные дяди Шарля были глубоко убеждены, что английский король богат, как сам Крез, и мне предстоит вознестись от бедности к роскоши, которой я не могла представить себе даже в самых смелых мечтах. Мечты мои, смею заверить, были не

---

[1] Нечто ненавистное, в высшей степени противное *(фр.)*.

так уж и смелы, но я нисколько не сомневалась, что отныне могу тратить когда и сколько захочу. А тут мне вдруг заявляют, что в королевских сундуках недостаточно денег, чтобы оплатить мое новое свадебное платье.

Надеюсь, мне не поставят в вину, что я сразу же заподозрила злой умысел со стороны этих дам (которые все, как и подтвердилось впоследствии, были убежденными йоркистами, то есть сторонницами герцога Иоркского и противницами Ланкастерского Дома). Их, несомненно, порадовало бы, окажись я недостаточно хорошо одетой для своего нового положения. Однако, когда я обратилась к дорогой Элис, она подтвердила ужасающую правду. Продолжающаяся вражда между кардиналом и герцогом Хамфри губительно сказывалась на управлении Англией и прежде всего на сборе налогов. Иными словами, мой супруг находился в бедственном положении.

Я разрыдалась — скорее от гнева, чем от жалости к себе, что свойственно скорее какой-нибудь молочнице, и выбрала единственно возможный путь, который, надеялась, поможет преодолеть все препятствия.

— Мне нужно поговорить с королем, — решительно заявила я.

— С королем? — Дамы переглянулись.

— Со своим мужем, — напомнила я.

— Но ведь состоялась еще только предварительная свадьба, ваша светлость, — возразила графиня Солсбери.

— Смотрите не пожалейте о своих словах, миледи, — выпалила я, совершенно выведенная из себя, так как мне показалось, будто и она, и все остальные потешаются надо мной. — Я хочу повидать его светлость. И немедленно.

— Ваша светлость, — проговорила Гордячка Сис, сделав изысканный реверанс, — это невозможно. Его светлость молится.

Я выглянула в окно. Солнце стояло уже почти в зените.

— Хорошо, — согласилась я. — Повидаю его перед обедом. Или, еще лучше, пообедаю вместе с ним.

— Ваша светлость, король всегда обедает один. И он молится вплоть до самого обеда.

Ну что ж, решила я, подобное положение дел следует изменить с самого начала: при дворе дяди Шарля обед всегда был настоящим празднеством.

— В таком случае я повидаю его после обеда.

— После обеда, ваша светлость, король возвращается к своим молитвам.

— Мадам, — отрезала я, — нахожу ваше остроумие совершенно неуместным.

Графиня Солсбери удивленно воззрилась на меня.

— Но я говорю чистую правду, ваша светлость. Его светлость проводит большую часть своего времени в молитвах. Особенно в эту последнюю неделю. — Она взглянула на своих компаньонок, которые не могли сдержать смеха. — Король готовится к такому трудному испытанию, как женитьба.

Я сверкнула глазами на нее, на всех остальных и, подобрав юбки, оставила комнату. Снаружи я увидела мать-настоятельницу, беседовавшую с Байи.

— Проводите меня к королю, — потребовала я.

Последовало ужасное смятение. Дражайшая Элис в отчаянии заламывала руки. Гордячка Сис и ее подруги неотступно следовали за мною по пятам, стараясь отговорить от опрометчивого поступка, монахини лихорадочно суетились, не зная, что делать. Меж тем Байи спокойно приказала, чтобы мне подали лошадь. Я села на нее в чем была, даже без хуппеланда, который бы укрыл меня от дождя. К счастью, на голове у меня оказалась фетровая шляпка с плюмажем, а не обычная островерхая шляпа, доставлявшая невероятные трудности при ношении.

На улице не было столь обычного, как я впоследствии убедилась, дождя. За мной торопливо последо-

вали мои конюшие. После расставания в Руане с французскими вельможами я была полностью лишена мужского общества, если не считать этих дюжих парней, влюбившихся в меня с первого взгляда. Я направилась прямо в аббатство.

Здесь мое появление породило еще большее смятение, чем отъезд из монастыря. Стражники схватились за алебарды, оруженосцы поспешили к своим хозяевам, чтобы предупредить их о моем прибытии, лаяли собаки, монахи озадаченно почесывали свои тонзуры... Я же пробежала мимо них всех, спрашивая на ходу, где находится король.

Как оказалось, Генрих только что перестал молиться и мыл руки, прежде чем усесться за обед. Вспомнив, что и у меня тоже руки немытые, я обратилась к трепещущим монахам:

— Принесите мне миску с водой и полотенце. И проведите в трапезную, где обедает король.

Король обедал в общей трапезной, высоком и довольно красивом — если бы не простые скамьи и положенные на козлы доски вместо столов — зале. Окуная пальцы в принесенную обеспокоенными братьями миску, я наблюдала за этой сценой, и тут появились довольно небрежно одетые графы Суффолк и Сомерсет, оба разгоряченные и встревоженные.

Несмотря на это и тот и другой был очень красив.

— Ваша светлость, — оба мужчины поклонились, — у вас какие-то затруднения?

— Ничего особенного, милорды, — ответила я. — Просто хочу поговорить со своим мужем. И у меня такое впечатление, будто все королевство старается помешать нашей встрече.

Было ясно, мои собеседники стушевались, не зная, что ответить. К счастью для них, появился сам Генрих в сопровождении кардинала и других особ.

— Мадам! — изумленно воскликнул мой муж. — Фи, и еще раз фи!

Впоследствии я узнала, что это довольно нелепое ругательство было единственным, которое он себе позволял.

Я упала перед ним на колени, и он протянул руки, чтобы поднять меня.

— Что-нибудь случилось?

— Я просто хотела поговорим с моим мужем, сир.

— Но у вас еще нет мужа, мадам.

Если у меня и в самом деле не было мужа, почему же он упорно называл меня мадам, а не мадемуазель?

— По закону вы уже мой муж, сир, — напомнила я ему.

— Но не в глазах церкви, мадам. Есть сила более великая, чем все людские законы. Вам не подобает навещать меня здесь, пока церковь не благословит наш союз. У вас какое-то срочное дело?

К этому времени я уже пребывала на грани взрыва. Какой мужчина, в чьих жилах течет не рыбья кровь, не порадовался бы визиту прекрасной женщины, которая через несколько дней взойдет на его ложе? И все же я изобразила улыбку и медоточивым голосом сказала:

— Я хотела бы спросить вашего совета, какое платье надеть на венчание.

— Но, мадам, это чисто женская проблема. Есть куда более неотложные дела, — сказал он и, смягчившись, добавил: — Мне бы очень понравилось, Мег, если бы вы облачились во власяницу. Пожалуй, это был бы наиболее подходящий наряд для нас обоих, ибо мы все грешны перед Господом нашим.

Я, однако, не собиралась сдаваться.

— Вы льстите мне, сир. Но подумайте, какое впечатление это произведет на ваших подданных. Английская королева, конечно же, должна выглядеть английской королевой.

На мгновение Генрих нахмурился, и сердце у меня оборвалось. Но он тут же улыбнулся.

— Разумеется, вы правы, милая Мег. Ваша просьба будет выполнена. А теперь вы должны удалиться. Милорды!

Оба графа быстро направились ко мне, но первым возле меня оказался Суффолк, он-то и стал моим сопровождающим.

— Все-таки мне удалось утереть нос этим наглым особам, — сказала я ему.

— Вы смелы до дерзости, — ответил граф.

— Я понравилась его светлости. А это главное.

— Вы всегда будете нравиться ему, милая Мег. — Он сжал мою руку. — Вам только нужно всегда помнить, что дела духовные для него куда важнее мирских.

Суффолк проводил меня до самого монастыря, но следом за нами шли мои конюшие и подоспевшие фрейлины, среди них и его собственная жена, поэтому у него не было возможности утешить меня. Я отлично понимала, что в течение по крайней мере еще нескольких дней мне придется следовать советам Гордячки Сис: своим властным характером она совершенно подавляла дорогую Элис. Однако, к своей вящей досаде, Сис получила приказ свыше и вынуждена была его исполнить. На другой же день появилась швея по имени Маргарет Чемберлейн — как мне не преминули сообщить, лучшая во всем королевстве. Без лишней суеты она принялась за работу, а я нежно прижалась к Альбиону, чувствуя, как рядом с моим сердцем бьется сердце зверя.

И вот наконец наступил великий день и меня препроводили в Тичфилдское аббатство, с тем чтобы епископ Аскью Солсбери совершил обряд венчания. Я была в великолепной небесно-голубой юбке и ярко-желтом лифе, отороченных мехом горностая. Небесно-голубую накидку также украшал горностай. Желтую шляпу дополняла золотистая вуаль; и шляпу и

воротник украшали все драгоценности, какие только нашли мои фрейлины.

Церемония собрала множество знатных вельмож и леди, они продрогли, дожидаясь под мелким дождем, но когда я проходила мимо, низко кланялись и ахали, пораженные моей красотой. К своему восторгу я увидела, что и Генрих впервые одет как король: в алую тунику и голубые панталоны. Грудь его украшали вышитые золотом английские леопарды (львы). Он выглядел истинным королем и настоящим мужчиной.

Рядом с ним стояли трое: мужчина и два отрока примерно моего возраста; их мне не доводилось видеть прежде. К моему удивлению оказалось, что это отчим и сводные братья короля. Но, пожалуй, говоря так, я несколько приукрашиваю истину, и виной тому некоторые своеобразные подробности жизни семьи, в которую вошла. Второй женой недоброй памяти Ричарда II, как известно, была принцесса Изабелла, сестра моего дяди Шарля. Она вышла за него замуж двенадцати лет; судя по всему, Ричард II не мог иметь детей, а кроме того, питал болезненную любовь к покойной первой жене Анне Богемской. Это, однако, не помешало тете Изабелле страстно полюбить своего мужа. Она продолжала любить Ричарда даже после того, как его — по излюбленной привычке англичан — низложили и убили.

В конце концов она вернулась во Францию, где вышла замуж за Карла Орлеанского, графа Ангулемского, который имел некоторые основания считать себя поэтом, но умер всего двадцати лет от роду. Вскоре ей предложили выйти замуж за сына Генриха IV, тогда принца Уэльского, ставшего впоследствии королем Генрихом V. Изабелла без малейших колебаний отклонила предложение сына, как она считала, узурпатора и убийцы ее дорогого Ричарда.

Ничуть не пав духом, Генрих сделал предложение сестре Изабеллы, но и та наотрез отказала ему. Толь-

ко после того, как в 1415 году французы потерпели полное поражение при Азенкуре и французская монархия капитулировала, приняв позорное условие о том, что Генрих станет королем Франции вместо Карла VI Безумного, матримониальные намерения Генриха наконец осуществились: у Карла была дочь по имени Катрин, так вот эта моя тетя не нашла смелости сказать «нет», когда победитель попросил ее руки. Таким образом тетя Катрин[1] стала матерью моего дорогого Генриха.

Однако, как все знают, через шесть лет после женитьбы, когда Великий Гарри прекратил свои бесконечные военные кампании и выбрал наконец время, чтобы обзавестись сыном, он скоропостижно скончался, оставив после себя девятимесячного младенца. Королева-мать, иностранка по происхождению, оказалась в довольно затруднительном положении. Она, естественно, считала, что никто лучше нее не сможет отстоять интересы сына в первые, наиболее опасные годы его жизни. Однако братья покойного короля Бедфорд и Глостер имели по этому поводу иное мнение. Они считали своим долгом продолжать войну и окончательно осуществить притязания Великого Гарри на французский трон. Мой будущий супруг был коронован в том самом соборе Парижской Богоматери, где состоялась наша предварительная свадьба. В то время он как раз находился в английских руках. Это был не более чем красивый жест: французские короли традиционно короновались в Реймском соборе. Но так как англичане не могли захватить Реймс, им не оставалось ничего иного, как довольствоваться собором Парижской Богоматери. Но в то время как они провозгласили Генриха королем Англии и Франции, дядя Шарль, в нарушение подписанного его отцом договора, короновался в Реймском соборе. В сложившейся ситуации дяди короля не могли облечь

[1] Екатерина Валуа (1401—1437).

регентской властью (а стало быть, обеспечить и продолжение войны за французский престол) королеву, которая доводилась сестрой дяде Шарлю.

Поэтому тетю Катрин вежливо отстранили от дел; предоставили ей приличное жилище и доход, попросив, чтобы она ни во что не вмешивалась. В то время ей исполнился двадцать один год, она была смелой и, боюсь, неуравновешенной женщиной. Что ей оставалось делать? Лишенная возможности играть важную роль, которая, казалось бы, должна соответствовать ее положению, она обратилась к своим личным делам и из множества окружавших ее людей выбрала своим фаворитом некоего уэльского сквайра по имени Оуэн Тюдор.

В скором времени он уже согревал ее постель. Сам Оуэн всегда утверждал, что был законным мужем Катрин, но это очевидная ложь. Даже если они сочетались церковным браком, то его все равно нельзя признать законным, потому что бывшая королева не может вновь выйти замуж без согласия своего сына или — если таковые имеются — его регентов. Катрин не обращалась с подобной просьбой к братьям покойного короля, сын же ее был еще совсем ребенком и, понятно, не мог решать подобных вопросов. Когда Бедфорд и Глостер узнали о том, что происходит (к тому времени живот моей милой тетушки стал пухнуть, и скрыть это оказалось невозможно), разразился скандал. Оуэн незамедлительно оказался в лондонском Тауэре и мог почитать за счастье, что избежал плахи.

Но вскоре гроза миновала, и в течение нескольких последующих лет Катрин родила от своего возлюбленного троих сыновей и двух дочерей. Она умерла за восемь лет до моего замужества, тридцати шести лет от роду. Ее кончину, без сомнения, ускорил изнурительный любовный союз и его последствия. К сожалению, я никогда с ней не встречалась. Но самого Оуэна Тюдора его пасынок вос-

кресил из полного забвения. Он получил ежегодную пенсию и даже был принят при дворе. В живых остались два его сына — Эдмунд и Джаспер. Эдмунд был моим сверстником, ему исполнилось пятнадцать, Джаспер годом моложе. Эти, как и я, невысокого роста молодые люди, живые и энергичные, выглядели достаточно красивыми, хотя волосы у них были ярко-морковного цвета, а лица сплошь усеивали веснушки. Они понравились мне с первого взгляда, и впоследствии мы подружились.

Однако и улыбающиеся Тюдоры, и набычившийся герцог Хамфри, и бесстыдная Сис, и даже обеспокоенный красавец Суффолк да не менее красивый, но более утонченный Сомерсет утратили для меня всякое значение, когда я вложила свою белую ручку в руку своего мужа. По завершении брачного обряда мы были соединены, чтобы делить «горе и радости». Не знаю, многие ли невесты заключали столь выгодную для себя сделку?

Но в тот миг, во всяком случае, я была безмерно счастлива. Особенно когда увидела свое обручальное кольцо со вправленным в него огромным мерцающим алым рубином. Впоследствии я узнала, что этот камень подарил королю кардинал Бофор. Мне никогда не доводилось иметь такой драгоценности, и я сияла, как подаренный мне рубин.

Наконец свершилось событие, которого я так долго ждала. Меня не смутило даже то обстоятельство, что наша свадьба не была отпразднована с подобающей пышностью; меня заверили, что празднества отложены до коронации, которая состоится в Вестминстерском аббатстве в конце мая. А пока меня ждал медовый месяц.

За свою довольно еще короткую жизнь я успела заметить, что короли ни в чем не отличаются от других мужчин. Мой дорогой папа по не зависящим от

него обстоятельствам вынужден был проводить большую часть своей жизни вдали от постели любимой жены. Но когда он возвращался домой, они с маман сразу же удалялись в опочивальню, за запертые двери, и через некоторое время появлялись встрепанные и счастливые. Дядя Шарль волочился за любой женщиной, мадам или мадемуазель, которая имела счастье или несчастье ему понравиться. Иными словами, в моем представлении короли были так же любвеобильны, как и все прочие мужчины, но имели куда больше шансов на успех. У кого хватит смелости отказать королю?

Меня воспитывала не только маман, но и еще прилежней тетя Мари и бабушка Иоланта Арагонская; все они внушали мне, что плотская любовь — отнюдь не привилегия мужчин, разумеется, при соответствующих обстоятельствах. Еще в раннем девичестве меня начали готовить к замужеству и прежде всего к первой брачной ночи. А то, что мой муж — король, что он высок и красив и, очевидно, отличается добрым физическим здоровьем, служило для меня лишь дополнительным источником радости, как бы позлащая и без того прекрасную лилию; так, по крайней мере, мне казалось, когда я размышляла о любовных утехах. Поэтому, после того как мои фрейлины с веселыми непристойными шутками раздели меня, облачив в просторную ночную рубашку и бархатные шлепанцы, я с распущенными волосами, сбегавшими по спине до самых ягодиц, чуть ли не бегом кинулась к опочивальне короля; по пятам за мной бежали фрейлины.

Следует помнить, что мы были в аббатстве. И все же меня поразила опочивальня: такая маленькая и так скудно обставлена. Она подходила скорее для монаха, — вероятно, обычно ее и занимал один из монахов, — чем для короля и королевы. Но даже более чем скромная обстановка не повлияла на мое приподнятое настроение. Меня не огорчило и то, что в ком-

нате находилось много мужчин. Гордячка Сис, естественно, потребовала, чтобы они пропустили нас, но все же нам пришлось проталкиваться сквозь толпу млеющих от вожделения мужчин, и за эти несколько минут я получила больше тайных щипков, чем за всю свою предыдущую жизнь. Однако я продолжала упорно стремиться к своей цели. Думаю, те счастливцы, которым удалось ущипнуть ягодицу королевы, надолго сохранят память об этом. Наконец я добралась до своего мужа, одетого в мантию. К моему удивлению он был еще и в ночном колпаке с кисточкой, которая нелепо болталась у него за ухом. Колпак придавал ему большое сходство с шутом, каковых, по-моему, очень недоставало английскому двору.

Отбросив эту случайную мысль, я сосредоточилась на том, что мне предстояло сделать.

— Сир, — сказала я, опускаясь на одно колено.

— Жена моя, — ответил он, поднимая меня за руку. Видя, что он колеблется, я поцеловала его в щеку, и это было, если можно так считать, первое соприкосновение наших тел.

Вельможи и знатные дамы отреагировали на мой поступок одобрительными восклицаниями, однако сам король выглядел сконфуженным. По старинному обычаю нам поднесли сливовые пирожки, обмакнутые в пряный эль, от чего наши щеки раскраснелись и король еще более сконфузился. Отставив в сторону блюдо с пирожками, он хлопнул в ладоши.

— Милорды и миледи, — сказал он, — боюсь, что вам придется оставить нас.

Странные, что и говорить, слова. Но приближенные все же покинули нас с многочисленными пожеланиями счастья и радости.

Наконец дверь затворилась, и мы остались одни.

— Люди они неплохие, — заметил Генрих. — Жаль только, что почти все ненавидят меня.

— Ненавидят вас, сир? — переспросила я с некоторой тревогой.

— Такова, должно быть, участь монархов — чтобы их ненавидели, — сказал он без сколько-нибудь заметного негодования.

— Но кто именно, сир?

Он пожал плечами.

— Милорды ненавидят меня за то, что я не веду их войной на Францию.

— Но только не граф Суффолкский?

— Нет, нет. Он человек неплохой. То же самое можно сказать и о моем кузене Сомерсете. Но Йорк...

— Но ведь и он тоже ваш кузен, сир.

— Да, — мрачно отозвался Генрих. — Да. — И, посмотрев на меня, добавил: — Но это неподходящий разговор для нашей брачной ночи. Встаньте со мной рядом на колени.

— Охотно, сир. — У меня мелькнула было мысль, что он хочет предаться каким-то незнакомым мне английским любовным утехам. Однако мой муж вознамерился помолиться. Ну что ж, не возражаю. Прошло несколько минут, а он продолжал что-то бормотать себе под нос, тогда как я уже успела попросить Всеблагого Господа послать нам счастливое завершение этой ночи, и у меня стали побаливать колени. Я смогла выдержать еще несколько минут, после чего поднялась на ноги. Видя, что король не обратил на меня никакого внимания, я улеглась в постель, сбросив рубашку, ибо в камине полыхал огонь, и в комнате было довольно жарко. К тому же лежать в постели одетой казалось мне совершенно нелепой затеей.

Тут король поднял голову и взглянул на меня в явном замешательстве. Как я впоследствии узнала, он впервые в жизни видел обнаженное женское тело, и хотя я была еще недостаточно зрелой пятнадцатилетней девушкой, могу, не опасаясь ничьих возражений, сказать, что он взирал на само совершенство. Однако Генрих не был доволен.

— Мег, — предостерегающе заявил он мне, — вы ведете себя непристойно. Где ваша одежда?

— На мне нет ничего, — ответила я.

— Тогда прикройте ваш срам одеялом.

В некотором недоумении я повиновалась и принялась исподтишка наблюдать, как он раздевается. Оказалось, однако, что под мантией скрывалась плотная ночная рубаха. Таков, видимо, сказала я себе, английский обычай. Но мой оптимизм был поколеблен, когда, забравшись под одеяло, мой муж лег на спину и, не удостаивая меня взглядом, уставился на балдахин над нашими головами. Через несколько минут, потеряв терпение, я приподнялась на локте.

— Вы недовольны мною, сир?

Наконец он повернул ко мне голову.

— Недоволен? Нет, нет, Мег. Вы еще так молоды. И к тому же француженка.

В его голосе слышалось осуждение. Но я не теряла выдержки.

— Я только хотела бы угодить вам, милорд.

— Вам это, несомненно, удастся, милая Мег. Поговорим об этом завтра. — С этими словами он приподнялся, но не для того чтобы заключить меня в объятья, а всего лишь задуть свечу, после чего улегся снова, спиной ко мне!

В молчании прошли несколько минут. Но я не собиралась так легко сдаваться. Подавляя искушение ткнуть его как следует локтем в ребра, я села на постели.

— Сир, мы еще не муж и жена.

Изумленный, он перекатился на спину и так резко приподнялся, что я чуть не упала с кровати.

— Хорошенькое дело! Разве наш союз не освящен епископом в этом самом аббатстве?

— Да, сир. Но брак еще не брак ни перед Господом, ни перед людьми, пока он не получил завершения. Это всеобщий закон, признаваемый как церковью, так и государством.

Несколько секунд Генрих не отвечал, затем тяжело вздохнул.

— Конечно же, вы правы. Но я никак не ожидал встретить у юной девушки такого пристрастия к формальным процедурам.

— Формальным процедурам?! — вскричала я, невольно забывшись. — Но я же ваша жена.

— Да ведь она француженка, — пробормотал он, — француженка. — И тон у него был такой, словно он вдруг обнаружил, что оказался в одной постели с ведьмой. Затем Генрих снова лег. — Милая Мег. В этом деле, признаться, я ничего не смыслю.

Понадобилось несколько секунд, прежде чем я обрела дар речи. Я просто не могла себе представить, чтобы взрослый двадцатитрехлетний мужчина, не монах, оказался девственником. Тем более король!.. И все же я по-прежнему не теряла выдержки. Возможно, мне даже повезло, ибо если он никогда не знал других женщин, то не исключено, никогда и не пожелает их знать. Оба хорошо знакомых мне короля имели множество любовниц, и у меня перед глазами стоял печальный пример: я хорошо помнила, как мадемуазель Сорель вытеснила тетю Мари из их общей с мужем постели.

— В таком случае, сир, — заявила я, стараясь придерживаться как можно более обезоруживающего тона, — нам придется учить друг друга.

Может ли слепец быть поводырем слепца? Меня направлял мой природный инстинкт, чего, однако, нельзя сказать о моем муже. Мне пришлось все делать самой, и должна признаться, что в этом случае я не оказалась на должной высоте. Наконец в изнеможении мы оба забылись тяжелым сном, а наутро, как только придворные дамы принесли нам по бокалу поссета[1], Генрих тут же покинул спальню.

---

[1] Горячий напиток из молока, сахара и специй с добавлением вина.

Гордячка Сис, не скрывая презрения, осмотрела наши простыни.

— Вы еще не королева, ваша светлость, — заметила она.

Но настойчивость всегда была одной из главных черт моего характера, о чем эта мерзкая женщина позднее узнала на своем собственном опыте, и прежде чем мы отправились в Лондон, я стала королевой Англии не только по названию, но и фактически. Случившееся, однако, потрясло Генриха, ибо я не смогла сдержать крика, когда наконец он нашел в себе достаточно мужской силы, чтобы войти в меня: бедняга решил было, что нанес мне смертельное увечье.

Дело в том, что еще в детстве Генриха разлучили с матерью и воспитывали его люди, которые стремились сочетать обычные школьные предметы с обучением воинской науке, не давая себе ни малейшего труда познакомить молодого человека с реальной действительностью. К тому времени, когда он, побуждаемый проснувшейся чувственностью, мог бы полюбопытствовать, что скрывается под юбками придворных дам, в нем уже наметился тот поворот к Церкви, который позднее привел его к крайней религиозности.

Естественные отношения между мужчиной и женщиной он, по наущению церковников, рассматривал как некий порок, который допустим лишь в целях продолжения рода. Упаси Бог испытывать при этом вожделение или, хуже того, похоть. Напрасно старалась я убедить его, что для успешного завершения супружеских объятий необходима некоторая прелюдия, предварительная игра: каждый раз, после очередного неловкого соития, он молился о прощении.

Но, как ни странно, во время нашего медового месяца Генрих все же влюбился в меня. Уверяю вас, что это не досужая выдумка отвергнутой женщины. Каждый день он давал мне все новые свидетельст-

ва своей любви. Хотя король по-прежнему неохотно предавался чувственным удовольствиям, он стал проводить больше времени в моем обществе, чем посвящал молитвам. А узнав, что своей эмблемой я избрала скромную маргаритку, тут же последовал моему примеру и велел украсить этой эмблемой почти все свои одежды и даже солонки, и ножи.

Я поклялась строго придерживаться правды в этих своих записках — ведь никто никогда их не прочитает — и должна признаться, что с каждым днем, проведенным в обществе Генриха, я все сильнее убеждалась, что судьба сыграла со мной весьма злую шутку. Я предполагала, что выхожу замуж за человека баснословно богатого, хотя меня и насторожил случай с подвенечным платьем, но постепенно поняла, что король, вынужденный поддерживать пышный образ жизни, был куда менее богат, чем Невилли или Бофоры.

Я знала, что выхожу за сына Великого Гарри, так оно на самом деле и было, однако трудно представить себе сына, менее похожего на отца, которого до небес превозносила молва. И при этом я упустила из виду, что моим мужем станет сын тети Катрин и, стало быть, внук Карла Безумного. Мне и во сне не снилось, какой катастрофой это может обернуться.

Я думала, что выхожу замуж за великого воителя, но до нашей женитьбы Генрих ни разу не бывал ближе чем в ста милях от места сражения и даже никогда не обменивался ударами копьем на рыцарских турнирах.

Я полагала, что выхожу замуж за настоящего мужчину, однако уже писала о том, каким жалким любовником он оказался.

Я считала, что мне на роду написано стать матерью королей, которые прославят Англию.

Нет, я вовсе не была настолько наивна, чтобы думать, будто смогу зачать уже во время медового месяца, но слабосилие Генриха заставило меня усом-

ниться, что я вообще когда-либо забеременею от него. Оставалось одно утешение: я вознамерилась стать английской королевой, и этому не мог помешать ни один мужчина и ни одна женщина.

Вряд ли я когда-нибудь забуду свой торжественный въезд в Лондон. Событие это состоялось 28 мая, и хотя мне пришлось перенести немало огорчений в течение двух предыдущих месяцев, это был, бесспорно, величайший день в моей жизни.

Не могу сказать, чтобы город показался мне хоть сколько-нибудь привлекательным. Площадью он был меньше половины Парижа и, за исключением огромной крепости, именовавшейся Тауэр, представлял собой довольно убогое зрелище. Однако Лондон являлся сердцем королевства.

Сознаюсь, я довольно сильно нервничала. Меня предупреждали, что лондонцы — самый своевольный, непокорный, неразумный и мятежный сброд во всем мире. Они придерживались своих собственных законов, даже король должен был испрашивать позволения, чтобы въехать в пределы города, и даже король, имей он несчастье навлечь на себя их недовольство, не был застрахован от того, что его забросают обломками кирпичей. Меня также предостерегали, что лондонцы подвержены резким антифранцузским настроениям. Поэтому я отнюдь не испытывала уверенности, что этот день не станет последним днем моей жизни, и даже, признаться, задумывалась над тем, что испытывает человек, которого разрывают на куски.

Все мои тревоги оказались напрасными. Наш въезд в город был обставлен со всей возможной пышностью, и в кои-то веки все благоприятствовало нам: в небе не было ни единого облачка, солнце сияло во всем своем великолепии. К тому же в течение двадцати четырех часов перед нашим прибытием по водопроводу вместо воды шло вино. Подобное предприятие

требовало точного расчета: Трезвый лондонец непредсказуем, хотя обычно и добродушен; подвыпивший лондонец также добродушен, но если разгневается, может превратиться в настоящего зверя; перепившего же лондонца тянет ко сну. В этом же случае общее количество вина было как раз таковым, чтобы поддерживать городское население в хорошем настроении и состоянии бодрствования.

К тому же лондонцы обожают торжества, а это было всем торжествам торжество. Впереди нашей процессии шествовал оркестр из трубачей и барабанщиков, их фанфары и размеренная барабанная дробь предупреждали о нашем приближении. Позже музыканты заняли отведенное им место возле городской ратуши, чтобы сопровождать музыкой все предстоящие события. Затем следовала группа прелестных девственниц — по крайней мере, так официально утверждалось. Девушки шли, разбрасывая лепестки роз налево и направо, и облачены они были в такие прозрачные одежды, что официальное утверждение об их непорочности вызывало сильные сомнения. Хотя солнце и сияло ослепительно ярко, но день выдался весьма прохладный и они рисковали подхватить простуду. Далее скакал отряд вооруженных пиками солдат в полных доспехах, с поднятыми забралами; с гордым видом проезжали всадники через толпу и, как им было приказано, даже улыбались, когда видели шныряющих под ногами у коней ребятишек.

Еще далее вышагивал отряд грозных валлийских лучников, весьма популярных у лондонцев, справедливо считающих их грозой французов. За лучниками шла группа пышно разодетых знатных вельмож и дам, улыбавшихся и приветственно махавших руками немытой толпе. Я была счастлива видеть среди них герцогиню Иоркскую и графиню Солсбери, которые наконец-то заняли подобающее им место, рядом с простыми горожанами, проще говоря чернью.

Далее, на поводке, величественно шагал полувзрослый Альбион. Его появление нагоняло страх на всех собравшихся.

Непосредственно за львом ехали мы. Балдахин над нами держали герцоги Глостер, Букингем (потомок младшего сына Эдуарда III) и Йорк, графы Суффолк, Сомерсет, Солсбери, Уэстморленд, а перед нами выступал кардинал Бофор.

Генрих, в полных доспехах, с короной на шлеме, восседал на крупном боевом коне, который причинял мне некоторое беспокойство своим крутым норовом. Сама же я ехала на белой лошадке.

Одета я была в свое первое свадебное платье, с плащом поверх него, ибо, как я уже писала, дул прохладный восточный ветерок, и в высокий, отделанный золотом и серебряным шитьем головной убор — хеннин, — с прикрепленной к нему белой вуалью, которая развевалась у меня за спиной. Мои распущенные волосы тоже развевались на ветру, а когда я вновь и вновь поднимала руку, чтобы приветствовать горожан, мой великолепный рубин ярко вспыхивал на солнце.

Горожане громко, до хрипоты, кричали. Это был первый и, к несчастью, единственный раз, когда лондонцы приветствовали свою королеву с таким воодушевлением. То же самое можно сказать и о воодушевлении, которое испытывала королева, глядя на них.

Шествие закончилось пышным банкетом в городской ратуше, продлившемся до самого вечера. Затем, совершенно удовлетворенные, мы оставили город и поднялись на барке по течению к селению Вестминстер. Здесь, на самом берегу Темзы, располагался королевский дворец.

Я была приятно удивлена моим новым жилищем, ибо увидела перед собой большой дворец, разумеется с башнями, но лишенный того мрачного крепостного вида, который был характерен для каждого

дома, где я до сих пор останавливалась. Даже дядя Шарли провел всю свою жизнь, перебираясь из крепости в крепость, ибо только там чувствовал себя в безопасности, огражденный не только от грабителей-англичан, но и от козней своего кузена Луи. Однако в Англии подобных опасений, видимо, не существует. Жизнь на острове имеет свои преимущества: вторгнуться сюда — дело довольно трудное, заранее провозглашаемое во всеуслышание, а потому остается достаточно много времени, чтобы подготовиться к обороне или же спастись бегством. Только шотландцы, живущие на несколько сот миль севернее, могут напасть на Англию, не пересекая пролива.

Внутри, однако, Вестминстерский дворец оказался не столь привлекателен, как снаружи. Он походил на все крепости, в которых проходило мое детство: огромные комнаты, коридоры, где гуляет сквозняк, беспрестанно топочущая стража и почти полное отсутствие возможности уединиться. Дворец находится всего в нескольких ярдах от Вестминстерского аббатства, большого собора, воздвигнутого Эдуардом Исповедником четыреста лет тому назад. Мой супруг считал этот дворец чрезвычайно удобным во всех отношениях. Эдуард Исповедник в его глазах был величайшим монархом, когда-либо восседавшим на английском троне, хотя подобное мнение и оскорбляло память его знаменитого отца и даже еще более знаменитого прапрадеда, могущественного Эдуарда III. Исповедник, как известно, никогда не обнажал меча в защиту своего королевства или преследуя убегающего врага.

Близость собора означала, что большая часть каждого дня была заполнена трезвоном колоколов или голосами церковных певчих. Никто никогда не обвинял меня в пренебрежении к религии, но всякая набожность должна иметь разумный предел. Мне нравилось проводить время, разгуливая по выходящей на

Темзу террасе и любуясь стремительными водами и плывущими по ним судами, ибо река служила главной транспортной артерией, которая соединяла город с морем и внутренними районами страны.

Соседство аббатства имело лишь одно, причем кратковременное, преимущество: когда настал день моей коронации, мне пришлось пройти всего несколько шагов. Коронация не без основания считается апогеем жизни всякого монарха. До этого поистине магического мгновения он или она осуществляют правление по наследственному праву, вполне легитимно или даже, осмелюсь сказать, по праву узурпации. К этому времени я уже была супругой короля, и, стало быть, все признавали меня своей королевой. И все же, пока перед многолюдным сборищем супругу короля не помажут на царство и не провозгласят ее королевой во имя Отца, Сына и Святого Духа, в глазах истории она всего лишь нуль. Если до этого магического мгновения ее настигнет смерть, ее имя так и останется всего лишь записью в летописной хронике.

Особенно важен этот торжественный обряд для такой, как я, иностранки: все должны увидеть — и принять! — ее увенчание королевской короной. Говоря это, я подразумеваю скорее знатных вельмож, лордов, а не простой народ; как я хорошо знала, лишь небольшая горстка из них имела хоть какое-то понятие о содержании моего брачного контракта. По мере приближения этого важнейшего момента все соображения, вместе взятые, заставляли меня сильно нервничать. К тому же простой, казалось бы, обряд — помазание и коронование — заранее вызывал безудержное волнение у такой юной девушки, как я, которая, хотя и стала женой короля, все же сохраняла целомудрие и скромность.

Поэтому я затрепетала, когда Генрих предложил мне руку, и, облаченная во второе свадебное платье, которое, благодаря искусству миссис Чэмберлейн, легче расстегивалось в подходящий момент, остави-

ла дворец, сопровождаемая эскортом особ царской крови и их супруг. Вновь собралась громадная толпа, и вновь моя красота приковала ко мне всеобщее внимание, для чего на этот раз были вполне веские основания.

Окруженная своим эскортом, я поднялась по ступеням лестницы, ведущей к аббатству, и там меня приветствовал архиепископ Стаффорд Кентерберийский, первое лицо в духовной иерархии страны. Этот человек не доводился родственником двоюродному брату короля Хамфри Стаффорду, герцогу Букингемскому, стоявшему у моего плеча, но он стал бы вторым по важности после короля человеком в Англии, прояви он большую настойчивость в делах. Однако архиепископ предпочитал вести жизнь ученого схимника, за что мой муж и любил его, уступая поле мирской деятельности епископу Уинчестерскому, кардиналу Бофору.

На сей раз архиепископу предстояло выполнить достаточно приятные обязанности. Я восседала на троне, и после того, как были прочитаны различные молитвы, фрейлины сняли с меня мантию, а затем расстегнули платье, открыв мое тело вплоть до самой талии любострастным взглядам собравшейся толпы.

Момент был не из приятных, ибо, хотя немытая толпа, находясь на значительном расстоянии, вряд ли могла различить что-либо, кроме белого пятна кожи, полуприкрытой каштановыми волосами, высшие мужи государства и их жены стояли довольно близко, некоторые совсем рядом, у плеча, и пожирали глазами девушку, которая стала их королевой.

Мне оставалось только набрать полную грудь воздуха и расправить плечи, сожалея, что не могу предложить большего, в то время как Гордячка Сис и другие дамы, вероятно, с горьким сожалением думали о своей увядающей красоте, которой я противопоставила цветущую молодость. Боюсь, однако, что я сильно подпортила впечатление, задрожав, когда на

мои плечи закапало миро, — идиоты-священники забыли его подогреть.

И вот наконец на мою голову водрузили корону, и на плечи и титьки — неприятное английское слово, означающее женские груди, которое я не стану больше употреблять, — набросили плащ, и я поднялась, чтобы предстать перед радостно орущей толпой горожан.

Когда я вернулась во дворец, меня уже дожидались, чтобы представиться, знатные вельможи и их супруги. Разумеется, я встречалась раньше с герцогом Хамфри Глостерским, герцогом Ричардом Йоркским и с графом Эдмундом Сомерсетским. Все это были особы царской крови, как и Хамфри Стаффордский, герцог Букингемский. Я уже упоминала о том, что он сыграл важную роль в подготовке моего замужества. В ту пору ему исполнилось сорок три года, он был истинным Плантагенетом: рослым, красивым, с золотистыми волосами и волевым лицом. Он сразу же понравился мне, понравилась и его жена, хотя до женитьбы она была Анной Невилль. Иными словами, она доводилась сестрой Гордячке Сис, а королевские кузены Ричард Йоркский и Хамфри Букингемский были свояками.

По случаю торжества они прибыли вместе со своими сыновьями. Тут был младший Эдуард, граф Марчский, которого я уже встречала во Франции, прехорошенький, не по летам серьезный трехлетний бутуз. Хамфри Стаффорд-младший, уже подросток, показался мне куда более привлекательным, может быть, потому, что, как все видели, был безумно влюблен в свою королеву. Подобное же благородное чувство, очевидно, питал и старший сын кузена Эдмунда, которому еще не было и десяти.

За герцогами царской крови стояли знатнейшие лорды, среди них выделялись два брата — графы Солсбери и Уэстморленд. Старший из них, Ричард Невилль, граф Солсбери, считался одним из бога-

тейших людей королевства и как брат Сис и Анны до моего появления на сцене был одним из возможных наследников Генриха.

Граф также имел нескольких сыновей-подростков. Тогда-то я в первый раз и столкнулась лицом к лицу с наследником Солсбери, его соименником, Ричардом, в то время семнадцатилетним юношей. Он был достаточно взрослым, чтобы приглянуться пятнадцатилетней девушке, только-только ставшей его королевой. Я видела перед собой высокого светловолосого юношу с очень прямой осанкой и достаточно повелительным видом. Его одежды были безукоризненны, шапочка — из лучшего бархата, и когда он наклонился, чтобы поцеловать мне руку, ему почти удалось создать впечатление, будто это *он* оказывает *мне* милость.

До этого дня я почти не обращала на него внимания, хотя Суффолк и Элис, разумеется, просветили меня насчет того, кто есть кто. Но этому юноше впоследствии суждено было сыграть важную роль в правлении страной. Его весьма изворотливые родители обеспечили своему сыну блестящее будущее, незадолго перед тем сговорив его с Анной Бошан. Отец Анны Бошан, Ричард, граф Уорик, был фаворитом Генриха V, именно он руководил образованием моего Генриха в детские годы. Этот богатейший во всей Англии граф умер шесть лет тому назад, и Анна была его единственной наследницей. Поэтому, женившись на ней, Ричард Невилль-младший в двадцать один год становился графом Уорикским, одним из знатнейших вельмож Англии. Даже не принимая во внимание моей неприязни к его матери и тете, не говоря уже об отце и дяде, я назвала достаточно веские причины для того, чтобы недолюбливать и его самого. Когда Ричард выпрямился, я посмотрела ему прямо в глаза, и по спине у меня пробежал холодок. Возможно, я и впрямь еще не согрелась после помазания, когда пришлось стоять с расстегнутым платьем,

однако в тот солнечный день мне, похоже, удалось заглянуть в душу юноши, который позднее решится на борьбу за верховную власть в этом мире.

Подумать только, я находилась в обществе двух своих заклятых врагов — будущего короля Эдуарда IV и будущего графа Уорикского, Делателя Королей, — в расцвете своего могущества и славы, тогда как один был ребенком, а другой совсем еще юнцом, и не потребовала, чтобы им отрубили головы!

Следующие три дня царило праздничное веселье: танцы, маскарады, рыцарские турниры. Мы проводили время приятно и мило, даже Йорки и Невилли неизменно держались доброжелательно и учтиво. Однако все это было очень утомительно, и уже за полночь мы с Генрихом буквально валились на наше ложе. В то время я еще не вполне осознавала жестокую реальность нашего брака, хотя Генрих ворчал по поводу напрасной траты времени и денег и каждое утро, как бы поздно ни лег накануне, спозаранок отправлялся в аббатство, где трезвонили эти проклятые колокола. Его уход был для меня облегчением. Он не настаивал, чтобы я сопровождала его; оставшись одна, я тут же сбрасывала с себя плотную ночную рубашку, которую по его настоянию надевала каждую ночь, начиная с той, первой, и, распластавшись на постели, сладко потягивалась, думая: «Я английская королева! Я первая королева во всей Европе! А стало быть, и во всем мире!»

Празднества предусматривали поднесение мне даров знатнейшими вельможами, эти дары разнились в зависимости от имеющихся у них средств и их понимания того, что́ именно должно мне понравиться. Мне надарили много посуды и драгоценностей, которые весьма пригодились впоследствии, а также

множество всяких безделушек. Но больше всего мне понравился сравнительно недорогой, по крайней мере с точки зрения его денежной стоимости, подарок. Это была великолепно иллюстрированная книга французских рыцарских романов, преподнесенная Толботом, графом Шрусбери, в то время первым солдатом Англии. Сами романы, разумеется, не шли в сравнение с новеллами нежно любимого мною Боккаччо, но я проводила долгие часы, разглядывая иллюстрации к ним.

Еще более мне понравилось то, что меня попросили сесть вместе с кардиналом и важнейшими служащими казначейства, чтобы уточнить мое финансовое положение. Сама я не принимала никакого участия в состоявшейся по этому поводу, причем не всегда с соблюдением должного достоинства, перебранке, предпочитая оставить подобные мирские дела в надежных руках кардинала, на чью преданность вполне можно было положиться. После всех подсчетов выяснилось, что мой ежегодный доход составляет четыре тысячи шестьсот шестьдесят шесть фунтов стерлингов, тринадцать шиллингов и четыре пенса. Фунт стерлингов был общепринятой английской денежной единицей, своим внедрением обязанной финансовым отношениям с Ганзейской лигой, главным перевозчиком товаров в северной Европе. Лига исчисляла переводимые денежные средства в истерлингах, или пеннивейтах[1], которые стали символизировать надежную монету и гарантированные немедленные платежи. Англичане, сами предприимчивые купцы, переняли этот способ ведения дел, опустив первую букву в названии монеты. Что до надежности монеты и гарантированности немедленных платежей, то тут были свои трудности, однако для молодой девушки, которая никогда не имела в руках и пары су, исчисленная сумма дохода каза-

[1] Мера веса, одна двадцатая унции.

лась чудовищно большой, особенно после того, как к ней добавили стоимость земли — две тысячи фунтов.

Я думаю, что первая неделя замужества оказалась счастливейшей в моей жизни, как предыдущей, так и последующей. Если позже я и бывала очень счастлива, то лишь украдкой и урывками, да к тому же мое счастье всегда было омрачено сознанием вины.

Но в то время, если я и ожидала каких-либо перемен в своей судьбе, то только к лучшему. Подобные перемены целиком зависели от моего мужа, и будучи молодой и восторженной девушкой, я не сомневалась, что они скоро последуют.

Между тем сразу же после моей коронации надлежало уладить множество неотложных дел, чтобы вернуть придворную жизнь и управление страной в обычное русло. Прежде чем покинуть Вестминстер, знатнейшие вельможи, их супруги и свиты поочередно являлись ко мне во дворец, дабы изъявить свои верноподданнические чувства и попрощаться.

— Вы, ваша светлость, подобны алой-алой розе, — снисходительно проронил герцог Йоркский. — Надеюсь, что вы будете цвести вечно!

— Я молюсь за ваше счастье, — подпела ему Гордячка Сис. — Не соблаговолите ли вы поцеловать нашего сына?

Мне протянули маленького Эдуарда, и я с готовностью обняла и поцеловала карапуза, тем более что в то время я вообще любила детей. Она подвела ко мне также стайку дочурок, которых я обласкала.

— С вами, ваша светлость, в Англии воцарилось вечное лето, — сказал граф Солсбери. — Вам стоит только поманить пальчиком, и все жители этой страны стремглав прибегут к вам. И самым первым буду я.

Какое лицемерие!

Наконец все разъехались, и в Вестминстере вновь стало спокойно и тихо.

— Как я мечтала о том, чтобы мы наконец остались одни, Генри! — сказала я мужу.

— Да, все они дурно воспитаны, сплошь невежи, — согласился он, очевидно зная их куда лучше, чем я.

— Чем мы займемся сегодня? — спросила я, подпрыгивая на кровати. — Я знаю! Мы поедем на охоту! — С тех пор как я покинула Францию, я еще ни разу не была на охоте.

— На охоту?

— Разве вы не охотитесь? — спросила я в некотором замешательстве. — Все короли охотятся. И вместе со своими женами.

— О Мег, Мег, вы еще совсем девочка, поэтому вам можно простить все. — Он нежно, хотя и без всякой чувственности обнял меня. — Охота — лишь пустая трата времени и сил, сущее бедствие для несчастных оленей. Я возвращаюсь к своим молитвам. Последние несколько недель я прискорбно пренебрегал своим святым долгом. — И это говорил человек, который все те недели, что я его знала, ежедневно проводил, по крайней мере, по шесть часов на коленях!

После его ухода я играла с Альбионом, но большую часть времени пребывала в несколько раздраженном состоянии, к вящему беспокойству моих фрейлин, особенно Элис Суффолк. Я была так молода и полна сил, так торопилась жить. Я была английской королевой! Мне хотелось заняться каким-нибудь делом, но приходилось целыми днями, склонясь над шитьем, выслушивать пустопорожние разговоры о людях, которых я, в сущности, не знала и которые в то время ни капли меня не интересовали. Какой поднялся шум, когда мне вздумалось осмотреть весь дворец, не исключая и кухни. Но все это ничто по сравнению с тем невообразимым переполо-

хом, что повлекло за собой мое желание отправиться на прогулку верхом. Срочно были выведены отряды гвардейцев, оглушительно трубили трубы, взад и вперед носились грумы, а некоторые слабонервные дамы даже попадали в обморок. Я поняла, что если настою на самом своем заветном желании и отправлюсь на охоту, то не обойтись без нескольких апоплексических ударов, а потому решила на время отказаться от своего намерения.

И это оказался не единственный мой крест. Не прошло и месяца после того, как я стала женой Генриха, как мне стали внушать, что английской королеве не подобает иметь гофмейстера-француза. Мне даже намекнули, что и моей главной постельничьей не должна оставаться француженка. Я наотрез отказалась расстаться с Байи, но вынуждена была согласиться на то, чтобы мсье д'Эристаль вернулся во Францию. В ту пору я еще хотела выглядеть такой же англичанкой, как и все окружающие. Бедный д'Эристаль глубоко огорчился, но, честно сказать, английские манеры коробили его так же сильно, как и меня, к тому же в качестве моего гофмейстера он приносил столь же мало пользы, как пятое колесо у телеги.

Он был заменен английским рыцарем, сэром Джоном Уэнлоком, здравомыслящим на первый взгляд человеком средних лет; еще в ранней молодости он сражался при Азенкуре, владел кое-какими землями, подаренными ему Генрихом V, время от времени считавшим своим долгом вести себя по-отечески. Эта замена меня возмутила, я то и дело бросала в него чем попало. Однако со временем я оценила его несомненные достоинства и поняла, что, взявшись служить мне, он останется моим верным подданным вплоть до самой смерти. Большего женщина не может требовать ни от одного мужчины. Мы подружились, хотя наша дружба и подверглась тяжким испытаниям на протяжении последующих двадцати пяти лет.

Хорошо известно, что для новобрачной, тем более королевы, самое лучшее забеременеть сразу же после свадьбы, это, как говорится, идеальный случай. Я могла бы назвать множество принцесс, которых стремление во что бы то ни стало родить престолонаследника безвременно свело в могилу, но это ничуть не останавливало меня. К сожалению, и в этом случае подтвердилась поговорка: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Я знаю так же хорошо, как и остальные, что никто сколько-нибудь основательно не разбирается в тайнах деторождения. Почти все бесчисленные теории, выдвинутые по этому поводу людьми учеными, совершеннейшая чушь. А ведь среди них даже есть школа, последователи которой усматривают причиной зачатия жидкость, испускаемую мужчиной в самом разгаре страсти. Теория, предполагающая, будто в этой липкой жидкости может содержаться некая жизненная сила, разумеется, абсурдна и противоречит элементарной логике, ибо и женщина тоже испускает нечто подобное, но кто слышал, чтобы хотя бы один мужчина забеременел?

Находятся ученые, заявляющие, будто сам по себе брак, соединение и освящение Господом двух тел и, что гораздо важнее, двух душ, вполне достаточное условие для продолжения человеческого рода, и это, собственно говоря, единственная цель создания человека. Хотелось бы, чтобы это оказалось именно так. Но данная теория не объясняет, почему многие семейные пары остаются бездетными. Причина их бесплодия, как утверждают, коренится в совершенных ими грехах, но ведь обычно эти несчастные люди — сущие праведники. Не объясняет она и того, почему в этом мире столько незаконнорожденных.

Нет, нет. Самая правдоподобная причина зачатия — соединение мужского естества с женской плотью, хотя никто и не может растолковать, почему это так. Сама

же я убеждена в том — эта моя теория, конечно, нуждается в проверке, — что женщина находится в состоянии постоянной беременности, и только мужской член может способствовать тому, чтобы она выполнила свой долг. Это заключение подтверждается всем моим опытом и позволяет объяснить, почему я так и не смогла зачать от короля.

А ведь Генрих нежно любил меня. Для меня это так же бесспорно, как то, что солнце ежедневно встает над землей. Но это была любовь того же рода, какую мальчик питает к своим игрушкам, а взрослый мужчина — к лошадям или собакам. Он любил обнимать меня, гладить мои волосы... волосы, но не груди или ягодицы, ибо опасался, что это может породить похотливые мысли. По этой же самой причине после нашей первой ночи он избегал смотреть на меня, обнаженную. Увы, собственный печальный опыт убеждает меня, что мужчине очень трудно достичь нужного состояния, чтобы войти в женщину, если только его не волнуют похотливые мысли — желательно, именно об этой женщине. Но лучше уж пусть он думает о ком-нибудь или о чем-нибудь другом, чем ни о ком и ни о чем. После сказанного мною нетрудно догадаться, что Генрих с его закоренелым упрямством редко бывал в нужном состоянии, чтобы воздать мне должное.

Когда он все же бывал в таком состоянии, страх перед похотью мешал ему входить достаточно глубоко, чтобы возбудить мою женственность и способствовать зачатию.

Подобное положение дел крайне раздражало меня. И очень беспокоило, ибо главнейшая обязанность королевы — родить престолонаследника. Но я не теряла надежды. Я была молода и Генрих молод. Все еще казалось возможным. Однако я готова была прибегнуть к любому средству, только бы разрешить эту неприятную проблему. Но я не находила никаких средств, хоть сколько-нибудь приемлемых для

пятнадцатилетней девушки, которой с детства внушали идеалы чести и верности, которую учили почитать святость брака, что, может быть, было и неплохо.

Я надеялась, что время от времени смогу наслаждаться обществом Суффолка, тем более что Элис продолжала оставаться моей фрейлиной. Однако самым важным событием, происшедшим после моей коронации, был созыв парламента. Парламент представляет собой сугубо английское учреждение, неизвестное во Франции, на его сессии король предстает перед парламентариями, съезжающимися со всей страны. В числе его членов — первейшие вельможи, хотя в основном он состоит из представителей простого народа; и король вынужден просить их о денежных субсидиях в форме различных налогов.

Конечно, и у нас во Франции есть свои parlements[1], но их функции ограничиваются городским или областным самоуправлением и не имеют общегосударственного значения. Король Франции наделен полномочиями при необходимости созвать Генеральные штаты, собрание вельмож, простолюдинов и духовенства, представителей населения всей страны. Насколько я помню, дядя Шарли никогда не созывал Генеральных штатов, но уж если они и созывались, то только для того, чтобы выслушать пожелания своего августейшего монарха, а вовсе не затем, чтобы он выяснял, какие суммы согласны пожертвовать ему подданные. Но в финансовой области, как и во многих других, англичане придерживаются своеобразных обычаев. В этом причина того, что никто не нуждался в деньгах так, как мой дорогой Генрих. Он должен с чашей в руке просить подаяния у своих подданных, и это представлялась мне верхом самоотречения.

---

[1] Парламент, суды *(фр.)*.

Должна сразу же признаться, что я мало смыслю в финансировании государства. Никогда в жизни я не встречала короля, который имел бы достаточно денег. И все же королевства финансируются, по указу короля или по его воле, с помощью займов или контрибуций. Англия — единственная известная мне страна, где это делается посредством споров и торговли между королем и его подданными. Торговля эта может принимать разные формы. Но чаще всего парламентарии заявляют королю — подумайте только, королю! — «Мы дадим вам требуемые суммы взамен на такие-то и такие уступки». Достаточно на миг задуматься, чтобы понять, до какого логического абсурда может довести подобный порядок. Хуже всего, что палата общин, как она гордо себя именует, считает себя вправе вмешиваться во все государственные дела, разве что только не отдает приказов воюющей армии. Но так как Генрих никогда не командовал армией, подобный вопрос просто-напросто не возникал.

Вот почему, по требованию этих самых лордов и палаты общин совершив несколько трудных поездок во Францию, после долгих споров и обсуждений, выторговав желанный приз, а именно меня, а также перемирие между Англией и Францией, мой дражайший Суффолк вынужден был предстать перед этим свинским парламентом и отстаивать в палате общин все, им совершенное!

Критиковали его за отсутствие у меня приданого. То, что Суффолк, стараясь заполучить меня, пожертвовал территорией, которую англичанам угодно было считать своей, хранилось в строжайшей тайне. Граф мужественно защищался, вопрошая, может ли быть лучшее приданое, чем, пусть кратковременное, перемирие, позволяющее прекратить пролитие крови англичан и трату английских денег? Это заявление встретило ожесточенные возражения членов партии войны, возглавляемой Глостером. Но в тот период они оказались в меньшинстве, ибо палата общин не хоте-

ла ассигновать на ведение государственных дел более средств, чем требовалось, и купец по имени Уильям Бёрли, выборный глава палаты общин, носивший титул «спикера», ибо выражал общие мысли, призвал всех поблагодарить маркиза за важные деяния, совершенные им в интересах страны. Это предложение было принято с таким шумным одобрением, что даже Глостеру пришлось поддержать его.

Суффолк воспользовался неожиданной возможностью укрепить свои позиции, сознавая, что на горизонте уже маячит большая грозовая туча, пока еще невидимая глазам англичан, и потребовал подтверждения гарантий, предоставленных ему еще до поездки во Францию и предусматривающих, что он не будет подвергнут критике или наказанию за все содеянное им во время посольской миссии, в том числе за все договоренности. Палата под шумные аплодисменты удовлетворила его требование.

Это был подходящий случай высказать и свои требования, и, когда Генрих заявил, что очень доволен результатом дебатов, я не преминула заметить:

— Я не считаю, что маркиз достойно вознагражден за свои труды.

— А что еще я могу сделать для него, моя куколка? Он гораздо богаче меня, даже если бы у меня и были какие-то свободные деньги.

— Деньги не имеют большого значения для такого человека, как Суффолк, — возразила я. — Он только хочет, чтобы его признали тем, кем он на самом деле и является — первым человеком твоего королевства, мой любимый.

Генрих погладил свой подбородок. Он не любил споров, за исключением чисто академических, но я видела, что он не согласен со мной, очевидно опасаясь своих дядей.

— Больше всего Суффолка, да и меня тоже, мой дорогой, — продолжала я, — обрадовало бы пожалование ему титула герцога.

Генрих был поражен.

— Присвоить ему титул герцога? Но ведь в жилах Суффолка нет царской крови. Он может быть возведен в герцогское достоинство только за совершенно исключительные заслуги перед короной.

Я вздернула брови.

— А разве, душа моя, он не имеет совершенно исключительных заслуг перед короной? Если я здесь, то исключительно благодаря его усилиям.

Генрих ни в чем не мог мне отказать, и мы обо всем договорились. Граф должен был вскоре стать герцогом Суффолкским. Когда мы сказали ему об этом, он пришел в полнейший восторг. Глубоко растрогана была и Элис.

Но прежде чем успело последовать официальное извещение, из Парижа пришла новость: к нам направляется посольство, чтобы в соответствии с договоренностью, на которую пришлось пойти Суффолку, обсудить передачу Мэна и города Ле-Ман.

Глава 4

Сказать, что это сообщение изумило нас, было бы слишком мягко. Я всегда знала, что дядя Шарли — хитрый похотливый плут; кузен же Луи хотя и не такой похотливец, однако еще больший лицемер, чем его отец. Но я никак не ожидала, что они проявят полнейшее равнодушие к моей популярности в Англии, тесно увязав мой брак с важнейшими вопросами национальной политики.

Теперь нам оставалось лишь крепиться в ожидании надвигающейся бури; к тому же, как я узнала впоследствии, у дяди Шарли имелись кое-какие оправдания для подобного образа действий. В то лето он был не в себе. Возникает законный вопрос: когда же он бывал в себе, да и какова она, его истинная сущность. В его поведении и прежде наблюдались

странности, странности же обычно усугубляет горе. А тут как раз умерла Маргарита Шотландская, жена кузена Луи и любимица дяди Шарли (разумеется, после мадемуазель Сорель и меня), умерла еще совсем юной, немногим старше, чем я.

Как я слышала, Маргарита охотилась и вернулась в свои покои такой разгоряченной, что разделась догола и встала перед открытым окном. Естественно, она тут же схватила простуду, которая перешла в воспаление легких, повлекшее за собой быструю смерть. Дядя Шарли впал в полнейшее отчаяние, куда более огорченный этой потерей, чем муж Маргариты, мой кузен Луи, с его холодной рыбьей кровью. Мое сердце разрывалось при мысли о том, какие переживания выпали дяде Шарлю... и все же я была крайне недовольна тем, что он поставил в трудное положение Генриха и меня, не говоря уже о бедном Суффолке.

Посольство, прибывшее 14 июля, возглавляли архиепископ Реймский и граф Вандомский. Само собой разумеется, я хорошо знала их обоих. Они были сама учтивость и переговоры начали с того, что пригласили Генриха посетить Францию, чтобы встретиться там с дядей Шарли (да, он и ему приходился дядей), и обсудить весь комплекс англо-французских отношений. Предложение показалось мне необыкновенно заманчивым, ибо я, без сомнения, должна была бы сопровождать мужа и смогла бы побывать в тех любимых местах, где прошло мое детство, да к тому же в пышном облачении королевы.

Я также надеялась, что подобная встреча повлечет за собой благие результаты, предотвратив готовые обрушиться на нас ужасающие бедствия.

Но английские лорды воспротивились встрече двух королей, поэтому предложение так и не было принято, хотя в течение последующих лет французы не раз пытались возобновить переговоры.

Однако не могло идти и речи о передаче Мэна и Ле-Мана. Генрих вынужден был созвать своих лор-

дов и сообщить им все условия брачного контракта. Нетрудно себе представить, какой бурный резонанс эта новость вызвала, какие всколыхнулись страсти. Вся вина была возложена на графа Суффолкского и меня. Никто, естественно, не требовал привлечь нас к ответственности. Я ничего не знала о переговорах до их окончания, к тому же была королевой. Что до Суффолка, то он, как мы знаем, заручился гарантиями, еще раз подтвержденными в предыдущем месяце. Но страсти уже оказалось не унять.

Известие о случившемся, очевидно, просочилось за стены палаты лордов, ибо, к моему огорчению, люди на улицах стали осыпать меня проклятиями. Какие-то сорванцы даже попытались забросать меня комьями грязи. Благодаря бдительности моей охраны ни один из них не попал в меня, но происшествие было очень неприятное, ибо ознаменовало конец моей популярности среди английского народа, по крайней мере среди обитателей Лондона и его окрестностей. Могу добавить, что и они тоже лишились моей любви. Генрих, как и следовало ожидать, никак не мог уразуметь, из-за чего весь этот переполох.

— Уверяю вас, куколка, — сказал он мне, — что вы мне куда дороже, чем какое-то обнищалое французское герцогство, тем более что оно законно принадлежит вашему отцу.

Я отнюдь не сочла его слова за комплимент. И что еще хуже, он отказывался предпринять какие-нибудь меры против негодяев, словесно оскорблявших меня.

— Что вы, — заявил он, — если бы я велел арестовать всех, кто публично оскорбляет меня на улицах, то мое королевство давно опустело бы.

Это, по моему мнению, было не так уж плохо. Поскольку Генрих не желал что-либо предпринять, мне пришлось проглотить обиду. Но худшее еще ждало впереди. Англичане склонны верить слухам о всевозможных тайных заговорах. Все, что не находит мгновенного объяснения, они относят на счет

каких-то закулисных махинаций, сговора злых гениев. Если Суффолк, ради того чтобы получить мою руку, пожертвовал английской землей, значит, на то была куда более зловещая причина, чем желание сделать приятное своему королю или хотя бы на время прекратить войну. И вскоре поползли слухи, будто человек, которому доверили заменять жениха во Франции, не ограничившись этой ролью, заменил и мужа, потому-то, утверждали дамы, и не оказалось явных свидетельств естественного завершения брака во время моей первой брачной ночи, проведенной с Генрихом; по их словам, я утратила право называться девушкой еще задолго до этого.

— Подлецы! — негодовала Элис, готовая защищать своего мужа. — Огорчительно даже думать, ваша светлость, как низко могут пасть люди!

— Глупцы! — откомментировал Генрих. — Это надо же полагать, будто пятнадцатилетней девушке способен понравиться мужчина втрое ее старше.

Суффолк и я исподтишка переглянулись, отлично сознавая, что эта злая выдумка вполне могла бы оказаться правдой.

Большинство знати, однако, поддерживало точку зрения короля, и когда англичане наотрез отказались передать герцогство до назначенного срока, то есть до истечения двух лет, буря утихла.

Но с тех пор я испытывала растущее замешательство всякий раз, когда встречала кого-нибудь из лордов или, что еще хуже, их супруг, ибо не имела понятия, о чем они шепчутся за моей спиной.

Поскольку при сложившихся обстоятельствах было неразумно слишком часто видеться с Суффолком, я стала проводить значительную часть своего досуга с Бофорами, не только близкими родственниками, без сомнения, преданными и королю и мне, но и шумным счастливым семейством. В их обществе

я забывала о всех своих тревогах и неприятностях. Даже кардинал нередко отрешался от торжественной серьезности, свойственной служителям церкви, шутил и рассказывал веселые истории, которых знал превеликое множество, а его кошель всегда был готов выручить Генриха при любых денежных затруднениях. Небеса знают, что таковых находилось предостаточно. Но узнав Бофора лучше, я всерьез встревожилась состоянием его здоровья. Шестидесятивосьмилетний мужчина, проживший полную, изобиловавшую превратностями жизнь, мне, пятнадцатилетней девушке, казался дряхлым старцем. Сейчас мне самой за пятьдесят, но прежнее мое представление не изменилось. Но и тогда я была достаточно умна, чтобы понять: кардинал — одна из надежнейших опор Генрихова трона, а стало быть, и моего собственного, и поэтому без устали молилась, чтобы, когда Бофор покинет этот бренный мир, ему удалось найти достойную замену.

Суффолк был главным министром Генриха, и, учитывая равнодушие к делам короля, стремившегося найти себе какое-нибудь более интересное занятие, скажем, пойти помолиться либо посетить монастырь или церковь, граф являлся фактически полновластным правителем страны. Но в жилах Суффолка, хотя он и был моим любимцем, не текла королевская кровь; всякий раз, когда я его видела, у меня учащенно колотилось сердце, но даже в своем юном возрасте я хорошо понимала, что главной его заботой является Уильям де ла Пол. Вероятно, я уже тогда чувствовала, что впереди смутные времена, хотя эти мои опасения пока и не облекались в отчетливые мысли. Однако я не могла не задумываться, насколько прочной опорой будет Пол, если события обернутся против нас.

Куда естественнее было бы возлагать надежду на кого-нибудь из Бофоров, но и тут имелись трудности. Кузен Эдмунд, хорошо сложенный, осанистый

мужчина с совершенно явными фамильными чертами Плантагенетов во всем облике, тридцати девяти лет от роду, пребывал в самом расцвете сил. Но, к прискорбию, он страдал приступами меланхолии, более свойственной женщинам, если, конечно, это слово применимо к знаменитому, почти непобедимому солдату. К тому же был необыкновенно суеверен. Возможно, каждый из нас подвержен предрассудкам, но Эдмунд безоговорочно верил любым предсказаниям. В юности какой-то гадатель предостерег его, посоветовав «опасаться» замков. Естественно, поверив в подобную чушь, он оказался в довольно трудном положении, ибо где, кроме замков, мог жить пэр королевства? Общаться с графом стоило большого труда, потому что в его собственном доме постоянно искали подозрительных людей, проверяли, не угрожает ли падением какой-нибудь камень. Когда же он собирался отправиться куда-нибудь с визитом, то посылал вперед целую армию сквайров, которые должны были, донимая несчастного хозяина, удостовериться, что ничто не угрожает их лорду и повелителю.

Ко всему этому, когда я впервые встретила кузена Эдмунда, он пребывал в расстроенных чувствах, потому что в предыдущем году умер его брат Джон. Не удовлетворенный титулом маркиза Дорсетского, он старался получить титул герцога Сомерсетского. Хотя Эдмунд и унаследовал графство Сомерсетское, вопрос о его герцогстве оставался подвешенным в воздухе.

Он и его жена, однако, неизменно выказывали доброжелательное ко мне отношение, и я обожала их многочисленное потомство, в особенности троих сыновей. Генри, Эдмунд-младший и Джон, еще мальчики, моложе меня, отличались бодростью духа и были неугомонными весельчаками.

Кузен Эдмунд так и не смог получить старший семейный титул, потому что у его брата незадолго до смерти родился ребенок. Это была девочка, ко-

торая, безусловно, не могла унаследовать титул, зато ее будущий муж вполне мог бы его получить. Так как ей исполнилось всего два годика, до счастливого события оставалось еще немало лет, однако многие вельможи уже лелеяли честолюбивые замыслы в отношении своих сыновей. В дополнение к титулу Маргарет Бофор унаследовала все огромное богатство герцога Джона, большая часть которого в свою очередь была унаследована им от прадеда Джона Гонтского. Девочка отличалась мрачным расположением духа, но со временем у нее выявились недюжинные способности. Эдмунд, его жена и я проводили много приятных часов, обсуждая, кто мог бы стать ее мужем, не требуя для себя титула, при этом девочка нередко сидела у меня на коленях. Вот так мы иногда держим в своих руках наше будущее, сами того не осознавая.

Роль моя в этих семейных сборищах казалась двойственной. Прежде всего я была королевой, поэтому окружающим следовало относиться ко мне с крайней сдержанностью, тогда как мне по отношению к ним надлежало проявлять необходимую учтивость. Кроме того, меня, замужнюю женщину, надобно было считать зрелой умом и телом, посвященной в тайны интимных отношений между мужчиной и женщиной. Однако при всем этом я оставалась пятнадцатилетней девушкой, ведущей активный образ жизни и пользующейся почти полной свободой, притом в обществе, где слово «свобода» истолковывалось в самом широком смысле.

Я с величайшим удовольствием охотилась вместе с Бофорами, хотя и знала, что, когда возвращусь в Вестминстер запачканная грязью или даже кровью, брызнувшей из перерезанной глотки оленя, меня ожидает суровый нагоняй от моего дорогого мужа.

Не меньшую радость доставляли для меня игры в жмурки с детьми Бофоров. Я весело смеялась, когда,

споткнувшись, падала на одного из мальчиков и исподтишка нащупывала его гульфик, тогда как он старался залезть мне под юбку на глазах у благосклонно наблюдавших за нами родителей.

Не менее восхитительно было и обсуждать серьезные дела взрослых с Эдмундом, который проявлял неизменную проницательность, служившую для меня источником спокойствия.

Однако в своем поведении я, несомненно, допускала оплошности; в частности, отлично помню день, когда меня сбросила кобыла. Говоря «сбросила», я подразумеваю, что это противное животное вдруг резко остановилось, и я выскользнула из седла. К несчастью, внезапно остановиться кобылу заставила преградившая путь мутная речка, в которую, соскочив на землю, я и угодила.

Не долго думая, я выбралась на берег, высоко, до самых бедер, подхватив юбки, села и принялась стаскивать сапожки и чулки. В этот миг послышался громкий стук копыт и подоспели остальные охотники, поскакавшие спасать свою королеву и остановившиеся при виде, да простят мне это самовосхваление, самых прелестных во всей Европе мраморно-белых ножек.

Думаю, что все, там присутствовавшие, запомнили этот день.

Если я не была с Бофорами, не занималась шитьем, не читала и не играла с Альбионом, то обычно писала письма. Эта привычка появилась у меня так же неожиданно, как и все другие. Разгневанная визитом архиепископа и монсеньора Вандомского, который угрожал спокойному течению моей брачной жизни, я села и написала очень суровое послание дяде Шарли. В конце концов если он король, то и я королева. В то время я еще не знала о его утрате. Запечатав и отослав письмо, я стала сомневать-

ся, не слишком ли дерзок его тон, и ждала ответа не без некоторого трепета. Получив наконец ответ, я прочитала его с большим облегчением. Дядя Шарли писал в своем обычном легкомысленном тоне; смиренно принимая мои упреки, он объяснял, что поступил так, как поступил, в моих же собственных интересах, чтобы заставить моих новых подданных как можно дольше придерживаться перемирия — ведь для меня, указывал он, затруднительно быть королевой страны, воюющей с моей любимой Францией.

Оспаривать это утверждение я не сочла возможным, тем более что одним из результатов переговоров, которые провело посольство, стало продление перемирия еще на два года. В своем письме дядя также сообщал мне о прискорбной кончине моей шотландской соименницы, и я почувствовала необходимость выразить ему глубочайшее соболезнование.

Так завязалась наша переписка. Не помню, о чем именно мы писали в наших письмах, вероятно, главным образом об обычных мирских делах, хотя я, должно быть, и сообщала кое-какие сведения о делах Англии, разумеется, без каких-либо дурных намерений. Но не подлежит сомнению, что сам факт нашей переписки был незамедлительно замечен моими врагами, коих, — я об этом даже не подозревала, — набрался целый легион.

В то время я не имела ни малейшего понятия о том, какие водовороты бушуют вокруг меня. Я жила, стараясь найти выход присущей мне энергичности. Если семейство Бофоров было для меня отдушиной, позволяющей излить жизнерадостность, то с Суффолком и кузеном Эдмундом я имела удовольствие обсуждать государственные дела. Однако мне *никогда* не представлялась возможность обсудить их с мужем.

Вполне естественно, я пыталась обставить мои покои как можно удобнее, и ничего удивительного, что создала интерьер в типично французском стиле. Тут уместно вспомнить, что Суффолк, в целях экономии, резко сократил расходы на мое содержание, но Байи и я, невзирая на денежные затруднения, делали все возможное.

Достаточно только упомянуть о разнице в привычке питаться и выборе напитков. Англичане, а в этом случае мой муж был типичнейшим англичанином, обожают мясо и хлеб. Не могу передать, как я люблю вонзать зубы в сочный бифштекс. Однако англичане предпочитают хорошо прожаренное мясо, я же — с кровью.

У англичан принято есть огромные безвкусные булки хлеба, которые съедобны только вместе с мясом, политым сверху мясным соусом. Аккуратные ломтики не для них. От изысканного печева моих поваров у Генриха сделалось такое сильное несварение желудка, что даже поползли слушки, будто я пыталась отравить короля!

Во Франции мы старались разнообразить наше питание различными овощами. Дело в том, что мясо, если только не приправить его острыми специями, а после того как турки помешали свободному обмену товарами между Востоком и Европой, перекрыв Средиземное море, эти специи непомерно вздорожали, нередко попадает на стол уже несколько подпорченным. Овощи же, я имею в виду не различные клубни, поглощаемые простолюдинами, а зелень, всегда могут быть свежими и даже вкусными. Однако мои попытки убедить короля, чтобы он ел овощи, оказались безуспешными.

— Моя дорогая девочка, — говорил он, — я же не кролик.

А жаль, что нет. Будь он кроликом, у нас не было бы подобных затруднений.

То же самое можно сказать и о напитках. Не думаю, что есть что-нибудь приятнее кубка с хорошим,

богатого вкуса французским вином. Однако англичане в своем кошмарном климате не могут выращивать виноград, поэтому пьют ячменное пиво, которое называется «эль». Мало того, что пиво это горькое, так от него еще пучит живот. Когда придворные собирались за столом и все — мужчины, женщины и дети — принимались пить эту взрывчатую смесь, трапезная оглашалась трубными звуками; это одно из самых неизгладимых моих воспоминаний.

С почти такими же трудностями я столкнулась, когда попыталась ввести при английском дворе балы. Конечно, англичанки любят танцы, как и все женщины на свете, но король неодобрительно относился к моим попыткам, ибо считал балы фривольным занятием; раздражала его и любимая мною музыка.

Наибольший фурор, однако, произвели мои личные привычки. Могу смело сказать, что англичане — грязнейшие люди на земле. Мытье для них хуже проклятия. Но тут приходится делать скидку на их климат; возможно, народы, живущие севернее, например скандинавы, имеют такое же плачевное представление о чистоте. Можете вообразить себе смятение, с каким я выслушала сообщение о том, что даже мой муж купается всего четыре раза в год, с равными промежутками между купаниями.

Первое, что я сделала по прибытии в Саутгемптон, так это потребовала от сестер-монахинь, чтобы мне принесли большую лохань с теплой водой, и тут же в нее погрузилась, вызвав замешательство Элис, которая ломала руки, причитая, что я испорчу себе цвет лица, тогда как Гордячка Сис и ее спутницы с презрением молча кривили губы.

Генрих был также огорошен моим настойчивым желанием продолжать купания.

— Частые купания вредны для здоровья, — убеждал он меня.

А когда мы достигли Лондона, он — не без тревоги в голосе — спросил:

— Надеюсь, вы не станете купаться в реке, моя дорогая?

Тщательно все обдумав, я решила воздержаться от этого. Луара, где я любила купаться, протекала далеко от моря, там было много укромных местечек, заливчиков со спокойной водой. Темза же мчалась мимо Вестминстерского дворца с быстротой вырвавшейся из пут скачущей лошади. Течение здесь ослабевало только во время смены отлива приливом, а это редко случалось в подходящее для купания время. А самое важное — река не только хорошо просматривалась со всех сторон, но и была главной транспортной артерией королевства; и днем и ночью она несла на своей широкой груди всевозможные суда и лодки.

Итак, мне пришлось ограничиться купанием в лохани, что вызывало явное презрение у моих служанок. Но возражать мне никто не смел.

Невзирая на все эти мелкие неприятности, я сохраняла хладнокровие, а когда мне требовалось отвести душу, играла с Альбионом. Но впереди у меня была английская зима.

Зимы во Франции бывают очень студеными, тем холоднее, чем удаленнее местность от моря. Но холода там бодрящие, обычно сопровождающиеся ясной погодой. От таких холодов кровь лишь сильнее играет в жилах, а снег и лед приносят с собой много удовольствий, таких, как катание на санях и коньках.

Мне рассказали, что чуть более века тому назад английский климат был вполне сравним с французским. Но в начале четырнадцатого столетия один за другим пронеслись несколько ураганов неслыханной силы, от которых остров так и не смог полностью оправиться.

Зима в Англии — пора дождей. Впрочем, то же самое можно сказать о лете, весне и осени. Но в эти времена года все-таки иногда проглядывает солнце и

даже случаются жаркие дни. Зимой же вся страна тонет в непроницаемо-мутном сером облаке, воздух с каждым днем становится все влажнее. Ничто не сохнет, все пропитано сыростью, следует нескончаемая череда простуд, поэтому разговоры то и дело прерываются кашлем или чиханием.

Единственное доставляло мне радость в это крайне неприятное время года: пытаясь согреться, Генрих теснее прижимался ко мне в постели. Но дальше того, чтобы согреться, дело не шло.

Когда *все-таки* грянул мороз и я вознамерилась пойти покататься на коньках на замерзшем пруду, находившемуся на территории аббатства, не только король, но и архиепископ ужаснулись от столь легкомысленного намерения и строжайше запретили мне даже думать о катании.

Рождество в Англии отмечают довольно скромно, а Генрих вообще его не праздновал, разве что отстаивал по сорок восемь часов на коленях. Иногда и я присоединялась к нему, но, вспоминая, как пышно этот праздник справляется при дворе дяди Шарли, как щедро там льется вино, едва не плакала.

Впрочем, было и свое преимущество в том, что королевский двор не праздновал Рождество, ибо, когда я попросила денег на золотое распятие, чтобы презентовать его мужу, кардинал скорчил кислую мину.

— У вас нет денег, ваша светлость.

— Я не прошу ассигнований из фонда казначейства, ваше преосвященство. Я заплачу за распятие из своих собственных денег.

— У вас нет денег, ваша светлость.

— Ваше преосвященство, — произнесла я как можно более рассудительным тоном, — мне назначили ежегодное содержание, превышающее четыре тысячи фунтов. Насколько мне известно, я не потратила ни фунта из этих денег и хочу сама заплатить за распятие.

— К сожалению, вам еще не выплачивалось содержание за этот год, ваша светлость.

— Могу ли я поинтересоваться, почему, ваше преосвященство?

— Казна пуста, ваша светлость.

— В самом деле, ваше преосвященство? — возмутилась я. — Это единственный ответ, который я слышу с тех пор, как приехала в эту полуварварскую страну. Но деньги *должны быть*. Ведь страна как-то существует.

— С помощью займов, ваша светлость.

— Ну и что? Все короли прибегают к займам. Мой дорогой папа всю свою жизнь занимал деньги и с успехом продолжает это делать.

— Это так, ваша светлость. Но бывают времена, когда люди богатые неохотно предоставляют кредиты.

— Как может кто-либо отказать своему королю в кредите? Ведь его обеспечением служит все королевство.

— Такое обеспечение трудно превратить в деньги, ваша светлость.

В раздражении я едва не затопала ногами. Но ведь этот человек был моим другом.

— Не объясните ли вы мне, ваше преосвященство, почему все лорды — богатые люди, и только знатнейший из всех, король, небогат.

— Конечно же, королю следует быть богатейшим человеком во всем королевстве, ваша светлость, — согласился он. — Но... лорды богатеют, приобретая землю вследствие женитьбы, опекунства или унаследования. В последнее время богатеть им позволяет огораживание[1]...

— Огораживание, ваше преосвященство?

— Страна очень сильно пострадала от «черной смерти», ваша светлость.

---

[1] Имеется в виду захват общинных земель с помощью огораживания.

— Как и Франция, ваше преосвященство.

— Да, верно. Но здесь, в Англии, мы не смогли воспользоваться иммиграцией для восполнения внезапной убыли населения. Это происходило естественными способами, а тут сложно заранее планировать результат.

Ну что ж, я могла бы сказать то же самое.

— В результате, — продолжал он, — большая часть фермерской земли осталась без хозяев. Лорды принялись захватывать пустующие земли или скупать за бесценок, затем, огородив, стали использовать их как пастбища для овец. Так они поступают и сейчас. Английская шерсть всегда пользовалась большим спросом на континенте. Спрос на нее по-прежнему велик, но и поставлять ее начали в большем количестве. Это еще более обогащает лордов.

— И король не может получить свою долю этих богатств? Не может огородить свои собственные земли? Не может наложить таможенные пошлины на эту шерсть, чтобы хоть часть денег оказалась в королевской казне?

Кардинал посмотрел на меня с изумлением: видимо, он не предполагал, что я обладаю такими познаниями в финансовых делах. Затем улыбнулся:

— Ну, конечно, ваша светлость, король может налагать и налагает подобные налоги. Но, возможно, его светлость не проявляет должной строгости в их взимании, в отличие от своего отца и деда. К тому же большая часть собранных сумм уходит на погашение долгов, сделанных еще отцом его светлости для ведения французских войн; а необходимость содержать армию на континенте продолжает увеличивать эти долги. Значительные суммы поглощают и обычные государственные расходы. А остаток... — Он вздохнул. — Я служитель церкви, ваша светлость, и должен быть благодарен за все принесенные нам дары, но боюсь, его светлость бывает... излишне щедр. И школа, основанная им в Виндзо-

ре для бедной молодежи, и колледж, который он содержит на свои деньги в Кембридже, обходятся очень недешево.

— Поэтому для меня ничего не остается, — подытожила я, давая наконец волю негодованию. — Даже в праздничные дни я не смогу сделать своему супругу подарок.

— Почему нет, ваша светлость? — возразил он.

— Вы знаете какой-то выход, ваше преосвященство?

— Я мог бы подарить вам подобное распятие, ваша светлость, а вы вольны поступить с ним, как пожелаете. Например, передарить его светлости.

— Ваше преосвященство... — Я была растрогана. — Но разве вас не оскорбило, если бы я вручила ваш подарок кому-то другому? Пусть даже королю?

Он склонил голову.

— Это была бы честь для меня, ваша светлость.

Я испытывала большую, чем когда-либо, озабоченность тем, что этот благородный человек в скором времени может покинуть наш бренный мир.

Таким образом моя первая зима в Англии прошла достаточно мирно. Среди лордов и в палате общин слышался ропот недовольства, но я поняла, что это одно из проявлений национального характера. Дождь все лил, лил и лил. А я так и не тяжелела.

В мою душу постепенно закрадывалось чувство, будто я схожу с ума от скуки и всевозможных неприятностей, когда небо вдруг — частично — расчистилось и я смогла насладиться прелестями английской весны.

В Англию я прибыла в конце предыдущей весны, а это, несомненно, лучшее время года на насквозь продуваемом ветрами острове. В какой-то степени это чувство эйфории объяснялось простой радостью по поводу

того, что я все-таки пережила зиму. Нельзя, однако, отрицать, что нескончаемые дожди оказали действие и на все, что можно высадить и выращивать. Всякий раз, выходя наружу, я наслаждалась яркими цветами и запахами. Особенно по душе мне пришлась розовая клумба в дворцовом саду с крупными, густо-алыми, словно кровь, цветами. Вспомнив комплимент, сделанный мне герцогом Йоркским после коронации, я сорвала одну розу и воткнула ее в волосы; увидев меня в этом виде, Суффолк сказал, что роза мне очень к лицу. Когда к его комплименту присоединился и Генрих, я приняла решение — сейчас объясню какое.

То, что моя эмблема — простая маргаритка, потешало лордов, ибо в этой стране маргаритки считались самым обычным сорняком. Я решила избрать своей эмблемой красную розу, велев вышить ее на всех моих одеждах, нарисовать на всей посуде и даже выгравировать на серебре. Это произвело настоящий фурор. Но никто не смел отрицать, что та, которой принадлежит эмблема, может смело соперничать красотой с изображенным на ней цветком.

В то лето, к моей огромной радости, Генрих решил попутешествовать по стране. Нетрудно догадаться, что его целью отнюдь не было посмотреть, как живут его подданные, или показаться им: он намеревался посетить различные монастыри, которые считал истинной основой государства.

Никто из приближенных, и в первую очередь я, не одобрял его намерения, которое было, однако, горячо поддержано королевскими министрами по двум причинам. Прежде всего, они хотели, чтобы он покинул Вестминстер и они наконец смогли бы заняться государственными делами. Кроме того, содержать короля были обязаны те, кто его принимал на ночлег, будь то аббатство, монастырь, замок или город, а это сулило порядочную экономию казне.

Что до меня, то, хотя одна мысль о необходимости таскаться по всем этим монастырям нагоняла жуткую тоску, я все же радовалась возможности повидать свою новую страну и своих подданных.

Наша поездка и в самом деле оказалась довольно приятной, пусть и не настолько продолжительной, как мне хотелось бы. За все время мы ни разу не отдалялись от Лондона более чем на сто миль. Это позволило мне составить впечатление о некоторых частях страны, а также дало возможность познакомиться со мной сельским жителям, до того довольствовавшихся лишь слухами. Мне очень понравилось, как меня принимали, тем более что лондонцы выказывали мне все возрастающую враждебность. Здесь, в сельской местности, меня встречали возгласами ликования, местные сквайры восхваляли в стихотворных панегириках мою красоту и по всему моему пути рассыпали розы.

Короля также встречали с шумным ликованием и большим уважением. К сожалению, это длилось недолго. Содержание, пусть даже кратковременное, короля с его многочисленными слугами, не говоря уже о королеве со столь же многочисленными служанками, обходится недешево. За одну неделю целые стада овец превращаются в баранину, опустошаются многие бочонки эля, ибо монарха следует кормить подобающим образом, а Генрих хотя и не проявлял большого интереса к жизни, но тем не менее не был равнодушен к ее поддержанию: поглощению еды и забористых напитков.

Все же, полагаю, эти добрые люди не должны возлагать вину на меня, но каждый раз, когда мы покидали очередной город или аббатство, я видела выражение облегчения на всех лицах. Мы двигались полукругом, не отдаляясь от Лондона, ибо Генрих хотел видеть основанную им недавно школу Итон, находившуюся в нескольких милях западнее столицы, недалеко от деревни Виндзор. Главной достопримечательностью Виндзора был большой красивый за-

мок, возведенный одним из предков Генриха. Там он провел все свое детство, неудивительно, что вошел в историю как Генрих Виндзорский. Именно эту часть Англии он считал своей родиной, своим домом.

Здесь нас встречали учителя и ученики, все из простого народа, из среды бедняков. Их учили чтению и письму. Я хорошо знаю, что многие простолюдины выдвинулись, занимаясь торговлей, — именно таким путем начали обогащаться предки моего дорогого Суффолка, — и что они принесли много пользы государству. Эта польза оказалась бы несравненно большей, если бы их богатства облагались налогами. Многие из наших лучших прелатов также весьма скромного происхождения, но, разумеется, даже приходский священник должен уметь читать, иначе как он сможет толковать Библию черни. Но, должна признаться, стремление обучить истинных простолюдинов чтению и письму внушает мне немалые опасения. Юноша, умеющий читать, нередко не только читает слишком много, но еще и размышляет о прочитанном; подобным же образом юноша, умеющий писать, зачастую принимается строчить подметные письма. Однако Генрих придерживался на этот счет других представлений.

— Когда не только каждый мужчина, но и каждая женщина в моем королевстве научится читать, куколка, — тут он нежно пожимал мою руку, — тогда и наступит пора истинного процветания для всей Англии.

Даже если он и сможет при жизни осуществить этот невероятный план, подумала я, вряд ли это королевство будет *его* королевством.

Покинув Виндзор, мы продолжали свое путешествие, пока не достигли расположенного на востоке страны Кембриджа, плоской низменной равнины, где возник университет, куда вошли ученые, по той или

иной причине покинувшие первый английский университет в Оксфорде. Тут же, для удовлетворения нужд студентов, вырос и город.

Здесь Генрих основал колледж, который справедливо назывался Королевским. Естественно, нам пришлось встречаться с бедными юнцами и их наставниками, а стало быть, выслушивать бесконечные молитвы и песнопения. Если я была обеспокоена самим замыслом учить читать и писать бедняков, то еще более меня взволновала непокорная и буйная толпа парней, вышедших из самых низов и теперь готовившихся стать адвокатами. Хорошо известно, что и у нас в Сорбонне есть университет. Я никогда там не была, но судя по тому, что слышала, сорбоннские студенты едва ли превосходят крепким здоровьем кембриджских.

Из Кембриджа, уже ближе к концу лета, мы прибыли в местечко, именуемое Линном, расположенное восточнее, где лежат еще более низменные земли. Во время прилива трудно определить, где кончается море и начинается берег. Хотя я и люблю пресную воду, но к соленой воде испытываю отвращение; будучи здесь, я не могла не вспомнить, что один из ранних английских королей Иоанн был застигнут приливом в этом месте, которое не случайно называется Уош[1], и только чудом спасся от гибели, хотя и потерял в волнах все свои богатства.

Но Генрих уверил меня, что Уош находится значительно севернее Линна, лежащего на краю болота, называющегося Броудс, и хотя в этой части королевства нередко случаются наводнения, они почти никогда не приводят к многочисленным жертвам и утрате богатств.

Этим объяснением мне и оставалось довольствоваться, а заодно пришлось сделать вид, будто очень нравится этот сырой край. Мы остановились в мо-

---

[1] Прибой *(англ.)*.

настыре Святого Августина[1], где король развлекался беседами с добрыми монахами, осматривал здания и молился. Неожиданное появление гонца от Бофора, который просил короля как можно скорее возвратиться в Вестминстер, поскольку сложилась критическая ситуация, резко оборвало наше идиллическое существование.

Мы отправились домой.

Возможно, нам вообще не следовало никуда уезжать до полного разрешения кризиса. Проблема была не новая, а та же самая, которая лежала на нас тяжким бременем со времени проклятого французского посольства. Дядя Хамфри все лето размышлял о неприемлемости всего этого. Я не знала о том, что в отношении Генриха он вынашивал свои матримониальные планы, связанные с желанием продолжать войну во Франции. Его кандидатурой в королевы была бургундская принцесса, дочь герцога Филиппа, в то время такого же заклятого врага Франции, как и все англичане.

Эти планы были сорваны объединенными стараниями куда более влиятельного кардинала Бофора и партии мира во главе с королем, но в этом случае любопытно проследить причудливые повороты судьбы. Тут уместно вспомнить, что, когда я была еще маленькой девочкой, обсуждалась возможность брака между мной и сыном Филиппа Карлом. Осуществись какой-нибудь из этих ранних планов, я была бы невесткой, а не женой Генриха и могла бы спокойно наблюдать за трагическими перипетиями его царствования из надежно защищенного Брюгге. В лице Карла Смелого я нашла бы себе достойного мужа. Но судьбе было угодно, чтобы он женился на одной из дочерей Гордячки Сис.

---

[1] Римский монах, начавший обращение англичан в христианство.

Однако надо было предпринимать срочные меры, а не вздыхать по поводу того, что могло бы быть. Дядя Хамфри пришел к выводу, что женитьба короля на француженке подорвала его влияние и престиж. В его ненависти ко мне я ничуть не сомневалась, но, пока была защищена любовью короля, могла не опасаться какого-либо вреда с его стороны.

Кардинал Бофор оставался непримиримым врагом дяди Хамфри, который уже не раз пытался низвергнуть его, но в конце концов эти замыслы с треском провалились. Теперь он сосредоточил свои усилия на более, как ему казалось, легкой добыче — Суффолке.

Хотя план возведения ставшего временно непопулярным Суффолка в герцогский сан и был отложен в долгий ящик, дяде Хамфри не удалось, как он ни порывался, обвинить графа в измене. Тут ему помешал акт о гарантиях, принятый парламентом в 1445 году и еще раз подтвержденный в этом же году. Тем не менее дядя Хамфри пользовался любой возможностью подорвать влияние Суффолка, стараясь раскопать какие-нибудь компрометирующие обстоятельства в его прошлом, а у какого мужчины в прошлом не сыщется нескольких компрометирующих обстоятельств? Он подкапывался под моего дорогого Пола в двух направлениях.

Прежде всего он обвинил Суффолка в том, что тот прекратил осаду Орлеана, не выдержав натиска французских войск, воодушевляемых присутствием Девы. Это был реальный факт, хотя и семнадцатилетней давности. Но графа оправдал сам герцог Бедфордский, да и вообще все считали, что он не мог надеяться на успех, борясь против козней ведьмы. Дядя Хамфри заявлял теперь, что в действиях Суффолка коренилось предательство. Жанна д'Арк якобы вступила в тайные переговоры с английским командиром, виделась с ним по ночам и, пользуясь чарами семнадцатилетней девушки, пыталась соблаз-

нить, а возможно, и соблазнила графа, заставив его нарушить свой долг перед королем и страной.

От этого обвинения Хамфри, естественно, переходил ко второму, ибо предположение, что Суффолк был соблазнен семнадцатилетней девушкой, вело к предположению, что, отведав человеческой крови, он вполне способен был соблазнить и будущую четырнадцатилетнюю королеву.

Я уже упоминала, что до тех пор, пока я была любима королем, Хамфри не мог причинить мне никакого вреда. Но он обвинял меня в государственной измене, коей равносильна неверность королевы. Всякий, кто прочитает эти слова, может сказать: ну и что, он уже прибегал к подобному обвинению. Но дело в том, что сам *он* не выдвигал этого обвинения, хотя и тайно подстрекал палату общин выдвинуть его против меня. Теперь же он выступал с открытым забралом. Я была в бешенстве.

— Обвиняя меня в измене, он сам совершает измену, государственную измену, — заявила я Генриху. — Его следует арестовать и предать суду. Он должен или доказать свои обвинения, или понести за клевету суровое наказание.

— Моя дорогая куколка, — своим обычным примирительным тоном сказал Генрих, — как может кто-нибудь доказать такое обвинение?

— Но как смеет кто-нибудь выдвигать такое обвинение? — прокричала я.

— Но вы-то знаете, да и я, и все кругом знают, что вы не совершали ничего плохого.

— Все кругом этого не знают, Генрих, — стояла я на своем. — И они вскоре поверят в клевету, если не остановить этого вашего подлого дядю.

— Он также и *ваш* дядя, — защищаясь, возразил мой муж с явно обеспокоенным видом. Человек недалекий, сам он никогда не терял спокойствия и, так как до сих пор ни разу не испытывал на себе моего гнева, был сильно встревожен. Посмотрев чуть поз-

же в зеркало на свои раскрасневшиеся щеки, сверкающие глаза и вздымающуюся грудь, я поняла, что мой вид мог бы взволновать любого мужчину, хотя и не обязательно напугать.

Генрих взглянул на кардинала, который был вместе с нами, как бы прося его о поддержке.

— Ваша светлость, — сказал достойный прелат таким же примирительным тоном, как и король, — нападки герцога направлены прежде всего против Суффолка.

— Вы хотите сказать, — нетерпеливо подхватил Генрих, — что если мы...

— Не смейте даже и думать об этом, — отрезала я, пораженная такой низостью. — Суффолк — правая рука вашей светлости. Вы не найдете ему достойной замены. И я позволю себе не согласиться с его преосвященством. Происки герцога направлены против короля. Или вы уже забыли, что случилось с Ричардом II? Он был обвинен...

— Моим дедом, — мягко заметил Генрих.

Я не обратила внимания на его слова.

— Он был обвинен в том, что окружил себя некомпетентными и вероломными министрами. Но обвинение было направлено против трона. Да, это сделал ваш дед, Генрих. Я не виню его, потому что и сам Ричард страдал некомпетентностью. — Бофор предостерегающе кашлянул. Я ступила на очень тонкий лед, ибо в королевстве хватало людей, которые могли бы обвинить Генриха в еще большей некомпетентности. Но нас было всего трое, и я не собиралась останавливаться на полпути. — Самое главное, ваша светлость, что если удастся найти основания для отстранения вас от царствования, то Хамфри станет королем.

Я замолчала, чтобы перевести дух, и оба мужчины поглядели на меня. Они знали, что я говорю правду, но это была правда такого рода, какую никто не решался высказывать вслух.

— Если бы только у меня был наследник... — пробормотал Генрих.

— Да, ваша светлость, — сказала я самым решительным, даже, пожалуй, стальным тоном, — если бы только...

— Это весьма серьезная проблема, ваша светлость, — поддержал меня Бофор. — Я вынужден согласиться с королевой. Мы должны потребовать, чтобы герцог высказал свои обвинения открыто, перед парламентом, и там либо подтвердили их, либо передали на рассмотрение вашей светлости.

Генрих как всегда уклонился от принятия решения, в результате чего дядя Хамфри мог беспрепятственно продолжать свое грязное дело, а его нападки на Суффолка и, следовательно, на меня стали еще более резкими. С окончанием осени подлые наветы герцога стали волновать все большее число людей; даже те, кто поддерживал меня, начинали подумывать, что нет дыма без огня, поэтому необходимость действовать стала еще более настоятельной. И только тогда Генрих начал действовать; 14 декабря он издал рескрипт о созыве в феврале парламента.

Святая простота, Генрих собирался созвать парламент в Вестминстере, но я решительно выступила против подобного намерения, и к этому времени кардинал был всецело на моей стороне. Я даже в мыслях своих не допускаю, чтобы им руководила любовь ко мне, истинное уважение как к своей королеве или глубокая вера в мою невиновность. Он беспокоился прежде всего за свою семью. Теперь уже не оставалось сомнений, что дядя Хамфри стремится создать такую ситуацию, при которой Генрих был бы объявлен некомпетентным, а сам герцог — провозглашен по меньшей мере Лордом-протектором, как уже случалось в царствование покойного, никем не оплаканного Эдуарда II. Кардинал Бофор мог ясно предвидеть, в какое положение это поставит его самого и всю семью: он наверняка окажется в не-

скольких шагах от эшафота. Поэтому-то он и поддержал мои просьбы.

— Известно, ваша светлость, — сказал он, — что лондонцы зовут герцога Хамфри добрым герцогом Хамфри. Даже если бы он сознался в предательских замыслах, я сомневаюсь, чтобы они позволили вам арестовать его, тем более в такой близости от города.

Генриху пришлось признать разумность этих доводов, и сессия парламента была перенесена в Бери Сент-Эдмундс, на безопасное расстояние от беснующихся толп.

В начале февраля, после очень мрачного Рождества, мы отправились в Бери. Кое-кому показалось необычным, что королева сопровождает своего супруга на парламентскую сессию, но я не собиралась ни на шаг отпускать от себя Генриха, опасаясь, как бы он не пошел на попятную.

Это был самый холодный месяц в году, и к северу от Темзы мы попали в метель, которая мгновенно скрыла окрестности по обе стороны дороги. В Бери были закрыты все ставни, но когда в город въехали многочисленные вооруженные люди, ставни тут же отворились, и из окон выглянули любопытствующие горожане: по нашему с кардиналом общему совету нас сопровождал большой эскорт королевских гвардейцев. Кардинал также написал всем лордам, которым мог доверять, прежде всего кузенам короля Букингему и Сомерсету, прося их прибыть вместе со всеми своими вассалами. Герцог Иоркский, к счастью, находился на своем посту во Франции; разумеется, присутствовал и Суффолк с большим отрядом.

Прибыли в Бери также граф Солсбери, его брат, сыновья и племянники, но так как мы не посвящали их в свои тайны, они приехали каждый в сопровож-

дении обычной свиты и оказались, таким образом, в значительном меньшинстве.

Это встревожило их, но поскольку дядя Хамфри еще не появлялся, они не имели никакого понятия о происходящем. Солсбери посетил короля и, покосившись на меня — я сидела рядом со своим мужем, — спросил, почему в самом городе и вокруг него расквартировано столько солдат.

— Мой дорогой граф, — ответил Генрих, — разве вы не читали рескрипта? Мы собираемся, чтобы изыскать средства, необходимые для поездки во Францию, где я должен встретиться с королем Карлом.

— Но зачем же столько солдат, ваша светлость?

— Но ведь в эти смутные времена, милорд, нам всем необходима надежная охрана. Вы не согласны со мной?

Граф удалился ни с чем. На следующий день, 18 февраля, спустя неделю после нашего прибытия, мы получили известие, что к городу приближается дядя Хамфри в сопровождении около сотни солдат.

— Дело ясное, — объявил Суффолк, — он замышляет измену.

— Что же нам делать? — спросил бедный Генрих с испуганным видом.

— Наши планы остаются неизменными, ваша светлость, — заверила я.

Наши планы, разработанные кардиналом, Суффолком, Сомерсетом и мной, и в самом деле оставались неизменными. Останавливать герцога на дороге было неразумно, это могло привести к столкновению. Мы отправили ему навстречу гонца, который в самых учтивых выражениях передал герцогу привет от его племянника и племянницы и сообщил ему, что квартиры для него и его людей отводятся в северном лазарете храма Святого Спасителя.

Дядя Хамфри был человеком неглупым и весьма ученым, хотя ум и ученость не всегда ходят рука об

руку. Высокомерие ослепляло его, радость, выказанную при его появлении королем и королевой, той самой королевой, о которой он распространял клеветнические слухи, он принял как должное и без всяких возражений позволил отвести себя и своих людей в назначенные для них удобные квартиры. Его ничуть не насторожило, что провели их туда в обход города, а не по улицам. Поэтому он не заметил большого скопления королевских гвардейцев, а также не обратил внимания, что отведенное для него помещение находится в некотором удалении от значительной части его вооруженного эскорта.

В ту же ночь Суффолк, сопровождаемый Сомерсетом, Букингемом и другими достойными доверия лордами, обезоружил графа и уведомил его, что он арестован по обвинению в измене.

— Он был прямо-таки ошеломлен, — позднее сообщил нам Суффолк. — Не мог выговорить ни слова.

Генрих выслушал его с явным облегчением. Удалась и остальная часть наших планов; было арестовано, обвинено в измене и разослано по разным тюрьмам тридцать человек из ближайшего окружения герцога.

Вот-вот дяде Хамфри предстояло появиться перед парламентом, чтобы ответить на обвинение в клевете. Это, однако, оказалось невозможным, ибо он, как нам сообщили, впал в полное бесчувствие. Мы были удивлены, но запаслись терпением.

Через четыре дня слуги дяди Хамфри нашли своего хозяина мертвым в постели.

Глава 5

Мы были застигнуты врасплох этим событием. Все знали о преследовавших в последнее время дядю Хамфри недомоганиях. К тому же, будучи человеком бешеного темперамента, он, арестованный племянником,

которого терроризировал всю свою жизнь, видимо, впал в такое негодование, что с ним случился апоплексический удар. Но никто не предполагал, что он может умереть. Впечатление создавалось такое, будто на помощь нам пришла рука Небес.

Или же на самом деле это была рука Ада? Первым заставил нас задуматься о возможных неприятных последствиях этой трагедии дядя Генри Бофор.

— Он умер, арестованный вами, ваша светлость, в заключении, — сказал он. — Последуют всякие разговоры.

Слишком мягко сказано!

— И что же могут сказать люди? — спросил Генрих, искренне озадаченный.

Дядя Генри Бофор посмотрел на меня с отчаянием во взгляде, затем собрался с духом и ответил:

— Ваши злопыхатели станут утверждать, что герцог был убит, ваша светлость.

Генрих побелел как полотно.

— Убит? Дядя Хамфри? Но это же чудовищная ложь! Неужели хоть кто-нибудь посмеет сказать, — он окинул взглядом наши лица, — что я принимал участие в его убийстве?

— Нет, ваша светлость, — сказал кардинал. — Не думаю, чтобы в этом королевстве нашелся хоть один человек, который мог бы заподозрить вашу светлость в покушении на убийство, но...

— Они подумают, будто я приказал его убить, — тихо произнес Суффолк.

— А вы и в самом деле приказали? — спросил Генрих.

Суффолк воззрился на него в полном смятении.

— Ясно же, что он не отдавал такого приказа, ваша светлость! — отрезала я. — Ваш дядя умер от естественных причин. В этом надо убедить палату лордов. Такова правда.

— Что же теперь делать? — жалобно спросил Генрих.

Вероятно, у всех нас оборвались сердца, когда мы осознали, каким жалким надломленным тростником оказался наш господин и повелитель во время этого первого в его царствовании серьезного кризиса.

— Тело герцога следует немедленно выставить на всеобщее обозрение, — решил кардинал. — И надо привести не только лордов, но и лидеров палаты общин, чтобы все они собственными глазами убедились, что произошло на самом деле.

Тело было выставлено на всеобщее обозрение, но боюсь, это принесло мало пользы. Люди помнили рассказы своих дедов и бабушек о том, как в свое время тело короля Эдуарда II было выставлено на всеобщее обозрение; какие-либо подозрительные следы отсутствовали, но искаженные черты лица свидетельствовали о мучительной агонии. Все знали, что в задний проход ему засовывали раскаленные железные пруты, чтобы выжечь кишки. Черты лица герцога были также искажены, если не от боли, то от ярости. Мы слышали вокруг себя слова сожаления о «добром герцоге Хамфри», а также гневный ропот по поводу его горестной участи.

Предположение кардинала оправдалось целиком и полностью. Никто не говорил, что Генрих имеет хоть какое-то отношение к смерти своего дяди. Зато открыто утверждали, будто это дело рук людей из ближайшего окружения короля, которым герцог угрожал разоблачением преступных деяний. Впечатление создавалось такое, что судьба, избавив меня от одного вероломного обвинителя, заменила его всей поголовно нацией. Тогда-то я впервые узнала, что меня называют французской волчицей. Одна из представительниц моего рода француженка Изабелла была женой злосчастного Эдуарда II и вместе со своим любовником Мортимером убила мужа. В каком-то смысле это был комплимент, ибо из чресел моей пред-

шественницы появился грознейший воитель того времени Эдуард III. Узнать, кто был его истинным отцом, — дело довольно трудное, ибо известно, что Эдуард II предпочитал тешиться мужскими гениталиями, а отнюдь не женскими; к тому же ребенок родился еще до того, как королева воспылала преступной страстью к Мортимеру.

Возможно, именно это сопоставление навело меня позднее на некоторые мысли, которые принесли свои плоды.

В то время, однако, я не сознавала ничего, кроме того что мне нанесен тяжелый удар. Подумайте только! Мне еще нет и семнадцати, а меня обвиняют в супружеской и государственной измене, не говоря уже о зверском убийстве. Господь знает, что Хамфри Глостерский и я испытывали взаимную неприязнь, но у меня и в мыслях не было убивать его. Хотя я и намеревалась обвинить его в государственной измене, мною двигала лишь одна цель — лишить его всякого влияния в государственных делах, а не отобрать у него жизнь.

Я пребывала в смятении. Однако смятение мое было не настолько велико, чтобы я вообще перестала думать о наших проблемах. Одна из этих проблем состояла в полном отсутствии у нас средств, как на государственные, так и на домашние расходы. Герцог Хамфри был богатым и к тому же бездетным. На следующее же утро в разговоре с кардиналом я запустила пробный шар.

— Герцог был очень богатым человеком? — спросила я.

— Очень богатым, ваша светлость.

— И кто же унаследует его состояние?

— Это будет решено в свое время, ваша светлость.

— В свое время? — переспросила я. — Звучит не слишком обнадеживающе.

Разумеется, он сразу понял ход моих мыслей.

— Денег у него имелось не так уж много, ваша светлость. Есть у него, правда, большая библиотека, но она представляет ценность только для собирателей книг. Земли, принадлежавшие ему как герцогу Глостерскому, не подлежат отчуждению, ибо должны принадлежать новому герцогу Глостерскому, кто бы он ни был. Корона может получить их только в том случае, если будет доказано, что герцог — государственный изменник, но, откровенно говоря, ваша светлость, учитывая общее настроение людей, я бы настойчиво рекомендовал воздержаться от подобных действий.

— Учитывая общее настроение людей! — тихо повторила я. Все это дело было мною досконально изучено. — Нет сомнения, что и король и я склонимся перед вашим решением, ваше преосвященство. Но ведь значительная часть богатства дяди Хамфри существует в виде так называемой вдовьей доли, той его доли, которая записывается на жену. Эту часть своего богатства он получил от первой жены.

— Да, это верно, — сказал кардинал, нахмурившись.

— Никто не может утверждать, что эта вдовья доля принадлежит герцогству Глостерскому.

— Нет, ваша светлость. Вдовья доля является совместным владением двоих супругов, но только пожизненно.

— Но оба они мертвы! — торжествующе воскликнула я. — Эта их собственность должна перейти к Короне. Как наш личный феод. Как *мой* личный феод.

— Ваша светлость... — хотел было запротестовать Бофор, но я перебила его:

— Ваше преосвященство, позволю себе напомнить вам, что два года назад мне были пожалованы деньги и земли, но я не получила ни того, ни другого только потому, что у его светлости нет ни денег, ни земель. Этот феод послужит мне хорошей заменой.

Он медленно покачал головой.

— Это вызовет нежелательные разговоры, ваша светлость.

Я топнула ногой.

— Разговоры? И это все, что вы можете мне сказать? Разговоры! Но ведь они все равно станут говорить обо мне, лгать, клеветать, наушничать... Так пусть в их разговорах будет хоть какая-нибудь правда.

Кардинал прекратил спор, я восторжествовала и наконец-то стала богатой женщиной. Но он оказался прав, когда говорил, что я столкнусь с резким осуждением, и я была рада поскорее оставить Бери Сент-Эдмундс. Да мы и не стали медлить с отъездом, ибо со смертью Хамфри Глостерского Генрих утратил всякий интерес к предполагаемой поездке на континент, где он намеревался встретиться с дядей Шарли; что до парламента, то он прекратил свою работу без каких бы то ни было дальнейших дискуссий... к сожалению, так и не выделив никаких фондов.

Генрих чувствовал необходимость публично изъявить свое горе по поводу кончины дяди Хамфри, поэтому мы оба отправились в Кентерберийский собор, где молились и постились, а король еще и подвергал себя самобичеванию. Короче говоря, мы делали все, что следует в таких случаях делать, не встречая, однако, никакого сочувствия в палате общин, где продолжались различные подлые инсинуации. Это заняло у нас почти весь март, дядя Хамфри умер 28 февраля, и мы наконец смогли возвратиться в Вестминстер, где я насладилась заслуженным отдыхом после долгого паломничества, когда мне постоянно приходилось терпеть и снег, и дождь, и пронизывающие до костей ветра. Однако здесь нас ожидало новое несчастье: 11 апреля скончался дядя Генри.

Так уж устроен этот мир, что и мужчины и женщины рождаются, взрослеют, стареют и умирают. Кое-кто полагал, что дядя Хамфри умер слишком рано, но ему исполнилось пятьдесят шесть, а тот, кому за пятьдесят, должен ждать самого худшего. Дяде Генри было семьдесят, поэтому можно сказать, что он исчерпал все отведенное ему время. Следовательно, смерть обоих этих людей была вполне естественна. Неожиданным оказалось только то, что эти смерти последовали одна за другой, с промежутком всего в шесть недель. Всю свою жизнь они боролись друг с другом, хотя баталии их и оставались чисто словесными, поэтому казалось, что со смертью дяди Хамфри кардинал лишился главного стимула для своего существования.

Генрих испытывал такое чувство, точно крышу дома, где он жил, сорвало ураганом. Очевидно, он не мог оценить, как ему повезло, что первым умер дядя Хамфри, а не дядя Генри, но то, что всю его жизнь, насколько он себя помнил, им управляли эти два человека, является бесспорным фактом. Столь же бесспорен и тот факт, что они — по крайней мере, один из них — причинили ему немало бед. Его дядя Джон Бедфорд, который был старше и по возрасту и по положению их обоих, почти всю свою жизнь провел во Франции и возвратился в Англию по чистейшей необходимости — чтобы уладить ожесточенный спор между Глостером и Бофором; как бы там ни было, он умер одиннадцать лет назад.

Однако судьба распорядилась так, что мой бедный Генрих разом лишился обоих людей, которые служили ему опорой, хотя одного из них он и побаивался. Его захлестнуло смятение, и когда выяснилось, что дядя Генри завещал ему две тысячи фунтов — золотом! — он отказался принять эти деньги и передал их Церкви. Ужас охватил и меня. При жизни дяди Генри я всегда могла рассчитывать на его поддержку, так как в затруднительном по-

ложении — как мы не раз в том убеждались — у него всегда можно было получить своевременный заем. Теперь этот источник иссяк, а мой беспечный муж раздает остатки!

Мы оплакивали дядю Генри куда более искренне, чем дядю Хамфри. Однако необходимость управлять государством и прежде всего решить, *кто* будет управлять, не оставляла нам времени на долгую скорбь. Я твердо знала наперед: отныне надо мной не будет никаких королевских герцогов. К тому же у нас не осталось ни одного дяди, стало быть, придется назначать кого-нибудь из королевских кузенов. Йорк и я испытывали глубокую антипатию друг к другу, Букингем не имел надлежащего опыта, а Сомерсет... В то время ни Генрих, ни я не знали, что нам и думать о Сомерсете. Ясно было только, что он ничем не походил на своего дядю.

Оставался Суффолк, единственный безоговорочный сторонник идей покойного кардинала, стойкий приверженец короля и — что важнее всего для меня — верный друг королевы. Однако тут нам предстояло преодолеть одну небольшую трудность: многие считали Суффолка ответственным за смерть дяди Хамфри, и по моему настоянию король вынужден был вплотную заняться этим делом. В Вестминстере был созван новый парламент, и там Суффолк мужественно отвергал все выдвигаемые против него обвинения. Граф снова напомнил в палате общин, что в решении вопроса о Мэне он имел carte blanche и мог заключать с Карлом любые, какие сочтет нужными, соглашения; указал на благие результаты недавно подтвержденного договора о перемирии, который, по его убеждению, должен обеспечить длительный мир между Англией и Францией.

Должна сознаться, что оказанный ему прием был не слишком теплым, но на заседании присутствовал

сам Генрих и, говоря метафорично, я тоже, ибо недвусмысленно заранее предупредила его, что если он не добьется одобрения всей деятельности Суффолка, то по возвращении домой встретится с разгневанной супругой. Король заявил, что полностью одобряет все, сделанное Суффолком на посту министра, и ожидает того же самого от палаты лордов и палаты общин.

Это неожиданное проявление твердости со стороны короля застигло парламентариев врасплох. Сказывалось и отсутствие дяди Хамфри, который прежде обычно возглавлял оппозицию. Поэтому парламент вынужден был согласиться. Мы тотчас же назначили преданных людей на разные посты, дабы укрепить положение Суффолка. Генрих все еще возражал против возведения его в герцогский сан, которого тот бесспорно заслуживал, видимо опасаясь протестов других герцогов, в чьих жилах текла королевская кровь, но я последовательно заставила его присвоить моему дорогому другу целый ряд титулов: он стал графом Пемброкским, затем обер-гофмейстером, затем констеблем Дуврским, затем лордом-хранителем пяти портов[1]. И наконец в августе был назначен адмиралом Англии.

Палата лордов, конечно, смотрела на его возвышение косо, но все понимали, что Суффолк и королева являются фактическими правителями Англии. Выступить против нас означало выступить против короля, а к этому еще никто не был готов. Ободренные этим обстоятельством, мы рискнули отозвать Ричарда Йоркского из Франции, где он командовал английскими войсками, и назначили его лордом-лейтенантом в Ирландию. Для этого маневра, кроме политических соображений, нашлись и другие веские основания. Как солдат Ричард пользовался

---

[1] Ассоциация пяти портов Англии (Гастингса, Ромни, Хайта, Дувра и Сандвича), созданная для обороны морского побережья Англии.

отличной репутацией, но во Франции установился мир, тогда как в Ирландии даже само это слово было незнакомо. Единственное удовольствие, которое ирландцы ценят выше, чем выпивки и драки с друзьями, это стычки с властями предержащими, разумеется, тоже в пьяном виде. Стравив герцога Йоркского с этими дикарями, мы могли по-настоящему испытать его мужество. К тому же существовала вполне реальная возможность, что он погибнет.

Это назначение как обычно было встречено ропотом, но Ричард принял предложенный ему пост. Я всегда старалась объективно оценивать как своих друзей, так и врагов и должна сказать, что он был человеком странным: он, несомненно, знал, что имеет бо́льшие права на престол, чем его кузен Генрих, знал также и то, что был бы куда более способным правителем. Ко мне он испытывал неприязнь, доходящую до ненависти. Но после того, как Генрих был помазан на царство, Ричард уже не мог сделать тот бесповоротный, изменнический, по его мнению, шаг — попытаться совершить государственный переворот. Стало слишком поздно. Тут он разительно отличался от своего старшего сына. Но ведь Ричард, герцог Йоркский, был сыном Анны Мортимер и Ричарда, графа Кембриджского, тогда как его сын Эдуард Марчский, впоследствии король Эдуард IV — сыном Ричарда, герцога Йоркского, и Гордячки Сис; кровь Невиллей придавала ему бо́льшие стойкость и гибкость.

Но все эти несчастья предстояли в отдаленном будущем. Пока же мы с Суффолком считали, что одержали победу; вместо Йорка на пост вице-короля во Франции был назначен Сомерсет, на чью поддержку мы всегда могли рассчитывать; и мы чувствовали, что, невзирая на колебания и сомнения Генриха, должным образом распорядились королевством.

Я чувствовала себя более уверенно, чем когда бы то ни было после моей коронации.

И в то же время я понимала, что отнюдь не пребываю в безопасности. Как и Суффолк. В то лето мы проводили много времени вместе, разрабатывая наши планы и уговаривая Генриха принять их, и всегда, бывая вместе, подспудно сознавали, что не только наша власть, но сами жизни висят на волоске — ибо с тех пор, как умер герцог Хамфри, вся страна люто ненавидела нас.

В первый же раз, как мы остались одни, вернее, когда у нас появилась возможность побеседовать, не боясь быть подслушанными, так как мои фрейлины сгрудились в дальнем углу большой комнаты, Суффолк завел разговор на тему, которая очень его волновала.

— Я хотел бы переговорить с вами об одном важном обстоятельстве, — сказал он тихим голосом.

Я уже догадывалась, что за этим последует. И оказалась права.

— Я, палата лордов, палата общин, да что там, весь наш народ с нетерпением ожидают того дня, когда смогут поздравить вас с беременностью, ваша светлость.

Я вздохнула.

— Боюсь, что вам придется еще подождать, милорд.

— Ваша светлость, я не решаюсь затронуть эту деликатную тему...

— Говорите смело, милорд. Я не обижусь.

Поколебавшись несколько мгновений, он заговорил:

— Вот уже более двух лет вы замужем за королем. Может быть, что-то, о чем никто не знает, мешает вам родить ему наследника?

— Милорд, — сурово ответила я, — вам выпало редкое счастье видеть мое обнаженное тело. Уж не заметили ли вы каких-нибудь телесных изъянов?

Мой бедный дорогой друг покраснел до самых ушей.

— Вы были и остаетесь самой красивой женщиной, которую мне когда-либо доводилось видеть, ваша светлость. Но может быть, король?..

— Он совершенство во всех отношениях, милорд. Если не считать того, что считает плотские отношения непристойными.

Суффолк нахмурился, румянец постепенно схлынул с его щек.

— Разве вы не спите вместе?

— Конечно же, вместе. Мы *спим* вместе.

Он подергал бороду.

— Мне трудно понять это, ваша светлость. Спать рядом с вами... нагим... и оставаться бесчувственным... ну...

— Мы не спим нагими, милорд, — заметила я. — Его светлость усматривает в наготе что-то неприличное.

— Извините меня, ваша светлость, — произнес он. — Но... неужели вы никогда не занимаетесь любовью?

— Только время от времени, милорд.

Странная беседа! Но в свои семнадцать лет я оставалась еще очень наивной и не догадывалась, куда клонит граф.

— Но без всяких результатов, — констатировал он, как бы размышляя вслух.

— Может быть, потому, что в наших отношениях нет никакой страсти.

Мы переглянулись. Граф, видимо, тоже не догадывался, куда клоню я.

Но теперь мы были близки к тому, чтобы понять друг друга.

— Ваша светлость! — Он хотел было схватить меня за руку, но передумал, поняв, что этот порыв непременно заметят фрейлины. — Дело идет о жизни и смерти. О нашей жизни и о нашей смерти. А возможно, и о судьбе самой Англии.

— У нас есть еще время, милорд.

— Вы так полагаете? Уверены ли вы, что его светлость не станет вдруг жертвой какой-нибудь ужасной болезни?

— Милорд!

— То, что я говорю, попахивает изменой, — согласился он. — Однако во имя любви к вам и нашей стране я должен высказаться со всей откровенностью. — Мы снова переглянулись. — Отдаете ли вы себе отчет, ваша светлость, — настаивал Суффолк, — что в случае смерти его светлости на престол будет возведен герцог Ричард? — Я закусила губу. — Отдаете ли вы себе отчет, ваша светлость, что, случись такое, меня ждет плаха? Если не что-нибудь худшее.

Он замолчал, давая мне возможность хорошенько переварить все им сказанное. Я побледнела, так как хорошо знала, что государственная измена в Англии карается жестокими пытками, повешением и четвертованием. Отсечение головы в таких случаях считается проявлением милосердия со стороны короля, а у меня не возникало сомнений, что герцог Йоркский вряд ли проявит милосердие к графу Суффолкскому, который занял его место первого человека в стране.

Я еще никогда не видела, как пытают, вешают и четвертуют людей. Мне сказали, что это более захватывающее зрелище, по крайней мере для посторонних глаз, чем колесование, самое суровое наказание, применяемое во Франции. Я видела, как колесуют человека, и, откровенно говоря, даже не могла вообразить себе, что существует еще более унизительный для человеческого достоинства, более мучительный вид казни. Преступника сначала раздевают донага, а затем, на глазах у собравшейся толпы, крепко привязывают плашмя к большому колесу. Хорошо знающий свое дело палач берет в руки металлический прут и точными ударами своего ужасного орудия переламывает все кости в теле несчастного. Начинает он с мелких костей и постепенно переходит к более крупным. Жертва отчаянно вопит, стонет, но как только впадает в бесчувствие, ее приводят в себя, обливая водой. Казнь может длиться несколько часов.

Дело в том, что ни один человек с крепким сердцем не умирает, если все кости в его теле переломаны, но палач всячески старается не вызывать кровотечения. Затем бедного преступника, все еще живого, хотя тело его превращено в студенистую массу, сажают на высокий кол, где его клюют птицы, а толпа зевак расходится по домам в самом веселом настроении. Попробуйте-ка придумать что-нибудь пострашнее *такой* казни!

В Англии казнь совершается гораздо быстрее, муки несчастного преступника не столь продолжительны, но, как я понимаю, зрелище это не менее впечатляющее. После того как приговоренный поднимется на эшафот, его вешают. Однако в тот момент, когда он уже на краю смерти, веревку перерезают и укладывают его на эшафот. Надо сказать, что повешение производит странный физический эффект, который был бы весьма полезен для моего дорогого мужа. Именно в этом состоянии палач и спешит кастрировать несчастного. Не дав ему прийти в себя после того, что с ним сделали, палач вспарывает своей жертве живот, и все внутренности вываливаются наружу. Теперь, когда смерть уже неминуема, палач отрубает голову, а затем четвертует тело. Различные его части развешиваются на городских воротах и в других людных местах, как суровое предупреждение тем, кто осмеливается злоумышлять против своего короля.

Пожалуй, можно сделать вывод, что преступник в Англии отделывается все же более легким наказанием, чем во Франции. Как я уже говорила, мне не терпелось посмотреть, как происходит казнь в этой стране, но, естественно, в роли приговоренного я представляла себе какого-нибудь незнакомца. Однако при мысли о том, что моего дорогого красавца Суффолка могут приговорить к какому-нибудь, пусть даже более легкому наказанию, у меня учащенно забилось сердце.

Заметив это, Суффолк поспешил развить свою мысль.

— В таком случае я не могу поручиться за безопасность вашей светлости, — сказал он. — Подумайте только, что вы окажетесь в полной власти у Йорка, и кто знает, какие обвинения он выдвинет, чтобы удержать вас здесь, в Англии, а не отослать обратно во Францию. Самое лучшее, чего вы можете ждать, — пожизненное заключение.

В семнадцать лет не слишком приятно думать о пожизненном заключении. Однако, на мой взгляд, еще ужаснее было бы оказаться отданной на милость Гордячке Сис.

— Вы можете предложить какой-нибудь выход, милорд? — спросила я.

— Выход только один, ваша светлость. Ради блага страны и своей безопасности вам надо иметь сына.

Мы переглянулись уже в третий раз. Я почувствовала, что у меня пылают щеки; возможно, я и наивна, но ни в коем случае не дура.

— Милорд, — сказала я, — то, что вы предлагаете, так же опасно, как заговор против короля.

— Но об этом никто не будет знать, кроме нас двоих, ваша светлость.

— В самом деле? И кто же будет отцом?

Заговорив на столь запретную тему, я сама изумилась своей дерзости. Видя, что граф продолжает смотреть на меня, я сглотнула.

— Повторяю, ваша светлость, никто не будет знать об этом, кроме нас двоих. Не думайте, что я слишком стар. Моя жена сейчас в тягости.

Милая Элис! Одно упоминание ее имени должно было бы привести меня в чувство. Мое сердце колотилось так, точно собиралось выпрыгнуть из груди. Мое замужество лишь слегка намекнуло мне на радости плоти; так иногда открываешь книгу, первая страница которой обещает всевозможные восторги, но кто-нибудь захлопывает ее и отбирает, прежде чем ты успеешь прочитать хоть несколько страниц. Я не со-

мневалась, что этот человек, которого я любила больше, чем кого-либо другого, знает, как перелистать все страницы... и с готовностью это сделает.

— Само собой разумеется, все это надо хорошенько продумать, — сказал он, принимая мое молчание за согласие.

— Разумеется, милорд, — подтвердила я. — А если кто-нибудь застигнет нас in flagrante delicto?[1]

Наши глаза снова встретились; нам вдруг показалось, будто в моих словах предугадана ожидающая нас участь. Мы оба желали одного и оба страшились своей смелости.

— Лучше всего, если бы вы посетили меня, — сказал он.

— Нет, милорд. Я никогда прежде вас не посещала. Это вызовет подозрения.

— Каким же образом я смогу получить доступ к вашей постели, ваша светлость?

Пребывая в сильном возбуждении, я не только могла лишь с трудом говорить, но и утратила всякую способность размышлять.

— Я подумаю, что можно сделать, — пообещала я. — Но это должно произойти как бы случайно.

— Надеюсь, мне не придется слишком долго ждать, ваша светлость?

— Нет, не придется, милорд, — заверила я.

Он снова шевельнул рукой, видимо сдерживая порыв притронуться ко мне.

— Я люблю вас, Мег, — шепнул он. — Обожаю. Боготворю землю, по которой вы ступаете. И буду боготворить до самой своей смерти, а затем стану ждать вашего прихода на небесах.

— Вы заглядываете слишком далеко вперед, милорд, — сказала я. И подумала, что, если мы преуспеем в своем черном замысле, может случиться так, что ему придется ждать моего прихода в аду.

---

[1] На месте преступления *(лат.)*.

Какой дерзкий заговор! Мне только-только исполнилось семнадцать, а я собиралась отдаться человеку уже достаточно пожилому. Естественно, у меня разыгралось воображение, однако я отчетливо представляла себе возможные последствия моей измены. Слишком долго продержали меня в монашеском затворничестве. Мое сердце и тело тосковали по страстной любви, по мужской силе; не скрою, что я чувствовала сильнейшее вожделение, столь ужасавшее моего супруга. В своей жизни я не испытала ни одного из тех блаженнейших ощущений, о которых читала у Боккаччо.

Теперь о моих замыслах. Казалось, можно было бы предположить, что получить доступ к постели королевы — дело весьма и весьма трудное. Но это отнюдь не так. Переспать с любой женщиной трудно только в том случае, если она этого не хочет. Но переспать с женщиной, сгорающей от нестерпимого желания, все равно что щелкнуть пальцами.

Главное — обзавестись надежной наперсницей и такую наперсницу я имела. Моя дорогая Байи была мне исключительно предана, к тому же она француженка, а это крайне важно, потому что французские дамы не так щепетильны, как английские.

Байи отлично разбиралась в сложившейся ситуации, хотя, как я подозреваю, видела во мне скорее молодую жену, которой пренебрегает муж и которая, изнемогая от скуки, желает развлечься, нежели королеву, старающуюся заиметь престолонаследника. Не могу отрицать, что она была отчасти права, но прежде всего я заботилась о том, чтобы у короля появился наследник.

По распоряжению Байи все двери были открыты, причем в самом буквальном смысле, ибо она действовала как наша посредница. В один из дней, когда Генрих отправился молиться — снова приближалось Рождество с недельным постом, — милорд Суффолк присутствовал на каком-то министерском

заседании в Вестминстерском дворце и ему понадобилось выйти в туалет. К сожалению, туалет на первом этаже оказался заваленным каким-то хламом, и он вынужден был с ругательствами подняться на второй этаж. Этот туалет находился возле королевских покоев и даже соединялся с ними, для моего и короля удобства, пустынным коридором. Как только Суффолк оказался в туалете, Байи провела его в мою опочивальню.

Случилось так, что в этот самый день меня мучила мигрень, и я сказала своим фрейлинам, что останусь в постели, и предупредила, чтобы ко мне ни при каких обстоятельствах не приходил никто, кроме Байи. Поэтому мы могли не сомневаться в полной безопасности.

При всей своей наивности я была не так глупа, чтобы надеяться, будто одна-единственная встреча непременно приведет к желаемым результатам. Я полагала, что наша цель может быть достигнута лишь после нескольких повторных встреч. Возможно, именно осознание этого и посеяло первые семена сомнения в моей душе.

Ко всему этому, с тех пор как мы обо всем договорились, меня постоянно терзала мысль о том, что в жилах Суффолка нет ни капли королевской крови. Нетрудно было, разумеется, припомнить, что любимая бабушка Генриха, Мари, была совсем бедна, но с тех пор сменилось несколько поколений. Однако чем-чем, а знатным происхождением Суффолк не мог похвастаться. Он даже не имел основания утверждать, будто ведет свой род от тех авантюристов, что окружали Уильяма Завоевателя, а большинство аристократов именно этим родством обосновывали свои притязания на знатность. Прапрадед графа был торговцем, возведенным в дворянский сан за важнейшую из услуг: за то, что ссужал королю деньги. Поэтому в жилах у моего сына будет течь лишь часть королевской крови — моей крови. Это соображение за-

ставляло меня колебаться. Я говорила себе, что моя кровь ничуть не хуже Генриховой, даже лучше, ибо в моем роду отсутствовали безумцы, подобные тем, что были в династии Валуа; я всегда боялась, как бы наследственное безумие не передалось через мужа моим детям. Эта мысль укрепляла мою решимость. Но тут же я возражала себе, что лучше кровь короля, который может передать наследственное безумие, чем некоролевская кровь. И решимость сменялась нерешительностью.

С каждой минутой, подавляя все другие чувства, во мне росло вожделение, но одновременно с ним крепло и нежелание отдаться человеку, который, как я знала, был заядлым повесой.

Нетрудно понять, что я сильно колебалась. Я скинула свой ночной халат, чтобы он сразу увидел мою наготу во всем ее великолепии, и тут же надела его вновь, дабы он не счел меня распутницей. Сперва я бродила по комнате, пытаясь справиться с растущим томлением в моих чреслах, но потом, опасаясь истощить свою энергию, улеглась в постель.

В этот момент дверь отворилась и в спальню вошел граф. Недолго раздумывая, он приблизился к моей кровати и крепко прижал меня к груди, осыпая поцелуями мое лицо. Затем, распластав меня на кровати, он опустил голову между моих грудей, целуя и лаская губами мои соски, и вновь и вновь повторял, как сильно любит меня.

В его любви, по крайней мере в чувственной, я не сомневалась. Но неожиданно весь мой пыл иссяк. Повторяю, мне было семнадцать, и я вдруг осознала, какое ужасное преступление собираюсь совершить. Это не просто супружеская измена, а государственная. К тому же Суффолк, при всей его красоте и привлекательности, человек низкого происхождения. Я как будто воочию видела перед собой своего дорогого Генриха и дорогую Элис. Неужели я предам этих самых благородных людей, которых

я когда-нибудь встречала или встречу? И чем я при этом руководствуюсь? Интересами государства? Или просто предаюсь безумному влечению, которое я, молодая девушка, испытываю к этому нетерпеливому пожилому похотливцу?

Высвободившееся из штанов возбужденное свидетельство его страсти оказалось чудовищно огромным по сравнению с тем, чем обладал мой дорогой Генрих. Я почувствовала смятение, если не сказать страх. И вот теперь это громадное нечто тыкалось в мое тело, ища входа... И вдруг я ощутила, что отнюдь не уверена в желании принять его в себя.

Трудно сказать, какие чувства обуревали тогда меня. Я только знаю, что вырвалась из его объятий, уселась в изголовье кровати и прикрылась подушкой как щитом. Мое сопротивление, как и следовало ожидать, повергло его в растерянность.

— Мег, — выдохнул он, — я сделал вам больно?

Я и в самом деле ощущала некоторую боль, ибо никогда еще не испытывала столь решительного, чтобы не сказать, грубого натиска. Но само собой разумеется, я отговорилась ложью.

— Нет, нет, милорд, — заверила я его.

— Но тогда... — недоговорил он, подползая по постели ко мне; зрелище это было одновременно зачаровывающим и отталкивающим, ибо его страсть проявлялась все с той же силой, что и прежде.

Я поспешно отвернулась, судорожно сжимая подушку.

— Я не могу.

При этих словах он замер.

— Я... — Пожав плечами, я повторила: — Извините, милорд, но я не могу.

Он сел на постели в полной растерянности.

— Я люблю вас, — пробормотал он.

— И я люблю вас, милорд, — призналась я. — Но... я также люблю своего мужа и вашу жену. —

И добавила не без язвительности: — Как и вам, кстати, следовало бы ее любить.

— Я и люблю ее, — возразил он. — Но не так, как вас.

— Мы с вами задумали дурное, — заявила я. — Нет, не могу изменить мужу.

У графа был совершенно подавленный вид.

— Что же с нами будет? — спросил он.

— То же, что и было, милорд, мы станем, в меру своих способностей, возложив все наши надежды на Бога, править этой страной. — Выглядел граф так, будто уже не способен ни на что, кроме как гладить меня, и я рискнула подвинуться ближе. — Я никогда не предам вас, милорд. Более того, вы всегда будете занимать самое важное место в моей жизни. Я только прошу от вас понимания.

— Да, — пробормотал он. — Да. — И попытался прижать меня к себе. Будучи неопытной, я еще не знала, с какой быстротой может возрождаться к жизни мужское естество: вот оно поникло, ни дать ни взять надломленный тростник, но достаточно малейшего поощрения — и оно превращается в нацеленное копье.

Я торопливо отодвинулась на безопасное расстояние.

— Вам надо идти, милорд, не то они примутся вас разыскивать.

Чего можно ждать от семнадцатилетней девушки?

— Я поступила глупо? — спросила я у Байи.

— Да, ваша светлость. То, что вы, нагая, уединились с графом, уже само по себе преступление. Вы могли хотя бы насладиться его плодами.

Но я не стала назначать графу повторное свидание. Я знала, что этого не следует делать. Между семнадцатилетней девушкой и двадцатичетырехлетней женщиной — огромная разница; к тому же, пока я стала старше, мне пришлось выдержать столько жесточайших испытаний, что супружеская измена потеряла в моих глазах всякое значение.

В то время, однако, я была счастлива, поглощенная сама собой; кроме того, к большому удовольствию моего мужа, в моей душе произошел поворот к Церкви и благотворительным делам. Как раз в это время ко мне обратился человек по имени Эндрю Дакет, ректор колледжа Святого Ботольфа в Кембридже, с предложением, чтобы я, как Генрих, основала свой колледж. Рядом с колледжем короля будет гордо стоять колледж королевы.

Идея показалась мне замечательной, тем более что я осознавала свою давнюю непопулярность в этой части страны, а в то время — и на всей остальной территории, поэтому основание колледжа, носящего мое имя, могло бы смягчить общую враждебность. Поэтому я дала согласие на основание колледжа Святой Марии и Святого Бернарда, и 15 апреля 1448 года мой добрейший сэр Джон Уэнлок заложил первый камень.

Увы, строительство, если строить добротно, дело весьма длительное; за то время, что сооружался колледж, произошло много событий, отсрочивших его открытие до 1464 года, когда обстоятельства моей жизни значительно изменились, поэтому я не смогла лично присутствовать на радостном торжестве. Все почести достались этой подлой Белле, которой в это время только еще предстояло появиться в моей жизни и чье коварное предательство причинило мне много горя.

Было заранее ясно, что 1448 год принесет с собой тяжкие испытания, ибо в соответствии с условиями заключенного с дядей Шарли соглашения в этот год следовало передать Мэн французам; а это событие снова могло восстановить весь народ против Суффолка. Все это время ему следовало бы держаться в тени, хотя он и являлся главным министром Англии. Но этот болван создал новый кризис, поссорившись с

Бофорами, подумать только, с Бофорами! Не знаю, может быть, наше тайное свидание, когда я предстала перед ним нагая, ударило ему в голову, и он вообразил, что при всех обстоятельствах мы будем стоять теперь вместе или вместе низвергнемся в ту ужасную бездну, о которой он упоминал. Во всяком случае, он решил заменить лондонского архиепископа Томаса Кемпа на одного из своих прихвостней, некоего Молинё. Такое намерение само по себе предосудительно, но Томас Кемп доводился к тому же племянником йоркскому архиепископу Джону Кемпу, за несколько лет до того возведенному в сан кардинала Папой Евгением IV. Кардинал Кемп, всеми любимый, могущественный человек, как большой друг нашего покойного дяди Генри, пользовался и особым покровительством Бофоров.

Не приходится сомневаться, что кузен Эдмунд в то время был весьма раздражен. Его правление во Франции не выдерживало никакого сравнения с правлением кузена Ричарда Йоркского, которого он заменил и который, кстати сказать, заслужил много похвал за свою деятельность в Ирландии, поэтому Эдмунд так и не получил герцогского титула, на который рассчитывал. Ко всему этому он, как и большинство членов королевской семьи, чувствовал, что выскочка Суффолк, прибегая к бесчестным махинациям, всячески его затирает. И Эдмунд решил встать на защиту Кемпа; последовали многочисленные ссоры со швырянием боевых рукавиц.

Так как виновник всех распрей находился в лоне Церкви, естественно, что и Генрих оказался вовлеченным в этот скандал. К моей радости, он выступил в поддержку главного министра, но, как всегда действуя невпопад, обратился за разрешением спорного вопроса к самому Папе, однако Папа не только ему не помог, но и язвительно упрекнул его. В конце концов это дело пришлось улаживать бедной маленькой королеве, которая смогла убедить Суффолка отказать-

ся от нелепой затеи. Затем я убедила знатных вельмож, что были в Лондоне, перестать сопротивляться возведению Эдмунда в герцогское достоинство и наконец уговорила Генриха даровать Суффолку заслуженный им титул, и тот стал герцогом Суффолкским, а дорогая Элис — герцогиней. Епископа же Молинё мы умиротворили, наделив его правом пользоваться малой государственной печатью.

Все эти раздоры имели и положительную сторону, ибо отвлекли внимание палаты общин, которой ничто не доставляет такое удовольствие, как ссоры среди знати, а тем временем английский гарнизон спокойно покинул Мэн, куда тотчас же вступили войска дяди Шарли.

Среди всех этих событий, нарушавших мирное течение нашей домашней жизни, произошло одно, которое стало моей личной трагедией: я вынуждена была приказать убить моего льва.

За последние два года он вырос, превратившись в громадного зверя, который, к несчастью, смотрел на все человечество, за исключением своего сторожа и меня, как на своих смертельных врагов. Королева, естественно, всегда окружена людьми; мало того, что Альбион питал вполне понятную неприязнь к двуногим существам, он еще стал, как ни удивительно, ревновать меня к ним. Какое-то время я была польщена такой привязанностью, но однажды он зашел слишком далеко, согнав короля с моей кровати. Нетрудно догадаться, что я очень ценила редкие посещения Генриха и всегда старалась ими воспользоваться. К моей досаде, Альбион не только не дал мне возможности воспользоваться присутствием мужа, но и сильно напугал его, а в довершение чуть было не убил стражника, который, заслышав шум, прибежал в спальню.

С большой неохотой отдала я приказ убить его, пытаясь утешиться мыслью, что, навсегда прощаясь

со львом, я навсегда прощаюсь и со своим девичеством, со всеми заблуждениями и несчастьями, свойственными этому трудному периоду в жизни женщины.

Однако в самом начале нового года мои надежды на то, что дела наши наконец наладятся, бесследно развеялись. Сначала все шло хорошо, парламент собрался в Вестминстере в самом благодушном настроении и даже охотно выделил весьма щедрые ассигнования, которые позволили сделать наш стол куда более изысканным. Я всегда открыто высказывала свое мнение о королях, которые с шапкой в руке вынуждены выпрашивать свой насущный хлеб у подданных, и все же мне доставила большое облегчение возможность иметь наконец деньги.

Увы, наша радость длилась недолго. Не успели мы воспользоваться открывшимися перед нами возможностями, как в Лондоне начала свирепствовать чума, и мы поспешно удалились в Вестминстер. Мы восприняли эпидемию как случайное досадное обстоятельство, но оно послужило предвестием множества несчастий. Начало им положил безумец по имени Франсуа д'Аррагон, один из тех туполобых бродячих рыцарей, для которых превыше всего — слава, наряду со многими другими людьми считавший, что отдать Франции Мэн означало перечеркнуть все то, чего за предыдущие сто лет удалось добиться английским доблестным воинам на континенте. Этот сущий бич Господень отвел свои войска в провинцию и разграбил город Фужер. Мы пришли в ужас, особенно когда узнали, что к подобного рода бесчинствам Франсуа подстрекал вице-король, новоявленный герцог Сомерсетский, настолько обуянный гордыней, что даже позволил себе появиться в захваченном городе и потребовать своей доли добычи. Дядя Шарли, естественно, бурно отреагировал

на столь вероломное нарушение условий перемирия, и между двумя странами вновь началась кровопролитная война. Я пребывала в сильном расстройстве, в подобном же состоянии находился и Генрих, который тут же отправился на границу с Уэльсом, якобы для осмотра тамошних монастырей. Я не сомневаюсь, что он хотел удалиться на возможно большее расстояние от лондонских беспорядков и военных действий по ту сторону пролива.

Я возвратилась в Вестминстер, чтобы попытаться как-то решить возникшие проблемы. Суффолк, разумеется, уверял меня, что все будет хорошо, и все было бы хорошо, прояви кузен Эдмунд хоть малейшие полководческие способности. Французы наносили ему поражение за поражением, пока наконец 29 октября не пал Руан, столица Нормандии. Впрочем, подобное развитие событий оказалось нетрудно предвидеть.

То лето было для меня долгим и тревожным, а отсутствие Генриха делало его и вовсе мучительным. Откровенно говоря, в обычное время я бы радовалась тому, что его нет рядом, ибо могла спокойно предаваться своим излюбленным занятиям, которых он не одобрял. Однако Суффолк, естественно, счел пребывание короля вдали от столицы подходящей возможностью для возобновления своих притязаний. Из случившегося в позапрошлом году он сделал в достаточной мере справедливый вывод, будто мне помешал тогда страх перед разоблачением.

Но мне уже исполнилось девятнадцать; я стала зрелой женщиной со столь же зрелыми мыслями. Куда только подевались мои детские увлечения красивыми лордами! Теперь меня прежде всего заботили судьбы страны, и, размышляя о них, я не могла не прийти к выводу, что виновником всех наших бед был главный министр. Между тем грозовые тучи все сгущались и сгущались. Я не хочу, чтобы кто-нибудь хоть на миг предположил, что тогда или поз-

же я готова была отречься от дорогого Суффолка, но мне приходилось тратить много времени на размышления, каким образом спасти его, о чем сам он, в своей надменности, даже не задумывался; поэтому я была еще менее, чем два года назад, расположена удовлетворить его притязания.

Генрих вернулся из своих странствий в ноябре, как раз перед тем, как разразилась гроза. На 6 ноября было уже назначено заседание парламента в Вестминстере. На этот раз, из-за серии неудач во Франции, настроение парламентариев оказалось отнюдь не благодушным. Но мы уже сталкивались с неприязненно настроенным парламентом и каждый раз одерживали победу, хотя, должна признаться, этими победами мы были в значительной мере обязаны поддержке дяди Генри Бофора. Однако и на этот раз у нас как будто бы имелись все основания полагать, что удастся рассеять сомнения палаты общин по поводу управления страной.

К прискорбию нас подвела несдержанность самого Суффолка или, по крайней мере, его сторонников, которые, несомненно, действовали по его наущению. Как бы там ни было, не успели еще палата лордов и палата общин собраться, как некий Ральф, лорд Кромвель, человек из восточных графств, один из главных обвинителей Суффолка, был оскорблен Уильямом Толбойзом, линкольнширским сквайром, платным ставленником Суффолка. И оскорбленный и оскорбитель схватились за шпаги, но прежде чем они успели обменяться ударами, присутствующие растащили их в разные стороны. Но когда стало известно, что Толбойз — превосходный фехтовальщик, чего никак не скажешь о Кромвеле, мгновенно распространился слух, будто сквайр нарочно подослан Суффолком, чтобы устранить лорда от участия в прениях.

Как нетрудно себе представить, разразился величайший скандал. Канцлер казначейства Мармадьюк Ламли тут же подал в отставку, через неделю его

примеру последовал и епископ Молинё, вынужденный расстаться с малой печатью. Свой уход эти джентльмены мотивировали невозможностью долее сотрудничать с Суффолком. И это после того, как они проработали с ним целый год, к тому же Суффолк потратил много сил для выдвижения бесчестного Молинё. Оба они, видимо, чувствовали, что звезда герцога на закате, и спешили побыстрее отмежеваться от него.

Положение так обострилось, что Генрих счел необходимым до рассмотрения дела заключить Суффолка в Тауэр. Суффолк был, вполне понятно, расстроен, но Генрих заверил его, что все делается ради его же собственной безопасности, а я со своей стороны заверила: пока я жива, ему не причинят никакого вреда. Суффолка как будто бы успокоили наши заверения, но позднее мне пришлось поразмыслить о том, что даже королевам не следует давать опрометчивых обещаний, последствия которых могут тяжким бременем давить на плечи всю оставшуюся жизнь. Заседание парламента перенесли на январь, и мы, по крайней мере, получили возможность спокойно отпраздновать рождественские праздники. Но боюсь, что у королевской четы нашлось очень мало оснований радоваться. Нам снова не хватало денег, и мы знали, что в новом году предстоит столкнуться с большими осложнениями.

Мы не хотели, чтобы наша жизнь протекала на глазах у лондонской черни, и провели праздники в Виндзоре. Я уже упоминала о том, что это были праздники только по названию. Нам не хватало не только денег, но и верных сторонников. Сомерсет, если на него и можно было рассчитывать, по-прежнему оставался во Франции. Букингем, также достойный доверия, вряд ли мог сыграть сколько-нибудь значительную роль в предстоящей схватке. Йорк оставался в Ирландии, но его зловещее присутствие явственно

ощущалось и здесь, и конечно же, не подлежало сомнению, что его родственники — Невилли — решительно настроены против нас, во всяком случае против Суффолка.

По освобождении из Тауэра Суффолк вместе с Элис тотчас же укрылся в своих восточноанглийских владениях. Возможно, он предчувствовал, что ему грозит, и хотел в последний раз насладиться семейными радостями.

Я подозреваю, что все англичане, независимо от общественного положения и убеждений, с нетерпением ожидали и возобновления заседаний парламента.

10 января 1450 года Генрих и я возвратились в Вестминстер. Едва приехав, мы получили весьма тревожные вести из Портсмута, где толпа матросов схватила епископа Молинё, который собирался отплыть во Францию — или, точнее говоря, бежать из страны. Матросов разозлила задержка платы, а в презренном епископе они узнали министра, члена правительства; до них, видимо, еще не дошло известие о его отставке. Как бы то ни было, этот мерзкий негодяй, заботясь лишь о спасении собственной ничтожной шкуры, возложил всю ответственность за постигшие страну беды на Суффолка, не преминув выдвинуть и многие другие обвинения, — в частности, упомянул о замеченной многими неподобающей близости между герцогом и королевой.

Вся эта омерзительная клевета отнюдь не спасла ему жизнь: толпа мгновенно разорвала его на клочки, но обвинения человека, который, по всей видимости, знал, что находится на пороге смерти, приобрели неожиданный вес. Я поняла, что нам предстоит действовать со всей решительностью, но опасалась, как бы Генрих не поддался обычным своим колебаниям. Я даже послала гонца к Сомерсету, умоляя его о поддержке, но он ничем не мог помочь, ибо все его силы уходили на оказание сопротивления французам.

Парламент собрался 22 января и без долгих прений постановил выдвинуть обвинение против Суффолка.

Обвинение оказалось серьезное — в государственной измене. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, герцог был снова заточен в лондонский Тауэр, и на этот раз по воле парламента, а не короля. Этот так называемый Тауэр — огромная устрашающего вида крепость, построенная Уильямом Завоевателем, дабы господствовать над городом; она и в самом деле господствует над городом. В последние годы Тауэр часто используют как тюрьму, откуда можно выбраться лишь по решению судебных властей. Вполне понятно, я не на шутку встревожилась и принялась умолять моего мужа употребить свою королевскую власть, дабы вызволить нашего друга. Невзирая на все мои настояния, Генрих не хотел или не мог этого сделать.

— Мы должны молиться, — твердил он.

Я такая же христианка, как и все, ничуть не хуже, но даже в свои девятнадцать лет уже заметила, что вряд ли следует рассчитывать на заступничество Божества, не зная всех обстоятельств, — в частности, кто молится за то, чтобы свершилось событие, противоположное твоим желаниям. Мы все сходимся во мнении, что Бог един, и отсюда следует, что он не может поддерживать в каждом споре обе стороны; мы же с Суффолком, несомненно, согрешили если не телом, то душой. Я по-прежнему не оставляла намерений спасти герцога и еще раз горячо заверила его в этом, но теперь оставалось только ждать суда.

Суффолк был заключен в тюрьму 28 января. 7 февраля он предстал перед парламентом и выслушал официальное обвинение: во-первых, в том, что продал часть королевства французам; во-вторых, что изменнически укрепил свой Уоллингфордский замок. Первое обвинение оказалось легко опровергнуть ссылкой на гарантии, полученные герцогом, прежде чем он поехал сговариваться о моем с Генрихом браке. Но второе обвинение... Оно застигло нас врасплох, и по моему настоянию Генрих приказал отло-

жить рассмотрение этого дела, дабы должным образом изучить обстоятельства дела.

Рассмотрение было отложено, но отсрочка принесла мало пользы. Выход из этого положения напрашивался сам собой: следовало задним числом даровать герцогу разрешение на укрепление его крепости. В любом другом деле этого было бы достаточно. Но враги Суффолка, а их оказалось куда больше, чем друзей, выказывали твердую решимость во что бы то ни стало уничтожить его. Их доводы были пронизаны несокрушимой логикой ревностных адвокатов. Суффолк *совершил* измену, оправдывать его задним числом нельзя, как нельзя оправдывать убийцу уже после того, как он совершил преступление.

— Что же нам предпринять? — простонал Генрих, обхватив руками голову.

— Мы можем сделать только одно, сир, — сказала я мужу. — Возможно, это правильно и оправданно, что даже король не может задним числом одобрить нарушение закона. Но никто не сумеет отрицать, что король имеет право смягчить любой приговор.

Он поднял голову.

— Но Суффолку придется понести наказание. Причем публично, чтобы все это видели.

— Конечно, он должен понести наказание, — согласилась я. — Вы должны выслать его из королевства.

— Да, да! — с готовностью подхватил Генрих. — Я вышлю его из королевства. Это доставит им удовольствие.

Постоянное стремление короля доставлять удовольствие своим подданным невероятно раздражало меня, мне хотелось знать, когда же его подданные будут стремиться доставить удовольствие ему самому. Или, может быть, никогда? Однако я как всегда постаралась скрыть свои мысли.

— Вы приговорите его к пятилетней ссылке, ваша светлость.

— Что вы сказали?

— Вы приговорите герцога к пятилетней ссылке, ваша светлость. Это достаточно длительный срок, чтобы все позабыли о нем, но недостаточно большой, чтобы он утратил свои силы и энергию.

— Это им не понравится, — пробормотал Генрих.

— Пять лет, — повторила я тоном, не допускающим возражений.

Я велела передать герцогу, который все еще находился в заключении, чтобы он не отчаивался, сама же отправилась в парламент, где заняла свое место на предназначенной для женщин галерее, чтобы иметь возможность слушать дебаты. Я была уверена, что в моем присутствии Генрих не сможет пойти на попятную.

Когда герцог предстал перед палатой общин, парламентарии вознегодовали. Обвинения сыпались со всех сторон, прозвучало даже требование о немедленном осуждении — верный шаг к эшафоту. Суффолк мужественно отражал все нападки своих обвинителей, но я видела, что он чрезвычайно взволнован и, невзирая на мои утешения и обещания, чувствует, что проиграл. Я не отрывала глаз от Генриха, надеясь, что хоть раз в жизни он поведет себя как истинный Плантагенет. Понадобилось некоторое время, чтобы воцарилось молчание. Бросив быстрый взгляд на мою галерею, Генрих наконец заговорил — более решительно, чем обычно.

— Милорд Суффолк всю свою жизнь преданно служил короне и этой стране...

— Со всем к вам уважением, — дерзко перебил его спикер, — но должен заметить, что прошлые заслуги не могут являться смягчающим обстоятельством в деле о государственной измене.

— Однако, учитывая эти заслуги, я вправе смягчить и смягчу приговор, — заявил Генрих. — Моим повелением милорд Суффолк высылается из королевства. — При этих словах члены палаты общин задохнулись от гнева. — Сроком на пять лет, — добавил он.

Послышались негодующие крики. Угрожающе взметнулись кулаки, кое-где даже зазвенела сталь. Я повернулась к Уэнлоку, который как всегда находился рядом.

— Приведите королевских гвардейцев, сэр Джон, — сказала я. — Пусть проводят короля и герцога из палаты.

Опасаясь за собственную безопасность, я тоже покинула зал и вместе со своими фрейлинами поспешила во дворец. Здесь ко мне вскоре присоединился все еще дрожащий от пережитого волнения с пепельно-серым лицом Генрих.

— Я уже было подумал, что началась революция, — выдохнул он.

— Вы поступили, как подобает королю, ваша светлость, — сказала я. — Никогда еще так не гордилась тем, что я ваша жена!

— Вы правда гордились мной, Мег? Правда? — Он был похож на ребенка. Взмахом руки я велела фрейлинам выйти и заключила его в свои объятия. Некоторое время он лежал рядом со мной, все еще дрожа, как испуганное дитя, а я все не осмеливалась задать вопрос, вертевшийся у меня на кончике языка.

Наконец Генрих немного успокоился, я налила ему бокал вина, другой наполнила для себя и села рядом с ним.

— Я ушла еще до конца заседания, — сказала я.

— Они вели себя нагло, очень нагло, — пробормотал он, еще сильнее задрожав при этом воспоминании.

— Чего ждать от простолюдинов? — заметила я. — Но они не посмеют причинить вам вреда и обязаны

повиноваться вашему повелению. Герцога, я надеюсь, успели увести.

Он кивнул.

— Его благополучно препроводили в Тауэр.

— В Тауэр? — воскликнула я. — Так его не отправили в ссылку?

— Милая Мег, подобные дела делаются не так быстро. Улицы были переполнены народом. Лучше всего, чтобы он побыл в безопасном месте, пока волнения не улягутся.

— Бедняга, наверное, в ужасе. Надо его навестить.

— Нет, — резко возразил король. — Вы не сделаете ничего подобного. — Я удивленно подняла брови. Со времени нашей свадьбы Генрих еще никогда не говорил со мной таким тоном. — Это вызовет нежелательные пересуды, — добавил он, понизив голос, давая мне понять, что кое-какие толки обо мне и герцоге достигли даже его ушей.

— Очень хорошо, ваша светлость, — сказала я, — надеюсь, вы можете заверить меня, что ему ничего не грозит.

— Суффолк в полной безопасности, — сказал Генрих. — Как только волнения улягутся, он покинет город и вернется в свои эссекские поместья. Я дал ему шесть недель на то, чтобы привести все свои дела в порядок. Затем он отправится на континент.

— Как вы полагаете, куда именно?

— Я полагаю, в Рим, где сможет найти убежище у Папы. Это самое безопасное для него место, к тому же он сможет поступить там на службу в папскую армию.

Я представила себе своего героя, в полных боевых доспехах скачущего во главе папской армии, дабы покрыть себя новой славой перед возвращением. Пять лет! Мне исполнится тогда двадцать четыре. С тех пор я часто размышляла, что могло бы произойти, если бы через пять лет Суффолк присоединился к нам, овеянный славой. Увы, это были только мечты,

и мне пришлось довольствоваться людьми куда менее значительными.

Пока же я размышляла о том, что мне придется провести пять долгих лет, даже не видя его лица. Либо какой-нибудь другой части его тела. Я написала ему прощальное письмо, которое, хотя и было составлено в самых осторожных выражениях, не оставляло, как я полагала, никакого сомнения в испытываемых мною чувствах.

Надеюсь, он получил его.

Злосчастный 1450 год приносил с собой все новые и новые ужасы. Отъезд Суффолка прошел отнюдь не так спокойно, как предполагал Генрих. Горожане устроили засаду; счастье еще, что герцога сопровождал достаточно большой эскорт, ибо ему пришлось бы силой пролагать себе путь за городские стены. Известие об этой стычке вызвало у нас замешательство. Я посмотрела на короля: его подданные бесчинно нарушали отданное им повеление. Но Генрих не испытывал ничего, кроме облегчения, при мысли, что герцог укрылся в сравнительной безопасности своих поместий.

В течение шести недель парламент все откладывал и откладывал свое заседание, и мы наслаждались относительным спокойствием, хотя я знала, что не обрету полного покоя, пока герцог не покинет этой страны. Он должен был отплыть 1 мая из Ипсвича; в этот день я пошла вместе с Генрихом в аббатство, чтобы помолиться за его благополучное прибытие во Францию.

Спустя десять дней мы получили ужасное известие. Суффолк и в самом деле отплыл 1 мая. Снарядив два корабля и полубаркас, он направился к берегам Франции, где его должен был встретить заранее предупрежденный мною кузен Эдмунд. Но герцог так и не добрался до берегов Франции. Перед ним уже лежал порт, но его можно было одновременно видеть

и из Дувра, и прежде чем Суффолк смог ступить на землю Франции, его суда окружила эскадра королевских кораблей. Повторяю, это были королевские корабли, на мачтах которых развевались королевские флаги с изображением леопарда. Герцога пригласили на борт крупнейшего из этих кораблей — «Николаса Тауэрского». Некоторые утверждают, что его принудили отправиться туда силой, другие — что он сделал это добровольно. Вполне возможно, что и так: должно быть, он надеялся услышать об отмене решения о его ссылке.

Впрочем, он не имел возможности отказаться, ибо был окружен силами, значительно превосходившими его собственные. Если у него и оставались какие-то надежды, то в тот момент, когда он ступил на палубу «Николаса Тауэрского», они тут же рассеялись, ибо его приветствовали словами: «Добро пожаловать, изменник».

На борту «Николаса Тауэрского» герцога продержали два дня. У меня содрогается сердце при мысли о том, что ему пришлось вынести за последние сорок восемь часов жизни. Даже если его не били и не пытали, он уже ясно сознавал, что его судьба предрешена. Хотела бы я знать, о чем он думал, о чем вспоминал в эти предсмертные часы. Я наверняка занимала его мысли. Не возненавидел ли он меня за то, что я не сумела спасти его жизнь? Это было бы несправедливо, ибо, защищая его, я шла на отчаянный риск. Но даже я не имела представления о том, в какую пучину анархии погружается страна.

На третье утро герцога перевезли на полубаркас и там, зачитав смертный приговор, его обезглавили, как говорят, ржавым мечом. Понадобилось шесть ударов, чтобы отделить голову от туловища.

Можно, конечно, сказать, что его смерть оказалась легче и достойнее, чем если бы он был обвинен и казнен в самой Англии. Оглядываясь назад,

на далекое прошлое, я стараюсь забыть о своей юной страсти и рисую себе Суффолка как слишком честолюбивого человека, который пытался соблазнить совсем еще наивную девушку, чтобы добиться своей цели, — если бы я родила от него ребенка, в его ладони оказалось бы все королевство.

И все же он заслуживал лучшей участи.

Глава 6

Генрих и я уже выехали из Лондона, направляясь в Лестер, где должно было состояться новое заседание парламента, ибо в Лондоне вновь свирепствовала чума, когда пришло известие о трагической кончине Суффолка. Мы оба были глубоко потрясены, а еще я кипела от негодования.

— В этом убийстве виновна вся команда «Николаса Тауэрского», ваша светлость, — сказала я мужу. — Их необходимо арестовать, судить и повесить, всех до единого.

— Это вряд ли удастся осуществить, милая Мег, — простонал Генрих.

— Вы хотите сказать, что преступление сойдет им с рук? — Я не верила своим ушам.

— Я ничего не могу сделать.

— И вы, видимо, собираетесь оставить тело бедного Суффолка там, где его нашли, на песчаном берегу около Дила? — произнесла я как можно более презрительным тоном.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Герцогу следует устроить подобающие похороны.

Это, по крайней мере, было сделано: Суффолка похоронили в его семейной часовне, в Уингфилде. Я написала письмо Элис, выражая искреннее соболезнование, но не получила никакого ответа. Вмес-

те с детьми — старшему, Джону де ла Полу, едва исполнилось восемь — она возвратилась в дом своего отца в Юэлм; в том же году враги Суффолка попробовали обвинить и ее в измене, но эти попытки вскоре прекратились. К моему сожалению, во время выпавших на мою долю тягостных испытаний, Элис перешла на сторону моих врагов, а ее сын Джон (которому Генрих при первой же возможности возвратил титул герцога) сражался в рядах йоркистов — этого презренного сброда. Мы с Элис встретились уже много лет спустя, при самых горестных обстоятельствах.

Но все это произошло гораздо позже, пока же мы, лишившись наиболее способного нашего сторонника, изо всех сил старались справиться с осаждавшими нас несчастьями. По сути дела, оставался один-единственный человек, к которому мы могли обратиться за помощью в управлении страной, — кардинал Кемп. Мы имели все доказательства его дружбы и безусловной верности Генриху, но ему исполнилось уже семьдесят!

У меня не оставалось сомнений, что в конце концов нам придется вручить государственные печати кузену Эдмунду, хотя у нас имелись некоторые подозрения относительно его честности, но он все еще оборонял Нормандию от дяди Шарли и был слишком занят, чтобы приехать в Англию. Во всяком случае, задолго до того, как он мог бы приступить к исполнению обязанностей, на нас обрушилась беда пострашнее, чем убийство Суффолка. Восстали кентцы.

Конечно, едва ли можно ожидать, чтобы королева питала сочувствие к подданным мужа, восстающим против его декретов. Но даже если бы я была беспристрастной наблюдательницей, все равно сочла бы своим долгом сказать, что не существовало решительно никаких законных оправданий для того, что сделали эти негодяи. Они утверждали, будто восстали

потому, что страна дурно управляется. Но как раз перед этим убили человека, обвиненного в том, что он дурно управлял страной. Их утверждение, следовательно, было лживым; истина выплыла наружу, когда их предводитель объявил, что его зовут Мортимером. Он сказал только это, ничего больше, однако сам собою напрашивался вывод, что он принадлежит к Дому Мортимеров; этот Дом, куда, как я уже рассказывала, вошла и Филиппа Плантагенет, имел бо́льшие юридические права на корону, чем Генрих.

К этому Дому, естественно, примыкал и Дом Ричарда Йоркского. Как теперь всем известно, кентский Мортимер оказался вовсе не Мортимером, а негодяем-ирландцем по имени Джек Кейд, которого обвиняли в убийствах и Бог знает каких еще преступлениях, включая и то, что он бросил на произвол судьбы свою жену. Когда все это выяснилось, в моем, по крайней мере, уме зародились еще более серьезные подозрения. Кейд — ирландец; теперешний губернатор Ирландии — Йорк. Кейд назвался Мортимером, но это имя по праву принадлежит самому Йорку. Не остается никаких сомнений в том, что все это подстроено кузеном Ричардом с целью прозондировать, каковы будут чувства людей, когда начнется открытая борьба между истинным Мортимером, точнее сказать Йорком, и Ланкастерским Домом.

Восстание Кейда началось почти сразу после того, как распространилась весть о смерти Суффолка. Похоже было, что некто, обладающий куда большим умом, чем негодяй-ирландец, точно выбрал наиболее подходящий момент для мятежа — сразу же после того, как был устранен единственный человек, с которым не кто иной, как кузен Ричард, возможно, опасался встретиться на поле брани.

Однако мятежники, кто бы ни возглавлял их, плохо представляли себе, какими возможностями обладает король. Правда, эти возможности были не так

уж очевидны. Прежде всего поднялся переполох, последовали суета и беготня, перешептывания и причитания. В памяти людей еще не стерлось кентское восстание шестидесятидевятилетней давности, когда восставшие захватили и беспощадно разграбили город, заодно расправившись с несколькими ненавистными им королевскими министрами.

Помнили также и то, что царствовавший в 1381 году Ричард II смело вышел навстречу мятежникам и, пока он разговаривал с ними, один из сопровождавших его адъютантов убил их предводителя — мерзавца по имени Уот Тайлер, тем самым повергнув восставших в губительное замешательство. Казалось, такой же образ действий нам следует избрать и при нынешних обстоятельствах.

К сожалению, тогдашнее положение кое в чем отличалось от нынешнего. Ричард II был порывистым шестнадцатилетним юношей, обещавшим превратиться в такого же знаменитого воителя, как его отец, легендарный Черный Принц, или даже еще более прославленный дед — Эдуард III. Никто не подозревал, что этот бесстрашный юноша неспособен к управлению страной да к тому же носит в себе задатки тирана.

Генриху, однако, уже исполнилось двадцать восемь лет, и хотя его отец, как у Ричарда, был знаменитым воителем, сам он уже неоднократно выказывал свою неспособность управлять страной. Его знаменитое благочестие, несомненно, не позволило бы ему решиться на смелый удар, который Уильям Уолуорт нанес Уоту Тайлеру.

Что еще важнее, Генрих давно уже лишился всякой порывистости, если, конечно, она у него вообще когда-нибудь была, и старательно избегал встреч с толпой, боясь, как бы его не разорвали на куски.

И все же требовалось что-либо предпринять, причем срочно, ибо в скором времени Кейд уже командовал двадцатью тысячами людей, которые отнюдь не

все были разбойниками с больших дорог или карманниками. К мятежникам присоединилось значительное число сквайров и еще больше отставных солдат, вернувшихся с французской войны. Те, кто их видели, говорили, что восставшие дисциплинированны, хорошо вооружены; свой лагерь они разбили южнее Лондона, на открытой местности, известной как Вересковая пустошь.

При первых же сообщениях о сложившейся катастрофической ситуации парламент в Лестере прекратил свои заседания, и мы поспешили возвратиться в Вестминстер. Естественно, что со всех сторон сыпались советы, причем самые противоречивые, но мы прежде всего отправили своих посланцев, чтобы, встретившись с мятежниками, они выяснили их намерения, а тем временем стали срочно собирать подкрепление.

Требования Кейда можно было заранее предвидеть. Он прежде всего добивался, чтобы на пост нашего главного министра был назначен герцог Йоркский, который коренным образом изменил бы общее направление политики, проводимой прежде Суффолком, а также требовал, чтобы кузена Эдмунда сместили с поста главнокомандующего нашими войсками во Франции, надеясь таким образом остановить продвижение французов в Нормандии.

Наши посланцы сказали, что доложат обо всем королю, и отбыли. Но к этому времени наши военные приготовления были уже закончены, и королевское войско под командованием сэра Хамфри Стаффорда выступило, чтобы положить конец беззаконию и смуте. Тщетные надежды. Стаффорд — он отнюдь не доводился родственником нашему кузену Букингему, просто оказался его однофамильцем, — показал себя никуда не годным командиром: притворившись, что отступают, повстанцы заманили его в большую дубраву, где и перерезали все вверенное ему войско. Сам командир был убит, а Кейд надел его доспехи и возоб-

новил свой марш на Лондон; после того как широко разнеслась весть о его победе в Семи Дубах, ряды сподвижников отчаянного ирландца значительно пополнились новыми людьми.

В Вестминстере царило смятение. Вместе с разбитым войском, оставаясь в тылу, следовал и сам Генрих. После того как фатальное наступление Стаффорда печально закончилось, он поспешно отправился на лодке в Лондон, и я с отвращением увидела его трясущимся от страха.

— Они хотят отрубить мне голову, — плакался он. — Что делать? Что делать?

Я испытывала сильное желание предложить единственное возможное решение, которое, правда, представлялось мне наименее осуществимым: собрать еще одну армию, во главе которой стану я сама! Но я сомневалась, чтобы кто-нибудь ко мне прислушался. Вместо этого архиепископ Стаффорд, двоюродный брат убитого военачальника, предложил снова отправить их с Букингемом с посольством к Кейду, чтобы выяснить, чего же он теперь добивается. Несомненно, после своей победы этот негодяй потребует поднять ставку. Кейд распинался в своей верности королю, даже не упоминая обо мне, но по-прежнему настаивал, чтобы кузена Ричарда отозвали из Ирландии, а также требовал, чтобы, наряду с Суффолком, покарали и других лордов, виновных в позорной сдаче Мэна французам.

Возглавлял этот список лорд Сэй и Сель, признанный сторонник Суффолка, стало быть, и мой сторонник. Но архиепископ рекомендовал, чтобы мы заключили этого несчастного человека в Тауэр, проявив жест «доброй воли», — по отношению, заметьте, к банде простых мужиков-убийц, — а также, чтобы, невзирая на заверения Кейда в лояльности, мы с Генрихом переехали из Вестминстера в более безопасный Кенилуорт, где был хорошо укрепленный замок, и там ждали дальнейшего развития событий.

К моему смятению, Генрих с воодушевлением принял эти коварные предложения: единственное, чего он, видимо, хотел, так это оказаться как можно дальше от места, где ему угрожало столкновение с подданными. Узнав об этом, его отец, должно быть, перевернулся бы в гробу. Когда же я попыталась возражать, архиепископ вонзил в меня суровый взгляд и сказал, что его рекомендации продиктованы главным образом заботой о моей безопасности и что он не поручится за мою голову, если я окажусь в руках разъяренной толпы.

Подобное предположение вызывало у меня скорее гнев, чем страх. Небеса знают, что за долгую историю человечества несколько королев и в самом деле погибли насильственной смертью, но я не могла вспомнить ни одной, которую разорвала бы на куски толпа! Все рыцарство страны, несомненно, объединится для поддержки прекрасной двадцатилетней девушки, если ей будет грозить такая участь. У меня было сильное искушение проверить, так ли произойдет на самом деле. Но в своей тогдашней слабости я позволила себя уговорить и уехала. Всю дорогу мой господин и повелитель трясся от страха, что отнюдь не улучшало моего настроения, и по прибытии я наотрез отказалась разделить с ним ложе.

— Королева, — сказала я ему, — спит только с королями, а не с жалкими беглецами.

Я хотела было добавить, что она спит также с мужчинами, поведение которых достойно королей, но передумала. Мне казалось, что он рассердится, но Генрих только пробормотал что-то невнятное. По правде говоря, у меня было такое чувство, что он испытывает облегчение.

Между тем план Стаффорда, который причинил некоторый ущерб и, конечно же, не делал ему чести, неожиданно оправдался. После отбытия Генриха Кейд прямой дорогой отправился на Лондон, куда его тут

же впустили; эти глупцы, видите ли, были рады поддержать его против «француженки». В Лондоне он призвал к себе лорда Сэй и Сель и его зятя Кроумера, кентского шерифа, благоразумно бежавшего от тех, среди кого вершил правосудие, и обвинил их в измене. Когда ни один судья не согласился вести это дело, Кейд обезглавил их без всякого суда. Хотел он добраться и до Элис, но она оказалась вне досягаемости, в Юэлме. Еще один сторонник Суффолка, Аскью, несчастный епископ Солсберийский, который сочетал меня браком с Генрихом, был зверски убит арендаторами.

Все это производило зловещее впечатление, тем более что главная сторонница Суффолка — я — была еще на свободе. Тут-то и начали сбываться предсказания архиепископа Стаффорда. Людям Кейда надоело томиться в ожидании неизвестно чего. Они начали пить, затем принялись грабить, а следом, естественно, и насильничать. Лондонцы увидели, что их дома и семьи в опасности, и очень быстро сделались приверженцами короля.

Архиепископ Стаффорд заперся в Тауэре и отказался что-либо предпринять, но доблестный семидесятилетний кардинал Кемп собрал лондонцев в некое подобие армии, в чем ему помог благородный Уильям Уэйнфлитский, сменивший кардинала Бофора на посту епископа Винчестерского и в последующие годы проявивший себя нашим добрым другом. Последовало сражение на мосту, и хотя обе стороны понесли почти равные потери, мятежники возвратились в свой первоначальный лагерь. И тут, выложив на стол свои козырные карты, епископ отправил к ним гонца с обещанием выхлопотать для них королевское прощение, если они разойдутся по домам. Он, разумеется, знал, что таково их истинное желание, ибо я была вне досягаемости этих головорезов, а они торопились сбыть награбленное, поэтому стали разбегаться. Кейд понимал, что происходит, и

пробовал принять какие-то меры, но ряды его сподвижников таяли с каждым часом, и в конце концов он тоже был вынужден бежать, спасая собственную шкуру. Вскоре Кейда схватил и обезглавил страшный человек по имени Александер Иден, который сменил на посту шерифа несчастного Кроумера.

Выйдя из Кенилуорта, Генрих — теперь он метал громы и молнии — направился на юго-восток, казня по дороге всех попадавшихся ему мятежников. Это было мне до крайности неприятно — и не только по той причине, что кардинал обещал им прощение от имени короля, но и потому, что Генрих боялся встретиться с этими людьми лицом к лицу, когда они держали в руках оружие.

Этот эпизод можно рассматривать, как поворотный пункт в моей жизни. В течение пяти лет я убеждала себя, что Генрих — добрый и благородный повелитель, которому в исполнении супружеских и королевских обязанностей мешает только одно — чрезмерная набожность, впрочем, это был вполне извинительный недостаток. Все эти пять лет я подавляла свои естественные склонности и как королева, и как женщина, стараясь по возможности соответствовать его идеалу жены. Но он показал себя бесчестным трусом. А тут еще я убедилась в ужасающей превратности жизни. Мое пренебрежение ухаживаниями Суффолка в значительной мере объяснялось тем, что я возлагала надежды на будущее: нам с герцогом еще представится возможность изведать восторги любви, причем в полной безопасности, считала я. И вот герцог мертв!

Этим летом 1450 года я перестала быть юной девушкой и стала женщиной. Что еще важнее, я наконец поняла, что либо должна покинуть своего мужа и королевство и с позором возвратиться в Анжу, где, учитывая обстоятельства, мне едва ли окажут радостный прием, либо надеяться на себя, только на себя, единственного человека, способного спасти и меня самое, и Англию, и Дом Ланкастеров.

Разумеется, я пишу все это, умудренная опытом. Теперь я знаю: в то лето в моей душе вызрели решения столь важные, что я не сразу набралась смелости последовать им. Происшедшая со мной метаморфоза заняла несколько лет. В самом скором времени король и я столкнулись с такими превратностями судьбы, что все наши силы уходили на то, чтобы оставаться на плаву, — где уж тут думать о будущем?!

Не только мы в тот год потеряли нескольких дорогих и преданных людей. Во Франции умерла Аньес Сорель. По слухам, дядя Шарли был безутешен, хотя, конечно, существует некоторая разница между королем и королевой, которые потеряли своего главного министра да еще и в течение нескольких месяцев чувствовали свою беспомощность, напуганные нешуточным восстанием, и королем, утратившим свою фаворитку-потаскуху. Во всяком случае Шарли, всецело предавшийся похоти, тут же заменил Госпожу Красоту на ее двоюродную сестру — Антуанетту де Мэньеле, как и Аньес протеже Пьера де Брезэ, — женщину, еще более красивую, чем Аньес, и еще более свободных нравов, которая не только предоставила собственное тело в полное распоряжение моего неутомимого дяди, но и занималась сводничеством, снабжая его множеством красивых шлюх, которых он наряжал королевами и постоянно менял.

И это был, заметьте, человек сорока семи лет, который не совершил в своей жизни ничего сколько-нибудь достойного. Я буквально скрежетала зубами, когда сравнивала свое положение, — так молода, так хороша собой и так жажду физической любви, но не чувствую никакой уверенности в своем будущем, — с положением этого старого распутника, который вел себя, точно какой-нибудь восточный владыка и ни о чем на свете не тревожился.

После того как восстание Кейда было подавлено, мы с Генрихом надеялись на заслуженный отдых. Но

нас ожидала новая беда: из Ирландии без всякого разрешения вернулся Ричард Йоркский. Он заявил, что прибыл, дабы спасти Англию от дурного правления, слово в слово повторив высказывание своего лакея — Кейда.

Первым моим побуждением было арестовать его по обвинению в том, что он покинул свой пост без всякого дозволения. Генрих, который даже после кентского восстания не проявлял ни капли решимости, колебался в смятении. Йорк же тем временем действовал. В мое отсутствие он даже посмел появиться в Вестминстере. В полных боевых доспехах, с мечом на боку, он велел стражникам расступиться и подошел прямо к королю.

Генрих пришел в ужас. Да и чего можно было от него ожидать? В конце концов ему пришлось выслушать нотацию от своего повелительного кузена и дать согласие на то, что Йорк останется в Англии как член совета.

Теперь я была в смятении. Йорк стал членом совета, а это означало, что он стал представлять собой весь совет. Мои опасения оправдались. Едва кузен Ричард занял свое место в совете, его тут же выбрали председателем. А едва он был выбран председателем, совет направил королю петицию — правильнее было бы назвать ее ультиматумом, — рекомендуя ему назвать официального наследника престола и подсказывая, что выбор должен пасть на Ричарда, герцога Йоркского.

— Это возмутительное требование! — обрушилась я на Генриха.

— Обычная юридическая процедура, — объяснил он. — После того как скончался дядя Хамфри, вопрос о моем престолонаследнике повис в воздухе.

— А у меня нет никаких прав? Что, если у меня родится сын?

Генрих слабо улыбнулся.

— Дорогая Мег, вы знаете, что это невероятно. На то нет благословения Божьего.

«Нет благословения Божьего! — подумала я. — Да будь ты настоящим мужчиной и оседлай меня как следует!..»

— Но если счастливое событие все же последует, кузен Ричард отойдет на задний план.

Как будто такой человек может отойти на задний план, когда он оказался в вожделенной близости от королевского трона!

Тяжелая рука Йорка стала опускаться на плечи всех, кто принадлежал к партии короля. Прежде всего он отозвал кузена Эдмунда из Франции. Во имя справедливости должна сказать, что Эдмунд наделал во Франции массу ошибок. В то время как мы боролись за жизнь Суффолка с парламентом, он терпел поражение за поражением от армии дяди Шарли. Завершающий удар был нанесен в Форминьи, в апреле: англичан полностью изгнали из Нормандии. В дополнение ко всем своим прочим эксцессам дядя Шарли стал титуловать себя Карлом Победоносным, хотя на самом деле его армией командовали Пьер де Брезэ и Дюнуа.

Эдмунд вынужден был отступить в Кале, окрестности которого являли собой все, что оставалось от некогда обширных английских владений на континенте, приобретенных более чем за сто лет непрерывной борьбы. Возможно, военные соображения требовали отзыва столь неудачливого командира. Но Йорк жаждал его крови. Как только герцог Сомерсетский ступил на землю Англии, он был арестован по обвинению в предательской сдаче французам различных городов и препровожден в Тауэр.

— Что вы собираетесь делать? — спросила я Генриха.

— Нет сомнений, что Сомерсету придется отвечать за свое плохое командование, — ответил Генрих.

— Вы хотите, чтобы он предстал перед парламентом? Был судим и приговорен к смерти? Как Суффолк? Не сомневаюсь, что вы отправите его в ссылку, как Суффолка, чтобы по дороге его могли задержать и зверски убить.

Генрих не смотрел в мою сторону, как всегда когда я была в гневе.

— Как того требует закон, будет проведен надлежащий судебный процесс, — пробормотал он.

— Закон? — вскричала я. — Вы хотите сказать, что процесс будет проведен так, как того потребует Йорк. Генрих, Эдмунд — ваш кузен. В ваших с ним жилах — одна кровь. Вы не можете допустить такое!

— Я не могу действовать против закона.

— Вы хотите сказать, что не смеете действовать против Йорка? — воскликнула я и выбежала из комнаты.

Но что можно было поделать? Король бесцельно тянул время, возлагая все надежды на тот простой факт, что он король и, стало быть, неуязвим. Но я видела замысел Йорка так же ясно, как если бы он обрисовал его мне сам. Он был законным наследником престола по своему происхождению, а теперь и по решению совета. Но Дом Ланкастеров по-прежнему пользовался популярностью, и эта популярность, я знала, будет жить, пока жива память о Бедфорде Глостере, кардинале Бофоре и прежде всего — о Генрихе V. Йорк пока еще не решался погрузить страну в пучину гражданской войны — его честолюбивые замыслы, как и моя решимость отстаивать правое дело, только еще созревали, однако побуждали его к дальнейшим действиям. Конечно, оставалось еще немало могущественных людей, способных и готовых сражаться за короля. Однако если уничтожить их одного за другим... Суффолка уже нет. Кузен Эдмунд, глава Дома Бофоров, — второе имя в длинном, очень длинном списке. За ним, несомненно, по-

следует Букингем, а там, когда будет покончено с королевскими кузенами, настанет черед и не столь важных сторонников; против них Йорк сможет действовать более открыто и решительно.

Неужели я бессильна предотвратить надвигающуюся катастрофу? Всецело положиться на короля означало бы только ускорить ее приближение. Надо действовать. Но как? В этом отчаянном положении я проявила все бесстрашие, всю силу характера, мне свойственную. Заключенный в Тауэр Суффолк тщетно надеялся на мои обещания. Благодаря малодушию короля и моему непониманию того, как далеко готовы зайти мои враги, эти обещания оказались пустыми. Я никогда не смогу забыть этого.

Теперь узником Тауэра стал Сомерсет. Я ничего ему не обещала, даже не была уверена, что он мне нравится, но именно на него возлагала свою единственную надежду, ни на миг не сомневаясь, что его падение будет и моим падением. Мне нечего было терять, однако я знала, что должна буду действовать с величайшей осторожностью, ибо сейчас такое время, что все, чего мне удастся достигнуть, повлечет за собой важнейшие последствия. Поэтому я, проявляя терпение, тщательно скрывала свои чувства и вела себя как всякая королева, не интересующаяся государственными делами: устраивала свадьбы королевских подопечных, принимала молодых девушек при дворе и заодно старалась увеличить свой доход, в частности, получила от короля лицензию на беспошлинный вывоз олова и шерсти... и все это время ждала, когда чрезмерно самоуверенный Йорк выедет из столицы в свои северные поместья.

Наконец он выехал. Я тотчас же призвала к себе Уэнлока и изложила ему свой замысел. Он был ошеломлен, тем более что я предупредила: король ничего об этом не знает и ничего не должен знать, пока дело не будет сделано. На следующий же день я покинула Вестминстер, сопровождаемая своими фрейлинами и

лишь несколькими джентльменами. Я хотела смело въехать в город, не боясь, что толпа схватит свою королеву. Однако Уэнлок отказался выполнить мое желание, и мы сели на барку на вестминстерском причале.

И все же новость о моей поездке распространялась очень быстро. Ученики ремесленников и домашние хозяйки, отрываясь от своих обязанностей, бежали к набережной, чтобы посмотреть на меня. Я улыбалась им всем и даже время от времени махала рукой. Мои фрейлины очень нервничали, но я настояла, чтобы и они тоже махали руками. Не успели лондонцы понять, что́ у меня на уме, как я уже оказалась возле выходящих на реку ворот Тауэра, которые носят довольно зловещее название «Ворота предателя». Но мне было наплевать на это.

Дежурный лейтенант растерялся, застигнутый врасплох. Но когда я потребовала, чтобы он меня пропустил, ему ничего не оставалось, как повиноваться, ведь приказ отдала королева.

Я впервые оказалась в этом большом и, по правде сказать, довольно мрачном заведении. Холодные каменные стены невероятной толщины, окружавшие со всех сторон внутренние лужайки и дворы, усугубляли тягостное впечатление.

Лейтенант еще более встревожился, когда я заявила, что пришла посетить герцога Сомерсетского.

— Он заключен в тюрьму по приказу Тайного совета, ваша светлость, — запинаясь, вымолвил он. — И может быть освобожден только по его же приказу.

— Разве я сказала, что пришла его освободить? — заявила я. — Я пришла навестить человека, являющегося моим кузеном и другом, которому вполне доверяю. Пришла, чтобы обсудить с ним обстановку во Франции, которую он знает лучше кого-либо другого. К тому же он мой подданный. Как и вы.

Дальнейших протестов не последовало, и меня проводили в одну из нескольких башен, которым замок

обязан своим названием[1]. Поднявшись по бесконечной каменной лестнице, я оказалась в довольно просторном, хотя и скудно обставленном помещении. В самом его центре стоял Эдмунд. Он был хорошо одет, и я не заметила никаких следов дурного обращения. Однако, как и все в тот день, он был ошеломлен моим появлением и поспешно упал на одно колено. Я повернулась к лейтенанту, который вместе со своими прихвостнями и моими фрейлинами последовал за мной в камеру.

— Закройте дверь с той стороны.

Казалось, он собрался было запротестовать, но я посмотрела на него с самым повелительным видом, который только могла изобразить, и он, пятясь, вышел из комнаты. Мои фрейлины заколебались, но я жестом приказала им выйти вместе со стражниками. Тяжело звякнула дверь, закрываясь за ними. Эдмунд по-прежнему стоял, коленопреклоненный.

— Вы не находите, что каменный пол слишком холоден и тверд, кузен? — спросила я.

Герцог Сомерсетский торопливо встал.

— Вы отдаете себе отчет в том, что делаете, ваша светлость? — сказал он. — Через пятнадцать минут весь Лондон будет знать, что вы разговаривали за закрытыми дверьми с человеком, обвиняемым в измене.

— А я и хочу, чтобы все знали, — ответила я. — Потому и приехала сюда открыто, без каких-либо предосторожностей. — Я подошла поближе. — Эдмунд, вы хорошо знаете, что существует тайный заговор, направленный против короля.

— Полагаю, да, ваша светлость. Но никто не признает его существования.

— Это так, и поэтому нам нужно привлечь на свою сторону всех честных людей, которым мы можем полностью доверять. — Я подошла к нему вплотную. — Эдмунд, готовы ли вы умереть за короля?

---

[1] Тауэр по-английски означает «башня».

Он посмотрел на меня, на несколько мгновений его лицо посуровело, и я могла только догадываться, какие мысли роятся в его голове. Его ответ подтвердил мои догадки.

— Я готов умереть за *вас*, милая Мег, — сказал он.

Могу поклясться, что, предпринимая это знаменитое паломничество в Тауэр, я хотела только форсировать события, а заодно и завербовать могущественного сторонника, способного стать моей правой рукой в борьбе за наше дело. Но теперь меня вдруг осенило, что *наше* дело, в сущности, *мое* дело, во всяком случае в глазах любого человека, готового обнажить ради нас свой меч. Во всем королевстве не было ни единого человека, это касается и королевских кузенов, который хоть раз общался бы с королем и готов был умереть за *него*.

— Тогда живите ради меня, дорогой Эдмунд, и несите мое знамя к победе.

Он схватил мою руку и поцеловал ее, затем, прежде чем я смогла понять, что он намеревается сделать, поцеловал мой рукав, плечо и привлек меня к себе, заключив в объятия. Разумеется, я догадалась, что, как и Суффолк, Эдмунд давно уже издали обожает меня. И была склонна ему помочь. Он моложе Суффолка, сильнее на вид, в его жилах течет королевская кровь, знатностью он не уступает даже королю, а наше положение в то время было еще более отчаянным, чем в прошлом, когда Суффолк сделал мне свое бесчестное предложение. К тому же теперь я знала, к каким ужасным последствиям приводит откладывание неизбежного. Поэтому я не уклонилась от поцелуя Эдмунда, напомнив себе, что поступаю так во благо государства.

Как и Суффолк, он пришел в ужас от того, что делает, но его руки с воодушевлением совершили свое быстрое путешествие по моей спине, ягодицам и грудям, затем он снова упал на колени.

— Ваша светлость, — пробормотал он, — простите меня...

— За то, что вы меня любите? — спросила я. — Вовсе не собираюсь обвинять вас в этом преступлении. — Он поднял голову. — Я хочу, чтобы вы были моей надежной правой рукой.

— Я в вашем полном распоряжении. Но...

— Вы будете первым человеком в нашем королевстве, других наград я не могу вам обещать.

Он облизнул губы.

— Но...

— Вы исполните мои желания, только мои. Клянетесь?

— Клянусь. Но, ваша светлость...

— Вы слишком нетерпеливы, Эдмунд.

Он снова вскочил на ноги, я подалась к нему, чтобы он мог еще раз обнять и поцеловать меня. Несмотря на некоторый любовный опыт, приобретенный мною в объятиях Суффолка, клянусь, что никогда еще в своей жизни я не была так возбуждена. Однако не теряла головы.

— Вы слишком нетерпеливы, — повторила я, высвобождаясь.

— Но, ваша светлость, — сказал он, — находясь здесь, я ничем не смогу вам помочь. А я сомневаюсь, что мне удастся выйти отсюда. Ведь это замок. Кстати, мне уже давно предсказано погибнуть в замке.

Именно это он, очевидно, и хотел сообщить мне в течение последних пяти минут; я переоценила его — явно притворный — пыл, у него такая же холодная кровь, как у рыбы, он повиновался скорее велениям разума, чем сердца. И к тому же всегда страдал суеверием.

— Уж не хотите ли вы, милорд, сказать, будто верите всяким лживым прорицаниям, — молвила я. — Что до вашего освобождения, то, заверяю вас, за ним дело не станет.

Мое посещение тюрьмы произвело настоящий фурор, но именно на это я и рассчитывала. Генрих смотрел на меня так, будто я была незнакомкой, впрочем, с этого момента я и в самом деле стала для него незнакомкой — не столько женой, сколько защитницей и наставницей; мои фрейлины рассказывали всем, кто только хотел слушать, о моем бесстрашии и решимости. И, само собой разумеется, об их собственном бесстрашии и решимости.

Тем временем я продолжала отстаивать дело своего мужа. Йорк по-прежнему отсутствовал, и я отправилась на заседание совета. Изумленные моим появлением, члены совета повскакали на ноги; они так встревожились, словно меня сопровождал по меньшей мере отряд лучников.

Я улыбнулась им.

— Милорды, — сказала я, — прошу вас, сядьте. Извините, что решаюсь прервать ваше заседание, но для этого у меня есть веские причины, которые и хочу довести до вашего сведения.

Присутствующие переглянулись, и, как можно было ожидать, кардинал пригласил меня сесть.

— Ваше преосвященство, ваша милость, — это обращение предназначалось для архиепископа Стаффорда, — милорды, как вы, возможно, знаете, я решила сама допросить герцога Сомерсетского. Ваше преосвященство, ваша милость, милорды, герцог — королевский кузен, и я убеждена, что во всем королевстве нет более лояльного подданного, чем он. Он готов умереть за своего короля. Можно ли сказать это обо всех подданных?

Члены совета обменялись взглядами.

— Ваше преосвященство, — продолжала я, — ваша милость, милорды, во главе Англии стоит *король*. Если иногда он и предпочитает передавать свои полномочия другим, то только потому, что в равной степени заботится о Святой Церкви и о своем королевстве. — Я посмотрела на обоих прелатов, кото-

рые в знак одобрения принципов Генриха вынуждены были кивнуть. — Но король — *он*. И теперь Генрих желает сам править страной. Есть ли здесь кто-нибудь, кто осмелится помешать ему осуществлять свою законную власть?

Это заявление потрясло всех. Единственный человек, который пытался оспаривать королевскую власть, отсутствовал.

— Пусть только его светлость изъявит свои желания, ваша светлость, — пробормотал Стаффорд.

— Его светлость нездоров, — сказала я. И это заявление отнюдь не было заведомой ложью: Генрих пребывал в полнейшем смятении и ужасе. — Он уполномочил меня изъявить свою волю.

Они с некоторым опасением ждали, что за этим последует.

— Прежде всего его светлость требует, чтобы все обвинения, выдвинутые против графа Сомерсетского, были отозваны и немедленно издан приказ о его освобождении из Тауэра.

Члены совета заколебались.

— Но герцог Йоркский... — робко проговорил кто-то.

— Ваше преосвященство, — решительно сказала я, — ваша милость, милорды, скажите мне, пожалуйста, кто же король Англии. Генрих Виндзорский или Ричард Йоркский? — Таким образом я заранее отмела все возможные возражения. — Его светлость также изъявляет желание, — продолжала я, — чтобы вся нация, в особенности лондонцы, поняли, что именно он полноправный властитель этой страны и повелевает всем вам присутствовать на благодарственном молебне в Вестминстерском аббатстве в следующее воскресенье.

Генрих был сперва поражен моей дерзостью, затем уязвлен тем, что я узурпировала его полномочия, но, узнав о предстоящем проведении благодар-

ственного молебна, пришел в совершеннейший восторг. По моему настоянию он позволил облачить себя в полные боевые доспехи с изображениями английских леопардов и французской лилии на груди. Новость о предстоящем молебне широко распространилась, и Ричард, сопровождаемый своими кузенами Невиллями и большой свитой, поспешил возвратиться в город. Но было уже слишком поздно. Весь Лондон высыпал на улицу, приветствуя короля и его благородных лордов; Йорку и Невиллям оставалось лишь присоединиться к шествию и выразить свою преданность престолу.

На следующий день герцог Сомерсетский был назначен председателем совета.

Йорк, разумеется, попытался вернуть себе утраченные позиции. На первом же заседании совета он потребовал отстранить Эдмунда от обязанностей председателя, обвиняя его если не в предательстве, то в некомпетентности. Но Генрих, ободренный моей решимостью, а также примером послушания, который показали благородные лорды, склонившись перед его волей, отказался удовлетворить его требование. Кузену Ричарду не оставалось ничего иного, как отойти в тень и подумать, какие шаги следует предпринять в дальнейшем.

Так была одержана решительная победа. Однако за все в этой жизни необходимо платить. Как только совет отложил свои заседания до Рождества, тут же явился Эдмунд, потребовав от меня приватной аудиенции. Так как всего несколько недель назад, по моему собственному настоянию, мы уже имели с ним приватную встречу, никто не был склонен ворчать по этому поводу.

Но я уже знала, что последует. Конечно, я могла бы спросить, кто кому и за что должен платить. Сиди я сложа руки, Эдмунд, несомненно, был бы обвинен и казнен. В этом случае мне пришлось бы наблюдать, как Йорк третирует моего мужа, обращаясь с ним, да

и со мной тоже, как с полными ничтожествами; после же смерти мужа меня бы пожизненно заточили в какой-нибудь замок, где по всем комнатам и коридорам гуляют сквозняки, либо отправили на корабле обратно во Францию, влачить печальную участь возвратившейся домой вдовы.

Можно было бы спросить, что получил каждый из нас от завершения почти тридцатилетнего конфликта. Эдмунд ничего, кроме того, что получил. В его душе уже укоренились семена саморазрушения, потому что у него не хватало способностей осуществить свои честолюбивые замыслы. Однако я получила нечто важное. Каков бы ни оказался конечный результат, я осталась в живых. Кроме того, не в моем характере было безропотно подставлять спину ударам судьбы. Оставайся я дома, Эдмунд умер бы намного раньше, чем это произошло в действительности. И все же он почему-то считал, что, позволив ему поцеловать себя, я тем самым дала ему какое-то обещание.

Возможно, я и дала ему такое обещание. Прошло всего несколько месяцев после смерти Суффолка, но вот уже три года с тех пор, как я жила, подавляя влечение своего сердца и чресел, подчиняясь суровым доводам моего разума. Но теперь и сердце, и чресла, и разум как бы объединились. Я знала, что никогда не полюблю моего мужа; от осознания этого оставался лишь короткий шаг до понимания того, что я *никогда его не любила*. Это, разумеется, не оправдывает супружеской измены, даже если ее совершает королева. Но я упивалась сознанием собственного величия, ведь именно я, а не кто-нибудь другой, спасла короля и себя от Ричарда Йоркского, и понимала, что должна во что бы то ни стало сохранить любовь человека, готового быть моим защитником.

Все это время меня несла на своем гребне волна воодушевления, ибо впервые в жизни я взяла в руки поводья моей судьбы — и добилась полного успеха. Я также надеялась, что смогу родить от этого чело-

века сына, в котором так отчаянно нуждалась, ведь у него уже было несколько своих сыновей.

И все же, признаюсь откровенно, оказалась полностью во власти чувственного желания. Я уже упоминала, что Эдмунд был очень красивым мужчиной, к тому же на несколько лет моложе Суффолка. Он выглядел еще более красивым, когда, стоя передо мной на коленях, поздравил меня с успехом моего замысла и поклялся в своей вечной любви и верности. Я подняла его и в следующий миг уже была в его объятиях. Мы быстро разделись, и наши тела тесно переплелись.

Что я могу сказать? Очевидно, мы оба совершили тяжкий грех, но не из тех грехов, в которых исповедуются. Я уже попыталась объяснить, как все это случилось, хотя и сознаю, что этому нет подходящего объяснения.

Когда наше соитие завершилось, я испытала поистине небесное блаженство. Эдмунд прожил много лет во Франции и досконально изучил науку любви, которая культивируется в этой самой эротичной из всех стран. Азы этой науки мне, разумеется, преподавали, чтобы я была готова встретить мужа без всякого замешательства. К сожалению, я все равно почувствовала замешательство, ибо мой муж не имел о науке любви ни малейшего понятия.

Теперь этот пробел в моем воспитании и опыте был восполнен. Я испытывала восторг — и в то же время смятение, ощущая себя развратницей, осужденной гореть в адском пламени, особенно когда губы и язык Эдмунда обследовали все мои тайные места. Не странно ли так обращаться с королевой, думала я. Но когда за губами и языком последовало и его естество, я почувствовала себя наверху блаженства и счастья. Метаморфоза, начавшаяся с убийства Суффолка, наконец-то завершилась, и я

впервые ощущала себя зрелой женщиной, принадлежащей только самой себе.

И все же я охотно принадлежала бы кому-нибудь. Но этому не суждено было статься. Одно из самых любопытных свойств мужского естества, в его разных значениях, состоит в том, что, излив свою страсть, мужчина в тот же миг переходит от любви, готовой преодолеть все препятствия, к повседневным заботам жизни.

Я лежала в постели, все еще с ног до головы охваченная жарким томлением, когда вдруг заметила, что осталась одна.

— Я должен уйти, — сказал Эдмунд, торопливо одеваясь.

— Так скоро? — Я приподнялась на локте, отлично сознавая силу своей колдовской привлекательности.

— У кого-нибудь могут появиться подозрения.

— Пока моя дорогая Байи стоит на страже, никто не посмеет войти.

Надевая свою короткую куртку, он какое-то мгновение помедлил.

— На нее можно всецело положиться? — спросил он, нахмурившись.

— Всецело.

Выражение его лица стало еще более хмурым.

— Ей уже приходилось выполнять подобные обязанности?

Я села, отбросив назад ниспадавшие на лицо волосы.

— Я ваша королева!

Это был, конечно, не ответ на его вопрос, но я не готова была лгать, а он не готов был продолжать свои расспросы.

— Когда мы встретимся вновь? — спросила я.

— Э... когда я возвращусь в Лондон, в январе.

— В январе? — воскликнула я. До Рождества оставалось две недели, но ожидание казалось мне бесконечно долгим.

— Я уже так давно не был со своей семьей, — объяснил этот наглец. — Если я не проведу праздники вместе с ними, могут возникнуть подозрения.

Без сомнения, он спешит испробовать свои познания в науке любви на жене!

Будь я уличной девкой, он заплатил бы мне перед уходом. Будь мы обычной родней, я попросила бы у него денег взаймы. Но ведь я королева, и мне не пристало так унижаться. Я отпустила его. Рождественские праздники прошли очень мрачно. Наши финансовые дела снова пришли в расстройство, даже на рождественский ужин необходимо было занять деньги, а когда Генрих попробовал раздобыть в городе дополнительные суммы на празднование Кануна Крещения, Двенадцатой ночи, ему отказали.

Я была поражена. Как можно отказать королю в его просьбе о деньгах? Оказалось, что в Англии это в порядке вещей. Король уже исчерпал свой кредит. В тот важнейший праздничный день у нас вообще не было ужина.

Однако в тот год наши дела шли не так уж плохо, и, оглядываясь в прошлое, я могла бы, пожалуй, назвать 1451 год самым спокойным в моей взрослой жизни. В марте мне исполнился двадцать один год, это немаловажное событие праздновалось по всему королевству, и я получила много щедрых подарков. Я забирала в свои руки все больше королевских полномочий и в конце концов, с помощью Эдмунда и кардинала Кемпа, сумела даже стабилизировать финансовое положение, так что у нас появились деньги, которые мы могли тратить по своему усмотрению.

Генрих как обычно проводил свое время в молениях и посещении монастырей. Наши дела во Франции шли все хуже и хуже, французы даже отобрали у нас юго-западную провинцию Гиень. Однако народ воспринимал это поражение как неизбежное.

Генрих больше не делил со мной ложе, но Эдмунд и я несколько раз тайно встречались. Каждая из этих встреч была столь же восхитительна, как и первая; и после того, как мы достаточно сблизились, я и сама стала проявлять кое-какую инициативу. Любовником он оказался превосходнейшим, это было, пожалуй, единственное поприще, где он проявлял незаурядные способности. Тем не менее я испытывала двойственные чувства. Находясь в обществе Эдмунда, я ощущала душевный подъем. Когда мы расставались, меня начинали терзать все возрастающие сомнения. И меня все сильнее беспокоило то, что я никак не могу затяжелеть.

На этот случай у меня был заранее разработан план. Как только я замечу задержку с месячными, тут же уложу с собой в постель Генриха, не принимая от него никаких отказов. Но ничего не случалось, и я даже стала подумывать, уж не моя ли вина, что у меня нет детей.

И все же, если не принимать во внимание того, что происходило во Франции, это был спокойный, даже счастливый год. Я заранее позаботилась о том, чтобы мы ни в чем не нуждались в эти рождественские праздники и в Двенадцатую ночь. Конечно, я знала, что временное прекращение борьбы против нас объяснялось отказом кузена Ричарда присутствовать на заседаниях Большого совета, пока его возглавляет Сомерсет; он провел целый год в своем замке в Сэндале, на севере Англии, погруженный в размышления. Это несколько удивляло нас, хотя такое случалось и прежде. Но он должен был заботиться о своем положении наследника престола; не зная, какие хитрые ходы мы, возможно, предпринимаем за его спиной, не смел рисковать своей популярностью у черни.

Однако мы не замышляли никаких хитрых ходов, если не считать самого, может быть, необходимого, а именно моего намерения, чего бы это ни стоило, стать

матерью, но об этом знал лишь Сомерсет, Байи и я. Возможно, мне следовало действовать более решительно. Но я, в то время двадцати одного года от роду, чрезмерно остро сознавала свою вину и ненормальность своего положения. Король даже не подозревал о моей связи с Эдмундом; ему никогда не приходило в голову, что кто-нибудь может желать так называемых чувственных радостей. Но он понимал, какую важную роль я стала играть в государственных делах, и я догадывалась, что это не очень его радует. Он был педантичным сторонником легальности, и хотя его принудили назначить наследником герцога Йоркского, если бы я начала открытую кампанию против этого, мой муж не только непременно вмешался бы, но и отстранил бы меня от государственных дел. Оставалось ждать подходящего момента. С той непоколебимой уверенностью, какую дает молодость, я полагала, что герцог опять зайдет слишком далеко, и я, конечно, не премину воспользоваться представившейся возможностью.

Известие о том, что кузен Ричард и в самом деле зашел слишком далеко, поразило нас, как удар грома. В начале февраля 1452 года пришло известие: герцог Йоркский двинулся на Лондон во главе целой армии!

Глава 7

Как обычно этот неожиданный поворот событий застал нас врасплох, и мне в очередной раз пришлось тормошить своего господина и повелителя. Генрих, даже более чем когда-либо, был склонен позволить событиям идти своим чередом, ибо кузен Ричард, выказывая большую хитрость, заявлял, что не питает никакой вражды к королю, а только хочет оказать ему услугу, сместив Сомерсета, который, по его словам, губит королевство. Армия же сопро-

вождает его только для того, чтобы защищать от вероломного убийства.

— Вот-вот, — обрадовался Генрих, — в глубине души он вполне лояльный человек.

— Мой дорогой муж, — сказала я, — похоже, вы готовы поверить чему угодно.

Великая беда Генриха, что он слышал только то, что хотел слышать. Касательно этого случая, однако, вспоминая прошлое, я прихожу к выводу, что Генрих в тот момент, возможно, был прав. Учитывая события, произошедшие в дальнейшем, я чувствую, что тогда еще Йорк не принял окончательного решения относительно своего высшего права на трон. Не оставляло никаких сомнений и то, что мой дорогой Эдмунд правит Англией так же дурно, как командовал английскими войсками во Франции; поэтому страна стремительно приближалась к состоянию полной анархии; местные магистраты вершили правосудие как им вздумается, всячески попирая справедливость и ничуть не страшась, что кто-то, стоящий выше них, привлечет их к ответственности. Но, по крайней мере, с моей точки зрения было бы куда худшим злом, стань герцог Йоркский королем если и не номинально, то фактически.

К счастью, мне удалось убедить Генриха, что мы оба в опасности, и конечно же, Эдмунд горячо поддержал меня. В результате мы собрали свою армию и дали ясно понять, что готовы померяться силами. Но в мои планы отнюдь это не входило, ибо нашей армией командовал кузен Эдмунд, тогда как кузен Ричард стоял во главе своих людей, а вряд ли приходилось сомневаться, кто из них лучший солдат: какая может быть стычка между крестьянским парнем и рыцарем в полных боевых доспехах? Что до меня, то я просто блефовала — так же, как и год назад, когда вызволила Эдмунда из Тауэра. И мой блеф в какой-то степени удался.

Так как, переправившись из Ирландии, герцог приближался с юго-запада, я поручила своим людям

перекрыть все ведущие в Лондон дороги, тогда как Генрих, по моему предложению, взяв пример с Кейда, поднял свой королевский штандарт на Черной вересковой пустоши, это было удобнейшее место, чтобы расположить большое число людей, а со стратегической точки зрения — идеальная позиция для предотвращения каких-либо попыток переправиться через Темзу с юга, в непосредственной близости от города. Здесь мы и ждали приближения Йорка. Но и на этот раз с той фатальной нерешительностью, которая начисто отсутствует у его ужасного сына, Йорк, поняв, что ему предстоит столкновение с законным государем, уклонился от сражения и разбил лагерь на расстоянии нескольких миль, в Дептфорде.

С нами находился добрейший епископ Уэйнфлит, и мы отправили его к Йорку, поручив осведомиться о намерениях герцога. Вернувшись, епископ передал обычные заверения в лояльности, Йорк выдвигал лишь одно требование — чтобы герцог Сомерсетский был заключен под стражу. Если это условие будет принято, кузен Ричард обещал коленопреклоненно выразить свою преданность королю.

К этому времени я стала понимать, что настойчивость, с какой Ричард требует ареста Эдмунда, имеет более глубокие корни, чем желание избавиться от соперника или спасти королевство от дурного правления. Неужели он подозревает, что мы с Сомерсетом состоим в преступной связи? Сама я всегда строго соблюдала тайны, тем более столь чреватые опасностью; что до Байи, то я знала, что могу без опаски доверить ей свою жизнь. Третьим — и последним — участником заговора, ибо это было не что иное, как заговор, являлся сам Сомерсет. По всей очевидности, мне следовало доверять ему. Но мужчинам свойственно похваляться своими победами. Завоевать же королеву равносильно тому, что взобраться на самую крутую вершину.

Когда я попробовала расспросить Эдмунда, он стал горячо отпираться. Впрочем, это вполне естественно. Как бы там ни было, я чувствовала, что Йорк слишком опасен, чтобы оставить его на свободе, да и вообще в живых, даже если он согласится постоянно жить вдали от Лондона... если он намерен верить всякого рода зловредным абсурдным слухам. А каждому, кто когда-либо видел мое прекрасное невинное лицо, наблюдал, с какой ревностностью я — правда, время от времени — молилась рядом с мужем, эти слухи непременно показались бы зловредными и нелепыми.

Итак, у меня имелся собственный план. Следует прежде всего помнить, что уже тогда я боролась за свою жизнь. И конечно же, за положение королевы Англии, которое было мне так же дорого, как жизнь. Когда все, что ты имеешь, поставлено под угрозу, уже не до заботы о своей чести, тебе все равно, какого мнения о тебе будут придерживаться твои подданные — и мужчины и женщины, и даже что скажет история. Важно одно — выживание.

— Теперь самое важное, ваша светлость, — объяснила я Генриху, — встретиться с герцогом Йоркским с глазу на глаз и уладить все ваши разногласия, однако встреча должна произойти не там и тогда, где и когда он пожелает, что может оказаться не слишком благоприятным для вас, а там и тогда, где вы пожелаете. Например, сейчас и здесь, где вы под защитой армии.

Генрих только хмыкнул. Ничего другого от него и нельзя было ожидать, ведь ему предстояло принять решение.

— Он никогда не посмеет явиться сюда, — проворчал Сомерсет.

— Обязательно явится, если мы примем его условие, — сказала я. — Кузен Эдмунд, с этого момента вы под арестом.

— Что? — воскликнул несчастный герцог.

— Стража! — крикнула я, и ко мне тотчас подбежали стражники.

— Ваша светлость! — Эдмунд побагровел.

— Доверьтесь мне, милорд, — шепнула я. — А теперь, ваша светлость, — обратилась я к королю, — почему бы вам не известить Йорка о том, что его условие выполнено, и потребовать немедленно явиться сюда, чтобы поклясться в вечной преданности.

Генрих был в полной растерянности, поэтому я отправила послание сама.

— Боюсь, нас ожидают большие неприятности, — пожаловался мой муж. — Да и время выбрано не слишком удачно.

В тот же день прибыл кузен Ричард, сопровождаемый сквайрами, но без Невиллей; войдя в королевский шатер в полных доспехах, он осмотрелся с видом победителя, скользнул по мне беглым взглядом и только тогда заметил кузена Эдмунда, стоявшего за креслом короля. Он испустил громкий рев, который, окажись поблизости коровы, наверняка внушил бы им страх, что их сейчас изнасилуют.

— Тысяча чертей, я не потерплю, чтобы этот человек находился в моем присутствии! — прокричал он, точно был королем.

Такого не потерпел даже Генрих.

— Фи, и еще раз фи! — воскликнул он, давая нам всем понять, что он в ярости. — Это уж позвольте мне решать, кому можно, а кому нельзя находиться в моем присутствии.

Ричард опешил, столкнувшись с неожиданным сопротивлением; прошло несколько мгновений, прежде чем он обрел дар речи.

— Но ваша светлость заверили меня, что герцог Сомерсетский под арестом.

— Да, так оно и есть.

— Почему же он стоит за вашей спиной, ваша светлость?

— Где бы ни стоял человек, это вовсе не значит, что он не под арестом, — парировал Генрих. Он любил подобные споры, в сущности бессмысленные и никуда не ведущие.

— Вы сыграли со мной злую шутку, обманули меня, ваша светлость, — овладев собой, сказал Йорк. — С вашего позволения я пойду посоветуюсь со своими приближенными.

Генрих посмотрел на меня, ожидая подсказки, но я была уже готова действовать сама.

— Думаю, король хочет, чтобы вы остались, дорогой герцог, — проворковала я сладким голоском.

Йорк сверкнул на меня глазами, я была единственной присутствующей женщиной, затем перевел взгляд на короля.

— Что вы хотите сказать, ваша светлость? — спросил он; в его голосе звучала неприкрытая угроза.

— Его светлость хочет сказать, дорогой кузен, — ответила я, — что вам лучше всего остаться там, где вы находитесь, чтобы мы могли решить некоторые важные вопросы и вы могли подтвердить свою клятву верности. Вам не следует опасаться за свою безопасность. Если вы выглянете наружу, то увидите: шатер окружен вооруженными стражниками, а что до ваших приближенных, то им оказывают радушное гостеприимство.

Если бы взгляды могли убивать, я тут же упала бы замертво. Но восторжествуй моя воля, кузен Ричард первым отправился бы на тот свет. Такой поворот событий мог бы значительно изменить ход истории.

Но этому не суждено было случиться. Ричард и его приближенные вполне могли бы открыто нарушить письменное повеление короля, предать главного ми-

нистра некоему подобию суда и отрубить ему голову... но король не хотел без суда и следствия казнить королевского герцога, причем его поддерживал и Эдмунд. Я сыграла в орлянку — и проиграла.

Но только в конечном итоге. Пока же Йорка, прежде чем он смог вернуться к своей свите, заставили подтвердить клятву верности. Я часто раздумывала потом: что он им, любопытно, сказал? Пока же моя решительность, как это уже было ранее, когда я освободила Сомерсета, пусть на короткое время, напомнила Генриху, что он король, он Плантагенет и, как предполагается, все мужчины и женщины должны трепетать перед его грозным взглядом. Я знаю, что катастрофа, случившаяся с моим мужем в следующем году, объясняется двумя причинами: неожиданной беременностью жены и полным поражением во Франции. Можно было предположить и третью причину, еще более существенную: необходимость, пусть и недолгая, действовать как истинный король подорвала его рассудок, совершенно непригодный для такой цели.

Как бы там ни было, страна вдруг осознала, что у нее есть король. За пасхальную неделю Генрих приказал амнистировать сто сорок четыре человека.

— Я намерен покончить с внутренними распрями, — сказал он мне.

Затем он велел заняться нашими делами во Франции. Укрепления Кале и других еще остававшихся у нас городов были тщательно осмотрены и наилучшим образом отремонтированы. И самое лучшее, он убедил моего давнишнего поклонника Джона Толбота, графа Шрусбери, — того самого, что на свадьбу подарил мне одну из любимейших книг, — принять командование.

Толбот, после смерти Бедфорда, несомненно, был наилучшим солдатом своего времени. Однако его последовательно отодвигали в сторону честолюбивые стремления Суффолка, Йорка и Сомерсета. В то

время ему было уже за шестьдесят, а это немалый возраст для полководца, облаченного в латы и восседающего на коне; последние пару лет он замещал Йорка в Ирландии. И вот наконец был призван, чтобы отстаивать наше дело. Нам казалось, что теперь все пойдет хорошо.

Завершив эти весьма серьезные дела, Генрих отправился в одно из своих долгих путешествий, намереваясь покончить с состоянием анархии, которое возобладало почти по всей стране. Начал он с Норфолка, оттуда переехал на запад, обогнув Эксетер и Бат, проехал вдоль границы с Уэльсом, посетил Херфорд и Ладлоу и наконец ненадолго заехал в Кенилуорт.

В октябре он снова предпринял путешествие: побывал в Стамфорде и Питерборо, а затем завернул в свой любимый Кембридж.

Не знаю, чего он достиг, совершая эти свои поездки, я не сопровождала его, но в конце лета мы встретились в Кенилуорте. В его отсутствие я проводила время очень приятно. Эдмунд находился у меня под рукой, и наши дела, казалось, наконец-то были в порядке. Даже из Франции, где Толбот отвоевал почти всю провинцию Гиень, поступали неизменно хорошие известия.

Если не принимать во внимание дорогого Эдмунда и мое растущее разочарование отсутствием наследника, это лето ушло на улаживание различных матримониальных дел, два из которых оказали исключительно большое влияние на будущее. Еще до того как Генрих отправился в свое путешествие, Эдмунд привез и представил при дворе свою племянницу Маргариту Бофор. Маргарите было тогда девять лет; что касается ее внешности, то я бы не назвала ее хорошенькой, но она была наследницей нашего покойного кузена Джона Бофора и, следовательно, унаследовала также боль-

шинство поместий Джона Гонтского, что делало ее, с точки зрения будущего мужа, весьма и весьма привлекательной. Конечно, я могла бы присвоить Эдмунду титул герцога Сомерсетского, но, разумеется, я не имела возможности распоряжаться огромными богатствами кузена Джона, перешедшими к его единственному, оставшемуся в живых ребенку.

Джон умер в 1444 году, восемь лет назад, когда Маргарита была еще младенцем, и с этого времени дядя являлся ее опекуном. Это означало, что он мог пользоваться доходами с ее капитала, хотя и не самим капиталом. А потому вот уже восемь лет Эдмунд был очень богатым человеком, даже если говорить только о наличных деньгах. Теперь, в своем новообретенном могуществе, он хотел целиком и полностью решить это дело к своей выгоде. Эдмунд привез Маргариту для того, чтобы выхлопотать разрешение короля на ее брак со своим старшим сыном, которого также звали Генри. Таким образом Генри Сомерсет должен был немедленно унаследовать поместья и богатства своего дяди, а со временем и отцовский титул, это позволило бы объединить все богатства Бофоров.

Замысел Эдмунда представлялся мне чрезвычайно разумным, о чем я и сказала. Увы, пробудив в моем Генрихе желание действовать, как подобает истинному королю, я вложила ему в руки оружие против самой себя. У Генриха вдруг появилось множество собственных идей. К вящему удивлению всех, оказалось, что он отнюдь не был равнодушен к различного рода финансовым кризисам, которые затрудняли ведение его королевского хозяйства. И нетрудно себе представить, что, если король и королева время от времени оставались голодными, те, кто подъедал крошки с королевского стола, испытывали еще более сильный голод. В этом отношении особенно заботила моего мужа судьба его единокровных братьев, которых он поклялся содержать в течение всей их жизни. Поэтому ему пришло в голову, что можно сделать полезный шаг в ре-

шении всех наших проблем, выдав замуж кузину Маргариту за Эдмунда Тюдора, который был хорошо сложенным, но очень бедным, без единого пенни в кармане, молодым человеком двадцати двух лет и, стало быть, моим ровесником. Этот брак не только сразу бы сделал Тюдора баснословно богатым, но и, поскольку его преданность трону не вызывала никаких сомнений, превратил бы его в такой же источник наличных денежных средств, каким некогда был покойный кардинал.

Что ж, если король принял решение, смертным не столь высокого сана остается лишь смириться. Эдмунду Бофору пришлось горько пожалеть о своем решении представить юную леди ко двору, в то время как его соименник Тюдор был еще не женат, Эдмунд же Тюдор в один миг оказался в рядах высочайшей знати, и возникла необходимость присвоить ему титул, соответствующий его богатствам. Так как возвести его в герцогское достоинство Генрих не мог, то сделал его графом Ричмондским, а его младшего брата Джаспера — графом Пемброкским. Естественно, я испытывала двойственные чувства. Я не желала ничего кроме самого лучшего для Сомерсета, однако не могу отрицать, что иметь близкого родственника, богатого, как сам Крез, было весьма утешительно. Понятно, что ни я, ни кто-либо другой в то время не имели ни малейшего понятия о том, к каким поразительным последствиям приведет этот брак, хотя тогда еще он не был делом решенным.

Второй брак, который в то лето вызывал во мне живейший интерес, также имел прямое отношение к королевской семье и также оказал глубочайшее влияние на всю нашу жизнь, хотя это влияние как будто бы уже перестало сказываться.

Джон, герцог Бедфордский, ныне покойный, прославленный дядя моего мужа, человек очень крепкий, одинаково неутомимый как дома в постели, так и на

поле сражения, после смерти своей первой жены вторично женился на самой красивой женщине в Европе. Следует иметь в виду, что я пишу о периоде, предшествовавшем моему рождению. Так вот, его женой стала Жакетта Люксембургская, дочь Петера Люксембургского, графа Сен-Поля. Я уже упоминала о том, какая все-таки поразительная причудница судьба! Достаточно вспомнить, что этот самый граф Сен-Поль, когда я была еще ребенком, просил моей руки для своего сына, но затем отступился, видя, что дела моего папа идут все хуже и хуже. Таким образом я вполне могла бы стать юной золовкой этой самой Жакетты, двадцатью годами старше меня.

Герцогиня Бедфордская была, несомненно, очень счастлива в своем замужестве, хотя, как это часто случается, когда выходят замуж за государственного деятеля и солдата, герцог почти не имел времени, чтобы согревать ее постель, и уж конечно, он не нашел времени зачать в ее чреве ребенка; в этом отношении он оказался еще неудачливее, чем его знаменитый брат. И когда, как его брат, через шесть лет после женитьбы он умер, Жакетта, как и моя тетя Катрин, осталась молодой вдовой, не имеющей даже сына, который мог бы ее утешить.

Она пошла той же тропой. Да и какая сильная духом женщина спасовала бы при таких обстоятельствах? Но будучи самой красивой женщиной в Европе, она сошлась не с простым постельничьим, как это сделала Катрин, а, как говорили, с самым красивым *мужчиной* в Англии, неким сэром Ричардом Вудвиллом. И несколько лучше, чем тетя Катрин отдавая себе отчет в том, к чему она стремится, даже вышла замуж за этого малого.

Это не спасло ее от заслуженной взбучки со стороны короля, а Ричарда — от пребывания в Тауэре, но затем ее и его, как тетю Катрин и ее возлюбленного — Тюдора, простили и даже позволили им поселиться в одном из уголков сельской Англии, при-

нудив тем самым провести остаток своих дней в полной безвестности. Есть люди, самой судьбой обреченные на безвестность, однако существуют и другие, которые, как бы ни старались, неизбежно становятся предметом всеобщей ненависти и обожания, — эти чувства лишь две стороны одной монеты. Жакетта и Ричард не искали ни славы, ни богатства. Занимались они исключительно любовью, да так успешно, что у них родилось ни много ни мало семь сыновей и шесть дочерей, — герцогиня проявила удивительную плодовитость, хотя это ничуть не повредило ее наружности.

Летом 1452 года дочери Жакетты и Ричарда, их первенцу, исполнилось пятнадцать лет, пришла пора выдавать ее замуж. Когда красивейший мужчина во всей стране женится на красивейшей женщине Европы, даже если к этому времени она и оказалась на втором месте, есть все основания полагать, что у них родятся красивые дети. Так и случилось, причем старшая дочь была наикрасивейшей из всех. Звали ее Элизабет (во Франции мы называли бы ее Изабеллой), и должна признаться, приняв приглашение на свадьбу, я испытала нечто вроде болезненного укола, увидав ее впервые.

Когда тебя превосходит красотой женщина, которая старше, чем ты, это можно перенести довольно спокойно, утешаясь мыслью, что она первая состарится. Но когда тебя превосходит красотой женщина, которая на семь лет *моложе* тебя, это дело нешуточное.

Разумеется, я очень быстро сообразила, что у меня нет причин тревожиться. Белла Вудвилл была высока, пожалуй, чересчур высока для женщины, тогда как мой рост внушает всем мужчинам желание баюкать меня в своих объятиях. Беллу природа одарила необыкновенно красивыми, мягкими, как шелк, золотистыми волосами, длинными и прямыми, однако чересчур послушными, моя же вьющаяся темная шевелюра, даже если и не колыхалась, непременно приковывала к себе взгляды. Безупречно правильные черты лица

Беллы отличались некоторой строгостью. Ее безукоризненно прямой нос был чуть-чуть длинноват, а рот, хоть и походил на розовый бутон, — маловат. Никто не мог бы сказать дурного слова о форме ее подбородка, разве что он слишком заострен. Ничего легкомысленного во всем облике, ничего похожего на мой вздернутый нос, которым я так гордилась, на мой широкий рот и округлый подбородок. Глаза у Беллы были холодно-голубые. Мои же — зеленые, выражающие полноту чувств. Когда мы познакомились с ней поближе, я убедилась, что фигура у нее очень хороша, в свои пятнадцать лет она, безусловно, была стройной девушкой, тогда как я к двадцати двум годам достигла чувственной пышности.

Самая большая разница, однако, заключалась в наших характерах. Я была сама пылкая страсть. Невзирая на все перипетии моей жизни, такой до сих пор и остаюсь. Белла — сдержанная, даже замкнутая. Но слабодушной я бы ее никак не назвала. Тогда я еще не знала всей глубины ее целеустремленности, неукротимого желания во что бы то ни стало добиться богатства и могущества для себя и своей семьи, вознестись на самые высокие вершины, стать вровень со мной, что стоило жизни многим людям, и не в последнюю очередь ее родственникам.

Но в ту пору, не подозревая о грядущих переменах судьбы, я видела перед собой красивую, хотя и не слишком броскую девушку, отдаленную родственницу королевской семьи, которая выходила замуж за сельского джентльмена Джона Грея, сына лорда Ферреса Гроуби, который не имел абсолютно никаких шансов подняться над своим теперешним уровнем. Я же была королевой, милостиво изволившей посетить ее свадебный пир. К тому же меня гораздо больше интересовала ее мать, о которой я много слышала, но встречалась с ней впервые. Тетя Жакетта — по первому своему браку она приходилась мне тетей, — казалось, была польщена моим вниманием, да и все семейство, види-

мо, взволновало мое решение посетить их скромное празднество. Находясь в самом щедром расположении духа, я предложила, чтобы Белла, когда ее семейная жизнь окончательно устроится, заняла свое место при дворе, среди моих фрейлин. Ее близкие с восторгом приняли мое предложение. Чего лучшего могла желать молодая девушка, чем место при дворе, под покровительством самой королевы, на что еще могла надеяться? Но если тебя зовут Элизабет Вудвилл, ты можешь стремиться к гораздо большему. Тогда, однако, я не имела никакого понятия о честолюбивых устремлениях Беллы.

Иногда я думаю, что 1452 год был моим последним счастливым годом. Но, конечно, трудно сказать, когда именно начинается и когда заканчивается удачный год. Полностью ли совпадает он с годом календарным? В этом году я была счастлива, частично мое счастье перешло и в следующий год.

Признаюсь, я не пролила ни одной лишней слезы, когда умер архиепископ Стаффорд. Хотя я и часто упоминала его имя, о нем самом мне почти нечего сказать. Архиепископ участвовал в моей коронации — помазал меня холодным миром; он не сумел подавить восстание Кейда и во всех других отношениях — и как человек, и как прелат — оказался малополезным. После его смерти мы смогли назначить архиепископом верного Кемпа. Для меня, во всяком случае, это было большим утешением.

Рождество мы провели весело, ни в чем не нуждаясь. Единственной ложкой дегтя в бочке меда оказались гнусные слухи, которые распространял Йорк среди лондонцев. Эти негодяи никогда меня не любили и мгновенно подхватывали все распускаемые обо мне сплетни, коих ходило великое множество. Сомерсет негодовал, потому что эти сплетни были небезосновательны и, как нетрудно догадаться, он являлся их

мишенью. Ему не оставалось ничего иного, как созвать парламент в Ридинге, подальше от толпы, где проще управлять событиями. И в начале марта мы выехали в Ридинг.

В тот момент я была счастливее, чем когда-либо еще в своей жизни, ибо впервые у меня наконец произошла задержка с месячными.

Не было никаких сомнений, что зачатие произошло в последнюю неделю января, когда Генрих страдал каким-то недомоганием и официально предполагалось, что я сплю одна; как раз в это время Сомерсет жил во дворце, ибо состояние дорог не позволяло ему возвратиться домой. Мы провели вместе две-три упоительные ночи, до сих пор на нашу долю никогда не выпадало подобное везение, но так как нам уже приходилось проводить вместе ночи без каких-либо последствий, кроме взаимного утомления, я и на этот раз не предполагала, будто может произойти нечто неожиданное. Как я уже упоминала, к этому времени во мне укрепилась уверенность, что материнство не для меня, поэтому когда я видела такие самой судьбой предназначенные для родов машины, как Жакетта Вудвилл, с трудом сдерживала желание сплюнуть.

Однако неожиданное все же произошло. Последние месячные прошли у меня как раз перед тем, как Сомерсет провел со мной ночь. Поэтому я ждала наступления очередных месячных в третью неделю февраля. Но они так и не начались.

Мы уже были на пути в Ридинг, когда на коже у меня появилось первое пятнышко, вернее, когда Байи сказала мне об этом. Разумеется, я готова была кричать от радости, хотя Байи и поспешила сказать, что одна ласточка весны не делает. В ближайшее время мне следовало осуществить план, который я составила как раз на такой непредвиденный случай, и тогда самое худшее, что могло случиться, это преждевременные роды.

К этому времени Генрих уже оправился от своей простуды, и по прибытии в Ридинг я тут же забралась к нему в постель, приговаривая, как сильно соскучилась по теплу его объятий за то время, пока он болел. Он был рад это слышать, однако проявленная мной настойчивость слегка его обескуражила. После утомительно долгой возни я все же преуспела в своих намерениях. Должна сказать, что, будь у этой жалкой возни хоть какой-нибудь свидетель, одна мысль о том, что подобное действо способно привести к беременности, вызвала бы его неудержимый смех. Если вспомнить о том, что на протяжении всей истории нас, бедных, беспомощных женщин, насиловали и грабили все случайно или не случайно проходящие мимо солдаты, то, думаю, никто не станет оспаривать, что я оказалась несчастнейшей из всех, ибо мой муж даже не мог оседлать меня как следует, дать мне удовлетворения, более того — не чувствовал его и сам.

Однако я все-таки добилась своего, хотя и требовалось переждать пару месяцев, прежде чем объявить о своем положении. Словно разделяя со мной тайную радость по этому поводу, парламент, умело подобранный Сомерсетом, находясь также в превосходном настроении, ассигновал нам крупные суммы денег и назначил следующее свое заседание на ноябрь. Йорк и Невилли отсутствовали, и всем заправлял Эдмунд. И вот к концу мая в разговоре с королем я с полной уверенностью сообщила ему о том, что затяжелела.

Его реакция встревожила меня. Несколько минут он смотрел на меня не отрываясь, и я даже подумала было, что он не слышал моих слов.

— У меня будет от вас ребенок, ваша светлость, — сказала я самым обезоруживающим тоном. Уж если прибегаешь к такой чудовищной лжи, надо принять все возможные меры, чтобы в нее поверили.

Потрепав меня по щеке, он печально улыбнулся.

— О Мег, — произнес он, — дорогая, дорогая Мег. Вы все еще надеетесь? Но вы не можете затя-

желеть. Господь не благословил нас детьми — ни меня, ни вас.

Я так и не смогла убедить его. Поэтому не было обычного в таких случаях колокольного звона; почти никто в стране не знал, что наконец мне улыбнулось счастье: я в положении. Говорю «почти никто», потому что беременность королевы, разумеется, нельзя держать в тайне, тем более что, родись у меня сын, драматически изменились бы судьбы и надежды очень многих. Сомерсет походил на пса с двумя хвостами, я с трудом смогла убедить его, что он должен радоваться за короля и Дом Ланкастеров, а не за будущее дитя и его мать. Боюсь, однако, что его неразумное поведение не осталось незамеченным.

Могу только догадываться, какое впечатление эта новость произвела на семейство Йорков в их сэндалском замке. Кузен Ричард предпочел сделать вид, будто ничего не произошло, тем более что официального объявления так и не последовало. Гордячка Сис обеспокоилась куда больше. Без сомнения, она уже подсчитывала, через сколько месяцев станет королевой, поэтому даже мысль о том, что ее чаяния не сбудутся, была невыносима для нее. Она тотчас же примчалась в город, объявив, что причина ее приезда не имеет ко мне никакого отношения, но, находясь поблизости от Вестминстера, куда мы возвратились, она, естественно, не могла не нанести королеве визит вежливости.

Была середина июня, предполагалось, что моя беременность исчисляется четырьмя месяцами, но хотя я носила очень просторную юбку, ее наметанный глаз — она сама только что родила сына Ричарда, отвратительного малого, который позднее титуловался Глостерским, — тотчас же определил, что дошедшие до них слухи имеют под собой веское основание.

— Господь благословил вашу светлость, — заметила она, перед тем как уйти.

Это был триумф, которому я могла бы порадоваться, но вдруг оказалась перед лицом катастрофы.

Все началось, хотя я и не отдавала себе полного отчета, со смертью архиепископа Стаффорда. В свое время Генрих тяжело переживал кончину предшественника Стаффорда архиепископа Кентерберийского, Чичеле, умершего еще в 1443 году. В то время я не была знакома с королем, но по дошедшим до меня слухам он впал в очень сильное расстройство, так что кардиналу Бофору пришлось уверять его, что кончина Чичеле не имеет к нему никакого отношения и ее никак нельзя считать недобрым предзнаменованием. Теперь его утешал Кемп, но за прошедшие десять лет Генрих стал куда более склонен к глубокой меланхолии, чем прежде.

Этот единственный удар он еще мог бы перенести. Но в начале месяца пришло известие о захвате Константинополя турками. Это событие назревало уже давно; несчастные византийские императоры, как они упорно продолжали титуловать себя, хотя их «империя» сократилась до размеров английского графства, посылали многочисленные посольства на запад, прося помощи в борьбе с нечестивым врагом. К несчастью, в глазах любого истинного христианина византийцы, с их своеобразным пониманием религии, выглядели такими же язычниками, как и поклонники Мухаммеда, поэтому никто не спешил с помощью.

Но у Плантагенетов была в крови страсть к походам в те далекие знойные земли. Ричард Львиное Сердце потратил целое состояние, разъезжая по Палестине. Эдуард I участвовал в крестовом походе, когда получил весть о том, что стал королем Англии. После своего изгнания из Англии Генри Болингброк отправился в Константинополь, чтобы сражаться с турками; на родину он вернулся полный воинского духа и опыта, хотя и больной, чтобы потребовать себе корону. Многие утверждали, что, если бы Генрих V с его военным талантом и валлийскими лучниками

воевал на Балканах, а не под Азенкуром, он оказал бы христианству куда более важную услугу, нежели участвуя в династийных распрях.

Все это лежало тяжким бременем на душе человека столь религиозного, как мой Генрих. Сам он не был солдатом, но имей возможность, не сомневаюсь, снарядил бы армию, чтобы помочь византийцам. Прежде у него не хватало на это денег, а теперь было уже слишком поздно. Он впал в уныние, связывая это бедственное для христиан положение с нашей недавней тяжелой утратой. Уныние его еще не усугубилось, когда, как и Гордячка Сис, он уже не мог отрицать свидетельство собственных глаз. Я была, несомненно, беременна, оставалось только предположить, что это результат его неохотных усилий. Таким образом, ему предстояло стать отцом. Я никогда не была уверена, какое именно из этих двух обстоятельств угнетало его больше всего.

В середине июля последовал завершающий удар. Благодаря стараниям Толбота наши дела во Франции, казалось, пошли на поправку. Но 17 июля, при Кастелоне, Толбот потерпел сокрушительное поражение. Сам он погиб, его армия разбежалась, и Англия лишилась почти всех своих владений во Франции. К концу месяца, после ста лет почти непрерывной войны, в руках англичан, стремившихся завоевать Францию, остался лишь один морской порт — Кале.

Эту ужасную новость люди передавали друг другу шепотом, боясь произнести ее вслух. Генрих V и Бедфорд, Эдуард III и Черный Принц — эти могучие воины употребили всю свою жизнь и немалый талант для осуществления одной-единственной цели, однако все их усилия, как оказалось, пошли прахом.

Англичане не любят проигрывать войны, да и кто любит, но некоторые народы вынуждены смириться с обстоятельствами. Только не англичане, которые привыкли к победам.

Все эти события — смерть Стаффорда, падение Константинополя, моя беременность, а теперь и ро-

ковое поражение во Франции — несомненно не могли самым серьезным образом не сказаться на состоянии хрупкого рассудка Генриха, тем более что они последовали сразу после того, как он впервые за все время своего царствования решился полностью осуществлять свою самодержавную власть. Не я одна считаю, что он делал это очень успешно. Но Генрих, с его неискоренимой склонностью сомневаться в себе, начал задумываться, не явилось ли его самоутверждение вызовом Господу, не оно ли повлекло за собой все эти бедствия. Верно это или нет, но 10 августа случилось самое страшное. В этот день король впал в беспамятство.

Я знаю, что зачастую «беспамятство» является эвфемизмом для понятия «безумие». Но я употребила это слово в его буквальном смысле.

С тех пор как я затяжелела, мы с Генрихом спали отдельно. Он считал, что иметь интимные отношения с беременной женщиной — противно Божьей воле. Я не имела твердого собственного мнения по этому поводу, но главной моей заботой было уберечь ребенка, чтобы он родился здоровым. Поэтому я спала в отдельной опочивальне. В то утро меня разбудил Уэнлок, который с трудом помешал постельничьим приблизиться ко мне.

— Ваша светлость, — запинаясь, проговорил мой верный гофмейстер. — Ваша светлость!.. Король!..

Первым моим предположением, признаюсь, было, что Генрих умер. Я стала быстро продумывать все возможные неприятные последствия, которые могла повлечь за собой его смерть, одновременно, с помощью Байи, облачая свое обнаженное, вспухшее впереди тело в домашнее платье. В этом дезабилье я и бросилась в спальню короля, сопровождаемая джентльменами из его свиты, а также Уэнлоком и Байи. Войдя, я с первого же взгляда убедилась, что оправдались мои худ-

шие опасения. Генрих лежал на спине, совершенно неподвижный, устремив глаза в потолок.

Затем я поняла, что король все-таки дышит, хотя медленно и натужно, и вопросительно посмотрела на джентльменов.

— Его светлость не двигается, — сказал один из них.

— Его светлость *не может* двигаться, — уточнил другой.

Их утверждения показались мне абсурдными. Подойдя к своему господину и повелителю, я окликнула его:

— Не пожелаете ли вы мне доброго утра, ваша светлость.

Никакого ответа не было. Я решила, что он играет в какую-то непонятную мне игру.

— Вы не собираетесь пойти помолиться сегодня? — спросила я с некоторой резкостью.

Король даже не шевельнулся.

— Он не может двигаться, — повторил джентльмен, который уже высказывал эту мысль.

— Его глаза открыты, — парировала я, теряя самообладание. Нагнувшись над ним, я сказала: — Генрих. Это я, Маргарет, твоя милая Мег. Ты не хочешь мне что-нибудь сказать?

Ответа вновь не последовало. Я поняла, что, хотя он не хотел или не мог двигаться, его тело продолжало исполнять свои функции всю ночь. Он крайне нуждался в заботе.

— Позаботьтесь о своем повелителе, — выпрямившись, распорядилась я. — А вы, Уэнлок, соберите совет.

Милорды поспешили явиться. Но Сомерсет, как я распорядилась, пришел первым. Вместе со мной он направился в спальню Генриха. К этому времени белье уже поменяли, и комната выглядела более пристойно, чем прежде. Но Генрих по-прежнему лежал без движения, уставившись в потолок.

— У него апоплексический удар, — заявил Эдмунд.

То же самое, еще ранее, сказали мне лекари.

— Конечно, — согласилась я, — и он не может заниматься делами.

Эдмунд задумчиво погладил подбородок.

— Это означает...

— Что кто-то должен делать это вместо него.

— Стало быть, регентство, — пробормотал он. — В последний раз регентство сопровождалось большими трудностями. Герцог Хамфри был регентом в Англии, герцог Джон — во Франции...

— А добрейший кардинал стоял между ними, всячески стараясь их примирить. Но времена изменились, Эдмунд. Сегодня у нас нет королевских дядей. Нет Франции, которой мы могли бы управлять. Есть только кузены. И жена. — Он сглотнул. — Регентшей должна быть я, Эдмунд. Или им станет Йорк. Я думаю, нет надобности объяснять, какие последствия повлечет такое развитие событий. Для нас обоих.

Он снова сглотнул.

— Они не хотели назначить регентшей королеву Екатерину.

— Вы наш главный министр, Эдмунд. И должны об этом позаботиться.

Он еще раз сглотнул и поспешил прочь, оставив меня наедине с моими недобрыми предчувствиями, для которых имелись достаточно веские основания. Поистине несправедливо устроен этот мир, ибо нам, женщинам, приходится опираться на мужчин, зачастую куда более слабых, чем мы сами, чтобы выполнить то, что считаем необходимым. А Эдмунд, невзирая на всю его красоту и эффектную наружность, невзирая на кровь Плантагенетов в его жилах и несомненную любовь ко мне, безусловно был слабейшим человеком.

Вполне естественно, узнав о постигшем короля несчастье, все члены палаты лордов и палаты общин собрались в Вестминстере, и прежде чем мы успели

опомниться, парламент начал внеочередное заседание. Эдмунд обрисовал сложившуюся ситуацию и предложил, чтобы, во имя моего еще не родившегося ребенка, меня назначили регентшей. Однако я *не* подсказала ему, чтобы он добавил, что его исключительное в своем роде предложение продиктовано обстоятельствами. Лорды набросились на него, как стая волков, а палата общин негодующе загудела.

Я никогда не знала наверняка, чем вызвано враждебное ко мне отношение — тем, что я женщина, да еще и француженка, или граничащим с уверенностью опасением, что в случае, если я буду назначена регентшей, Сомерсет останется на своем посту. Так, несомненно, бы и произошло, хотя, стань я королевой-регентшей, приняла бы куда более активное участие в государственных делах.

Этого они, возможно, и боялись больше всего.

По этой или по иной причине, но наше предложение провалилось, хотя и удалось достичь компромисса. Благодаря усилиям верного архиепископа Кемпа было решено сохранить на ближайшие месяцы статус-кво в надежде на то, что Генрих за это время поправится. Лордам это пришлось не по вкусу, и меньше всего это понравилось Ричарду и его приверженцам, но никто не решился вступить в спор с архиепископом и тем более утверждать, будто болезнь Генриха может пагубно отразиться на управлении страной. Что до меня, то я была счастлива, что окончательное решение отложено; отсрочка не только давала мне время обрести обычное самообладание, но и, возможно, родить наследника престола.

Должна признаться, я была приятно удивлена тем, что кузен Ричард не поднял обычного шума, удовольствовавшись относительно скромными требованиями. Сказавшись больным, он даже не приехал в Вестминстер. Мы сочли это благом для себя, но нам следовало знать его лучше: Ричард просто разрабатывал свои тайные планы.

Между тем делалось все возможное для исцеления Генриха. Создавшееся положение вызывало у меня большую тревогу. Я, конечно, знала, что дед Генриха по матери впал в безумие и что душевными расстройствами страдала вся семья Валуа. К счастью, наше семейство Анжу было боковым ответвлением.

Важно, однако, было то, что у Карла VI, как я слышала, безумие проявлялось только в странном по временам поведении, пока в один злосчастный день какая-то женщина не схватила его коня под уздцы и не предрекла ему скорую гибель. Вероятно, и она тоже была безумна, однако ее пророчество произвело на короля драматический эффект: он обнажил меч и принялся с криками ярости рубить всех без разбору окружающих. Допустим, эта вспышка гнева объяснима. Но всю остальную свою жизнь, даже после того как пророчество ведьмы не оправдалось, он страдал подобными же вспышками буйства, и тогда всем, кто его окружал, не исключая и жены, угрожала опасность.

Правда, прелестная Изабо редко бывала с ним рядом. Большую часть своей жизни она проводила в отдаленных замках, обучая науке любви молодых сквайров; я уже не говорю о том, что она писала стихи.

Впрочем, дядя Шарли, хотя и вел себя подчас странно, все же никогда не накидывался с мечом на окружающих. Его безудержное распутство заставляет заключить, что он пошел скорее в мать, нежели в отца. Что до кузена Луи, то я предпочитаю о нем пока умалчивать, хотя в свое время и должна буду многое поведать.

Но никогда еще эта, очевидно наследственная, болезнь не проявлялась в полном упадке умственных и телесных сил, хотя в болезненном состоянии Карл VI не узнавал (или не желал узнавать) свою королеву. Можно не без основания предположить, что некоторые части мозга и тела продолжают функционировать

даже во сне, или мы умирали бы каждую ночь. Вот в этих-то частях мозга и тела и теплилась жизнь Генриха. Но он не говорил и, казалось, ничего не видел и не слышал. Он был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой, и его приходилось кормить как грудного младенца, когда у матери нет молока, а кишечные отправления происходили как бы сами собой. Нам не приходилось возлагать особых надежд на будущее.

Однако, повторяю, его болезнь проявлялась отнюдь не так, как у других членов семьи. Тем не менее он был королем и следовало приложить все усилия, чтобы вернуть ему утраченное здоровье. Некоторые из применявшихся врачами методов производили неприятное впечатление: ему втыкали булавки в ягодицы, опрокидывали на него ведра ледяной воды либо начинали обращаться с ним как с новорожденным, кричали ему «цып-цып-цып», точно он был курицей, называли всякими, до тошноты омерзительными, именами, но ни один из этих методов не приносил ни малейшей пользы.

Все это время я никак не вмешивалась в лечение. Если бы я чувствовала себя достаточно здоровой и бодрой, то попробовала бы применить метод чувственного возбуждения, как ни претило бы это мне. Но моей единственной заботой был ребенок. Эта осень показалась мне самой долгой в моей жизни, но наконец 13 октября у меня начались схватки. Фрейлины встревоженно хлопотали вокруг меня, но, невзирая на общую суматоху, я вела себя спокойно и мужественно, ведь этого момента я ждала всю свою жизнь. И вот наконец на руках у меня был сучащий ножками младенец, который дергал меня за груди.

Оповещать об этом событии короля не имело никакого смысла, поэтому немедленно была созвана палата лордов. Я очень сожалела, что отсутствует Йорк, мне бы так хотелось взглянуть на выражение его лица. Однако почти столь же радостно было видеть подобострастие тех, кто *присутствовал*. Все в новорожденном, от бледно-голубых глаз до рыжевато-золотых

волос, свидетельствовало о том, что он настоящий Плантагенет. Разумеется, первый пушок на голове очень быстро сменился локонами того же цвета. Но такие волосы были не только у герцога Сомерсетского, но и у его кузена — короля, поэтому никто не высказывал сомнений.

Все это время король занимал важнейшее место в моих мыслях, но я не хотела, чтобы ему показывали сына, пока не смогу присутствовать при этом сама. Через два дня, сопровождаемая моими фрейлинами, Сомерсетом, Букингемом и архиепископом Кемпом, я вошла в королевскую опочивальню.

Меня ждало болезненное разочарование. Генрих оставался совершенно неподвижным, даже когда я положила возле него ребенка.

— Что же нам делать? — со слезами на глазах спросила я архиепископа.

— Молиться, ваша светлость.

Я уже упоминала о том, как трудно возлагать надежды на молитвы. К тому же, учитывая, каким образом достигнут мой триумф, я просто не смела молиться. В глазах всего мира я должна была выглядеть как гордая мать следующего короля Англии, и, думаю, это мне удавалось. Своего сына я решила назвать Эдуардом. И так было уже три Генриха, и, похоже, эта линия постепенно вырождалась. Я думала об Эдуарде III и его сыне Черном Принце — вот поистине выдающиеся люди!

К тому же старшего сына Йорка звали Эдуардом. Я была уверена, что мой сын превзойдет этого ничтожного юношу. Может быть, он и превзошел бы, проживи достаточно долго...

Все это время мы жили в условиях глубокого политического кризиса. На Рождество я велела перевезти Генриха в любимый им Виндзорский замок, все еще надеясь, что это будет способствовать его выздо-

ровлению. Но даже на протяжении довольно трудного путешествия он ни к чему не выказывал интереса. На улицах Лондона стали появляться ужасные подметные письма, где недвусмысленно намекалось, что их будущий король — ублюдок, поэтому было ясно, что действовать следует со всей решительностью. Будь на то моя воля, я приказала бы схватить преступников и сварить их в кипящем масле, но Сомерсет, по всей видимости угнетенный сознанием своей вины, колебался. Я убедила его созвать парламент и официально ознакомить его членов с моим ходатайством о том, чтобы до выздоровления короля меня назначили регентшей и я правила от имени своего сына.

Были созваны палата лордов и палата общин. Вместе с Букингемом, ставшим в последнее время одним из самых ревностных моих сторонников (как и все влюблявшиеся в меня мужчины из ближайшего окружения), я много раз, без какого бы то ни было успеха, показывала Эдуарда его законному отцу. Тем не менее Эдуард, несомненно, имел полные права на престол, и архиепископ Кемп заверил меня, что у нас есть все основания надеяться на удовлетворение моей просьбы. Он и в самом деле выступил перед парламентом с убедительнейшей речью. Сидя на галерее, я восторженно слушала его, исполняясь такой же уверенностью, как и он.

От моего внимания, однако, не ускользнуло, что наш верный друг уже довольно стар и выглядит не слишком здоровым. На следующий день он умер. Все старые люди умирают, это единственное, что им всем удается. Но столь скоропостижная и несвоевременная смерть Кемпа заставила меня заподозрить, что кто-то поспособствовал его восшествию к Творцу.

Однако тут я уже ничего не могла поделать. Как только Кемп испустил последний вздох, события вышли из-под моего контроля и стали стремительно развиваться. На следующий же день депутация палаты

лордов потребовала, чтобы их допустили к королю. Лорды якобы хотели выслушать мнение короля по поводу назначения нового епископа, но истинной их целью, очевидно, было желание самолично убедиться в состоянии здоровья Генриха. Мне не позволили присутствовать при этом, но они, без сомнения, пришли к вполне определенным выводам, ибо на следующий день Ричард был назначен регентом.

Прежде чем я смогла переварить это убийственное для меня сообщение, в окружении своих многочисленных родственников явился сам Ричард. Вели они себя весьма учтиво. Да и почему бы им не вести себя учтиво, если желанное яблоко само упало в руки? При свидании со мной Ричард даже опустился на колено.

— Ваша светлость бесспорно согласится, — объяснил он, — что в подобные смутные времена ни одна женщина, даже столь одаренная, как вы, не сможет управлять этим государством. Поверьте мне, я готов к всевозможным уступкам, но как официально признанный наследник престола чувствую себя обязанным выполнить свой долг перед нашими подданными.

— Дорогой кузен, — сказала я ему, — ваши слова — как бальзам на мою смятенную душу. Однако я должна поправить вас, всего одно небольшое уточнение. Наследник престола лежит здесь. — И я показала на колыбель, стоявшую рядом с моим креслом.

— Ваша светлость, — ответил этот хитрец, — я желаю счастья вам и вашему сыну. Принц не сможет управлять страной, по крайней мере, в течение шестнадцати лет. Может быть, если страна этого пожелает, он будет провозглашен королем и гораздо раньше. Тогда я отойду в сторону. Но на протяжении многих лет он будет нуждаться в регентстве, и я позволю себе заявить без ложной скромности, что во всей стране нет человека, более подходящего для выполнения этой обязанности.

Естественно, я не могла не заметить, что он назвал принца *моим* сыном, а также не обратить внимания

на слова «если страна этого пожелает», которыми он обусловил провозглашение Эдуарда королем. Но его тщательно продуманные слова поставили передо мной трудную проблему. Ибо он говорил абсолютную правду. Что же касается того, на ком лучше всего остановить выбор, на самом подходящем *мужчине* либо на самой подходящей *женщине*, то это уже другое дело. Во всяком случае, я не могла ничего предпринять. Сомерсет не имел сторонников. Сторонники же Йорка составляли восемьдесят пять процентов палаты лордов да, вероятно, и палаты общин. Букингем может сколько угодно качать головой и кусать губы, но он не станет бороться со своим кузеном Ричардом Йоркским. Тогда как я, готовая противостоять ему всеми своими силами, изнурена вторым по трудности периодом в жизни всякой женщины — периодом кормления ребенка.

Таким образом я всецело оказалась в руках моего злейшего врага. Не говоря уже о его жене.

Я не хочу, чтобы кто-либо, по воле случая прочитавший эти слова, — впрочем, упаси Бог, чтобы такое произошло, — сколько-нибудь усомнился по поводу моего отношения к Ричарду Йоркскому. И все же честность принуждает меня сказать: герцог не только был самым подходящим человеком, чтобы править Англией, чему он вскоре дал веские доказательства, но, получив высшую власть, поддерживаемый значительным большинством в обеих палатах парламента, он вскоре обрел могущество, какого не имел ни один человек после смерти Великого Гарри. И он не злоупотреблял этим могуществом.

У Йорка были несомненные права на престол. Если говорить о его сыновьях (не столько об Эдуарде Марчском, сколько об этом гнусном сопляке Ричарде Глостерском, обожавшем прикидываться этаким несчастным уродом, хотя все знают, что он здоров и

силен, как лошадь, и ни перед чем не останавливается, добиваясь своих целей, и, должно быть, будет продолжать делать то же самое от имени своего распутного брата), то можно удивляться, что дорогой Генрих протянул еще девятнадцать весьма горестных лет, а я все еще жива и даже пишу эти строки.

Но в то время Ричард Глостерский еще играл на коленях Гордячки Сис, и Йорк добросовестно соблюдал обязанности, которые накладывало на него положение. Он посетил короля, чтобы ознакомить его с мерами, предпринимаемыми правительством. Посещение это, разумеется, было бесполезно, ибо Генрих продолжал смотреть отсутствующим взглядом в потолок. Конечно, он тотчас же сместил Сомерсета со всех его постов и заточил в Тауэр, чего и следовало ожидать. Хотя мне и пришлось дать свое позволение на арест дорогого Эдмунда, я добилась того, чтобы его не обвиняли в измене и не угрожали казнью. Заверения Йорка, будто Эдмунд лишен свободы в интересах собственной безопасности, выглядели вполне правдоподобно.

Верно и то, что Йорк выдвинул своего собственного ставленника на пост архиепископа Кентерберийского, но его кандидатуру было трудно оспаривать, ибо этот человек был одним из королевских кузенов. Зовут его Томас Буршье, и он является — так как все еще жив и все еще архиепископ, хотя ему уже за восемьдесят! — третьим сыном Уильяма Буршье, графа Юэсского, от леди Анны Плантагенет, дочери Томаса Вудстока, младшего сына Эдуарда III, а стало быть, первым кузеном Букингема и близким или дальним родственником всех нас. Этому ученому, глубоко верующему прелату в то время только-только исполнилось пятьдесят, но он уже был епископом Вустерским. Я ничуть не сомневалась, что в стране много более достойных прелатов. Не сомневалась и в том, что Ричард остановил на нем свой выбор, потому что был уверен в

его поддержке. Но Ричард, будучи весьма тонким политиком, выбирая Буршье, заручался и поддержкой Букингема; Букингем же, в свою очередь, оставался одним из главных моих сторонников, поэтому мне и пришлось дать свое согласие.

Устроив все эти важнейшие дела, Ричард энергично взялся за управление страной. Скудость казны не позволяла ему предпринимать какие-либо авантюры во Франции, во всяком случае, я не думаю, чтобы он решился это сделать, ибо тогда ему понадобилось бы покинуть страну и короля — и меня. Но в стране был водворен порядок, и для меня наступили счастливые времена. Никто не решится обвинить меня в том, что я несправедлива к моему врагу, но я нисколько не заблуждалась относительно истинных его намерений. Кузен Ричард старался управлять Англией как можно лучше не ради Генриха, он делал это ради следующего короля в простодушной уверенности, что этим королем будет он сам. Угроза рокового исхода витала над нами денно и нощно, ибо человек, который не в состоянии двигаться и кажется мертвым, разве что дышит, переваривает пищу и испражняется, может в любой момент прекратить все физиологические отправления.

Никто из окружающих меня людей не давал себе труда задуматься над тем, что произойдет в таком случае. Йорк отмел все инсинуации относительно рождения принца Эдуарда, но не оставалось сомнений, что он верит им. Поэтому он и считал себя законным наследником. Объявит ли он себя королем в случае смерти Генриха? Или останется регентом при Эдуарде? Как бы там ни было, в его интересах, чтобы мой сын так и не достиг возраста, когда сможет править сам. Задолго до этого возраста он будет умерщвлен или объявлен незаконнорожденным. И все эти возможности непосредственно затрагивали мою жизнь.

Нетрудно понять, что настал не очень счастливый для меня период. Сомерсет, готовый сражаться за

меня, был в заточении. Букингем, который, как я знала, также готов сражаться за меня, находился на свободе. Но ни один из этих королевских герцогов, ни даже они вместе не могли стать достойными противниками Ричарда Йоркского, поддерживаемого Невиллями. Мне следовало найти равную им силу, но пока еще я не знала, к кому обратиться. Оставалось только ждать и надеяться, что на мою защиту выступит какой-нибудь юноша — и у Сомерсета, и у Букингема были сыновья, Генри Бофор, красивый и сильный, уже блистал воинскими талантами... но он оставался еще слишком молод.

Мое очевидное бездействие в преддверие резкого поворота в моей судьбе обусловливалось несколькими причинами. Прежде всего Йорк никак не ограничивал меня, проявлял снисходительность. Все, даже Гордячка Сис, относились ко мне с величайшим уважением, а самое приятное — мое финансовое положение разительно изменилось к лучшему. Йорк проявил большие способности в сборе налогов, и впервые со дня замужества мне полностью выплатили причитающееся содержание.

Уверяю вас, что нет ничего более радостного, чем быть молодой матерью. Разумеется, я понимаю, что младенцам угрожают многочисленные опасности, что только один из трех этих дорогих человечеству малышей достигает десятилетнего возраста, тем более совершеннолетия, и матерям часто приходится тосковать да горевать. Но в тот момент я чувствовала себя счастливицей. Эдуард был самым здоровым жизнерадостным ребенком, какого только можно себе вообразить. Это даже тревожило меня, потому что характером ребенок явно пошел в Эдмунда и уже никак не напоминал Генриха. Однако никто не делал никаких намеков, я с восторгом наблюдала, как малыш растет, и уже воображала себе, как, облаченный в латы и осененный моим знаменем, он поведет мои армии в сражение.

Была, однако, в то лето и еще одна, третья причина, позволявшая мне чувствовать себя удовлетворенной, не знаю только, осмелюсь ли я о ней поведать. Но почему бы и нет, ведь я рассказываю обо всем без утайки.

Я уже писала, что два года назад, на свадьбе Элизабет Вудвилл и Джона Грея, я неосторожно обронила обещание со временем сделать блистательную молодую красавицу одной из своих фрейлин. И сама она, и ее мать были в восторге, но через два месяца Белла оказалась в тягости. Да и чего, собственно, можно было ждать от удачного брака столь очаровательного создания с настоящим мужчиной, а не монахом?

Удалившись в сельскую глушь, она родила чудесного мальчика, но через два месяца снова оказалась в тягости. Эти волнующие события отняли у нее целых два года. Но весной 1454 года я терзалась, с одной стороны, беспокойством за здоровье и безопасность своего сына, с другой стороны, досадой, что мне так и не удалось стать регентшей. Появившись со своей дочерью в Вестминстере, Жакетта дала понять, что они были бы рады принять мое предложение.

Я сразу догадалась в чем дело: хотя сама Жакетта и продолжала рожать детей с однообразной регулярностью, она опасалась за здоровье своей дочери, которой, едва ее утроба опустошалась, неугомонный муж тут же заделывал нового ребенка. Мне, однако, было трудно понять, почему женщина должна опасаться подобного, ибо мне лично не слишком-то повезло в этом отношении. Тут самое время вспомнить, какого труда мне стоило затяжелеть и то, что я разрешилась от бремени в самый разгар политического кризиса, который мне удалось преодолеть, лишь пожертвовав дорогим Эдмундом. С того времени, как я абсолютно безуспешно пыталась растормошить Генриха, то есть

с предыдущего марта, я была лишена того, что можно назвать истинным утешением. Подобное воздержание показалось бы длительным любой женщине, особенно такой, в чьих жилах струится не только голубая, но и алая кровь.

И все же мне очень хотелось, чтобы Белла стала моей фрейлиной. Она была молода, в то время как все мои фрейлины уже начали стареть, и столь же умна, сколь хороша собой. Казалось, что единственное ее желание — угодить мне. И у нее было двое мальчиков, один чуть постарше, другой чуть помоложе моего дорогого Эдуарда. Я уже воображала себе, как они станут вместе играть — и как вырастут настоящими паладинами, исполненными величайшего мужества.

Белла оказалась сама прелесть. Через несколько дней после того, как она вступила в мою свиту, я освободила бедную старую Байи от обязанности спать со мной — она так ужасно храпела — и заменила ее своей молодой подругой. Я не хочу вдаваться в подробности наших отношений, замечу только, что женская любовь куда благороднее мужской, которой она, однако, ничуть не уступает в силе чувственности. Я употребляю слово «любовь» в самом земном ее смысле. Белла не любила меня духовно: для нее я была лишь ступенью, ведущей к более высокому положению. И я не любила Беллу духовно: она служила мне утешением во времена испытаний и лишений. Я хотела ее, и она не решилась отвергнуть объятий своей королевы.

Желания наши, в ту пору женщин еще очень молодых — мне всего двадцать четыре, а Белле семнадцать, — были ограничены, зато каждая из нас высоко ценила красоту другой. Что еще важнее — мы были подругами. Так, по крайней мере, я думала. Надеюсь, что не заслужу порицания, сказав, что теперь дружба представляется мне очень ненадежной опорой.

Эти развлечения помогли мне скоротать долгое унылое лето, и наконец я увидела, что уже падают листья. Вместе со своими фрейлинами я очень скромно отпраздновала Рождество и передала свои добрые пожелания все еще находившемуся в заключении Эдмунду. Я молилась — безо всякой надежды, что мои молитвы будут услышаны Небом, но произошло чудо: они были услышаны.

27 декабря в мою комнату неожиданно вошел Уэнлок. Я вместе с Беллой ползала на четвереньках, играя с детьми, но, едва взглянув на его лицо, поняла, что мне не следует досадовать на его вторжение.

— Ваша светлость, — сказал он, — сегодня его светлость отправил свои пожертвования в здешний Вестминстерский собор. А также в Кентербери.

Я уставилась на него, не в силах ничего понять. Белла захлопала в ладоши.

Мы тотчас же собрались и поехали в Виндзор. С Эдуардом на руках я дрожа вошла в королевскую опочивальню.

Генрих сидел на постели, а вокруг него толпились слуги, а также несколько священников.

— О Мег, — сказал он, — как хорошо вы выглядите!

— Ваша светлость... — Подойдя ближе, я протянула ему ребенка. —, Это наш сын, принц Эдуард.

— Да ну! — только и произнес Генрих.

— Он очень похож на своего отца, ваша светлость, — заметила Белла. Разумеется, она сопровождала меня, так как мы были неразлучны. Мне ее слова показались несколько двусмысленными, но Генрих истолковал их наиблагоприятнейшим образом.

— У него мои глаза, — сказал он.

— Не подержите ли вы своего сына, ваша светлость? — спросила я.

— О, охотно, мадам. — Он приласкал моего малыша. — Стало быть, Господь все же благословил нас!

Было 30 декабря, и мне подумалось, что отныне все в мире будет прекрасно. Однако оказалось, что это не так.

Глава 8

Как легко догадаться, мы тотчас же оповестили о выздоровлении его светлости все королевство.

Для начала мы пригласили епископа Уэйнфлита и настоятеля монастыря Святого Иоанна посетить Генриха и убедиться в его выздоровлении. Что они и сделали, объявив затем, что нашли его совершенно здоровым.

Вообще говоря, трудно представить себе что-либо более удивительное, чем болезнь Генриха. Он решительно ничего не помнил ни о том, что случилось, ни о том, что с ним делали врачи с августа 1453 года, хотя на его теле все еще оставались следы применявшихся ими методов «лечения». Невзирая на то, что мы все время заботились о его кормлении, он очень ослаб от постоянного недоедания, а потому несколько недель не мог пройти даже двух-трех шагов, и неудивительно, ведь Генрих пролежал в постели так долго. Но кроме вполне естественной слабости и пролежней, ничто не свидетельствовало о перенесенной им тяжкой болезни.

После того как прелаты удостоверились в выздоровлении Генриха, призвали лордов, и как бы раздосадованы те не были, им пришлось признать: король вполне здоров — и душевно и телесно. Тем временем я поручила Уэнлоку подготовить все необходимые бумаги, чтобы его светлость подписал их, как только сможет держать в руке перо. И все же я вынуждена была водить его рукой, так как боялась упустить время.

Король, с моей помощью, подписал четыре главных декрета: о завершении регентства Йорка, о сня-

тии Буршье с поста лорда-канцлера — даже мне не по силам лишить его сана архиепископа, — об освобождении Сомерсета из Тауэра и, самое важное, о присвоении принцу Эдуарду титула принца Уэльского. Этот последний декрет подтверждал не только отцовство Генриха, но и право принца стать следующим королем Англии. Удрученный Йорк не мог оспаривать волю короля, только перевел взгляд с кресла, где, подпираемый подушками, сидел Генрих, на кресло, где сидела я с принцем Эдуардом на коленях, и его глаза сверкнули сталью: он не сомневался относительно авторства декрета, лишившего его власти. Однако герцог принужден был подчиниться и, покинув Виндзор, отправился на север, в Йоркшир, в свой замок Сэндал. За ним последовали и Невилли, столь же удрученные внезапной переменой в своей судьбе.

В Вестминстер вернулся Сомерсет. Он приветствовал короля, опустившись на колено, возблагодарил Небо за его выздоровление и достаточно скоро нашел возможность остаться со мной наедине и стиснуть меня в своих объятиях.

— О Мег, Мег, — шептал он, целуя мою шею и ушко, одновременно упоительно лаская меня под нижней рубашкой, — я уж было отчаялся.

— Никогда не отчаивайся, Эдмунд, — подбодрила я его. — Но... все это может повториться. — В смятении он откинул голову, и его щеки стали пепельно-серыми. — Никто не знает ни причин этой болезни, ни даже каковы ее симптомы, — заметила я, — а следовательно, неизвестно, как ее лечить. Навряд ли умственные способности Генриха улучшатся с годами.

— Что же делать?

— Именно это нам и следует решить прежде всего. Конечно же, при первых признаках возвращения болезни мы должны быть готовы действовать в своих собственных интересах.

Не приходилось сомневаться, что, если болезнь Генриха повторится, парламент снова передаст регентство Йорку, поэтому было трудно решить, что именно нам следует предпринять. Главной моей заботой, естественно, оставалось продержаться до того времени, когда Эдуард достаточно подрастет, чтобы взять в свои руки бразды правления. Но я знала, что, как бы быстро ни развивался мой сын, — а я намерена была ускорять этот процесс всеми возможными способами, чтобы он опередил всех принцев, какие только есть в мире, постигнув и воинское мастерство, и искусство политики, — пройдет двенадцать и даже более лет, прежде чем он сможет управлять государством.

Поэтому мне представлялось, что самое лучшее завербовать как можно большее число сторонников, однако превзойти Йорка было нелегко, потому что его поддерживало множество людей. Но на свете нет ничего невозможного, и я уже начала прикидывать, какие у меня есть шансы соблазнить племянника Ричарда Йоркского, молодого Уорика, добившись, чтобы он отошел от отца и дяди. Причем, имей я гарантии успеха, решилась бы соблазнить его в самом прямом смысле этого слова. Но тут я потеряла всякую власть над событиями: страна вступила на тот опасный, даже губительный путь, который, как я, невзирая на все перипетии моей судьбы, надеюсь, она еще не прошла до конца.

Мы пережили еще одну английскую зиму. Все это время Генрих пребывал в хорошем настроении и набирал силы, а Эдмунд, как обычно, публиковал свои декреты, на которые никто не обращал ни малейшего внимания. Когда же наконец подули целительные весенние ветры, мы получили известие, что герцог Йоркский, вкупе со своими зятьями Невиллями, графами Солсбери, Уэстморлендом, а также графом Уориком, тщательно обдумал сложившееся положение и, собрав армию, объявил о своем намерении идти на Лондон.

Эта неприятная новость взволновала нас гораздо меньше, чем в 1452 году, но лишь по той причине, что в прошлый раз мы успешно справились с аналогичной проблемой. Однако я прекрасно отдавала себе отчет в том, что Йорк не попадется дважды в одну и ту же западню. Согласно полученным нами сведениям, на этот раз он замышлял подойти к Лондону с севера, а не с запада, поэтому остановить его было труднее. Я ничуть не сомневалась, что, если герцог войдет в Лондон, лондонцы сразу же поднимутся на его поддержку. Генрих, как и я, признавал, что наше нынешнее положение существенно отличается от того, что было в 1452 году, но, вопреки обыкновению, был настроен воинственно и даже проявлял некоторый здравый смысл. Собрав королевскую армию, он назначил ее командующим не Сомерсета, а Букингема.

— Я хочу, чтобы вы были рядом со мной, кузен Эдмунд, — сказал он. — Ведь вы же мой главный министр.

Эдмунд, разумеется, был польщен, он как будто бы не понимал, что даже Генрих, мало смыслящий в военных делах, сознавал, что он не пригоден для командования армией.

Королевские вассалы собрали под нашими знаменами около двух тысяч человек; тем временем мы получали донесения о том, что с каждым днем Йорк подходит все ближе и ближе. Он еще только достиг Ладлоу, когда ко мне пришел весьма встревоженный Сомерсет.

— Мы перехватили послание, направленное Йорком Буршье, — пробормотал герцог. — Он клянется в своей верности королю и требует только моего смещения, после чего обещает распустить свою армию.

— То же самое, что и в тысяча четыреста пятьдесят втором.

— Да. Но на этот раз он хочет получить доказательства моего ареста еще до начала переговоров с королем.

— Видел ли это Генри?

— Еще нет. Гонца привели прямо ко мне.

На мгновение я задумалась. Несомненно, эту проблему следует разрешить раз и навсегда. Король есть король. Если Йорк поднял против него руку, вся страна, весь мир должны знать, что он мятежный изменник.

— Я думаю, мы должны сжечь это послание, — сказала я. — Тогда у Ричарда в руках будет достаточно длинная веревка, чтобы он мог повеситься.

Возможно, кое-кто скажет, что я сделала ошибку. У меня не было никаких сомнений относительно своей цели. Моя глупость состояла не в том, что я недооценивала врага, а в том, что верила абсурдным мнениям моих самых дорогих друзей и возлюбленных. Я полностью согласилась с Букингемом, который как командующий королевской армией проявлял воинственный пыл, утверждая, что нам следует выдвинуть нашу армию севернее Лондона, в Уотфорд, расположенный на старинной римской дороге, которая называется Уотлинг-стрит. Уотлинг-стрит ведет к Честеру, это единственная удобная дорога, по какой сколько-нибудь значительная армия может подойти к Лондону с севера. Здесь мы могли занять наиболее выгодную позицию и предоставить мятежникам сделать первый ход.

Итак, приняв решение, я поспешила к себе, чтобы приготовиться самой и отослать принца Эдуарда в безопасное место. Представьте себе мою досаду, когда меня догнали Букингем и Сомерсет и сообщили мне, что король желает, чтобы и я тоже отправилась в безопасное место и ждала там окончания кампании.

— Что за ерунда! — возмутилась я. — Мое место рядом с королем.

— Таково настоятельное требование короля, — сказал Сомерсет и добавил тихим голосом: — А также и моя смиренная просьба, дорогая Мег. Мы все будем более уверены в успехе, зная, что вам ничто не угрожает.

Будучи в конце концов всего лишь слабой женщиной, я согласилась, заставив и Сомерсета и Букингема поклясться, что они не совершат ничего опрометчивого и на каких бы то ни было переговорах не пойдут на уступки Йорку. Затем вместе с принцем Эдуардом и несколькими из моих фрейлин я удалилась в Гринвич, чтобы там ожидать, чем закончится надвигающееся столкновение.

Я не была непосредственной свидетельницей того, что произошло, но узнала обо всем от моего верного Уэнлока. Увы, в мое отсутствие ситуация приобрела нежелательный оборот.

Началось все хорошо. К вечеру 21 мая королевская армия достигла Уотфорда и, став там лагерем, выслала разведчиков, чтобы выяснить местонахождение мятежников. Но и Йорк тоже пользовался услугами разведчиков и соглядатаев. Он отправил к королю нового посланца с заверениями в преданности и единственным требованием: Сомерсет должен быть осужден за свои преступления — главным из которых, само собой разумеется, называлась тайная связь с королевой. Генрих, надо отдать ему должное, отказался даже обсуждать подобное предложение и, вскипев, что с ним крайне редко случалось, поклялся скорее лишиться короны, чем выдать Сомерсета, что означало бы его согласие с выдвинутыми обвинениями. Дорогой Генрих, к моей великой радости, никогда не подозревал меня в супружеской измене. Не могу, к сожалению, сказать, что это объяснялось его неограниченным доверием ко мне. Дело в том, что Генрих не видел в отношениях между мужчиной и женщиной ничего приятного и был уверен, что они лишь обременительная дань брачным обетам, поэтому не мог даже допустить, что кому-нибудь вздумается вступать в подобные отношения *вне* брака.

Во всяком случае его гневная вспышка не оставила кузену Ричарду никакого выбора, кроме как продолжать восстание: попытка пойти на попятную неминуемо привела бы *его* на плаху: уж я-то бы об этом позаботилась. Все складывалось не так уж плохо. Но посланники Ричарда, выполняя поручение, естественно, постарались заодно разведать намерения короля. Узнав, что Генрих занимает сильные позиции на единственной прямой южной дороге, Ричард повернул в сторону, намереваясь обойти королевскую армию и достичь Лондона, прежде чем его успеют остановить.

Когда Букингему сообщили об этом маневре, он принял сомнительное, на мой взгляд, решение по-прежнему преграждать путь врагу. Утром 22 мая во главе своей армии он оставил Уотфорд и, пройдя семь миль, остановился в Сент-Олбансе, через который проходил практически единственный путь к столице. Его решение было сомнительным по двум причинам: во-первых, армии находились слишком близко для столь резкого маневра и, во-вторых, в отличие от Уотфорда, Сент-Олбанс открытый, почти не защищенный город. Было бы гораздо лучше напасть на Йорка с фланга и заставить его сражаться, занимая невыгодные позиции.

Однако Букингем слишком боялся, причем небезосновательно, что кузен Ричард каким-нибудь образом ускользнет от него и надежно укроется в Лондоне. И должна признать, что, выбрав свою стратегию, кузен Хамфри действовал с большой энергией. Его армия, с которой был и король, все еще, казалось, обуреваемый сильным желанием покарать мятежников, оставила Уотфорд заполночь и, совершив трудный бросок, к восьми утра уже достигла Сент-Олбанса. Выяснив, что армия мятежников численно превосходит королевскую и поэтому необходимо занять оборонительную позицию, Букингем приказал возвести хоть какие-нибудь укрепления. Но было уже слиш-

ком поздно. Приготовления еще не успели закончить, когда появились йоркисты и заняли свои позиции на Ключевом поле. Они еще раз попробовали вступить в переговоры, но Букингем отказался вести их, и в десять часов кузен Ричард приказал своей армии атаковать королевские позиции.

До сих пор, как я уже говорила, кузен Хамфри действовал с величайшей энергией. Сразу же после ночного перехода он приказал начать фортификационные работы, и его солдаты перегородили частоколом обе ведущие в Сент-Олбанс дороги, на большее у них не хватило времени. Так вот, укрывшись за этими частоколами, они хладнокровно ожидали нападения йоркистов. Тут-то и стало очевидным отсутствие полководческого таланта у Хамфри. Перегородив обе дороги, он предоставил событиям развиваться своим чередом, даже не пытаясь ни принять какие-либо другие оборонительные меры, ни контратаковать в выгодный для себя момент. Возможно, впрочем, что такого момента вообще не представилось бы, так как их враги имели значительный численный перевес, но если бы город был надлежащим образом укреплен, возможно, им и удалось бы успешно отбивать атаки йоркистов, хотя кузен Ричард и имел с собой несколько этих дьявольских бомбард, которые называют пушками.

Мой опыт показывает, что мятежники, если сразу же не одерживают решительной победы, скорее падают духом, чем те, кто сражается за правое дело. Но город, повторяю, не имел надежных укреплений. Там, где располагались королевские солдаты, дела шли неплохо. К несчастью, между двумя дорогами пролегало открытое пространство, перегороженное стеной, но не охраняемое солдатами. Здесь-то Уорик и получил свою неоправданную репутацию талантливого военачальника. Отряд, которым он командовал, был вытеснен сюда сражающимися с обеих сторон солдатами. Возможно также, что Уорик, смею

утверждать по собственному опыту, отнюдь не самый отважный из людей перед лицом физической опасности, размахивая широким мечом и по своему обыкновению во всю мощь легких выкрикивая «За мной!», повел своих людей на несуществующих врагов.

Удалившись таким образом от опасности, его люди оказались в свободном пространстве, преодолеть которое мешала лишь невысокая стена. Отступить, не обнаружив своей трусости, они не могли, повернув влево или вправо, они очутились бы в самой гуще сражения, а просто сидеть, ожидая исхода битвы, означало бы покрыть свое имя позором... поэтому им не оставалось ничего иного, кроме как перелезть через стену, прихватив с собой и графа, — вряд ли он при этом выглядел с достоинством, ибо перетаскивать облаченного в тяжелые доспехи рыцаря даже через низкую стену — дело весьма нелегкое, даже изнурительное, да к тому же сопровождающееся громким звоном и лязгом.

Перебравшись через стену, йоркисты миновали несколько пустынных задних дворов — добрые обитатели Сент-Олбанса благоразумно покинули город или заперлись в погребах — и оказались на главной улице города — улице Святого Петра, позади всех сражающихся.

Легко догадаться, что этот великолепный, хотя и случайный маневр решил исход битвы. Никто из солдат не любил видеть противника у себя в тылу, это внушает смятение. А потому королевская армия разбежалась куда глаза глядят, увы, вместе со своими командирами (в том числе и с никчемным ирландцем Джеймсом Батлером, графом Ормондским и Уилтширским, который даже бросил свои доспехи в канаву, чтобы облегчить себе бегство).

Не все роялисты обратились в бегство. Сын Букингема, Хамфри, славный, хорошо сложенный юноша, который после моей коронации посматривал на

меня влюбленными глазами, погиб с оружием в руках, как погибли сын знаменитого Генри Перси по прозвищу Необузданный[1], граф Нортумберлендский и его племянник лорд Клиффорд, сын дочери Необузданного. Был взят в плен и сам Букингем, пытавшийся собрать своих воинов.

И Эдмунд, дорогой, дорогой Эдмунд! Он умер, как мог умереть только великий путаник вроде него. Как я уже рассказывала, предсказатель предупредил его, чтобы он остерегался замков. Эдмунд пережил два срока заключения в Тауэре, и можно было уже предположить, что пророчество не сбудется; во всяком случае, и в самом Сент-Олбансе, и в его окрестностях отсутствовали какие-либо замки. Сражался он доблестно — не обладая талантом полководца, Эдмунд всегда отличался бесстрашием, — но отступая вместе с преданными ему людьми, остановился, чтобы передохнуть, а может быть, и глотнуть эля возле трактира. На свое несчастье, подняв глаза, Эдмунд увидел, что этот трактир называется «Замок». Эта вывеска, очевидно, совершенно лишила его рассудка и с криком: «Нас предали», вместо того чтобы продолжать отступление, он бросился в самую гущу врагов и умер, словно древнескандинавский воин.

Эти новости ошеломили меня. Не могу утверждать, что я любила Эдмунда, как, возможно, полюбила бы Суффолка, будь у меня больше времени, или как я полюбила другого человека впоследствии. Но Эдмунд первый мужчина, которому я отдала свое тело, то самое тело, что тщетно *предлагала* мужу, к тому же стал еще и отцом моего сына. Горько рыдая, я поклялась отомстить, хотя и не имела ни малейшего понятия, каким образом смогу достичь желанной цели.

---

[1] Генри Перси по прозвищу Необузданный (1364—1403) — английский военачальник, предводитель мятежников.

А теперь о том, что произошло с королем Генрихом VI, моим благороднейшим господином и повелителем. В то утро, перед сражением, он облачился в полные боевые доспехи с изображением леопардов и лилии на груди и, по всей вероятности, был вместе с Букингемом на улице Святого Петра, когда люди Уорика ворвались в город. В это время он и был ранен стрелой в шею. Но у меня такое чувство, что ему не было воздано должное. Я говорю не о ране, которая оказалась довольно легкой и быстро зажила. Как я уже сказала, он был одет так, чтобы ни один воин в обеих армиях не мог усомниться, что он король. Как мне известно, некоторые короли, среди них и английские, приказывали подданным облачаться в их доспехи, сами же надевали обычную одежду, надеясь таким образом сохранить свою драгоценную жизнь. Мой Генрих был не из тех, кто способен унизиться до подобного трусливого обмана, хотя некоторые и могут сказать, что у него просто не хватило ума. Еще более важно то, что, как и его отец, он не забыл надеть не только королевские доспехи, но и корону. Не сомневаюсь, некоторые мятежники лагеря йоркистов, и среди них наверняка Уорик, были убеждены в том, что убийство короля явилось бы для них наилучшим разрешением всех проблем.

Во всяком случае, эта мысль не была доведена до завершения. Раненый Генрих, чтобы излить свои чувства, несколько раз произнес: «Фи, фи, и еще раз фи!» и удалился в крытый соломой домик, где сидел, в то время как его сторонники умирали за него. В этом убежище его и нашел кузен Ричард во всем сиянии своего несомненного торжества. Так как король оказался вполне жив, а Сомерсет, как было установлено, мертв, герцог Йоркский опустился на колено и попросил прощения у короля за, возможно, причиненные ему неудобства. Нет сомнения, что это сражение и в самом деле причинило *некоторые неудобства* тем, чьи тела были свалены в общую могилу за городом.

Итак, наши надежды разбились на поле сражения, а я переживала еще и свою личную утрату. Думаю, никто не посмеет меня порицать за то, что я опасалась самого худшего. Сторонники Йорка, если не он сам, открыто обвиняли меня в супружеской измене, что в моем случае было равносильно государственной измене, тогда как герцог силой оружия завоевал себе такое же высокое положение, какое обрел дед Генриха, разгромив армию Ричарда II. Обращаясь к истории, я невольно вспоминала Клеменцию Венгерскую, задушенную в своей темнице; подобная же участь постигла мою родственницу и близкую мне душу — Джованну Неаполитанскую. Обратившись к еще более далеким временам, я вспоминала также одну из ранних французских королев, разорванную за ее преступления четырьмя лошадьми. Кровь стыла в моих жилах. Но я намерена была бороться до конца.

Однако мы живем в более утонченное время, к тому же при всей своей дикости англичане, кажется, никогда не воюют с женщинами. Вернее было бы сказать, с принцессами и знатными женщинами. Самое худшее, чего мне следовало опасаться, — чтобы меня не отправили обратно во Францию; говоря это, я отнюдь не имею в виду трудности пересечения пролива. Как ни удивительно, не произошло ничего подобного. В то время как я и мои фрейлины, находясь в Гринвиче, ожидали удара топором, может быть, и в буквальном смысле, Йорк спокойно завладел государством... в качестве регента. Честно говоря, если принять в расчет его требования, он вряд ли мог поступить иначе, сохранив при этом всеобщее доверие. Дважды он брался за оружие, дабы освободить Англию от правления Сомерсета, одновременно провозглашая свою лояльность по отношению к королю. Но Сомерсет был мертв. И после того как Йорк достиг своей цели, ему следовало бы вернуться к частной жизни.

Я сомневаюсь, чтобы в любом случае он так поступил, но обстоятельства благоприятствовали ему.

Всего через несколько дней, после того как мы получили известие о сражении, ко мне пожаловала Гордячка Сис. Вероятно, муж дал ей точные предписания, как себя вести, ибо она держалась очень сдержанно, тогда как я, заранее предупрежденная о ее визите, постаралась принять ее с как можно большим достоинством: на моем чисто вымытом лице отсутствовал даже след слез, а единственное свидетельство траура, который я носила — черные подвязки, — она не могла видеть. Рядом со мной стояла Белла, таким образом я дала своему врагу редкую возможность видеть двух самых красивых женщин во всем королевстве.

Она поклонилась с такой изысканной учтивостью, что остроконечная шляпа едва не свалилась с ее головы, а длинная вуаль взметнулась в стороны.

— Ваша светлость, — сказала она, — я принесла вам дурные вести.

Уже не впервые я подумала, что английское представление о юморе не совпадает с моим собственным. Но она и в самом деле принесла еще худшие вести, чем те, которые я уже получила.

— Его светлость нездоров.

— Я слышала, что он слегка ранен.

— Я говорю не о его ране, ваша светлость. Она почти затянулась. Увы, он снова лишился рассудка и лежит совершенно беспомощный. Ваше место — рядом с ним.

Завершающий удар. Я постаралась скрыть, как глубоко потрясена.

— Где он?

— В Херфорде, ваша светлость.

Этот город находится всего в нескольких милях от Сент-Олбанса. Естественно, я сочла первейшим своим долгом поспешить к королю, к тому же мне хотелось повидать место знаменитого сражения, которое так быстро вытеснили из памяти последующие события.

— Стало быть, я должна немедленно отправиться к нему. Вы распорядитесь об эскорте?

— Он ожидает повелений вашей светлости.

— Мне нужен также какой-нибудь экипаж для принца Эдуарда.

Я ждала ее ответа, затаив дыхание; если только она посмеет возражать против этого титула... Но Гордячка Сис даже глазом не моргнула.

— Все уже устроено, ваша светлость.

Уже не в первый раз я задумывалась над странным поведением этого человека — Йорка. Я находилась в его власти. И мой сын был в его власти. Расправься он с нами, несомненно нашлись бы люди, которые во всеуслышание обвинили бы его в убийстве. Но так как я не пользовалась большой популярностью у английской черни, а моего сына открыто называли ублюдком, возбуждение, если и возникло бы, вскоре улеглось, и король Генрих остался бы без поддержки, которую только я могла ему оказать в последующие трудные времена. Но Йорк продолжал вести себя с безукоризненной честностью. Поэтому некоторые отзываются о нем как о некоем образце для подражания, одном из благороднейших мужей в английской истории. Что ж, возможно, так оно и есть, хотя человек, который породил трех таких чудовищ, как Эдуард Марчский, Георг Кларенский и Ричард Глостерский, не мог и сам не быть чудовищем.

Наиболее вероятно, однако, что он просто не считал двадцатипятилетнюю женщину сколько-нибудь опасным врагом. Что до ее сына, то, если мое предположение верно, он не сомневался, что до самой смерти Генриха (который, невзирая на свое состояние, мог протянуть еще довольно долго) никто не будет оспаривать его власть, поэтому у него достанет времени, чтобы отделаться от наследника. Должно быть, так оно и было, ибо именно этот план он осуществил.

Пока же все свои заботы я посвятила королю. Это, конечно, не означает, что я не обращала внимания на происходящее вокруг. Вообще-то просто поразительно, что почти сразу же после битвы между силами короля и его кузена вся страна возвратилась к обычной своей жизни. Даже Сент-Олбанс был очищен, не оставалось почти никаких следов недавнего кровопролития, хотя начальник моего эскорта и постарался мне показать такие памятные места, как трактир «Замок» — оплакивая смерть дорогого Эдмунда, я украдкой обронила несколько слезинок, — и дом, где нашли короля, самый убогий домишко с соломенной крышей, а также знаменитую стену, которую с трудом преодолел Уорик на своем пути к славе.

— То был решающий момент, ваша светлость, — сказала этот неотесанный вояка, — окажись у короля такой же военачальник, как Уорик, дело могло бы обернуться совсем иначе. — Разумеется, он был йоркистом. Но как и почти все, я не могла с ним не согласиться. Пожалуй, единственным человеком во всей стране, а может быть, и в Европе, который правильно оценил ратные способности графа, был его еще более молодой кузен Эдуард Марчский, но это привело к самым печальным результатам.

Между тем в стране воцарился столь глубокий покой и мир, что недавняя война казалась лишь кошмарным сном. Дело в том, что простой народ и не знал, что будет военное столкновение, даже битва, пока все не окончилось, а после того, как все окончилось, люди с облегчением увидели, что почти ничего не изменилось. Йорк снова, как и в прошедшие дни, был регентом и снова внедрял в стране законопослушание. Буршье, вновь ставший канцлером, попрежнему помогал и всячески содействовал своему кузену. Генрих — снова парализован. Так что же изменилось? Только то, что погиб Сомерсет, а я должна признать, что Эдмунд был почти так же непопулярен в палате общин, как и я.

Все занимались своими собственными делами. В начале лета Эдмунд Тюдор женился на Маргарите Бофор, после чего вмешательство Бофора в национальную политику, казалось, должно было прекратиться, но этого не произошло. Эдмунд Сомерсет оставил после себя троих сыновей, и старший из них, которого назвали Генри в честь его дяди, великого кардинала, воспользовался первой же возможностью, чтобы посетить Херфорд, где король пребывал в таком же бесчувственном состоянии, что и год назад.

Я обратила внимание на этого юношу еще во время моей коронации. Он был, как я уже писала, моложе меня, и в первые годы моего замужества я часто играла с ним в доме его отца. Теперь он стал взрослым мужчиной. Естественно, я часто видела его в последние годы, но, увлеченная его отцом, вероятно, обращала на него недостаточно внимания.

Теперь передо мной предстал молодой человек, пожалуй, еще более красивый, чем его отец. О его способностях я не имела в то время ни малейшего представления, но готова была не проявлять излишней требовательности. Говоря о способностях и прежде всего имея в виду талант политического деятеля и солдата, я всегда помнила, что он, в сущности, является моим пасынком и единоутробным братом будущего короля Англии.

Преждевременная смерть отца, естественно, вызывала у Генри Бофора глубокую скорбь и гнев; он признался мне, что мечтает только о мести. Я заверила юношу, что разделяю его чувства, но очень важно не совершать никаких опрометчивых поступков. Он встал передо мной на колени и, вложив свои руки в мои, поклялся повиноваться мне всегда и во всем. Боюсь, что не в первый и не в последний раз в своей жизни я позволила себе поддаться обаянию красивого лица и медоточивых слов.

Однако знакомство с другом, который его сопровождал, немедленно насторожило меня. Это был молодой Клиффорд; как и Генри Бофор, он потерял своего отца в битве при Сент-Олбансе. Я никогда не сомневалась в решимости Клиффорда отомстить за отца, а стало быть, и в его верности, но его безудержная горячность настораживала: вряд ли он сможет сдержать свою клятву терпеливо повиноваться моей воле.

Однако какова будет моя воля, в то время я не имела никакого представления. Главной моей заботой оставалась борьба за выживание, причем не только мое собственное, но и короля. В предыдущий раз его болезнь тянулась более года, а такой срок казался мне нестерпимо долгим. К моей большой радости и смятению лордов, через месяц к Генриху вернулись умственные способности. Я была уже наготове с бумагой и пером, но Йорк, хоть и медленно, все же учился отстаивать свои интересы. Один из соглядатаев, несомненно, уведомил его, что по некоторым признакам можно ожидать скорого выздоровления короля, и прежде чем я смогла вложить в руку мужа перо, нас уже посетил регент.

— Ваша сладчайшая светлость, — сказал этот негодяй, становясь на колени, — вам ли, с вашей красотой, заниматься государственными делами. Нет никакой необходимости в письменных декларациях или декретах. Парламент готов радостно приветствовать своего короля, и я приехал именно для того, чтобы сопровождать его. Когда Генрих сядет перед парламентариями, ему достаточно будет изъявить свои желания, как они тут же исполнятся.

Я готова была топнуть ногой, но держалась спокойно.

— Фу, что вы предлагаете, милорд герцог? — запротестовала я. — Его светлость болел целый ме-

сяц и только что оставил постель. В его состоянии такая поездка крайне опасна.

Увы, уже не в первый раз мой муж пренебрег моими желаниями и интересами.

— Но я совершенно здоров, милая Мег, — запротестовал он. — И хочу возвратиться в Вестминстер и обратиться с речью к своему парламенту. — Была ли на свете другая такая несчастливица, как я?!

— Однако, — сказал Йорк, — если ваша светлость предпочитает остаться здесь...

Я оказалась в трудном положении, ибо не имела никакого представления, что может случиться с Генрихом в мое отсутствие. При всем этом у меня не было ни малейшей возможности его защитить; если Йорк и вынашивает против него какие-нибудь гнусные замыслы, то еще более гнусные его планы касаются меня. Я предпочла остаться в Херфорде. Генри Бофор обещал мне как можно скорее, задолго до того как приедут люди Йорка, привезти известия обо всем происходящем.

Но Йорк снова мог позволить себе действовать в пределах строгой законности. Я совершенно не учла, какое влияние он способен оказать на Генриха, оставшись с ним вдвоем. Я узнала, что в своем обращении к парламенту король выразил полное доверие регенту, с чьим именем он связывает имена графа Солсбери и его прославившегося сына — графа Уорика.

Получив подобные публичные заверения, Йорк позволил себе проявить великодушие и удовлетворить просьбу Генриха о присвоении молодому Джону де ла Полу, сыну и наследнику моего дорогого Суффолка, титула графа Суффолкского и передаче ему всех отцовских земель. Элис пришла в восторг, и, по-видимому, с этого времени семья де ла Пол начала отдаляться от Ланкастерского Дома, сближаясь с Домом Йоркским.

И они оказались не единственными отступниками. К моему смятению, Уэнлок уведомил меня, что по личным причинам вынужден оставить службу. Я ничуть не сомневалась, что он тоже стал перебежчиком, решившим сменить цвет розы.

Здесь я должна прерваться и объяснить, почему война, которая, хотя никто этого и не подозревал, началась сражением под Сент-Олбансом, впоследствии стала называться войной Алой и Белой Розы. Существует множество объяснений, порою весьма причудливых; рассказывают, например, о споре, который однажды разгорелся между герцогами Йоркским и Сомерсетским во время гуляния в вестминстерских садах. Сомерсет заявил, что всегда будет верен ланкастерской Алой Розе, разумеется, подразумевая меня, а Йорк протянул руку к ближайшему кусту, сорвал белую розу и в свою очередь пообещал хранить верность йоркской Белой Розе.

Это лишь красивая легенда, хотя, несомненно, какой-нибудь будущий виршеплет и попытается выдать ее за реальный факт. Абсурдность этой версии совершенно очевидна. Милорды Йорк и Сомерсет никогда не имели привычки разгуливать вместе, как две томимые любовью девицы, по вестминстерским садам, а кроме того, единственной разновидностью розы, которую разрешали выращивать вокруг Вестминстерского дворца, была моя любимая, с кроваво-алыми цветами. Не было в то время и никакой йоркской белой розы.

Дело обстояло совершенно иначе. Лояльные приверженцы короля и Ланкастерского Дома являлись одновременно и моими лояльными приверженцами, а моей эмблемой была алая роза. Это хорошо известно. Йоркисты сперва не имели никакой эмблемы, но через несколько лет после начала военных действий, перед самым сражением, в котором победил Эдуард

Марчский, на небе появились три солнца; как я полагаю, это были лишь отражения в тумане. Все эти три солнца находились рядом и вполне могли походить на белую розу в полном цвету. Как я уже сказала, Эдуард одержал верх в этом сражении и решил избрать какую-нибудь эмблему для своей победы. Самой подходящей, естественно, показалась белая роза, представлявшая собой как бы противоположность моей алой. Вот так это и случилось.

Когда Генрих вернулся в Херфорд, где у нас образовался свой небольшой двор, ему пришлось встретиться лицом к лицу с весьма разгневанной женой. Я была крайне удивлена его поведением и недвусмысленно заявила ему об этом.

— То, что вы похвалили этого подонка, само по себе достаточно плохо, — ядовито заметила я. — Но еще хуже то, что вы согласились продлить регентство на неопределенный срок и тем самым лишили моего сына возможности унаследовать корону.

— Но вы же знаете, милая Мег, что это не так, — возразил он. — Это лишь временное назначение, которое продлится до тех пор, пока не восстановится мое здоровье. Вы не имеете никакого понятия, какое это тяжкое испытание — участвовать в сражении, чувствовать, как в твое тело вонзается холодная сталь... — Он был в слезах, и мне пришлось его утешать, в то же время я про себя молилась, чтобы Господь Бог хоть раз ниспослал бы мне подобное испытание. Не странно ли, что некоторые молитвы осуществляются, тогда как другие, и это может быть важнее, никогда не сбываются.

Но в то время я была беспомощна, а когда к концу года у короля случился еще один рецидив болезни, мое положение стало почти нестерпимым. От полного отчаяния меня оберегала неизменная выдержка моей дорогой Байи и еще более дорогой Беллы.

Как я доверяла ей в те дни! В ее объятиях я забывала обо всех невзгодах, посылаемых судьбой. В свете того, что я теперь знаю об этой мерзкой, в сущности, девице, поистине удивительно, что она оставалась в *моих* объятиях, когда казалось, что я навсегда лишилась могущества. Но в чем-чем, а в прозорливости Белле Грей никак нельзя отказать, она знала, что я еще не сказала своего последнего слова.

1455 год — год, который я предпочла бы забыть, худший из всех, мною прожитых. Перед Рождеством Генрих снова потерял рассудок. Кое-кто обвиняет меня в том, что я довела его до такого состояния своими постоянными призывами действовать, как подобает королю. Но чего вы хотите? Он был королем, я королевой, а наш сын — наследником престола. Но с нами троими обращались так, точно мы полные ничтожества. Люди даже не снимали шапок, когда видели нас на улице.

Будущее представлялось мне весьма безрадостным. Я не получала никакой, хотя бы даже словесной, поддержки с континента, где все шло вверх дном. Папа и мой брат Жан продолжали столь же безуспешно, как прежде, воевать под Неаполем, сестра Иоланта вышла замуж за прожженного негодяя по имени Фредерик де Водеман, который ненавидел меня, тогда как дядя Шарли и кузен Луи порвали всякие между собой отношения, после чего Луи нашел прибежище у своего дяди Филиппа Бургундского. Это последнее обстоятельство могло бы обернуться выгодой для меня, так как кузен Луи никогда не был моим другом, но дядю Шарли, по-видимому, их разрыв удручил, если только гарем не отвлекал его от грустных мыслей. Однако в моем положении было бы гибельно взывать к французам, чтобы они силой оружия восстановили всю полноту власти моего мужа, истинного короля Англии.

Из всего, мною сказанного, можно, естественно, сделать вывод, что я снова замышляла прибегнуть к силе. Я понимаю, что подобное признание в устах женщины способно вызвать осуждение, но прежде чем осудить меня, следует войти в мое положение. Я оставалась королевой, но мой муж был королем лишь номинально. Я была матерью, но все считали моего сына незаконнорожденным. (Что это на самом деле так, знала только я одна, и этот факт не имел никакого отношения к происходящему.) Ко всему прочему, я была женщиной, молодой, красивой и страстной, два любовника которой сошли в могилу, а муж, если не бывал в бесчувственном состоянии, избегал супружеских отношений как чего-то непристойного.

Думаю, что мое долготерпение и настойчивая решимость во что бы то ни стало выбраться из трясины отчаяния, в которую меня столкнули, заслуживают всяческого одобрения. Просто удивительно, что я не принялась рвать на себе волосы и не попыталась соблазнить одного из моих пажей.

Вместо всего этого я продумывала, как мне действовать. И когда в феврале следующего года к Генриху возвратился рассудок, я тотчас же явилась к нему с бумагой и пером, строго предупредив, чтобы без моего позволения к нему не пускали *решительно никого.*

— У нас много дел, мой милый, — сказала я королю, вытирая пот с его горячего лба. — Страна находится в плачевном состоянии. — Признаюсь, это было не совсем так. Благодаря решительному правлению Йорка дела обстояли лучше, чем прежде. Но я не сомневалась, что могу править еще лучше.

— Который час? — спросил мой злосчастный муж.

— Поздний, — ответила я. — Но эти декреты нуждаются в срочном подписании.

— А какой сегодня день недели? — робко поинтересовался он.

Было воскресенье, но я хорошо знала, что если Генрих узнает об этом, то в течение добрых двенадцати часов не сможет заниматься никакими делами.

— Пятница, мой милый, — заверила я его. — Лучше покончить со всеми делами сегодня, чтобы весь уик-энд вы могли посвятить своим молитвам. — Я протянула ручку и положила перед ним первый лист бумаги.

— А какой сейчас месяц? — спросил король.

— Февраль, мой милый. И, не дожидаясь вашего следующего вопроса, скажу, что сейчас тысяча четыреста пятьдесят шестой год от Рождества Христова. Пожалуйста, подпишите эти бумаги...

Он наконец поглядел на них.

— Они все написаны вашей рукой, моя куколка.

— Вполне естественно, мой любимый. Это очень важные документы.

Он прочитал их все до одного.

— Но мы уже это делали, — жалобно произнес он. — И без всякого успеха.

— Что отнюдь не является причиной, не позволяющей нам одержать успех на этот раз.

Подписанные Генрихом декреты были направлены в парламент, где вызвали обычный переполох. Меня неприятно удивило, что даже Букингем стремится к компромиссам. В результате Йорк, хотя и лишился регентства, остался членом совета, тогда как Буршье по-прежнему был на должности канцлера. Что же я выиграла? Последовала бурная ссора, и впервые в жизни Генрих допустил резкие выражения по отношению ко мне. Точнее говоря, он прокричал:

— Фи, и еще раз фи, женщина. Да вы настоящая возмутительница спокойствия!

Ну и ну! На меня еще никто никогда не кричал. А ведь я только заботилась о будущем сына. Забрав с собой Эдуарда, я уехала в принадлежавший

мне дом в Татбери, где провела целый месяц, развлекаясь вместе с Беллой и занимаясь охотой, не забывая одновременно и о воспитании принца.

Я предполагала, что Генрих, как только минует эмоциональный кризис, пошлет за мной, однако он не послал. Вместо этого он отправился в одно из своих паломничеств, не обращая внимания на все шире распространяющиеся слухи о том, что король и королева живут отдельно. Поэтому, прождав несколько недель, но так и не получив приглашения, взяв с собой принца, я отправилась в Честер. Эдуард был уже не только принцем Уэльским, но и графом Честерским, а Честер, пожалуй, не уступает Уэльсу, и я хотела представить графа жителям его графства. Поездка туда очень меня обнадежила. Грубоватые, но послушные честерцы горячо приветствовали графа и его прекрасную мать. В своем стремлении поцеловать край моего платья или притронуться к моим башмачкам эти люди едва не затоптали меня. Я была очень рада, тем более что заметила: почти все здешние мужчины носят лук или меч, а некоторые и то и другое. Тут жили прирожденные воины... и все они любили свою королеву. Подобное теплое отношение следовало поддерживать.

Генрих призвал меня к себе в августе, и я отправилась из Честера в Ковентри, где меня ждала королевская кровать. Король держался так, будто совершенно забыл о нашей ссоре, а зная, как неустойчив его рассудок, можно было предположить, что это и на самом деле так. В Ковентри приезжало теперь много людей, в том числе и те, кто весьма меня интересовал, и я убедила Генриха в октябре созвать там парламент. Он подчинился. Оставался еще месяц, и все это время я проводила, обсуждая дела с теми лордами, которые меня поддерживали. Букингем, хотя и продолжал проявлять склонность к компромиссам, —

я не могла не чувствовать, что после происшедшего в Сент-Олбансе, после смерти сына, он стал ощущать полное превосходство над собой Йорка как солдата, да к тому же находился под отрицательным влиянием Буршье, — так вот, несмотря на все это, и его увлекло с собой общее течение. Октябрьское заседание парламента стало нашим триумфом. Я добилась снятия Буршье с поста канцлера и замещения его Уэйнфлитом, Йорк же был отправлен вице-королем в Ирландию. Теперь вся власть сосредоточилась в моих руках, и я была полна решимости удержать ее, упрочив свое положение.

Глава 9

Наипервейшей моей заботой стало создание партии, более многочисленной и могущественной, чем партия Йорка. Этим я и занялась, но в самом же начале мне был нанесен тяжелый удар. Естественно, я предполагала, что единокровные братья короля станут краеугольными камнями моего могущества. И я не ошибалась в оценке их способностей. Но 3 ноября неожиданно умер Эдмунд Тюдор.

Когда умирает ваш сверстник, родственник он вам или не родственник, приходится невольно задумываться. Но что тут можно поделать? Эдмунд Тюдор, граф Ричмондский, подхватил какую-то ужасную болезнь и был стремительно унесен смертью, что никто из нас и опомниться не успел, даже его жена. Бедная маленькая Маргарита, всего тринадцати лет от роду, ждала ребенка. Нельзя не заметить, что тринадцать лет — слишком юный возраст, чтобы переносить тяготы беременности, хотя я сама мечтала подвергнуться этому испытанию будучи лишь годом старше. Но в дополнение к этому испытать еще и муки вдовства — это уж чересчур тяжело для тринадцатилетней девушки.

В довершение всего она стала богатейшей наследницей Англии, и любой нуждающийся в деньгах странствующий лорд мечтал уловить ее в свои сети. В ее же собственных интересах я отправила Маргариту в один из принадлежащих ей замков, в Пемброк, надеясь, что там она сможет благополучно подождать, пока я сделаю для нее все необходимое. 28 января у нее родился сын, которого она назвала Генри. Поразительно, что из всего Ланкастерского Дома остались в живых только этот ребенок и я.

Но я забегаю вперед. Как я уже сказала, у меня были свои планы относительно Маргариты Тюдор. В тот же год я выдала ее замуж за младшего сына Букингема Генри Стаффорда.

Между тем двор оставался в Ковентри. Лондонцы подвергали меня таким злобным нападкам, что мне претило даже приближаться к Лондону — разве только для того, чтобы спалить этот мерзкий город дотла. Говоря о дворе, я имею в виду прежде всего себя и принца Уэльского. Как только потеплело, Генрих отправился в очередное паломничество. Из Стаффорда он поехал в Коулсхилл, затем поочередно посетил Честер, Шрусбери, Лестер, Кенилуорт, Херфорд и лишь в сентябре вернулся в Ковентри. Я была рада его долгому отсутствию. Становилось очевиднее и очевиднее, что он проявляет все меньше интереса к своим королевским обязанностям, я уже не говорю о супружеских. Если бы только было возможно избавиться от Буршье и вместо него назначить архиепископом Кентерберийским Генриха, то он, я нисколько не сомневаюсь, стал бы одним из наиболее знаменитых людей своего времени. Конечно, он и так знаменит. Но по другим причинам.

Осмелюсь сказать, что все это время я правила не без успеха, испытывая глубокое внутреннее удовлетворение. Никакой правитель, разумеется, не

может угодить всем. Но я, по крайней мере, привела в некоторый порядок финансы, настаивая на строгом взыскании всевозможных пошлин и налогов, кроме того, устроила множество браков среди молодой знати, с каждого такого брака получая некоторый доход. Но боюсь, что я стала еще более непопулярной. Англичане, кажется, неодобрительно относятся к женщинам, которые проявляют неподобающий, по их мнению, интерес к деньгам. В этом недавно убедилась и Белла. Проблем, таким образом, хватало, а тут еще какой-то безмозглый французский капитан совершил рейд на Сандвич и сжег порт. Чернь, разумеется, обвинила меня в этом происшествии. Я пришла в бешенство и тотчас же отправила разгневанное послание дяде Шарлю, который ответил, что ничего не знает о случившемся, причем, возможно, совершенно правдиво ответил, ибо и в самом деле не имел ни малейшего представления о происходящем в его королевстве, а уж тем более за его пределами, и свалил всю вину на пиратов.

Разумеется, мне довольно часто приходилось иметь дело с самим Буршье, но обычно я сообщалась с ним через Уэйнфлита, который, как и всегда, являлся источником несокрушимой силы. Главным моим помощником был Букингем; постепенно он стал столь же близок мне, как Суффолк и Сомерсет. Разумеется, я имею в виду только политику. Стаффорд не относился к числу тех мужчин, с которыми я могла бы разделить свое ложе. Да, он был достаточно красив и, возможно, искушен в любви. Но в нем отсутствовала даже искра того *огня*, который я прежде всего ценю в мужчине. Он старался, насколько возможно, выполнять мои желания как королевы, но всегда занудно твердил о необходимости соблюдать равновесие, угождать большинству и, что более всего меня раздражало, поддерживать добрые отношения со своим родственником Ричардом Йоркским.

Как, спрашивается, может дружить со змеей мангуст? Но Букингем упорствовал в своих стараниях и в скором времени нашел себе союзника, бороться с которым было трудно, — самого короля.

В январе 1458 года Генрих наслаждался, если такое слово в данном случае применимо, одним из тех периодов относительной ясности рассудка, которые всегда сопровождались переоценкой его возможностей и способностей. Я всегда считала возможности короля безграничными при условии, конечно, что он наделен достаточной силой воли, чтобы безжалостно подавлять всякую оппозицию. Я была бы совершенно счастлива, обладай Генрих подобной силой воли, особенно если бы он проявил мужскую силу по отношению ко мне; я бы приветствовала решительное с собой обращение, ибо, говоря откровенно, вот уже три года после смерти Сомерсета ни один мужчина не оседлывал меня. Никто даже и не делал такой попытки. Три года! Когда тебе уже далеко за двадцать, нет ничего хуже, чем проводить ночи в одиночестве. Когда же на пороге уже тридцать, а ведь мне оставалось всего два года до тридцатилетия, окончание юности представляется *настоящей женщине* грозовой тучей в небесах будущего.

В течение короткого времени Генрих, однако, проявлял некоторое мужество, пусть и не в моей постели. В январе он созвал в Беркампстеде, королевском поместье, расположенном в нескольких милях северо-западнее Лондона, заседание Большого совета.

— Мы должны положить конец всяким проявлениям враждебности раз и навсегда, — объявил он.

Я хочу, чтобы всем было совершенно ясно: идея этой затеи принадлежит Генриху, а не мне, да и все последующее — дело его рук. В дополнение ко всем своим умственным и физическим недостаткам мой возлюбленный муж обладал, если можно так выра-

зиться, очень избирательной памятью: помнил только то, что хотел помнить. Разумеется, он уже забыл, что однажды созывал Большой совет. Это произошло в 1447 году, причем в месте, где король мог управлять событиями; там был арестован герцог Хамфри Глостерский, которого в скором времени нашли мертвым. Генрих, возможно, и забыл об этом, в отличие от кузена Ричарда, который, хотя и явился на вызов, но не один, а в сопровождении Невиллей и вооруженного отряда, достаточно многочисленного, чтобы его можно было назвать армией. Что еще показательнее, он не остановился в апартаментах, отведенных для него королем, а вместе со своими людьми отправился в Лондон, где мог быть уверен в теплом приеме и полной безопасности. Излишне упоминать, что сам Генрих располагал большой армией, расположенной в Беркампстеде, и поэтому казалось, что мы накануне возобновления военных действий.

Что до меня, то должна признаться, такой путь был бы для меня идеальным и позволял в самом деле «положить конец всяким проявлениям враждебности раз и навсегда». В мои планы не входило доверить наши силы на будущем поле сражения сомнительной стратегии Букингема или тем более короля. Я все время помнила об Орлеанской Деве и намеревалась, в случае прямого столкновения, сама надеть доспехи. Но Генрих испортил все, что только мог. Он действовал втайне от меня, поэтому я не знаю, замышлял ли он устрашить йоркистов превосходством своих сил, но когда понял, что ему не удастся заманить их в западню, то возвратился к своему излюбленному времяпрепровождению: ничего не предпринимал, только молился.

Другие более активно стремились к примирению. Между двумя лагерями, особенно между Букингемом и архиепископом Буршье, шли усиленные переговоры. Все это время я была беспомощна. Понимая, что не смогу добраться до Йорка, пока он остается в Лон-

доне, я думала только о том, как бы его оттуда выманить. Но прежде чем я успела прийти к какому-нибудь решению, ко мне явились Генрих и Букингем, вместе с которыми был и архиепископ, и сказали, что переговоры увенчались полным успехом: обе стороны полностью примирились. 25 марта, в день Благовещения, нам всем предстояло присутствовать на благодарственной службе. Не успела я еще хоть как-то свыкнуться с этой потрясающей новостью, как мне нанесли другой удар. Сия знаменитая служба должна была состояться ни в нашем Вестминстерском аббатстве, ни в безопасной уединенности Беркампстедской церкви, а в лондонском кафедральном соборе Святого Павла, в самом сердце города. И естественно, в окружении черни.

Я решила, что нас очень ловко провели и мы будем арестованы или, еще того хуже, разорваны на куски голодными подмастерьями. Но мне так и не удалось отговорить короля от задуманного. Благодарственная служба представлялась ему величайшим счастьем в жизни, к тому же обе стороны поклялись своей честью. Подумаешь, поклялись честью! Я хотела бежать, но поняла, что если так и поступлю, а Генрих все же осуществит свой нелепейший план, то поскольку Букингему, молодому Сомерсету, молодому Клиффорду и всем ланкастерским лордам было велено сопровождать короля, я не смогу получить какой бы то ни было поддержки. Оставалось только готовиться умереть с достоинством. Я облачилась в самые лучшие свои одеяния, приказала Белле все время держаться рядом со мной, чтобы мы могли умереть в объятиях друг друга, и, оставив принца Уэльского — я не сомневалась, что он вскоре станет сиротой, — на попечение Байи, отправилась вместе с королем в город.

Всем известна притча о том, как пророк Даниил оказался в львином логове. Уверяю вас, что пророк не испытал и малой толики тех чувств, которые ис-

пытывала я, проезжая на своей кобылке по булыжным мостовым меж собравшейся по обе стороны улиц толпы. Многочисленные зеваки молча взирали на нас. Наверное, это не самое худшее, ведь они могли требовать нашей крови. Генрих держался со всем своим не слишком впечатляющим величием. Как можно более величаво старалась держаться и я, восседая на своей кобылке в высокой остроконечной шляпе-хеннине, в развевающемся хуппеланде, в сверкающих золотых драгоценностях, глядя налево и направо с самым уверенным, какой только могла изобразить, выражением. Думаю, что это производило должное впечатление.

На протяжении всего пути никто не бросил в нас ни одного камня, и мы благополучно достигли собора Святого Павла. Здесь нас ожидали йоркисты, множество вооруженных людей. Я предположила, что уготованные нам испытания только-только начинаются. Но когда мы спешились и приготовились войти в собор, случилось нечто, чего я никак не ждала. Вся последующая комедия, очевидно, была устроена королем и архиепископом — при горячей поддержке Букингема и Йорка... Но эти обманщики ни словом меня не предупредили. И вот под звуки фанфар король и Буршье поднялись по ступеням. Ко мне тут же подошел Йорк и предложил руку, мне ничего не оставалось, как возложить свою руку на его, и мы в свою очередь также поднялись по лестнице — ни дать ни взять двое возлюбленных. Быстро оглянувшись, я увидела, что за нами следует целая процессия пар, каждая из них состояла из одного ланкастерца и одного йоркиста, которые держались за руки. Улыбнувшись мне, кузен Ричард сказал:

— Ну, теперь-то, ваша светлость, я уверен, что все наши беды позади.

Этот человек был то ли недоумком, то ли лжецом; я подозреваю, что и тем и другим. И он имел возможность добиться решительного преимущества. До-

статочно одному единственному agent provocateur[1], переодетому приверженцем Ланкастерского Дома, напасть на йоркиста, как тотчас же разразился бы бунт, а когда лондонская чернь начинает бунтовать, проходит не один день, прежде чем наконец водворится порядок. Большинство присутствующих были йоркистами, и мы находились в их гуще. Самые черные дела могли бы совершиться, и никто не смог бы показать пальцем на герцога, оставшегося в живых вместе со своими приспешниками; при таких обстоятельствах он смог бы спокойно водрузить на свою голову корону убитого короля.

Однако не произошло ничего подобного. Выслушав мессу и тем самым отпраздновав свое примирение, мы нежно поцеловали друг друга и разошлись. Забрав с собой принца, я отправилась в Честер. Я чувствовала себя там в большей безопасности, к тому же вербовала свою небольшую армию из яростных честерцев, которые приветствовали меня громкими криками «ура!». Генрих вновь отправился в свои паломничества, проявив свойственное ему удручающее непонимание обязанностей, налагаемых королевским саном. К своей досаде, я, например, узнала, что во время пребывания в Сент-Олбансе в порыве щедрости он подарил монахам аббатства свою великолепную красную мантию, сняв ее с себя. Монахи были весьма обрадованы, пока не поняли, что им придется возвратить дар, ибо это оказалась единственная мантия короля.

Как может такой человек править страной?

Мои собственные старания получить решительное превосходство над оппозицией по-прежнему терпели неудачу. Осуществляя свои замыслы, я решила, что в первую очередь должна завладеть Кале, где могла бы укрыться в том случае, если Генрих затеет еще

---

[1] Агент-провокатор *(фр.)*.

какое-нибудь безумство, — я была уверена, что вторая такая встреча с толпой станет для нас последней.

В Кале губернаторствовал молодой Уорик, который, прославившись в Сент-Олбансе в качестве солдата, хотел теперь прославиться в качестве моряка, патрулируя пролив, дабы, как он заявлял, помешать французам совершить еще один рейд на Сандвич. Подобное поведение, естественно, принесло ему большую популярность у черни, хотя и было косвенно направлено против меня. Я хотела добиться, чтобы его сняли и заменили молодым Генри Сомерсетом. Я медленно, но уверенно продвигалась к своей цели, заручаясь поддержкой различных лордов, которые не были близкими родственниками Уорика, когда этот негодяй расстроил все мои замыслы, встретив в проливе французский флот и полностью его разгромив.

Возможно, Уорик оказался куда более талантливым адмиралом, чем генералом, возможно, также, что ему благоприятствовали, в отличие от французов, ветер и прилив. Я так и не смогла добраться до глубинной сути произошедшего, но, как бы то ни было, в глазах толпы он сразу стал великим героем, достойным воплощением моего покойного свекра.

Итак, все мои замыслы рухнули, как карточный домик. Букингем сказал мне, что сместить Уорика с его нынешнего поста значило бы тотчас же вызвать революцию.

Поэтому мне пришлось запастись терпением и заново разработать свои планы. Кто-нибудь может спросить меня, почему я пребывала в то время в постоянном волнении. В конце концов я была фактической правительницей; весь мир верил в великое примирение, якобы свершившееся год назад. Но меня непросто обмануть. Я знала, что йоркисты только и ожидают благоприятного для них поворота событий. Могло произойти разное.

Во-первых, невозможно было предугадать, когда случится очередное обострение болезни у Генриха, но

не оставалось сомнений, что его не избежать. Лекари, во всяком случае, утверждали, что по мере старения Генриха нарастает опасность *постоянной* потери рассудка, учитывая то, что случилось с его дедом по матери.

Во-вторых, управление страной неминуемо влечет за собой непопулярность. Простые люди, тем более простые англичане, всегда скорее склонны нарушать законы, нежели соблюдать их; это прежде всего касается уплаты различных налогов и пошлин. Всякое правительство, энергично поддерживающее закон, а я требовала строгого соблюдения закона, особенно в финансовых делах, неминуемо теряет свою популярность. В моем же случае, когда правительство с самого начала не пользовалось доверием, популярность падала еще более стремительно. К тому же правительства не только теряют авторитет, занимаясь повседневными делами, им угрожают и другие непредвиденные грозные опасности. Кстати сказать, тот факт, что Уорику временно удалось очистить пролив от французских пиратов, не лучшим образом сказался на честолюбивых устремлениях его дяди: произойди еще несколько таких рейдов, как налет на Сандвич, и чернь потребовала бы моей головы.

В-третьих, и я подозреваю, что именно в этом кроется суть дела, англичане усматривали нечто неестественное в том, что ими, нацией воинов, управляет женщина. Что ж, полагаю, подобное нелепое предубеждение свойственно не только англичанам: достаточно вспомнить о салическом законе. Но тут англичане проявляют явное лицемерие, не только потому, что не признают салического закона, но и потому, что готовы бросить боевую рукавицу перед всяким, кто откажется превозносить вместе с ними воинские достоинства их королевы, которая четыреста лет назад совершила великий подвиг, спалив Лондон и убив, как утверждают, восемьдесят тысяч его обитателей. Ныне в Лондоне проживают лишь тридцать тысяч человек,

поэтому даже святой Бид[1] вынужден был браться за лук, но Будикка[2] остается для меня образцом для подражания; каждый раз, когда мне приходится въезжать в ворота этого проклятого города, я вспоминаю о ее подвиге.

Существовала еще и четвертая причина, позволявшая йоркистам чувствовать уверенность в будущем. Ведь я была не только женщиной, но и француженкой, так, по крайней мере, они утверждали, хотя достаточно взглянуть на мое генеалогическое древо, чтобы убедиться: в моих жилах смешаны равные доли французской, итальянской и испанской крови. К тому же я представлялась им этакой молодой, неотразимо красивой распутницей, которая каждую ночь проводит с новым мужчиной. Если бы это было так! Не отрицаю, что подобное обвинение могло бы иметь под собой почву, если бы меня и в самом деле окружали домогающиеся моей любви мужчины. Но после смерти Сомерсета таких мужчин не нашлось, если не считать молодых людей, и красивых, и пылких, и, несомненно, безумно в меня влюбленных, но, к сожалению, я не могла им полностью доверять.

Отсюда можно заключить, что спокойно, ничего не предпринимая, наслаждаться своей нынешней властью было для меня чрезвычайно опасно. Именно сейчас, обладая всей полнотой власти, мне следовало спровоцировать йоркистов на прямое неповиновение.

Нетрудно догадаться, что это было трудное, напряженное время. Я пыталась управлять страной, которую один иностранный наблюдатель назвал неуправляемой; старалась быть достойной супругой полного ничтожества, служившего, однако, источником моей власти. Я искала пути для того, чтобы одержать верх

---

[1] Английский монах, историк.

[2] Предводительница восстания против римлян.

над врагами, жаждавшими моей крови, пыталась поддерживать порядок в финансовых делах, не доводя население страны до восстания. Мне все время приходилось удерживать на расстоянии полчище молодых людей, преисполненных уверенности, что они сделают меня счастливейшей из женщин. Меня переполняла физическая энергия — и желание, которое не находило удовлетворения... В довершение всего я была матерью очаровательного пятилетнего мальчика, и это самое важное. Все остальное, вместе взятое, имело для меня значение лишь потому, что я стремилась сделать все возможное, чтобы в один прекрасный день принц Эдуард унаследовал корону.

Но боюсь, что я слишком много времени проводила с моим сыном и его товарищами по играм, Томасом и Ричардом Греем, а также с их матерью (которая в то время была *моей* ближайшей подругой). Поэтому я огорчилась, когда от излюбленных занятий меня отвлек визит в Англию кардинала Франческо Коппини, папского легата. Кто-нибудь, вероятно, помнит, что за двенадцать лет до этого Генрих разошелся во мнениях с Папой Евгением IV относительно того, кому стать следующим лондонским епископом. Генрих поддерживал креатуру Суффолка, этого мерзейшего Молинё, тогда как Евгений стоял за Кемпа-младшего. Спор завершился поражением короля, и отношения между Вестминстером и Ватиканом несколько остыли. Но вскоре после этого Евгений умер.

Он занимал папский престол в течение пятнадцати лет — довольно долгий срок для нашего времени. В эти смутные времена кардиналы считают лишь очень старых, даже дряхлых людей подходящими кандидатами в первосвященники, на молодых же, энергичных и честолюбивых, смотрят с большим подозрением. Во всяком случае история показывает, что результат обычно один и тот же: Господь Бог в скором времени призывает его святейшество к себе; причины смерти бывают разные, но чаще всего папы умирают от острого несва-

рения желудка. За двенадцать лет, прошедших после смерти Евгения, сменилось двое пап и на папский престол взошел третий. Этот человек, взваливший на себя бремя представлять Бога на земле, звался Энеа Сильвио де Пикколомини и был известен в литературном мире под псевдонимом Эней Сильвий, ибо кроме других своих достижений написал роман, чего до него не делал ни один Папа.

При предыдущих первосвященниках Пикколомини приобрел значительную известность в качестве ватиканского посла. Теперь он взошел на папский престол под именем Пия II. Для все новых пап характерно стремление наполнить новым содержанием свое папство и в то же время обеспечить себе место в истории, совершая нечто такое, чего, как правило, не делали их непосредственные предшественники. Некоторым папам приходилось, на свое несчастье, наследовать вселенский собор, созванный еще их предшественником, и им ничего не оставалось, кроме как поддерживать его. Создание такого совета — есть одно из возможных направлений папской деятельности. Другое направление — яростно обличать существующую общественную мораль. Это направление весьма непопулярно и скорее обычного заканчивается острым несварением желудка. В кои-то времена появлялось и еще одно возможное направление деятельности — призывать к крестовому походу, обычно против неверных, но были папы, которые призывали к крестовому походу против различных христианских сект и даже против императора, ибо не могли придумать ничего лучшего. Нашелся даже один, проповедовавший крестовый поход против английского короля, уже упоминавшегося мной бедного Иоанна I, который потонул в Уоше.

Но крестовые походы теряли популярность по мере того, как оказывались все менее и менее удачными, точнее говоря, по мере того, как неверные обретали силу, и выступления против них приносили все мень-

ше выгоды. Ни один из непосредственных преемников Евгения не смог возбудить достаточный интерес к крестовому походу против турок, рушивших стены Константинополя.

Поэтому нас несколько удивило, когда Пий II объявил, что важнейшая цель его жизни — организовать крестовый поход против более сильных, чем когда бы то ни было, турок, которыми правил грозный султан Мехмед, гордившийся своим прозвищем Хунхар — Кровопийца. Правители с подобными прозвищами, несомненно полученными ими по праву, опасные враги. Мы, жители христианского мира, только озадаченно хмыкали, но этот Пикколомини, даром что романист, видимо, страдал ограниченным воображением.

В скором времени мы, однако, узнали, что Пий настроен весьма решительно, ибо он разослал легатов во все страны, которые, по его мнению, могли бы принять участие в задуманном им крестовом походе. Поэтому-то в Англию и приехал папский легат кардинал Коппини.

На деле оказалось, что Пикколомини, как и многие романисты, обладает, может быть, даже чересчур живым воображением и в своих действиях отнюдь не опирается на реальные факты. Никто во всей Европе не сомневался, что английское правительство испытывает большие денежные трудности. Никто не сомневался также, что если бы на этом зеленом сыром острове и удалось бы собрать сколько-нибудь значительные средства, они были бы употреблены на войну не с турками, а с французами в Нормандии. Пикколомини, возможно, рассчитывал на широко известную религиозность короля, но ему следовало бы знать, что Генрих не тот человек, который способен возглавить военную кампанию против кого бы то ни было.

При встрече с добрым легатом я невольно подумала, что, если бы он обратился не к правительству, а непосредственно к лордам, это могло бы принести

большую пользу. Как замечательно, если бы герцог Йоркский, граф Солсбери и граф Уорик в полных боевых доспехах отправились бы воевать с Кровопийцей и его янычарами! Уж тогда-то можно было не сомневаться, что эта троица, отравлявшая мне существование, никогда не вернется.

Поэтому от имени короля я созвала Большой совет и представила лордам легата. Присутствовал, разумеется, и Генрих, преисполненный воинственного пыла.

— Уверяю вас, милорды, — заявил он собравшимся, — что, если бы не бремя неотложных дел, я сам бы взял в руки крест и повел вас к славе.

Ему вежливо, но скептически поаплодировали. К несчастью, оказалось, что у всех английских аристократов — самые неотложные дела, и призыв Коппини разбился о каменную стену.

Впрочем, стена эта была не так уж прочна, как представлялось вначале. К сожалению, я об этом не знала и то, что легат, оставшись в Англии, объезжал страну, посещая поочередно всех лордов, воспринимала как проявление папского упрямства. Немного погодя я убедилась, что ошибаюсь.

В то время я считала наиболее важным достижение своих целей, которые были уже близки к осуществлению. Летом приехал еще один неожиданный посетитель.

— Некто по имени Ду... Ду... француз, — объявила Белла. — Из Франции.

Предполагая, что прибыл посланец от дяди Шарли, я приняла этого человека. Звали его Дусеро, он был низкорослым, с искривленными чертами лица, которому судьба, очевидно, предназначила болтаться на веревке. Дусеро привез мне письмо, которое я вскрыла дрожащими пальцами, потому что не могла узнать почерк. Но я мгновенно узнала шелковый шарф, в кото-

рый оно было завернуто. Этот шарф я подарила Пьеру де Брезэ перед самым отъездом из Франции, тринадцать лет назад.

Тринадцать лет! И теперь...

«Милейшая королева, прекраснейшая и милостивейшая госпожа, украшение нашего века, — писал Пьер. — Простите, что я отважился написать вам. Но знак расположения, который вы некогда подарили, придает мне смелости, заставляя забыть о моем скромном положении. Ваша светлость, я наблюдаю за вашими успехами с искренним восхищением, а иногда, признаюсь, и со страхом. Не стану развивать эту мысль. Но теперь вы знаете этих коварных англичан так же хорошо, как и я. Хочу только заверить вас, что в любое время, когда вам понадобится моя помощь, вам стоит лишь отослать мне этот шарф, тринадцать лет лежавший в моем кармане, и я, ни мгновения не колеблясь, поспешу к вам со всей своей мощью, со всеми, что у меня есть, деньгами, со всей своей смелостью и, дерзну сказать, ваша светлость, со всей своей любовью».

Такое письмо была бы рада получить любая женщина, в чьих жилах струится алая кровь. В то же время, будучи в курсе всего происходящего во Франции, я догадалась о многом том, о чем Пьер умолчал в своем письме. Дело в том, что Брезэ уже не был фаворитом Карла. Французский король, как я уже намекала, к старости превратился в самого отъявленного распутника, какой только рождался во Франции; все его интересы сосредоточились на той области женского тела, которая находится между шеей и коленями. Пьер давно уже заметил эту его склонность и сосватал ему свою протеже Аньес Сорель. Не менее находчиво действовал он и после скоропостижной смерти Аньес, тут же заменив ее в королевской постели еще более прекрасной кузиной Антуанеттой де Мэньеле. Но при всей своей привлекательности одна Антуанетта уже не могла удовлетворить все королев-

ские прихоти. Поэтому Карл завел себе целый гарем, и когда умерла Антуанетта, Пьер оказался в немилости.

Он, однако, был не из тех людей, которые легко сдаются. Хотя Пьер и удалился, покинув двор, в свои нормандские поместья, то исключительно для того, чтобы с помощью интриг вернуть себе власть. Знала я и о его переписке с дофином, который по-прежнему скрывался в Бургундии, опасаясь, что при первой попытке вернуться во Францию его арестуют. Полагаю даже, что он проявлял интерес ко мне не столько как к женщине, сколько как к королеве, страшась возрождения английского могущества и, следовательно, возобновления Столетней войны[1], воспоминание о которой, словно кошмар, все еще преследовало французов. Англия во главе с Ричардом Йоркским представляла бы для них куда большую опасность, чем Англия, которой лишь номинально правил злосчастный Генрих, фактически же власть принадлежала его настроенной по-французски жене.

Повторяю, все это я хорошо понимала, и все же при одной только мысли, что такой человек, как Пьер Брезэ, боготворит меня издали и предлагает свою сильную правую руку, у меня начинала кружиться голова. Понимала я и то, что ему уже шестой десяток. Но какое это имело значение? Совсем еще юной девушкой я любила человека на тридцать лет старше меня. Разница в годах между мной и Пьером была не столь велика. К тому же я знала, что он настоящий мужчина, и того важнее — друг, которому можно доверять. А ко всему еще француз.

Я тотчас же ему ответила, рассказав о моем теперешнем более или менее удовлетворительном положении, не забыв упомянуть и об опасениях, что положение это долго не продлится, а следовательно, необходимо

---

[1] Серия войн между Англией и Францией в период с 1337 по 1453 гг.

предупредить действия моих врагов. Пьер немедленно подсказал мне простой план, который, по его уверению, должен увенчаться успехом.

План этот вполне мог быть использован йоркистами против нас; я даже, как вы помните, удивлялась, что они им не воспользовались.

От своих соглядатаев я узнала, что Уорик возвращается в Англию из Кале и как губернатор этого важного соединительного звена между нашими владениями во Франции, единственными оставшимися у нас владениями, должен будет посетить короля в Ковентри. Дабы подстраховаться, я написала Генриху, советуя пригласить графа к себе, чтобы выслушать его рассказ о великом триумфе на море и вручить ему заслуженную награду.

Уорик сразу же клюнул на мою приманку. Как я и ожидала, он прибыл с большой свитой. Но у короля была еще большая свита, разумеется, никто не ожидал никаких инцидентов, но на всякий случай солдаты были на месте. А в толпе затерялся мой agent provocateur.

Как звали малого, посланного мне Брезэ, не имеет существенного значения. Это был преступник, осужденный на смерть, который взялся исполнить поручение, чтобы спасти свою жену и детей от гнева Пьера. Широкий плащ скрывал его одежды, но когда граф приблизился к королевской резиденции, он сбросил его с себя и оказался в ливрее графа Уорикского, с легко распознаваемым значком, изображающим медведя с суковатой палкой. Обнажив меч, он напал на королевских солдат с криками: «Вперед! За графа Уорикского! Бейте их! Бейте!»

Я наблюдала за происходящим из окна на верхнем этаже. Моя затея удалась. Несчастный преступник, конечно, был убит, прежде чем смог нанести какой-нибудь вред, но волнение, вызванное его нападением, овладело толпой; вооруженные солдаты и приверженцы короля стали теснить свиту графа, а сам Уорик, видя

численное превосходство нападающих, а потому стараясь избежать стычки, удалился, призвав свиту последовать за собой. Люди графа торопливо повиновались его воле, и таким образом был предотвращен массовый бунт. Но я добилась того, чего хотела. Уорик бежал в Кале, а его сторонники пребывали в смятении. Глубоко возмущенный этой, как он считал, попыткой государственного переворота, Генрих немедленно созвал парламент. Возмущены были и милейшие члены палаты общин, ведь они более чем кто-либо другой верили в великое примирение, а потому потребовали, чтобы Уорик предстал перед ними и объяснил свое поведение. Надеяться на то, что граф повинуется их требованию, не приходилось, и хотя я прилагала все усилия, чтобы укрепить решимость короля, они так и не пришли к единому мнению относительно того, что же следует предпринять.

Однако, пока симпатии парламентариев оставались на стороне короля, а значит, и королевы, я добилась, чтобы весь доход от герцогства Корнуэллского, которое было владением принца Уэльского, поступал в распоряжение принца... стало быть, в мое собственное. Впервые в своей жизни я почувствовала себя платежеспособной. Теперь я могла сосредоточить все свое внимание на борьбе с йоркистами.

Однако первый ход в этой игре сделали они. В начале лета я, взяв с собой принца, по обыкновению отправилась в его графство Честер, почти единственное место во всем королевстве, где меня всегда радостно приветствовали. И на этот раз, чтобы встретить меня, собрались несколько тысяч человек. Разумеется, я была предупреждена об ожидающем меня приеме и, получив первый же доход от герцогства Корнуэллского, приказала изготовить множество маленьких серебряных лебедей, которые были выбраны принцем, точнее говоря мной, как его эмблема, его значок. И вот теперь пятилетний Эдуард, славный, крепкий мальчуган, сопровождаемый мной, подошел к собравшимся людям и стал

раздавать им этих лебедей. Расходы пришлось понести значительные, но я утешала себя мыслью, что они не напрасны, ибо, когда мы закончили, честерцы долго, до хрипоты, приветствовали нас громкими криками, затем их старейшины собрались вокруг принца и меня и поклялись, что готовы умереть за нас. По крайней мере, за меня.

Я уже подумывала, не направиться ли мне с моей армией на юго-восток, к Лондону. Я могла собрать десять тысяч солдат, это целое войско, и хотя знала, что не смогу удерживать город в течение неопределенно долгого времени, но чувствовала, что этим нахальным лондонским подмастерьям было бы полезно убедиться, что с их королевой не приходится шутить. А если в этом удостоверятся еще и лорды, тем лучше.

Возможно, слухи о моих воинственных намерениях достигли ушей йоркистов. Солсбери, во всяком случае, сильно переживал за своего сына, ибо Уорик, под страхом ареста, не смел даже показаться в Англии, однако, несомненно, засыпáл своего отца и дядю письмами с просьбами вступиться за него. Как бы то ни было, в сентябре я выехала из Чешира и уже достигла Экслхолла в Стаффордшире, когда узнала, что кузен Ричард собирает и вооружает своих сподвижников в Йоркшире, а также, что граф Уорик собирается вернуться из Кале, заручившись, очевидно, обещаниями поддержки со стороны своих родственников.

Пришло и еще более срочное донесение. Отец Уорика, Солсбери, уже выступил с пятитысячной армией в направлении Ладлоу, где к нему должен примкнуть его родственник.

Я подумала, что их дерзкий замысел мне на руку, ибо мое войско уже собрано, мы находимся в выгодном положении, будучи ближе к армии Солсбери, чем к армии Йорка; соединившись, их армии могли бы оказаться для нас достойным противником, но каждую из них в отдельности мы вдвое превосходим численностью. Мы располагали достаточным временем,

чтобы нанести смертельный удар каждой из этих армий и даже успеть остановить Уорика, если он посмеет высадиться на сушу.

А самое лучшее — Генрих, Букингем и архиепископ Буршье с их навязчивой идеей о примирении были далеко. Лично командуя своей армией, я могла выбирать любые меры, какие сочту нужными. Поэтому повелела моему главнокомандующему, Джеймсу Туше, пятому барону Одли, немедленно выступить против Солсбери и разгромить его армию. Я знала, что у нас значительное численное превосходство, однако все же отправила письмо жившему поблизости лорду Стэнли, повелевая ему вместе со всеми своими людьми поспешить мне на подмогу. Кое-кто порицал меня за это, считая, что я, видимо, не знала, что Стэнли был зятем Солсбери. Естественно, я это знала. И естественно, не нуждалась в его помощи. Но меня осенила мысль, что хорошо бы раз и навсегда выяснить, на чьей стороне Стэнли. Оказалось, однако, что выяснить, за кого Стэнли, отнюдь не простое дело; этот хитрец ответил, будто направляется ко мне со всеми своими людьми, но не тронулся с места.

Как я уже сказала, я была заинтересована только в одном: удостовериться, что он мой враг. Мы с принцем ехали вместе с армией. Вечером 22 сентября 1459 года в местности, которая называется Блор-Хит, в пятидесяти милях юго-восточнее Честера, мы достигли берега реки и на другом ее берегу увидели шатры и знамена армии Солсбери.

— Они у нас в руках, — объявил Одли.

— Мы нападем на них прямо сейчас?

— Нет, нет, ваша светлость. Подождем, пока рассветет.

— А не уйдут ли они ночью? — спросила я.

— Нет, ваша светлость. Граф Солсбери не такой трус, чтобы бежать, — заверил меня старый солдат.

Оставалось только надеяться, что он окажется прав, но я провела бессонную ночь и еще до рас-

света была на ногах. Все кругом готовились к предстоящему сражению; мне доставляло удовольствие слышать позвякивание доспехов, бряцание мечей и звон натянутой тетивы луков. Я сожалела, что у меня нет с собой доспехов. Свои подобающие королеве доспехи я оставила в Ковентри, так как не предполагала скорого начала военных действий. Во всяком случае, не думаю, что смогла бы ими воспользоваться, ибо Одли оказался типичным мужчиной.

— Никто не ожидает, что вы, ваша светлость, сами возьметесь за меч, — объяснил он с полной серьезностью. — К тому же забота о вашей безопасности могла бы сковать действия моих рыцарей. И я думаю, — добавил он, видя, что я намерена оспорить его утверждение, — сейчас не требуются особые полководческие таланты. Мы здесь, они там. Дело проще простого. Если они не подойдут к нам, мы сами пойдем к ним. Но послушайте... в этой деревне есть удачно расположенная церковь. — Он показал пальцем. — Если вы поднимете на колокольню, то сможете видеть весь ход сражения. И я клянусь вам, ваша светлость, что приведу пленного графа Солсбери. Или принесу его голову.

Обо мне говорили, будто я самая кровожадная женщина, которая когда-либо жила на земле. Это низкая клевета. Не думаю, однако, что меня можно осуждать за ненависть к человеку, который вместе со своей женой был моим противником с первой нашей встречи, чей сын разгромил армию моего мужа, и на ком лежит ответственность за смерть моего дорогого Эдмунда. Теперь он поднял оружие против своего законного короля, и если б был взят живым, то как изменник заслуживал смертной казни. Поэтому я кивнула и сказала:

— Я буду рада видеть его голову, милорд.

В действительности я предлагала графу свое милосердие.

Я поднялась на колокольню вместе со своим эскортом и, конечно же, с принцем. Своих фрейлин я еще ранее отправила в безопасное место. Будь со мной Белла, я взяла бы ее с собой, но на время своего пребывания в Чешире, я отпустила ее к мужу. Таким образом я и в самом деле была королевой львов; увы, все львы приняли сторону моих врагов. Заняв свой наблюдательный пункт, я увидела, как на доспехах моих воинов горит сентябрьское солнце. Тем временем йоркисты подошли к берегу реки. Они злобно смотрели на солдат Одли, без сомнения выкрикивая угрозы и проклятия. Наши солдаты непоколебимо стояли на берегу реки, ожидая нападения врага; они занимали выгодную позицию, ибо, чтобы напасть на них, нашим врагам требовалось пересечь реку и подняться на более крутой с нашей стороны берег. Йоркисты, однако, отлично это понимали и, обменявшись с нашими солдатами ругательствами и немногочисленными стрелами, возвратились в своей лагерь и стали сворачивать шатры, приготавливаясь, видимо, к отступлению.

Именно такого развития событий я и опасалась, хотя для меня и оставалось тайной, почему они не осуществили этого своего намерения ночью. Вскоре все стало ясно: эти подлые хитрецы отнюдь и не помышляли об отступлении. Солсбери правильно рассчитал, что Одли сам пересечет реку, только бы его не упустить. Мои бесстрашные честерцы спустились со своего крутого берега в воду, пересекли реку и стали выбираться на противоположный берег. Естественно, что переправа внесла в наши ряды беспорядок. Поднимая фонтаны брызг, солдаты спотыкались и падали в воду, скользили по земле, роняли в суматохе мечи и луки; кони ржали, взвиваясь на дыбы, с них с грохотом и лязгом валились благородные рыцари в полном боевом снаряжении. Я с ужасом видела, как моя армия стремительно превращается в беспорядочную толпу.

Солсбери также это заметил. Его люди только притворялись, будто сворачивают лагерь, на самом же деле дожидались своего часа. Теперь они стройными рядами подошли ближе, их лучники пустили ливень стрел, посеяв еще большую панику среди моих солдат, и прежде чем я успела опомниться, ланкастерцы обратились в бегство.

— Ваша светлость! — вскричал один из сопровождающих, схватив меня за руку. — Мы должны покинуть это место.

Я вырвалась и со всей быстротой, какую позволяли мои юбки, сбежала вниз по лестнице.

— Мы должны их остановить.

— Ваша светлость, — он догнал меня и снова схватил за руку, — вы что, хотите попасть в руки йоркистов?

Я призадумалась.

— А что станет с принцем? — продолжал этот плут, очевидно куда более озабоченный своей собственной безопасностью, нежели моей. — Вы должны подумать прежде всего о нем. Ваша светлость, мы проиграли это сражение. Но есть еще многое, ради чего необходимо продолжать войну.

Я позволила посадить себя на лошадь и увести прочь. Принц Эдуард был со мной. На сердце давила непереносимая тяжесть. Первая же моя попытка командовать войсками окончилась полным крахом, однако несколько утешала мысль, что не я определяла тактику битвы. Одли же искупил свою беспомощность, пав смертью храбрых.

Эта битва, несомненно, оказалась тактическим поражением. Что, как ни странно, не помешало ей обернуться стратегическим триумфом. К этому времени известие о восстании йоркистов, естественно, достигло короля, и Букингем уже стягивал королевские войска. И он и Генрих были поражены, когда я вдруг появи-

лась, измученная трудной дорогой, чтобы сообщить о нашем поражении, а следом за мной пришли новые дурные вести: Йорк объединился с графом Солсбери, а Уорик был уже в Англии и спешил к ним. Нам противостояли грозные силы, и казалось, их не одолеть.

Но с нами был Уэйнфлит. Этот неистощимого ума человек уже не в первый раз пришел нам на выручку. Известие о восстании, по его совету, было распространено по всему югу, а вместе с ним и рассказ о том, как йоркистские волки, которые сеют вокруг себя насилие и смерть, гонялись за несчастной королевой и ее эскортом. Этот веселенький рассказ, который никто не мог опровергнуть, так как Одли был мертв, а остальные мои люди бежали к себе домой, в Чешир, произвел сильнейший эффект. Не скажу, чтобы я стала более популярной у черни, но простолюдины, видимо, считали, что если кто-нибудь и имеет право насиловать и убивать королеву, то только они сами. Во всяком случае возобладало мнение, что герцог Йоркский зашел слишком далеко, и это убеждение поддерживали агенты Уэйнфлита.

Добрый епископ советовал нам постоянно переезжать с места на место, пытаясь одновременно подкупить йоркистов обещаниями полного прощения, если они покинут своих вождей, вознамерившихся грубо надругаться над королевой. Эти обещания подействовали подобно волшебным заклинаниям, хотя мы и провели довольно беспокойное лето, путешествуя по стране, в то время как Йорк тщетно искал столкновения в надежде достичь нового примирения или уж разделаться с нами раз и навсегда. Все это время агенты Уэйнфлита продолжали действовать, и предводители йоркистов вдруг заметили, что число их сподвижников быстро сокращается, люди разбегаются по домам.

Внезапно все было кончено. Некий военачальник по имени Энтони Троллоуп, ветеран французских войн, человек, которым восхищались солдаты большого отряда, сражавшегося под его знаменем, и который до сих

пор являлся преданным сторонником дела йоркистов, принял сторону короля и привел своих солдат в наш лагерь. Получив мощное подкрепление, да еще во главе с таким опытным воином, мы стали непобедимыми. Йорк бежал в Ирландию, Солсбери и Уорик в Кале, чтобы там хорошенько обдумать свое положение. Мы торжествовали победу.

Было совершенно ясно, что нам следует воспользоваться своим успехом. Генрих быстро созвал парламент, тогда как Уэйнфлит позаботился, чтобы он состоял исключительно из приверженцев Ланкастерского Дома. Это обнадеживало и, по всей видимости, гарантировало легкое проведение благоприятных для нас решений.

И в самом деле парламент, собравшийся 20 ноября в Ковентри, — во всей Англии Лондон оставался единственным городом, все еще поддерживавшим дело йоркистов, — был настроен пророялистски и пошел даже дальше, чем я могла надеяться. Первоначально я добивалась только отзыва Уорика из Кале и замены его верным мне человеком. После сражения в Блор-Хите я также решила, что необходимо принять надлежащие меры, чтобы ослабить позицию Йорка, а именно лишить его возможности по своему желанию собирать свою собственную армию, такие же меры, по моему мнению, следовало принять и в отношении Солсбери. Но парламент постановил объявить вне закона всех лордов-йоркистов, включая и самого кузена Ричарда.

Это означало, что герцога Йоркского и всех его сторонников, оказавшихся вне закона, могли казнить сразу после ареста, а их достояние полностью переходило в собственность короля. Я не поверила своим ушам, когда услышала это, Генрих же удовлетворенно улыбался. Он отнюдь не собирался провести в жизнь постановление парламента, это шло бы вразрез с его

убеждениями. Он только был доволен, что утвердил свою власть.

Я, однако, горела решимостью *осуществить* постановление парламента. В то время я не требовала чьей-либо головы — мне предстояло еще многому научиться, — но, признаюсь, при одной мысли о возможности прибрать к рукам обширные поместья Невиллей, не говоря уже о поместьях самого Йорка, и о том, что я смогу обращаться с Гордячкой Сис и ее невесткой так, словно они прах под моими ногами, у меня начинала кружиться голова. К несчастью, парламент, бурно отреагировав на восстание йоркистов, вернулся к обычной своей бездеятельности, так и не выделив никаких ассигнований на осуществление моих планов; йоркистские твердыни, разумеется, хорошо охранялись, и понадобилась бы целая армия для того, чтобы завладеть ими.

Но, казалось, в скором времени я сумею преодолеть это затруднение. Тогда я еще не сознавала, что мои успехи достигли своего апогея.

Хотя у нас как всегда не хватало денег, мы радостно отпраздновали Рождество в Лестере. Но я уже упорно размышляла, как закрепить наши достижения.

Меня обеспокоил отъезд Коппини из Англии. Само по себе его отсутствие я встретила с облегчением, но, вместо того чтобы вернуться в Италию, он отправился к Солсбери и Уорику в Кале, где, как мы узнали, заявил во всеуслышание, что весьма недоволен всем происходящим при дворе короля Генриха. Скажите, пожалуйста! На самом деле он имел в виду, что недоволен мною, ибо я презрительно третировала его. Он высказал также предположение, что именно мы несем ответственность за столкновение, которое имело своим следствием объявление лордов-йоркистов вне закона. Для этого у него, естественно, имелись весомые основания. Так как он не располагал

никакими доказательствами, мы могли себе позволить проигнорировать это его заявление.

Но то, что папский легат, который, вероятно, мог повлиять на мнение своего хозяина, открыто встал на сторону наших врагов, не могло не вызывать тревоги.

В тот момент, однако, казалось, что все идет хорошо. В начале рокового 1460 года Генрих отправился в Лондон и на юг, в очередное паломничество по своим излюбленным монастырям. Я оставалась в Ковентри, среди друзей, намереваясь, как только улучшится погода, вернуться в Чешир, чтобы повидать моих верных солдат и помочь им преодолеть уныние, вызванное поражением в Блор-Хите. Я собиралась выехать в начале июня, но получила от Генриха письмо, в котором он просил меня задержаться на некоторое время, ибо предполагал приехать в Ковентри. Естественно, я согласилась. Между королем и мной установились очень ровные отношения. Мы были мужем и женой; как его жена, я проявила себя способной и решительной защитницей его королевской власти, к тому же была матерью престолонаследника, родившегося, как он считал, благодаря его усилиям на супружеском ложе, большего он от меня и не требовал. Мы давно уже не спали вместе, но когда оказывались под одной крышей, он всегда выкраивал час, чтобы побыть с принцем и со мною. Вместе с Беллой и Байи, а нередко к нам присоединялись Уэйнфлит и Генри Сомерсет, мы составляли приятную небольшую компанию.

Генрих никогда не посягал на мое уединение; в этом отношении он оказался мне менее близок, чем был бы родной брат. Он понятия не имел ни о моей переписке с Брезэ, ни о каких-либо других шагах, которые я предпринимала для упрочения королевской власти. Разумеется, он знал о моем присутствии при сражении в Блор-Хите и иногда укорял меня за то, что я занимаюсь мужскими делами, но всегда ласковым, дружеским

тоном. Если бы в нашей жизни не было никаких потрясений, мы, вероятно, вместе спокойно достигли бы старости, как многие другие семейные пары, которые давно уже преодолели порывы страсти... или, может быть, как и мы, никогда не знали взаимной страсти. Трудно сказать, смогла бы я играть столь пассивную роль на протяжении всей своей оставшейся жизни. Возможно, и сумела бы принудить себя к этому, довольствуясь наблюдением за тем, как мужает мой сын, а впоследствии деля с ним радость коронации и царствования. Но этому не суждено было сбыться.

Я не заслуживаю порицания за то, что старалась навсегда укрепить нашу с таким трудом завоеванную власть. Парламент, сдается мне, поступил не слишком-то честно, проголосовав за объявление вне закона вождей йоркистов, но не выделив необходимых средств для того, чтобы завладеть их землями и замками. Было очевидно, что палата общин, стремясь продемонстрировать свою лояльность королю, отнюдь не хотела, чтобы король стал достаточно независим и богат и более в ней не нуждался. Но так как палата общин могла не опасаться, что король употребит излишек богатств на что-либо, кроме строительства еще нескольких церквей и школ, можно заключить, что если парламентарии и питали какие-то подозрения, то только относительно меня.

Я вынесла все это хладнокровно, уверенная в прочности моей позиции. Мы с Генрихом провели несколько приятных недель в Ковентри; затем он уехал. Уехала и я, сделав первую свою остановку в Эклсхолле, что в графстве Стаффордшир, откуда в прошлом году я выступила против Солсбери, нисколько не сомневаясь, что мне окажут там радушный прием.

Я прибыла туда 28 июня и тут же получила известие, что за два дня до этого Уорик и Солсбери высадились в Кенте. Сообщение было тревожное, ибо именно жители Кента своим восстанием в 1450 году положили начало распространившейся впоследствии

смуте. Это было ровно десять лет назад. Сейчас они снова взялись за старое, но с гораздо более грозным вождем, чем Джек Кейд, даже с двумя вождями.

Естественно, я тут же отправила гонцов к королю и Букингему, спрашивая их, что они намерены предпринять, чтобы подавить это новое восстание. Но прежде чем я получила от них ответ, пришли еще более скверные известия. 2 июля, всего через шесть дней после высадки, Уорик и Солсбери были уже в Лондоне, где им оказали самый теплый прием. Оттуда с большой армией они начали поход на север.

После того как Лондон очутился в кармане у йоркистов, мы оказались в труднейшем за все царствование Генриха VI положении.

Глава 10

Генрих и Букингем знали о выступивших против них силах и, обосновавшись в Нортгемптоне, собрали свою собственную армию. Туда приехали и мы с принцем Эдуардом. Должна сказать, что осталась очень горда оказанным нам приемом: солдаты неистово выкрикивали «ура», рыцари с обнаженными головами стояли на коленях. Кругом были алые розы, и уверена, что, если бы в этот момент злосчастный Уорик напал на нас со своим полчищем, их бы просто разорвали на куски.

Мысленно я уже готовила такую участь этому негодяю. Я знала, что он замышляет, и знала ему истинную цену: в моих глазах он был полным ничтожеством. Я также знала, что его отец все еще задерживается около Тауэра, а Ричард Йоркский, самый лучший солдат из этой троицы, еще не успел подойти. На этот раз я была полна решимости не допустить, чтобы «маленькую женщину» отодвинули в сторону. Слишком часто я позволяла себя третировать в прошлом и не собиралась повторять подобной ошибки.

Муж принял меня со своей обычной опасливой учтивостью, Букингем — с искренней радостью, явно довольный, что мое присутствие подняло боевой дух войск. Не услышала я даже малейших возражений, когда потребовала, чтобы передо мной расстелили карту и обозначили на ней предполагаемые позиции наших врагов. Сведения о местопребывании Уорика и расположении его войск были немедленно подтверждены: прибыл епископ Солсбери, занявший место несчастного Аскью, который сочетал браком нас с Генрихом и впоследствии был убит повстанцами Кейда, с просьбой о проведении переговоров. Эту просьбу мы сразу же отвергли, и епископ уехал. Но мы поняли, что Уорик и его солдаты находятся всего в нескольких милях от нас, в направлении Лондона.

Я взяла командование в свои руки. Перед нами лежала речушка Нен. На первый взгляд не слишком трудное препятствие, но я очень хорошо помнила, к каким пагубным последствиям привела переправа моих войск через реку в Блор-Хите, на виду у врага, и не хотела повторения этого злосчастного эпизода, тем более что на сей раз мы, а не наши враги, имели на вооружении смертоносные бомбарды, ибо Букингем приложил все усилия, чтобы вооружить королевскую армию лучше любой другой.

Я приказала перейти через речку. К вечеру 17 июля армия переправилась на противоположный берег; мы разбили шатры и стали ожидать рассвета. Но я нервничала, что вполне естественно перед битвой, и так как Генрих был, очевидно, намерен провести весь вечер на коленях, молясь о победе, решила пойти к своим верным львам и поговорить с ними.

Солдаты как раз собирались приняться за ужин, когда я прибыла к ним пешком, сопровождаемая только моей дорогой Беллой, сэром Джоном Фортескью и принцем. Они разразились радостными криками и собрались вокруг меня, один лучник даже предложил мне куриную ножку, которую я изволи-

ла пожевать, запив кружкой эля. Подкрепившись, я улыбнулась им.

— Завтра у нас будет много дел.

Они ответили мне еще более громкими криками, и, подбодренная, я произнесла целую речь. Я заверила их, что в моих жилах течет кровь доблестных королей — не их, разумеется, королей, но я не вдавалась в подробности, — и что я готова разделить с ними и все опасности, и победу. Я напомнила им, что они будут сражаться не только за сына Великого Гарри, но и за сына его сына, — при этих словах Фортескью посадил принца себе на плечи, чтобы все могли видеть своего будущего короля. От их боевых криков, казалось, содрогнулось небо, заколотились сердца йоркистов, блуждающих где-то в ночи.

Могу теперь признаться, что поступила тогда опрометчиво. Но в то время мне показалось необходимым и весьма заманчивым поднять боевой дух солдат. Произнести речь меня подвигнул опыт великих полководцев прошлого, о которых я знала из книг, и прежде всего достойного восхищения Юлия Цезаря. Не стану скрывать, меня как женщину привлекали не только и не столько воинские доблести великого римлянина, сколько некоторые другие его качества, о которых мы знаем даже по прошествии многих веков. (Впрочем, будь я мужчиной, меня все равно бы восхищала широта его взглядов на отношения между полами.)

Так вот, перед тем как начать сражение, Цезарь всегда обращался с речью к своим легионерам. Так же поступала и Будикка, хотя в конце концов она и оказалась менее удачливой. И оба они, восславляя любовь к отечеству, верность и отвагу, как это сделала я, не забывали посулить в случае победы большое богатство.

Чтобы вселить в моих верных львов неукротимое желание одержать верх в предстоящей битве, я сочла нужным прибегнуть к подобным же посулам. Но зная, что мы располагаем лишь весьма скудными средства-

ми, я не могла обещать им щедрое вознаграждение. К тому же я прикинула, что их вряд ли обогатит разграбление лагеря Уорика; быстро совершая длинный переход, он вряд ли имел при себе что-либо действительно ценное, и его сундук с сокровищами наверняка остался у отца в Лондоне.

Лондон! Когда я вспоминаю о том, сколько неприятностей и бед причинили мне эти подмастерья, как открыто они выступали в поддержку йоркистов, как забрасывали меня грязью и обвиняли в супружеской измене!..

— Победите в завтрашнем сражении, — сказала я жадно слушавшим меня солдатам, — и перед вами откроется дорога на Лондон. Более того, я обещаю вам, что мы снесем стены этого оплота предателей, а затем я отдам его в полную вашу власть. Лондон, мои друзья, мои верноподданные, мои львы! Вот трофей, который сделает вас такими же богатыми, как Крез.

Как радостно откликнулись они на мой призыв! А я тем временем думала, что Будикка сулила своим воинам не меньшие богатства и выполняла обещания! Но эти слова впоследствии мучительно преследовали меня.

Пока же я была вполне довольна собой. Я знала, что если только Небеса не ополчатся против нас, а принимая во внимание, что Генрих всю ночь молился рядом со мной, в своем шатре, это казалось почти невероятным, мы должны одержать победу. Но как я уже упоминала, трудно сказать, на чьей стороне окажутся Небеса. У меня, можно сказать, был спрятан туз в рукаве; сознавая свои грехи, я знала, что и Уорик не менее грешен, чем я, стало быть, мы уравновешивали друг друга, а значит, и победа и слава по праву должны достаться Генриху.

Но кто может сказать, что происходит за облаками? Откуда нам знать, какой негодяй успел уже протолкаться сквозь толпу святых к самому Господу и стоит по правую от Него руку, что-то нашептывая Ему на ухо? Нам говорят, что с физической смертью человек

не умирает. Возможно, там находится Ричард II, который настаивает, чтобы Господь покончил с узурпаторским правлением Ланкастерского Дома. Возможно также, Папа Евгений напоминает Всемогущему, что Генрих однажды посмел противиться Его воле. Конечно, и у нас найдутся там не менее способные и ревностные защитники: не сомневаюсь, что кардинал Бофор со всей решительностью высказался бы за нас. Но дядя Генри обычно вставал поздно, а 18 июля 1460 года мы встали рано. Может быть, слишком рано для него.

Однако, проснувшись в тот день перед самым рассветом, я не испытывала ни малейшего опасения. Генрих наконец-то уснул, и пока Белла надевала на меня мои латы, я не будила его. Панцирь и легкий шлем, какие носят рядовые солдаты, представляющий собой нечто вроде перевернутой суповой миски, но с козырьком, чтобы прикрывать глаза от солнца, — таково было мое боевое облачение. Разумеется, я отнюдь не намеревалась принять личное участие в схватке — слишком уж для этого мала — и, конечно, не хотела надевать бриджи или поножи, дабы враги не приняли меня за вторую Жанну д'Арк и не сочли ведьмой, хотя непонятно, почему я так беспокоилась, ведь меня и так уже обзывали всеми мыслимыми бранными словами.

Облачившись в панцирь и шлем, я расположила войска в соответствии со своим планом. Бомбарды я собрала все вместе, приказав установить по обе стороны дороги, по которой должен был подойти Уорик; я предполагала, что именно здесь окажется центр битвы. Военачальники не сочли такое размещение артиллерии разумным, потому что оно никогда прежде не применялось, а все военные — люди консервативные, но я не хотела слышать никаких возражений.

— Уорик почти наверняка будет в самой середине, — объяснила я Букингему. — Мы должны засыпать его и его войска ядрами, а затем двинуться вперед, и не так уж важно, что будет происходить на флангах.

Он неопределенно покачал головой, но я по-прежнему не отмела какие-либо возражения. После того как бомбарды заняли боевые позиции, я, принц и Белла — ее муж командовал одним из наших подразделений — прошли вдоль всего фронта ланкастерцев, обмениваясь словами со всеми, с кем только могли, и наслаждаясь криками «ура». И тут вдалеке появился лес знамен, и мы поняли, что это йоркисты. Букингем мгновенно превратился в сгусток мужской энергии.

— А теперь отойдите в тыл, ваша светлость, — взмолился он. — Дело предстоит мужское.

— Хорошо, удалюсь, — согласилась я, — но только вон на тот пригорок, откуда намерена командовать сражением. Наблюдайте за моими сигналами. Один взмах флагом означает: «Произведите залп из бомбард», два взмаха флагом: «Армия начинает продвижение вперед». Понятно?

— Да, ваша светлость. А три взмаха флагом будут означать: «Начинайте отступление».

— Отступления не будет, милорд герцог, — заверила я. — Где король?

— В своем шатре, ваша светлость.

Мы оба остались довольны его отсутствием, и вместе с принцем Эдуардом, Беллой и сэром Джоном Фортескью я отправилась на свой командный пункт. Зрелище, представшее мне, будоражило кровь. Ланкастерская армия была развернута более чем на целую милю, фронтом к югу, вдоль дороги и примыкающих к ней с обеих сторон пастбищ. Простые солдаты держали свои копья наперевес, они были в различных одеждах, без доспехов и только в легких шлемах, таких же, что и на мне. За ними деловито натягивали тетивы наши лучники в коротких кожаных куртках с закатанными рукавами. Поодаль восседали на своих могучих конях, натягивая поводья, чтобы удержать их на месте, рыцари в боевых доспехах, вооруженные большими мечами и пиками. Тут же, в

центре, стояли сгруппированные бомбарды, около них сновали одетые в кожаные шапки и короткие куртки бомбардиры с зажженными лучинами в руках; они уже насыпали порох и вставили круглые каменные ядра в дула своих дьявольских орудий.

Над войском реяли флаги и знамена различных лордов и рыцарей. Я узнала стяги Букингема, Сомерсета, Перси и Эгремона, Шрусбери и Бомонта, Грея Гроуби — при виде его стяга Белла радостно всплеснула руками — и Грея Рэтина. Но, конечно, самое большое знамя — с изображением леопардов — колыхалось над королевским шатром, хотя жаль, что не над какой-либо частью войск. Как я мечтала о наступлении дня, когда мой сын поведет свою армию в сражение под этим знаменем.

Издалека к нам приближались йоркисты — пестрое смешение людей, доспехов и флагов. Они как будто не придерживались определенного боевого порядка, поэтому узнать их знамена, а стало быть, какие лорды там командуют, оказалось невозможно. Еще едва брезжил утренний свет, и я подумала о том, как все это будет выглядеть при свете солнца; но, оглянувшись, я поняла, что в этот день мы навряд ли увидим солнце. На востоке в небе клубились черные тучи, которые, казалось, приближались к нам, тяжелея с каждым мгновением.

— Я принесу наши плащи, ваша светлость, — сказала Белла и спустилась по заднему склону пригорка к поджидавшим там слугам.

Я не испытывала ни малейшего страха перед приближающимся летним ливнем и мысленно прикидывала расстояние между двумя армиями, намереваясь как можно раньше с помощью пушечного залпа внести смятение и беспорядок в ряды Уорика. К тому же в этом случае мои бомбардиры получали возможность перезарядить свои орудия и повторить залп, если йоркисты продолжат продвижение.

Наконец расстояние показалось мне подходящим.

— Махните флагом, сэр Джон, — сказала я Фортескью.

Он повиновался, но этот сигнал не был сразу замечен моими военачальниками, сосредоточенно наблюдавшими за приближающимся противником. Я решила, что надо подождать несколько минут, чтобы Букингем случайно не принял повторный взмах флагом за два взмаха и не отдал еще не назревшее распоряжение о наступлении.

Второй взмах был замечен, и бомбардиры получили приказ открыть огонь. Но в тот момент, когда они собирались это сделать, небеса вдруг разверзлись. Тучи повисли уже у нас над самой головой, и начался ужаснейший потоп, равного которому мне еще не доводилось видеть. Несколько минут я не могла разглядеть собственной армии и за это короткое время успела промокнуть до костей. Оглушенная стуком тяжелых капель о мой шлем, я сняла этот раздражающий стальной предмет, и в тот же миг мои волосы прилипли к голове и шее, а платье облепило тело.

Сказать, что я была раздражена этим неожиданным вмешательством в мои дела, значит, ничего не сказать. Я пришла в ярость, ибо поняла, что какой-то мерзейший покойный йоркист, опередив моих заступников, успел что-то нашептать на ухо Всемогущему. Дождь не только вымочил нас с ног до головы, но и потушил лучины бомбардиров. Ливень продлился не более десяти минут; когда же он закончился, я увидела, как мои бомбардиры в полном смятении смотрят на свои лишь чуть-чуть дымящиеся погасшие лучины.

Дождь, разумеется, намочил и тетивы луков, лишив их смертоносной силы; судьбу сражения, очевидно, должны были решить мечи. Но я все еще не отчаивалась. Хотя Небеса и ополчились против меня, я не распрощалась с намерением победить и хладнокровно ожидала приближения йоркистской армии. Насколько я могла видеть сквозь дымку, поднимавшу-

юся над нашими рядами, не проявляли излишнего беспокойства и мои люди.

Как раз в это время Белла возвратилась с нашими плащами, теперь уже совершенно ненужными, ибо снова сияло солнце, заливая все кругом своим восхитительным светом. Если бы мы имели возможность отложить столкновение хотя бы на час, с тем чтобы подсушить тетивы наших луков и снова зажечь лучины, вряд ли могло быть какое-нибудь сомнение в исходе битвы. Но Уорик, пусть и не блещущий военным гением, отнюдь не был и полным глупцом, а потому, понимая, что настал самый для него благоприятный момент, стремительно повел свою армию вперед.

Столкновение двух закованных в броню армий сопровождалось громким звоном и лязгом, лишь иногда заглушаемым криками сражающихся. Со смешанным чувством ужаса и восхищения, волнения и зависти следила я за ходом сражения: вонзались в живую плоть мечи, звенели щиты, люди с криком падали и их тут же затаптывали, знамена клонились долу и вдруг гордо выпрямлялись. Маленький принц пребывал в таком же возбуждении, как и я, как и Белла, сосредоточенно следившая за флагом мужа. У меня же не было никаких причин беспокоиться за королевское знамя, оно по-прежнему развевалось над шатром, где Генрих, без сомнения, продолжал молиться. Силы были равными, и мои солдаты ни в чем не уступали врагам, отвечая ударом на удар. Я имела все основания верить, что победа будет за нами, если бы через час рукопашного боя Грей Рэтин, да будет его имя навеки проклято, не поступил так, как Троллоуп, только его предательство было направлено не за, а против нас.

Спешу повторить, это был Грей Рэтин, а не доблестный муж моей дорогой Беллы. И я никак не возьму в толк, почему этот мерзавец предал нас.

Троллоуп соблазнился, так по крайней мере он сказал, обещанием полного прощения всем, кто оставит дело йоркистов. Тех, кто предавал дело *короля*, да еще на поле битвы, не могло ждать ничего хорошего, только всеобщее осуждение.

Но что случилось — случилось. Грей Рэтин командовал почти четвертой частью королевской армии. И что еще хуже, видя, что его люди отбрасывают прочь алые розы и во всю глотку вопят: «За Уорика!», оставшиеся на нашей стороне солдаты напряженно ожидали, не обнаружатся ли еще перебежчики. Через какое-то мгновение битва была закончена. Ланкастерцы разбежались в разных направлениях.

Моя небольшая компания на пригорке буквально онемела от ужаса. Все лица повернулись ко мне, но я была еще в большем ужасе, чем другие. Я просто не верила своим глазам. Лично возглавляя армию, да еще вооруженную бомбардами, я не допускала и мысли о поражении. Даже когда мои бомбарды были выведены дождем из строя, я все еще не сомневалась в победе. Но быть преданной каким-то отъявленным подлецом... Именно в этот ужасный момент мой характер, видимо, и приобрел ту твердость стали, которая отличала его впоследствии. Однако я все еще оставалась главнокомандующим, хотя и без армий, которой можно командовать.

— Приведите мою лошадь, — приказала я. — Нужно сплотить наших людей.

— Вы только зря погибнете, ваша светлость, — запротестовал Фортескью. — Сражение проиграно. У вас только одна надежда — спастись бегством.

Я злобно сверкнула на него глазами, затем посмотрела вниз, на равнину. И поняла, что он прав: наша армия подверглась полному разгрому. Кроме того, на мне лежала ответственность за принца, который, как и все остальные, был повергнут в смятение таким печальным исходом битвы.

— Король! — воскликнула я.

— Я позабочусь о короле, ваша светлость, — пообещал Фортескью. Он проводил меня к подножию холма и помог мне с принцем усесться на лошадь.

— Ваша светлость, — попросила Белла. — Умоляю вас, позвольте мне найти мужа.

Я не могла отказать ей, но когда нагнулась с седла, чтобы пожать ей руку и поцеловать в губы, мое сердце наполнилось тягостным предчувствием. До того как разразилась эта катастрофа, мы провели вместе много счастливых часов.

— Береги себя, моя дорогая девочка, — сказала я.

— До свидания, ваша светлость, — ответила она, подняв на меня полные слез глаза.

Наша группа была небольшой: шестеро солдат, две служанки, принц и я сама, да еще полдюжины вьючных лошадей, нагруженных армейской казной. Я опасалась, и не без основания, что Генрих может отдать это важнейшее средство поддержания армии первому же, кто его об этом попросит, поэтому предпочла держать казну при себе. Дальнейшие события, во всяком случае, до некоторой степени подтвердили мои опасения.

Я знала, что нам не следует ехать в Нортгемптон, и единственным безопасным для нас убежищем являются Чешир и Уэльс. Поэтому мы переправились через Нен и устремились на северо-запад. На следующем холме, однако, опустив поводья, я оглянулась, пытаясь отыскать взглядом Фортескью и короля, но так их и не увидела. Зато мне открылось самое печальное зрелище, какое только можно себе представить. Спасая свою жизнь, мои доблестные львы также пытались переправиться через Нен. Но гнавшиеся за ними по пятам йоркисты разили их налево и направо, те же, кому удавалось спастись от меча, тонули в быстрой реке.

— Мы должны спешить, ваша светлость, — поторопил меня начальник моего эскорта Толбойз.

Я кивнула, слишком опечаленная, чтобы хоть что-нибудь сказать, и мы поехали дальше. Встречные изумленно глазели на нас, громко спрашивали об известиях с поля битвы, и никто из них не узнавал свою королеву в той забрызганной грязью женщине, что проезжала мимо них: я сняла шлем и панцирь и закуталась в свой плащ. Не решаясь въехать в город, мы купили еды и расположились на ночлег в пустынной роще, надеясь, что Фортескью сможет отыскать наш след. Хотя одежда на спине и подсохла, но неприятно терлась о тело заскорузлыми складками, и не было никакой возможности снять ее или почистить.

Мы с Эдуардом тесно прижимались друг к другу.

— Мы побьем йоркистов в следующий раз, мама? — спросил он.

— Конечно, — уверила я.

— Когда я стану королем, отрублю им всем головы, — заявил он.

— Конечно, мой дорогой. — В тот миг я была совершенно с ним согласна, но даже я не понимала, как глубоко наше положение ранило этого шестилетнего очевидца происходящих вокруг него событий.

Задремала я только под самое утро, но меня тут же разбудил стук копыт. Охранявшие меня солдаты тотчас вскочили на ноги, опасаясь самого худшего. Но в наш небольшой лагерь въехал один из пажей Фортескью, четырнадцатилетний юноша по имени Джон Комб, и, соскочив с лошади, бросился к моим ногам.

— Ваша светлость, — прорыдал он, — о, ваша светлость!..

Схватив за руки, я подняла его.

— Что с королем?

— Взят в плен, ваша светлость.

Я глотнула воздух.

— А сэр Джон Фортескью?

— Взят в плен, ваша светлость.

— Герцог Букингемский?

— Убит на поле сражения, ваша светлость.

Я не могла поверить своим ушам.

— Граф Шрусбери?

— Пал на поле сражения, ваша светлость.

— Лорд Перси?

— Убит, ваша светлость, так же, как лорд Эгремон и виконт Бомонт.

Все поплыло у меня перед глазами.

— Спасся ли хоть кто-нибудь из моих лордов?

— Джон Грей Гроуби, ваша светлость.

— Слава тебе, Господи.

— И герцог Сомерсет.

— Сомерсет? — Во мгле сверкнула искорка надежды; из-за Беллы я порадовалась, что Грей спасся, но он не был видным военачальником, строго говоря, не был даже аристократом, всего-навсего младший сын рыцаря, еще даже не прошедший обряда посвящения. Пусть Генри Сомерсет и молод, он будет следующим главнокомандующим моей армией.

— Где он?

— Не знаю, ваша светлость. Кто-то видел, как герцог и лорд Клиффорд в сопровождении небольшого эскорта направляются на запад.

— На запад? — повторила я с некоторым удовлетворением. Мы встретимся в Уэльсе и соберем новую армию, но нужно добраться до места. Что до короля... Я чувствовала очень мало сочувствия к человеку, который на коленях молится в шатре, в то время как его подданные, и мужчины и женщины, готовятся умереть за него и зачастую в самом деле умирают. Я предположила, что, по обычаю англичан, Генрих будет казнен, и только надеялась, что казнь его окажется не слишком мучительной или унизительной.

Но если мой муж мертв, это означает, что мой сын — король!

Разумеется, было невозможно скрыть ужасные известия, принесенные молодым Комбом, от моих сопровождающих, они все собрались в кружок, чтобы послушать его, и теперь застыли с мрачным ви-

дом. В своем простодушии я полагала, что хмурые взгляды, которыми они обменивались, выражают отчаяние. Я была еще совсем дитя в своем понимании низости человеческой натуры и даже попыталась подбодрить их.

— Поехали, — сказала я. — И побыстрее, чтобы эти ужасные йоркисты не смогли нас догнать. Как только мы окажемся в Уэльсе, все переменится к лучшему.

На этот раз они обменялись несколько недоверчивыми взглядами, но все же свернули лагерь, и мы все, небольшая беззащитная группа, сели на коней. Я решила сначала направиться в Экслхолл в Стаффордшире, где рассчитывала встретить радушный прием и где оставила толстушку Байи и остальных моих фрейлин, когда уехала на войну. К несчастью, йоркисты хорошо знали, что я бежала из Нортгемптона, не хуже они понимали, что именно я была той реальной движущей силой, которая определяла поступки и желания короля. Это было лестно для меня, но одновременно и опасно, потому что йоркисты чувствовали: если им удастся добиться моего пленения, а еще лучше смерти, то позиции их сильно укрепятся. Им было также известно, что у меня есть дом в Экслхолле и что я, возможно, заеду туда по пути в Уэльс, где только и могла рассчитывать на поддержку.

Я, разумеется, хотела оказаться как можно быстрее в своем уютном доме, где могла бы сменить одежду, сытно поесть и принять горячую ванну. На следующий день, когда мы ехали по большаку около Малпаса, сознавая, что Экслхолл уже совсем рядом, на расстоянии одного дневного перехода, неожиданно увидели перед собой группу всадников. Они, очевидно, патрулировали дорогу и, увидев нас, поскакали в нашем направлении.

Неисправимая оптимистка по натуре, я предположила вначале, что это ланкастерцы. Но молодой Комб узнал их.

— Это флаг лорда Стэнли, ваша светлость.

Я колебалась всего миг. Стэнли, я уже писала об этом, был родственником Солсбери, и перед битвой в Блор-Хите я обращалась к нему за помощью. Не приходилось сомневаться, что он снова предаст меня, точнее говоря, передаст своему тестю. Этого следовало во что бы то ни было избежать.

— Вперед, — прокричала я, — на юг! Добрый Толбойз, прикройте нас с тыла.

Толбойз, видимо, инстинктивно исполнил мое приказание. Его солдаты схватили луки и пустили несколько стрел в йоркистов, что явно поколебало их решимость. Позднее я узнала, что этими людьми командовал не сам Стэнли, а один из его слуг, человек по имени Джон Клиджер, поэтому они и не проявили той решимости, какую, возможно, проявили бы, следи за ними их господин. Во всяком случае, после короткой схватки они развернули лошадей и ускакали. Мы мчались во весь опор, пока наши лошади не выдохлись. Эдуард, чтобы не упасть, крепко держал меня за талию. Затем, натянув поводья, мы стали поджидать Толбойза, который прибыл, сопровождаемый лишь четырьмя людьми.

— Вы мужественно сражались, Толбойз, — сказала я, удостоив его одной из самых обворожительных моих улыбок, которые внушали пылкое желание даже последним из людей.

Однако он находился в неподходящем настроении, чтобы слушать похвалы, даже от прекрасной женщины, которая к тому же была его королевой.

— Гарри Браун убит, — сказал он.

— Очень жаль, — посочувствовала я.

— Он был моим другом и вот теперь убит.

— Вы можете быть уверены, что он пал за правое дело, — резко парировала я.

Мои слова отнюдь не утешили его, и мы продолжали наш путь в мрачном молчании, чтобы, как обычно, разбить наш лагерь вдали от человеческого жилья.

— Выше голову, — сказала я, — завтра мы будем в Экслхолле.

— И что нас там ждет, ваша светлость? — спросила одна из двух сопровождавших меня женщин.

— Друзья, надежное прибежище, тепло...

— Если только йоркисты не опередили нас, — заметил Толбойз.

— В таком случае мы пробьемся сквозь них, — сказала я как можно более уверенным тоном. — И направимся в Уэльс, где будем в полной безопасности.

— И некоторые из нас будут убиты, — проворчал он. — Ради чего, спрашивается?

— Ради чего? — вскричала я. — Чтобы сохранить жизнь своей королевы. И своего короля, — добавила я, гладя волосы Эдуарда.

Мои люди — я употребляю слово «мои» условно — вновь обменялись взглядами. Затем Толбойз сказал:

— Если король в самом деле пленен и низложен, вы уже не наша королева.

От меня не ускользнуло, что он говорит со мной без должного уважения.

— Никто не может низложить короля, кроме Папы, — заявила я, выражая скорее надежду, чем уверенность. — Если вы опасаетесь, что его светлость убит, то и я тоже. Но в этом случае перед вами ваш король и вам следует оказывать должное почтение его светлости.

Снова колебания и обмен взглядами.

— Он не король, — пробормотал кто-то.

Я посмотрела на них в упор.

— Стало быть, вы, как и Грей Рэтин, изменники? — спросила я, отказываясь поддаться опасению, что мы с Эдуардом, возможно, доживаем последние мгновения нашей жизни.

— Да ладно, — сказал Толбойз, — признайтесь, что это ублюдок Сомерсета. — При этих наглых словах я онемела, тем временем Толбойз понял, что зашел

слишком далеко, чтобы можно было отступить. — Лучше всего покончить с этим, — сказал он.

— Вы же не убьете ее? — спросила одна из служанок.

— Это единственный выход, — настаивал Толбойз.

Будь у меня в руке меч, я пронзила бы его насквозь.

— Я не хочу участвовать в убийстве женщины и мальчика, — сказала служанка. Заметьте, не короля и его матери, а женщины и мальчика.

— А какой еще возможен выход? — сказал один из солдат. — Оставить их здесь одних, без лошадей? Но йоркисты скоро найдут их.

Толбойз окинул меня зловещим взглядом.

— Мы бы с удовольствием позабавились с этой женщиной, — сказал он.

Меня едва не стошнило от отвращения.

— Я не допущу никакого насилия, — твердо возразила служанка. — Она была королевой.

Эта женщина проявляла задатки настоящей мегеры, но я готова была простить ей все... кроме утверждения, что отныне мое королевское достоинство в прошлом.

— Ну что ж, возьмем хотя бы то, что можно, — проворчал Толбойз, берясь за вьюки, где лежали все мои средства.

— А как насчет этих украшений? — спросил один из солдат, подходя ко мне и грубо хватая за руки. Прежде чем я смогла понять, что он собирается сделать, наглец уже стащил с меня кольца, включая и обручальное с замечательным рубином.

Чтобы не отстать от него, другой негодяй схватил меня за корсаж. Я хотела ударить его, но прежде чем успела это сделать, руки мне заломили за спину, порвали ворот моего платья и извлекли наружу золотое распятие, естественно порвав при этом цепочку. Меня, задыхающуюся от гнева и ярости, толкнули, и я упа-

ла. Эдуард попробовал было защитить меня, но сильная затрещина повергла его наземь, рядом со мной; он плакал от ярости.

— Я прикажу отрубить вам головы, — взвизгнул маленький принц, повторив вслух то, о чем я думала, но негодяи, не обращая на него никакого внимания, принялись высыпать содержимое вьюков на землю.

— Вы должны поделиться, и поделиться поровну, — заявила женщина, спасшая меня от насилия. — Дайте-ка мне посмотреть на это кольцо.

— Оно стоит всех остальных вместе взятых, — сказал ей Толбойз.

Разгорелся спор, и в пылу ссоры они совершенно забыли о нашем присутствии. Я поднялась на колени и стала оправлять одежду, когда кто-то рядом шепнул:

— Тсс, ваша светлость.

Это был молодой паж Комб; не принимая никакого участия в грабеже, он держался футах в двадцати от нас, рядом с лошадьми. Я не колебалась, хорошо сознавая, что под угрозой находятся не только наши жизни, но и мое целомудрие, почему бы мне в конце концов не употребить это слово, ведь я до сих пор имела интимные отношения лишь с двумя мужчинами. Я поднялась на ноги, схватила Эдуарда за руку и бросилась к смелому юноше.

— Она убегает, — завопил кто-то, но я уже оказалась возле лошадей. К несчастью, Толбойз велел расседлать их, чтобы дать отдохнуть, а я, конечно, не могла ехать без седла, тем более с Эдуардом.

— Скорее, позади меня! — крикнул Комб. У него был могучий конь, единственный оседланный и взнузданный. Я подсадила Эдуарда, Комб протянул мне руку, и, подобрав юбки, чего не делала со времен девичества, я вскочила в седло, усевшись позади принца. Трудно было себе представить, как трое на одном коне могут ускакать от всадников, но раздумывать было некогда.

Погони, однако, не последовало. Мои верные слуги были заинтересованы не столько в моей особе, сколько в моих деньгах и драгоценностях, к тому же они недостаточно доверяли друг другу, чтобы часть из них могла отправиться в погоню, а другая — остаться сторожить награбленное. Ко всему я еще подозреваю, что никто из них, даже этот верзила Толбойз, не имел достаточно смелости, чтобы убить королеву, поэтому в действительности они были даже рады моему бегству.

Это, естественно, не переменило тех чувств, которые я испытывала по отношению к ним. Я мечтала о том, чтобы их повесили, или, еще лучше, повесили, затем пытали и четвертовали, а самое лучшее колесовали — всех, не исключая даже женщин. Думаю, что Эдуард вполне разделял мои чувства, хотя он и был слишком мал для того, чтобы знать, как жестоко можно пытать и казнить человеческое существо.

Не думаю, что я заслужила порицания за свой гнев, за желание отомстить. Эти люди были моими слугами. Я относилась к ним с неизменной добротой и ожидала, что они с готовностью рискнут своей жизнью ради меня и моего сына, ведь мы тоже готовы были рисковать жизнью ради всего королевства, а стало быть, ради них и тех, кто им дорог. Я всегда старалась, и дала тому уже много примеров, рассматривать каждый вопрос с двух сторон. Я могла бы смириться с тем, что эти люди, прожив рядом со мной несколько лет, были недовольны своим положением и, отчаявшись, решили покинуть меня. Я могла бы если не простить, то хотя бы понять это. Но за то, что они назвали своего короля ублюдком, я бы никогда не смогла их простить. Даже если он и был таковым.

Я могла бы, возможно, понять их намерение убить принца и меня, ведь мертвые хранят молчание. Если бы нас погребли на Вересковой пустоши, то наши тела так никогда бы и не нашли, мы просто исчезли бы во

время своего бегства. В этом преступлении наверняка обвинили бы какую-нибудь банду йоркистов. Что до насилия, которым мне угрожали, то, полагаю, в аналогичной ситуации этим не угрожают разве что какой-нибудь страхолюдине, на которую не польстится самый последний мужчина. Я стойко перенесла бы уготованную мне участь, как вынуждена была сделать это в другом случае.

Но я забегаю вперед. Это я могла тоже бы понять. Но быть так нагло ограбленной, лишиться всего, что я имела, вплоть до моего свадебного кольца... а свадебное кольцо было едва ли не самым драгоценным моим достоянием! Нет, нет, я не стану извиняться за то дьявольское желание отомстить, которое поглощало все мое существо.

Между тем наше положение оказалось опаснее, чем когда-либо. Трое на одной лошади — женщина, юноша и ребенок, — у нас не было никакой надежды: первая же банда йоркистских мародеров, с которой мы столкнемся, захватит нас в плен. Я оставалась прекрасной женщиной, но никто в сложившихся обстоятельствах не заподозрил бы во мне королеву, поэтому любой мужчина непременно подумал бы о насилии — и от него было бы труднее отделаться, чем от Толбойза. К тому же хватало и другого рода трудностей, и не последняя из которых — сидеть на костлявом хребте животного в легком летнем платье. Как только стало ясно, что Толбойз не преследует нас, я соскользнула на землю и пошла пешком, тем более что бедное перегруженное существо могло идти лишь шагом, наравне со мной. И ко всему еще у нас не было никакой еды.

Все это очень удручало мастера Комба, который чувствовал себя ответственным за меня, а это весьма тяжелое бремя для четырнадцатилетнего юноши. Я постаралась убедить его, что он сделал все, что мог бы сделать любой мужчина на его месте, но он продолжал тяжко вздыхать. В своих записках я предельно откро-

венна, поэтому признаюсь, что, когда мы остановились на ночлег, я принялась обдумывать различные способы отвлечь его — а заодно и мои мысли — от нашего бедственного положения и вознаградить юношу за отвагу и верность, но этим и ограничилась. Мы испытывали непереносимую усталость, голод и жажду, к тому же были очень грязны, а все это не способствует желанию; в довершение всего бедный парень благоговел и трепетал передо мной.

Мы провели трудную ночь, терзаемые самыми безутешными мыслями. Но на следующий день в небе сверкало солнце и мы прибыли в Экслхолл.

Мой дом оказался в полнейшем беспорядке. Накануне здесь побывал отряд йоркистов и, не найдя меня, поехал дальше. Таким образом, нет худа без добра: измена Толбойза и вызванная этим задержка спасли меня от пленения. Однако йоркисты могли в любой момент вернуться, поэтому мы наспех перекусили, помылись и переоделись во все чистое, прежде чем отправиться в путь. Вот тогда-то я и предложила Джону Комбу быть моим пажем, и эту честь он с благодарностью принял. Я полагаю, что мы оба думали о будущем, ибо он оказался пригожим малым.

Последовало длительное и трудное путешествие через уэльские горы, прежде чем мы смогли достичь приморской крепости Харлех. Заняло это путешествие более недели и по сравнению с ним наше бегство из Нортгемптона казалось просто увеселительной поездкой. Солдаты из моего эскорта и фрейлины во главе с Байи были полностью мне верными, и, едва достигнув Уэльса, мы оказались среди друзей. Довольно часто нас окликали смелые горцы, вооруженные и бородатые; на этот раз я была в полном облачении королевы, разве чуть-чуть недоставало драгоценностей, и, узнав меня, горцы кричали «ура», падали на колени и клялись, что по первому же моему слову двинутся на Лондон, чтобы спасти короля. Это обнадеживало, хотя я и пребывала в полной растерянности,

ибо не имела ни малейшего понятия, жив или умер мой муж, царствует он или низложен. Никто из горцев этого тоже не знал. Поэтому я стремилась поскорее достичь Харлеха, где и оказалась в конце месяца.

Здесь я нашла Генри Сомерсета, молодого Клиффорда и еще несколько лордов и, конечно, нашего графа Пемброкского, Джаспера Тюдора, который командовал уэльскими войсками и, как и я, очень хотел знать, что произошло с его единокровным братом. Они все, похоже, очень обрадовались, увидев принца и меня. И я тоже была несказанно рада видеть их, хотя утомление и мешало мне в полной мере изъявить свою радость. В тот же день меня свалила болезнь, и я две недели провела в постели, пока силы понемногу возвращались ко мне.

Этот живительный отдых был мне крайне необходим, ибо, едва я поднялась на ноги, как получила известия из Лондона. Даже в самых мрачных кошмарах мне не могло привидеться подобного исхода нортгемптонского поражения.

Генрих и в самом деле был захвачен в плен вместе с Фортескью. И на этот раз повторилась старая история: Генрих отказался покинуть шатер, потому что он король! О судьбе бедного сэра Джона не сообщалось ни слова. Генриха же препроводил в Лондон Уорик, который был вне себя от радости, ибо одержал еще одну великую победу: о нем говорили как о лучшем солдате Европы, если не всего мира. О судьбе короля мы получили противоречивые сведения. Гонцы, прибывшие в Харлех, рассказывали, что на него надели соломенную корону и все лондонцы издевались над ним как могли, а затем его как обычного преступника водворили в Тауэр. Йоркисты же утверждали, будто с ним обращались со всем подобающим уважением, перед ним с обнажен-

ным мечом шел Уорик и что его очень удобно поселили в епископском дворце около собора Святого Павла.

Вообще-то меня не волновало, как с ним обращались, хорошо или плохо, важно было, что он пленник и что он по-прежнему король. И он ни словом не упоминал, что хочет видеть жену и сына. Разумеется, я не поехала бы в Лондон, даже если бы получила такое приглашение; я люблю львов, но не так глупа, чтобы без всякого оружия заходить в их логово.

Хорошенько осмыслив эти новости, я пришла к определенному решению. Какие бы — благоприятные для себя — сведения ни распространяли йоркисты, король — *пленник*. Мы не знаем их планов, но вероятнее всего, они дожидаются подходящего момента, чтобы разделаться с ним и провозгласить королем кузена Ричарда. Поэтому мой святой долг — продолжать борьбу, освободить мужа и восстановить положение Ланкастерского Дома — и моего сына. К тому же в наших делах наметился явный поворот к лучшему. Пока я болела, Джаспер Тюдор отправился в северный Уэльс, где усмирял непослушных, а заодно вербовал для нас солдат. Господь ниспослал ему удачу: в направленном мне письме он сообщил, что захватил крепость Денбё; все сельские жители готовы выступить с оружием в руках, украсив себя алыми розами. Я тут же приняла решение. Мы вместе с Эдуардом отправились в Денбё, где нас и в самом деле встретили радостными приветствиями. Денбё находится недалеко от Чешира, поэтому в один миг в моем распоряжении оказалась армия в несколько тысяч человек, готовых сражаться ради меня. Я чувствовала, что судьба снова благоприятствует мне, и призвала к себе своих военачальников, чтобы разработать необходимые планы, и тут как раз мы получили свежие известия из Лондона.

До сих пор все боевые действия со стороны йоркистов вели Уорик и его отец. Именно Уорик выиграл

битву при Нортгемптоне и с триумфом препроводил Генриха в Лондон. Именно Уорик и Солсбери определили условия содержания короля, и условия, как я поняла, весьма неплохие. Я с досадой узнала, что мой муж, который никогда не хотел охотиться со мной, в превосходном настроении охотится в таких местах, как Элтем и Гринвич. Но последнее слово было не за Уориком и его отцом. Они были лишь исполнителями воли Йорка. И вот кузен Ричард пересек Ирландское море и присоединился к своим сторонникам.

Обо всех последующих событиях, как это обычно бывает с известиями, приходящими издалека, мы получали довольно путаные сообщения. Но все они были неблагоприятными. Ричард имел достаточно много времени, чтобы обо всем поразмыслить, и, видимо, пришел к выводу, что пора действовать со всей решительностью. В этом, кстати сказать, угадывалась рука Гордячки Сис. Как бы там ни было, он повторил свой старый трюк, посетив бедного Генриха в полном боевом снаряжении, с мечом на боку, тем самым доведя моего мужа до состояния нервного шока. Сделать это, разумеется, оказалось не так уж трудно.

Заручившись всеми необходимыми обещаниями Генриха, Йорк, все в том же боевом снаряжении, отправился в парламент, который был созван Солсбери и Уориком, дабы принять все, чего пожелает Йорк. Все, кому случилось прочитать эти строки, вероятно, неплохо представляют себе, какого я мнения о парламентах. Но на этот раз они, к счастью, доказали, что я не права, и сделали это весьма удивительным образом. Герцог Йоркский, в полном, как я уже сказала, боевом снаряжении, вошел в палату и, подойдя к пустому трону, спросил, осмелится ли кто-нибудь отрицать его право занять этот трон. *Этого* никто не осмелился сделать, но парламентариев, готовых удовлетворить требование Йорка, можно было пересчитать по пальцам обеих рук, остальные сидели молча, с каменными лицами и несколько зловещим видом.

Для такого человека, как кузен Ричард, который постоянно сомневался, правильно ли поступает, это было серьезное препятствие. Как нам рассказывали, он побледнел, пробормотал что-то невнятное и покинул палату. Оказавшись снаружи, он снова обрел решимость, к тому же на него наверняка наседали Сис, ее брат и племянник, и необходимое решение было провернуто через совет. Поэтому, хотя я и радовалась, что Йорку не удалось осуществить задуманный государственный переворот, результат оказался не менее для нас убийственным. Решение гласило, что Генрих пожизненно останется королем, тогда как Йорк все это время будет при нем регентом, когда же Генрих умрет, он взойдет на трон.

Это была своего рода лицензия на убийство. Еще хуже то, что моего сына признали незаконнорожденным и, следовательно, не имеющим права на престол. Могло ли быть нанесено более тяжкое оскорбление женщине?!

Эти новости потрясли нас. Но я не оставила намерений продолжать борьбу за законные права моего сына. К несчастью, нечего было и думать о немедленном начале военных действий. Несколько тысяч отважных чеширцев и валлийцев готовы были последовать за мной, но даже самые верные люди нуждаются в оружии и деньгах. Наши бомбарды были потеряны в Нортгемптоне. Сундук с сокровищами украли мои слуги. Все мои лорды были беглецами, находившимися вдали от своих поместий.

В этих обстоятельствах я посоветовалась со своими приближенными, и мы пришли к нескольким решениям. Важнейшее из них заключалось в том, чтобы я обратилась за финансовой помощью к нашему ближайшему соседу, шотландскому королю. Яков II был младшим братом бедной Маргариты Стюарт, покойной жены кузена Луи. Таким образом он при-

ходился мне если не родственником, то свойственником. В действительности он не был врагом Англии, но хотел завладеть кое-какими крепостями на севере, и мои советники решили, что мы могли бы с ним договориться.

Это решение, как и в свое время обещание отдать Лондон на разграбление, аукнулось нежелательными последствиями. Впрочем, оно не понравилось мне с самого начала. Пристало ли английской королеве, с чашей в руках, просить подаяния при другом дворе? Мое нежелание ехать в Шотландию еще более усилилось, когда я узнала, что придется, для моей же безопасности, плыть на корабле. Я вопросительно посмотрела на лордов, когда они обратились ко мне с этим предложением. Как они могут поручиться за мою безопасность *на корабле*? С тех пор как пятнадцать лет назад пятнадцатилетней девушкой я проплыла на барке по Темзе и высадилась в Портсмуте, я поклялась, что никогда не ступлю на палубу какого-либо корабля, а тут мне предложили проплыть по соленой морской пучине. И эти глупцы даже не постеснялись предупредить меня, что плавать по Ирландскому морю куда более рискованно, чем пересекать пролив, тем более в это время года.

И все же я позволила убедить себя, отчасти потому, что Генри Сомерсет вызвался сопровождать и защищать меня... и делать еще многое другое. Дело в том, что, как я уже упоминала, после семи лет полного воздержания я снова, можно сказать, стала девственницей, хотя и находилась все время в кругу домогавшихся меня мужчин. К тому же на мне лежали — и лежали тяжким бременем — различные соображения и опасения. Прежде всего меня тяготил мой возраст. Тридцать — не слишком приятная цифра для прекрасной женщины.

В довершение всего я чувствовала, что с моим браком покончено. Я не надеялась вновь увидеть Генриха, но если бы такое и случилось, я не намерена была

делить с ним свою постель. Но я все еще оставалась прекрасной женщиной. В моих жилах все еще бурлила алая кровь. И я слишком долго сопротивлялась искушениям, поэтому, когда я приехала в Харлех, моя способность сопротивляться была весьма ослаблена. Когда я лежала в постели, мою душу раздирали мучительные чувства; тогда-то меня и стал посещать Генри Сомерсет. В скором времени он уже гладил волосы, ниспадавшие на мой горячий лоб, а затем стал гладить волосы в другом, не менее горячем месте моего тела. Только Байи знала, что происходит, а она уже давно хотела, чтобы я пригрела под своим одеялом какого-нибудь красивого лорда.

Однако, как ни была слаба, я не могла не задуматься. Оправдывая себя, я привыкла считать своим истинным мужем не короля, а Эдмунда Сомерсета. Но в таком случае Генри Сомерсет доводился мне пасынком. Я знала, что он единокровный брат моего сына. И отнюдь не была уверена, что Церковь не предаст анафеме подобный союз. Но тут я вспомнила, что Генри в действительности не мой пасынок, потому что его отец никогда не был моим мужем. Что до близких отношений с единокровным братом моего сына, то тут я могла оправдаться примером графа Арманьяка, который к тому времени, когда я написала эти строки, стал отцом троих детей, рожденных от него сестрой, и все же, как и его потомки, вполне благоденствует. Что до Церкви, то чем менее ей известно, тем лучше, ибо я, несомненно, могу быть от нее отлучена. Конечно, затяжелей я от Генри, это могло бы повлечь за собой большое осложнение, ведь мой второй сын стал бы и единокровным братом принца Эдуарда и его племянником, а возможно, и еще кое-кем. Но я не сомневалась, что он также будет моей второй правой рукой в борьбе с кузеном Ричардом.

Поэтому я приняла ласки Генри, более того, ответила на них своими ласками. Мой восторг возрастал по

мере того, как я открывала все новые и новые стороны отношений между мужчиной и женщиной. Из троих мужчин, с которыми я делила свою постель, я включаю в их число и Суффолка, хотя мы с ним и встречались всего несколько раз, двое были достаточно стары и годились мне в отцы, тогда как третий и по своим физическим способностям, и по складу ума вполне мог быть монахом. И вот впервые я имела дело с молодым человеком, причем Генри был моложе меня. Я испытывала восхитительное наслаждение. Не берусь утверждать, что он оказался искуснейшим любовником. Суффолк и Эдмунд познакомились с искусством любви в том виде, в каком оно практикуется в Европе; Генри не имел такой возможности. Всю свою жизнь он провел в Англии, где романтическая любовь неизвестна и где женщин не возводят на пьедестал, чтобы боготворить их. Он был из тех, что привыкли кричать: «Улю-лю! Мы едем на охоту!», и когда я совокуплялась с ним, у меня создавалось впечатление, будто я подвергаюсь атаке вооруженного копьем пешего воина.

Но, возможно, после многолетнего воздержания именно это мне и требовалось. Будучи совсем еще молодым человеком, Генри обладал одним важным преимуществом: после каждого нашего совокупления его силы очень быстро восстанавливались. Когда я говорю, что по прибытии в Харлех целых две недели пролежала в постели, то должна признаться: последние несколько дней я провела в состоянии блаженного, хотя и несколько мучительного изнеможения. После этого (до целого ряда весьма примечательных обстоятельств, о которых я сейчас расскажу) он всегда находился рядом и уж совсем близко с наступлением ночи, когда повсюду гасили огни. Несомненно, что именно роман с Генри заставил меня по-иному смотреть на юного Комба, который был на десять лет моложе даже Сомерсета, хотя, как женщина скромная и целомудренная, я сразу же отвергла мысль о том, чтобы иметь одновременно двух любовников.

Важно отметить, что именно Генри убедил меня отправиться за помощью в Шотландию. Мы сели на корабль и после довольно неприятного плавания прибыли в западную Шотландию. Была середина декабря, время мало подходящее для того, чтобы посещать эту холодную страну.

Ниже я расскажу о своем пребывании в Шотландии. Пока же сообщу, что я не знала о том, что в мое отсутствие ланкастерские лорды снова перехватили инициативу. Возглавили их молодой Клиффорд и граф Уилтшир. Пожалуй, во всей стране не нашлось бы других двоих столь же непостоянных аристократов. Клиффорд только и делал, что клялся отомстить за смерть отца, тогда как Батлер Уилтшир, пять лет назад бежавший с поля сражения под Сент-Олбансом, отчаянно искал подходящего случая вернуть себе доброе имя.

Покидая Уэльс, я полагала, что из-за отсутствия денег не будет предприниматься никаких военных действий, по крайней мере до следующей весны, а к этому времени я рассчитывала возвратиться с шотландскими деньгами, а может быть, и с шотландскими солдатами. Так бы оно, вероятно, и случилось, если бы не роковая самоуверенность кузена Ричарда. Конечно, трудно осуждать его за то, что он полагал, будто окончательно победил в этой игре. Генрих оказался его пленником, сам он был пожизненно назначен лордом-регентом и к тому же получил известие, что единственный человек на всей земле, которого он в самом деле боялся, сел на корабль и отплыл в неизвестном направлении. Естественно, он решил, что может спокойно оставить Лондон и провести Рождество в своей любимой резиденции — Сэндалском замке в южном Йоркшире. Туда он и отправился, взяв с собой не только Гордячку Сис, но и своего второго сына Эдмунда, графа Рутлендского, а также Солсбе-

ри с его герцогиней. Можно только пожалеть, что старший сын Йорка, Эдуард, граф Марчский, и старший сын Солсбери, Уорик, не пожелали отпраздновать Рождество вместе со своими родителями.

Возможно, Йорк был и прав, полагая, что может оставить Лондон на попечение других. Но он искушал судьбу, путешествуя по дикому северу в сопровождении лишь своих личных телохранителей и телохранителей Солсбери. Они благополучно достигли Сэндала, но весть об их местонахождении быстро распространилась и достигла ушей Клиффорда и Уилтшира, которые отсиживались в Честере. Эта пара тотчас же решила, что представляется подходящий случай повернуть ход событий в нашу пользу. И тут они, пожалуй, не заблуждались. Джентльмены быстро набрали большую армию моих верных сторонников — численность этой армии оценивалась в восемнадцать тысяч человек — и стремительно прошли сто миль, отделяющие Честер от Уэйкфилда. Только тогда Йорк узнал об угрожающей ему опасности, а он и в самом деле оказался в опасном положении. Однако он был опытным полководцем, и его замок Сэндал представлял собой непреступную крепость. Йорк решил, что до прибытия подкрепления сможет отсидеться в осаде, и разослал гонцов во всех направлениях, и прежде всего, как нетрудно заключить, к своему старшему сыну Эдуарду, крепкому восемнадцатилетнему юноше, и Уорику, прося их поспешить к нему на помощь со всеми имеющимися у них силами.

А теперь мы должны перейти из царства реальности в царство фантазии. Если верить йоркистам, произошло следующее. Герцог и его зять, оба, как я уже сказала, опытные солдаты, сидя за крепостными стенами, призывали ланкастерцев показать, на что они способны (а без пушек те вряд ли могли взять хорошо укрепленный замок), и тут вдруг из рядов осаждающих выступила — кто бы вы думали? — ее светлость королева Маргарита Анжуйская, которая принялась драз-

нить герцога Йоркского, говоря, что он боится сразиться с женщиной. Разумеется, я была бы рада это сделать, однако как раз в то время, промокшая насквозь, дрожа от холода и все еще не оправившись от морской болезни, я сходила на берег в Дамфрис.

Но продолжаю рассказывать версию йоркистов. Так вот, герцог, этот опытнейший, одареннейший солдат, которые держал в своих руках все королевство и мог не сомневаться, что к нему на помощь спешит многочисленное войско его сторонников, и его зять (человек почти ни в чем ему не уступающий) решили, что он будет опозорен, если не примет вызов этой женщины, после чего герцог и Солсбери совершили вылазку, вступив в сражение с превосходящими силами противника, и были оба убиты. Это, по крайней мере, реальный факт. Факт и то, что в этом неравном бою Йорка сопровождал Рутленд, который пытался бежать, но был схвачен и обезглавлен лично Клиффордом, якобы радостно воскликнувшим при этом: «Твой отец убил моего, а теперь я убью тебя». Зная этого юношу, можно предположить, что перед смертью он умолял о пощаде.

А теперь вновь возвратимся в царство фантазии.

Маргарита Анжуйская с презрением пинала ногами тела своих поверженных врагов, а затем повелела обезглавить их и отрубленные головы укрепить на кольях над воротами города Йорка. Их головы и в самом деле были все еще там, когда через месяц я посетила Йорк. Но сделано это вовсе не по моему указу. Какая жалость, что я не могла оказаться сразу в двух местах! Трудно даже вообразить, как было бы замечательно, обладай я такой способностью. Увы, вопреки многочисленным наветам, я женщина, а не ведьма. Я просто физически не могла быть в Уэйкфилде, в то время как находилась в Шотландии, что легко можно доказать.

И все же всю мою жизнь, а может быть, всю вечность, вопреки очевидным фактам, меня пресле-

довала и будет преследовать низкая клевета. Опасаюсь даже, что какой-нибудь стихоплет изобразит в грандиозной сцене это приписываемое мне злодейство! На самом же деле, как я полагаю, произошло следующее: оказавшись в осаде и *не* видя меня среди осаждающих — будь я там, над моим шатром развевался бы королевский штандарт, — Йорк решил попытать счастья, пока я не подошла, как он ожидал, со своими подкреплениями.

Во всяком случае одержанная Клиффордом и Уорчестером полная, казалось бы, победа, столь губительная для дела йоркистов, в конечном счете оказалась гораздо более губительной для нашего дела. Ричард Йоркский, мне лично глубоко антипатичный, был (как я старалась показать) настоящим джентльменом, человеком чести, а потому не решался захватить королевскую власть. Теперь он был мертв, а я и мои сторонники остались лицом к лицу с его сыном, может быть, самым ужасным ангелом-мстителем, который когда-либо воспарял из адской бездны, дабы покарать человечество.

Говоря «человечество», я, естественно, имею в виду и женщин.

Глава 11

Пока в Йоркшире происходили все эти важнейшие события, я пыталась заручиться благорасположением шотландцев.

Шотландцы — народ очень дикий и свирепый, чья дикость и свирепость растет по мере удаления от центров цивилизации, а таковых в этой темной и невежественной стране очень мало. Одеваются они престранно: мужчины в некоторых местах носят очень короткие юбки, как будто мужскому или женскому полу приличествует выставлять ноги напоказ; женщины кутаются в яркие узорчатые шали и плащи. Лица у них всех с багровым оттенком — то ли от приро-

ды, то ли от постоянно дующих в этих краях воющих холодных ветров, а самое вероятное, от янтарного цвета напитка, который они употребляют все без исключения — мужчины, женщины и дети; от этого напитка волосы встают дыбом, в животе разгорается жар, а кое-кто даже валяется в бесчувствии.

Они так же задиристы и воинственны, как ирландцы, с которыми, как считают люди сведущие, они состоят в родстве. Ирландцы ненавидят англичан, но их отделяет от нас бурное море, шотландцы же, ненавидящие англичан, отделены от нас всего несколькими холмами. Поэтому они с незапамятных времен являли собой сущее бедствие для тех моих людей, что живут на севере. Любого англичанина, переходящего через границу, они грабят и убивают, та же участь постигает и всех англичанок, с той только разницей, что предварительно их насилуют.

В дополнение ко всем этим недостаткам они говорят на каком-то совершенно непонятном языке, который не имеет себе родственных и мешает им освоить цивилизованный язык, поэтому, когда они пытаются говорить по-английски или по-французски, их очень трудно понять.

Таковы были эти дикари, в чьи руки я добровольно отдала самое себя. После нескольких дней плавания по Ирландскому морю я чувствовала себя отвратительно, вся окоченела, но едва мы высадились на берег, как нас тут же схватили, обращаясь с нами так, словно мы были потерпевшими крушение мореплавателями, к тому же английскими мореплавателями, посланными, казалось, самой судьбой для ограбления.

Однако мы, точнее сказать я обладала скрытой силой. Я была француженкой. Как ни свирепы шотландцы, в численности они уступают своим южным соседям. Время от времени английские короли вторгались сюда во главе своих армий, чтобы подвергнуть насилиям и грабежу местных жителей. Относительно немногочисленным шотландцам, среди аристократов которых шли

бесконечные клановые распри, лишь изредка удавалось успешно противостоять этим вторжениям. Они все еще ностальгически говорят о сражении около деревни Баннокбёрн, где их бессмертный король Роберт Брюс нанес поражение огромной английской армии, но надо заметить, этой армией командовал бездарный английский король Эдуард II. Однако еще более живо, с внутренним трепетом, они вспоминают нашествия Эдуарда I, отца Эдуарда II, прозванного ими Бичом шотландцев, а также поражения, нанесенные им Эдуардом III, сыном Эдуарда II и приверженцами Генри Болингброка, моего свойственника. Поэтому им всегда требовались союзники, которые могли бы помочь или, по крайней мере, отвлечь силы их врагов. Так как французы по отношению к англичанам находились примерно в таком же положении, обе нации, по крайней мере их королевские дома, подсознательно тяготели друг к другу. В надежде упрочить узы, соединяющие две семьи, сестра Якова II была выдана замуж за сына Карла VII. Связи такого рода обычно прерываются со смертью, но связующее звено все же осталось, и тот факт, что я была английской королевой и беглянкой, как бы перечеркивался тем фактом, что я была французской принцессой и беглянкой. Это объясняет, почему меня и моих спутников тут же не убили. А я даже не была изнасилована!

И все же мы вряд ли могли выбрать менее удачный момент, чтобы, высадившись в Шотландии, просить помощи у шотландского короля. Всего несколько месяцев назад, когда я скрывалась в Уэльсе, Яков II выступил против одного из своих мятежных аристократов и с мощнейшей армией, в вооружение которой входили даже пушки, осадил крепость Роксборо, где тот находился. Лучше бы ему этого не делать! Его бомбарды отбивали большие камни от крепостных стен, и надо же так случиться, что один из этих камней угодил в наблюдавшего за канонадой короля и убил его на месте. Бедному малому не исполнилось

еще и тридцати; он был всего на несколько месяцев моложе меня, но как венценосец успел уже прославиться своими успехами и пользовался большой популярностью. Поэтому страной, в чьей помощи я так отчаянно нуждалась, управлял мальчик, а вернее регентша — вдова короля, Мария Гельдернская[1].

Нетрудно себе представить, сколько пищи для размышлений дало мне это сообщение. Стало быть, дикие шотландские лаэрды[2] и их кланы без колебаний вручили судьбу своей страны в руки женщины, по своей национальности еще более чуждой им, чем я — англичанам. Как сильно это отличается от поведения моих английских лордов! Или, может быть, эта Мария Гельдернская совершенно исключительная женщина? Я имела о ней довольно поверхностные сведения, но она явно уступала мне своим происхождением. Ее мать, однако, была сестрой Филиппа, нынешнего герцога Бургундского, который в свое время предлагал сочетать меня браком с его сыном Карлом, графом Шароле (позднее с графом Неверским). Я не могла вновь не задуматься над причудами истории. Выйди я замуж за Карла, королева шотландцев стала бы моей родственницей.

Я поняла, что она на несколько лет моложе меня, ибо дата ее рождения была не очень широко известна. Но ей вряд ли исполнилось больше пятнадцати, когда, с одобрения дяди Шарля в 1449 году вышла замуж за Якова, короля Шотландского.

Семейная жизнь этой женщины разительно отличалась от моей. Ее муж был сильным, энергичным и воинственным королем, тогда как мой муж — полным ничтожеством, на чьей голове корона оказалась по чистой случайности. От своего мужа она родила четверых здоровых детей, тогда как мне пришлось искать посторонней помощи. Она потеряла своего

---

[1] Гельдерн — герцогство на территории Нидерландов.
[2] Богатые землевладельцы.

мужа в сражении, мой же муж не имел ни достаточной смелости, ни ума, чтобы выступить с мечом в руке и победить либо умереть; она была регентшей и осуществляла высшую власть в стране, ставшей для нее второй родиной, тогда как я в своей стране оказалась беглянкой, лишенной какой бы то ни было власти. Если мы и имели в чем-либо сходство, то только в том, что обе были молоды, обе хороши собой — так мне сказали — и обе от природы воинственны. Когда летящий обломок стены поразил Якова, Мария, всегда сопровождавшая своего мужа, приняла на себя командование и довела осаду до победного завершения.

Такова была женщина, которую мне, невзирая на свои личные чувства, предстояло просить о помощи. И с каждым днем эта необходимость ощущалась все острее. Ибо галлоуэйские шотландцы, убедившись, что я действительно королева Англии и, следовательно, меня нельзя изнасиловать и убить, сочли, что я, должно быть, очень богата и меня следует всячески обирать. Когда я объяснила им, что у меня нет ни гроша и если они не будут кормить меня и мою свиту, наша смерть окажется на их совести, они сильно помрачнели.

Однако они все же понимали, что я могу так или иначе им пригодиться, и послали гонцов к Марии, в результате чего после Рождества, которое мы так и не отпраздновали, я получила приглашение, вернее приказ прибыть со своими людьми в аббатство Линклуден. Там мне предоставлялось убежище, и там шотландская королева собиралась дать мне аудиенцию.

Все во мне восставало против такого пренебрежительного отношения, но у меня не было никакой другой надежды получить помощь. Мне не оставалось ничего иного, как отправиться в Линклуден вместе с принцем и небольшой свитой — Генри Сомерсетом и моим верным Джоном Комбом. Там и произошел один из замечательнейших эпизодов в моей жизни.

В аббатстве нам предоставили удобные просторные покои; настоятель сообщил мне, что его аббатство — одна из любимых резиденций шотландской королевы. Я была рада это слышать. Мне понравились лесистые окрестности с приятным видом на отдаленное море. Я была заинтригована и озадачена словами настоятеля: неужели я приехала в Шотландию для того, чтобы встретиться со вторым Генрихом — только в женском платье?

— Ее величество — женщина очень набожная? — обеспокоенно спросила я.

Он ответил не сразу, а по некотором размышлении:

— Нет ни малейшего сомнения, что ее величество верит в Бога.

Приходилось быть терпеливой. Все это время меня кормили очень сытно и вкусно, я поглощала большое количество этого замечательного шотландского напитка — виски, поэтому чувствовала себя как никогда более здоровой и бодрой. Узнав о скором прибытии королевы, я велела моим людям, прежде всего Эдуарду и Генри, нарядиться во все лучшее, то же самое с помощью Байи сделала и я сама, хотя все мои одежды были уже ношеные.

Затем я вышла в квадратный двор аббатства и стала ожидать королеву шотландцев. Был ранний январь, и холод стоял пронизывающий. Я испытывала такое чувство, будто вновь жестоко обманута. Но я сохраняла выдержку, а когда Мария наконец появилась, это было для меня большим сюрпризом.

Она въехала во двор на лошади, сопровождаемая вооруженным эскортом и своими фрейлинами. Должна сказать, что посадка у нее была превосходная, столь же превосходно она управляла и лошадью, и я не могла не подивиться изяществу, с которым она соскользнула с седла на поставленный для нее приступок. Изумленная, я едва не вытаращила глаза: впечатление было такое, будто я нахожусь в присутствии северной богини.

Мария оказалась очень высокой женщиной, почти шести футов без обуви, а на этот раз она была в сапожках на каблуках. При всем том она не имела ни одной унции лишнего веса, а ее телосложение отличалось пропорциональностью. Я знаю, есть люди, находящие сорокадвухдюймовый бюст чрезмерно большим, но в сочетании с плоским животом, широкими бедрами и длинными сильными ногами такой бюст смотрится прекрасно. Разумеется, сейчас все эти достоинства были скрыты шитой золотом одеждой, столь же экстравагантной, как и все, что было с ней связано, но я не понимала, что употребить по отношению к ней слово «чувственная» — значит ничего не сказать.

Все эти ее восхитительные прелести полностью открылись мне лишь впоследствии, пока же я любовалась ее лицом и волосами. Вьющиеся золотые волосы Марии ниспадали локонами за плечи. Черты лица были крупные, что вполне соответствовало всему ее телу, и при этом просто великолепные: высокий лоб свидетельствовал об уме, широко расставленные глаза — о зоркости зрения, прямой нос — о повелительном характере, широкий рот — о щедрости, а квадратный подбородок — о силе воли. Из этого описания можно сделать справедливый вывод, что я нашла шотландскую королеву весьма привлекательной.

К счастью, и она проявила подобное же восхищение.

— Ваша светлость, — воскликнула она, — да вы, оказывается, еще красивее, чем утверждает молва!

Измученная с дороги, в запачкавшихся одеждах я выглядела далеко не лучшим образом и восприняла ее слова как самый приятный комплимент. Однако моя радость немного поубавилась, когда я стала представлять королеве Марии свою свиту и заметила, с каким интересом она рассматривает Генри Сомерсета, который был еще более красивым мужчиной, чем его отец. Однако я пожертвовала бы всем, лишь бы заручиться помощью этой женщины, могла даже, в слу-

чае надобности, пожертвовать и Генри, уступив его, как я надеялась, лишь на некоторое время.

В действительности мне пришлось пожертвовать гораздо большим, чем я предполагала; в этом я очень скоро убедилась. После очередной обильной трапезы, сопровождаемой еще более обильными возлияниями, ибо королева шотландцев очень хорошо усвоила обычаи страны, которая стала для нее новой родиной, она заявила во всеуслышание, что мы с ней должны поговорить наедине, выяснить, каковы наши общие интересы. Я поддержала ее предложение, подозревая, что мне предстоят трудные переговоры, но я не имела даже отдаленнейшего понятия о том, что меня ждет.

Королева проводила меня в свою опочивальню и отпустила всех своих служанок. Мы остались одни. В камине жарко полыхал огонь, и, пользуясь этим, она стала сбрасывать с себя одежды, одну за другой; я наблюдала за ее раздеванием с изумлением, смешанным с некоторой завистью, ибо она была с избытком наделена красотой и статью, даже волос на лобке было с избытком. Раздевшись донага, она принялась сладострастно перекатываться по постели; заметив, что я с некоторым опасением наблюдаю за ней, Мария села, утонув в облаке золотых волос, и сказала, как бы оправдываясь:

— Так я разогреваюсь. Почему бы вам не последовать моему примеру, милая Мег?

Вину за все последующее я возлагаю на виски. Естественно, я не хочу вдаваться в подробности, но, одурманенная крепким напитком, я не увидела ничего предосудительного в том, чтобы принять ее предложение; катаясь нагишом перед пылающим камином, я и в самом деле разогрелась, тем более что и Мария продолжала кататься. Кровать оказалась не так уж широка, и через несколько мгновений она лежала на мне, точно была мужчиной.

В скором времени, измученная этими эротическими кувырканиями, я крепко уснула; примерно через

час я проснулась с раскалывающейся от боли головой, но с чувством приятного томления во всем теле. Когда я присела на кровати и, придя в себя, стала вспоминать о происшедшем, меня вдруг охватило ужасающее чувство вины. Оглянувшись, я увидела, что моя хозяйка сидит в кресле перед пылающим камином, во всем великолепии своей наготы, и, потягивая виски из кубка, наблюдает за мной. Увидев, что я проснулась, она спросила:

— У вас болит голова?

— Просто разламывается.

— Обычная история, если спишь днем, — согласилась она. — Однако если не спать, голова трещит еще сильнее. — Она наполнила еще один кубок и принесла мне — впечатляющее зрелище. — Выпейте, и вам станет лучше.

Так-то так, подумала я, но что будет, когда действие вина кончится. Но так как я была в ее руках в самом буквальном смысле, я не видела другого выхода, кроме как подчиниться. Когда же я осушила кубок, все кругом снова представилось мне в розовом свете. Она села рядом и, лаская меня, сказала:

— Нам надо поговорить.

Я не знала, что мы можем сказать друг другу, но Мария снова удивила меня.

— Вам нужны люди и деньги, — заметила она.

— Да, конечно, — ответила я, отвечая ласками на ее ласки. Именно этого она, очевидно, хотела, и тут было еще много возможностей.

— Думаю, я могла бы вам помочь, — сказала она неожиданно.

— Я была бы вам вечно признательна.

— Насколько признательна? — спросила Мария, слегка ущипнув меня в самом важном месте.

Мои глаза, все это время закрытые, сразу открылись. Мне подумалось, что как раз в этот момент я проявляю свою благодарность, со всей возможной щедростью предоставив в полное ее распоряжение

свое тело. Но я сочла, что высказать эту мысль вслух — неразумно.

— Скажите мне, чего вы хотите.

— Я ищу надежности и спокойствия.

Еще один сюрприз. Я готова была бы поклясться, что меня держит в руках самая ненадежная и беспокойная женщина на свете.

— Для нас обеих, — добавила Мария.

Я потерлась носом о ее шею. Удивительно, как быстро может изменяться ситуация.

— Договор о вечной дружбе между нашими народами, — пробормотала Мария и тоже потерлась о меня носом, но гораздо ниже, чем я. — И любовь между ее правителями, которая будет закреплена женитьбой принца Уэльского на моей дочери Марии.

Так как Эдуарду только что исполнилось семь лет, а принцесса Мария была на четыре года моложе, это условие показалось мне вполне приемлемым.

— Да, конечно.

— Нам отойдут также крепости Берик, Алник и Бамборо.

Это предложение, произнесенное на уровне моего пупка, настолько меня ошеломило, что мышцы моего тела сразу напряглись и колени вздернулись к ее голове. Подняв голову, Мария укоризненно посмотрела на меня: она не любила, чтобы ее прерывали, когда она предавалась чувственным удовольствиям или занималась делами.

— Мои лорды никогда не согласятся, — сказала я.

— Дражайшая Мег, если я и помогу вам вернуть себе власть, то только для того, чтобы вы пользовались ею неограниченно. — Это предположение прозвучало весьма заманчиво. — К тому же, — продолжала она, возобновляя исследование моего тела, — если мы будем вечными союзниками, какое это имеет значение?

Вести переговоры в таких условиях оказалось весьма трудно, требовались титанические усилия, чтобы

сосредоточиться. Дражайшая Мария, очевидно, имела богатый опыт в подобного рода делах; я поняла, что мои девические развлечения с Беллой — почти невинная забава. И я согласилась отдать крепости, если полностью возвращу себе власть.

— Вот и отлично, — сказала Мария. — Я знаю, что до конца жизни мы будем очень нежно любить друг друга, милая Мег. И еще одно дело. — Она снова высасывала из меня все силы. Я с закрытыми глазами откинулась головой на подушку, потеряв всякий интерес к государственным делам. — Ваш молодой Сомерсет, — с неожиданной застенчивостью продолжила Мария, — очень красивый малый.

Мои глаза вновь широко раскрылись от удивления. Эта женщина поистине ненасытна... и всеядна. Она почувствовала необходимость в дополнительных объяснениях.

— Хорошо, — сказала она, — разумеется, он не столь красив, как вы. С другой стороны, дражайшая Мег, я бедная одинокая вдова. Но будем откровенны друг с другом, есть нечто, чего вы не можете сделать для меня. — Никогда еще я не чувствовала себя такой беспомощной. — Ни я для вас, — великодушно добавила она. — К тому же, деля одного любовника, мы станем еще ближе друг другу, не правда ли?

Вся следующая неделя прошла как одна непрекращающаяся оргия. Не сомневаюсь, что все знали о происходящем, но и духовенство, и слуги королевы шотландцев, казалось, воспринимали наше противоестественное поведение как вполне естественное, тогда как Генри Сомерсет чувствовал себя на седьмом небе, проводя время с двумя из трех самых красивых, чувственных и жаждущих мужской ласки женщин в Европе, готовых поделиться всем, что имеют. Что бы ни творилось вокруг Марии, она никогда не теряла головы и не забывала о делах, поэтому в свое время я

получила договор, условия которого были уже обговорены нами: он предусматривал помолвку принца Эдуарда и принцессы Марии, заключение вечного союза между Англией и Шотландией и передачу крепостей Берик, Алник и Бамборо. Войти в силу этот договор должен был сразу же после того, как я верну себе власть. Я поставила свою подпись не колеблясь, мне важно было вернуть власть, а все остальное — дело второстепенное.

Я чувствовала себя счастливой, исключительно беззаботно проводя время, и всей душой отдыхала от пережитых испытаний и треволнений, которые выпали на мою долю в течение последних шести лет; боюсь, что я никогда так и не оставила бы аббатство Линклуден, если бы с такой же властностью, как Мария, меня не потребовали бы к себе государственные дела. Джаспер Тюдор сообщил мне о замечательной победе под Уэйкфилдом.

Сначала мы были ошеломлены, но затем почувствовали большую радость. Однако Мария выглядела не слишком довольной, ибо полученное известие означало, что у меня уже нет необходимости полагаться исключительно на ее помощь. Но я все еще не имела никаких денежных средств и, хотя мечтала, присоединившись к своей победоносной армии, довершить уничтожение йоркистов, знала, что моим солдатам необходимо оплатить их ратный труд. Мария дала мне денег, правда не в достаточном количестве, но на великие дела денег никогда не бывает достаточно. Она также послала со мной в качестве телохранителей отряд шотландских горцев, самых необузданных людей, которых я когда-либо видела. Они ходили в юбках, обнажавших их багровые костлявые колени, не носили доспехов и были вооружены небольшими палашами-клейморами, маленькими круглыми щитами, и еще более маленькими кинжалами-скеандху. Редко бывая трезвыми, они не слушались приказов, то и дело дрались между собой, но, невзирая на все это,

не терпели, чтобы их задевали. Я подозреваю, что королева шотландцев отдала мне этих головорезов для того, чтобы избавиться от них.

Последний долгий час перед расставанием мы провели, катаясь в объятиях друг друга, на ее постели, затем, заливаясь слезами, расстались. Я, как надеялась, отправилась, чтобы увенчать себя славой и вознести на прежнюю высоту Ланкастерский Дом.

Путешествие на юг, где, стоя лагерем, меня ожидала моя армия, заняло около недели и было сопряжено с немалыми трудностями. Дороги и погода оказались скверными, а когда шотландские горцы перешли через границу, мне лишь с большим усилием удавалось удерживать их от насилий и грабежей. И все же моя репутация пострадала от нескольких неприятных происшествий. В Йорке, однако, меня приняли очень радостно; Клиффорд, Уилтшир и Джаспер проводили меня к городским воротам и показали на разлагающиеся головы Йорка и Солсбери, увенчанные бумажными коронами. Сознаюсь, зрелище довольно омерзительное, но принц Эдуард захлопал в ладоши, и я не решилась упрекнуть его, ибо хотела воспитать в своем сыне воинственный дух, начисто отсутствующий в его номинальном отце.

Я прибыла в Йорк 20 января и решила сразу же, пока йоркисты, как мне сообщили, все еще в смятении, направиться на Лондон, вызволить короля и снова обрести все наши королевские прерогативы. Мои лорды также склонялись к такому решению, однако указали, что старший сын и наследник Йорка, граф Марч, находящийся на западе, все еще на свободе и, судя по донесениям, собрал большую армию, чтобы отомстить за смерть отца. Этого юношу я время от времени встречала, когда он был совсем еще ребенком. Но я не видела его несколько лет, да и сейчас не испытывала желания видеть; хотя до меня и доходили слухи, будто он изрядно подрос, стал высоким,

сильным и красивым молодым человеком, не думаю, что я заслуживаю порицания за то, что не усмотрела в этом девятнадцатилетнем юноше, совершенно неопытным в военных делах, сколько-нибудь серьезную угрозу моим честолюбивым устремлениям. Тем не менее, уступая советам моих лордов, я отправила часть моей армии под командованием Джаспера Тюдора, чтобы расправиться с молодым графом. Остальная часть армии продолжала двигаться на юг, ибо я хотела не только захватить Лондон, но и освободить короля, а заодно расправиться с последним сколько-нибудь значительным вождем йоркистов — Уориком, который, как явствовало из донесений моих лазутчиков, двигался на север, навстречу мне.

Более того, я узнала, что он захватил тот самый город Сент-Олбанс, где нашему делу был нанесен тяжелый удар. Мои военачальники, само собой, составляли планы и давали рекомендации, как обойти Уорика и отрезать его от Лондона, как провести с ним переговоры... Я решила игнорировать их мнение. Я жаждала сражения.

Однако я не могла не сознавать, что не знаю ни численности армии графа, ни ее расположения, и все время, пока мы двигались на юг, это тревожило меня. Но тут неожиданно мы получили чудесное и, как оказалось, очень ценное подкрепление. К нам присоединился отряд в сто солдат, возглавляемый Джоном Греем Гроуби в сопровождении Беллы!

Целых шесть месяцев я не видела ее прекрасного лица, и как богаты событиями были для меня эти шесть месяцев! Оказалось, что и на ее долю выпало немало приключений. Пока я сжимала ее в объятиях, она рассказала мне о некоторых из них. Пребывание в Шотландии значительно раздвинуло мои горизонты, но какую бы важную роль ни сыграла в моей жизни Мария Гельдернская, уже по одной той причине, что мы обе были королевами и в то время она имела надо мной преимущество, она никак не могла надеяться заменить

милейшую Беллу в моем сердце. Белла, в свою очередь, была столь же рада оказаться в моих объятиях, возможно, даже еще более рада, чем я, ибо все это время имела дело исключительно с мужчинами.

Подробности, естественно, я узнала, когда мы стали делиться всем пережитым за эти шесть месяцев; в этих разговорах я, понятно, не могла не затронуть некоторых своих проблем.

— Вам нужна информация о графе Уорике, ваша светлость? — Глаза моей подруги зажглись воинственным пылом. — Я раздобуду ее для вас.

— Вы? — с тревогой вскричала я.

Она рассказала мне о том, что произошло во время нашей разлуки. После поражения в Нортгемптоне она и Грей бежали домой, в поместье ее матери. Там Белла и осталась, ее же доблестный муж отправился узнать, что он может сделать для нашего дела. То, что Белла была одной из моих фрейлин, причем самой любимой, разумеется, знали многие. Чтобы выяснить мое местонахождение, отряды йоркистов отправились в Экслхолл, рыскали и в различных других направлениях; победители сочли нужным заглянуть и в Графтон.

Возглавлял этот отряд сам Уорик, жаждавший наложить на меня руки, и не только в фигуральном смысле. Меня там не оказалось, зато оказалась Белла. Если верить ей, а я вполне верила (не только потому, что последующее подтвердило ее слова, но и потому, что было невероятно, чтобы какой-нибудь мужчина — за исключением, может быть, моего мужа, — фактически захватив Беллу в плен, не вспомнил о своей принадлежности к сильному полу), граф проявил некоторую склонность к насилию и грабежу, ища утешения в тех дивных белых полушариях, которые сейчас были прижаты к моим.

— Негодяй! — вскричала я. — И ему удалось добиться своей конечной цели?

Белла очень мило покраснела.

— Что я могла поделать, ваша светлость? Мой муж отсутствовал, мать очень стара, сыновья еще малы... А вообще этот Уорик просто коротышка.

Это замечание не смягчило моего сердца, но я с интересом выслушала рассказ Беллы. Переспав несколько раз с прелестной девушкой, Уорик отбыл, но о том, что он не забыл доставленного ему удовольствия, свидетельствовали многочисленные презенты, полученные Беллой в последующие шесть месяцев.

Нетрудно догадаться, какие чувства испытывала Белла, ее оскорбленная женственность взывала к возмездию. Она прежде всего добивалась полного падения Уорика; в этом отношении она оставалась постоянной всю свою жизнь, но так как она по-прежнему живет и процветает, правильнее было бы сказать всю *его* жизнь. Для его разгрома она прилагала все усилия. Ее план был прост. Уорик еще никак не мог знать, что Грей Гроуби уже присоединился к моим войскам. Но он отлично знал, что Грей является сторонником Ланкастерского Дома. Белла не сомневалась, что если прибудет в Сент-Олбанс, якобы ища неведомо куда уехавшего мужа, то Уорик встретит ее с распростертыми объятьями и с теплым ложем... так что у нее будет неплохая возможность выяснить численность его войск, их расположение, а также его намерения.

Я с ужасом думала о риске, которому Белла намерена себя подвергнуть. Но она с таким воодушевлением хотела сыграть роль лазутчицы, что я в конце концов согласилась, сомневаясь, однако, что Уорик и в самом деле так сильно оскорбил ее женственность, как она мне поведала. Как бы там ни было, она уехала и через несколько дней вернулась, слегка растрепанная, но ликующая. Все произошло именно так, как она и предполагала: в течение трех ночей граф осквернял ее тело, но зато три дня она собирала необходимую информацию.

Вот что она мне рассказала. Уорика в основном поддерживают герцог Норфолк, герцог Суффолк и

граф Арундейл, зато других вождей йоркистов на его стороне очень мало. У него большая армия, — по оценке Беллы, около тридцати тысяч человек, почти столько же, сколько и у меня с тех пор, как я отослала Джаспера, — но она состоит главным образом из неопытных новобранцев и почти нет артиллерии. Она также сказала мне, что Уорик отнюдь не собирается безвылазно сидеть в Сент-Олбансе, что мы так неудачно пытались сделать шесть лет назад, а услышав о нашем приближении, выведет своих солдат из города на плоское возвышение перед домами и блокирует северную дорогу, по которой я, по его предположениям, буду двигаться. Там он и даст мне сражение, если только я не отойду прочь, испугавшись кровопролития. Он до сих пор считает меня никчемной маленькой женщиной, памятуя, с какой легкостью одержал верх при Нортгемптоне. Пожалуй, самым важным из всего рассказанного мне Беллой было то, что король находится в лагере Уорика.

Мои лорды, как и следовало ожидать, тут же затеяли ожесточенную перепалку, высказывая противоречивые мнения. Могу заверить, что редко собирался более оживленный совет, куда входили бы столь знатные вельможи, справедливо гордившиеся своей голубой кровью. Вокруг меня стояли графы Эксетерский, Сомерсетский, Девонширский, Нортумберлендский и Шрусберийский, не говоря уже о лордах Клиффорде, Фицхью, Грее Коднорском, Грейстоуке, Русе, Уэллсе, Уиллоуби и Грее Гроуби, который еще не был возведен в сан рыцаря, но уже прославился своим военным талантом. Почти все эти люди присутствовали в Уэйкфилде, что должно было внушить им уверенность в себе, но все же явно колебались, пока я не прекратила их спор, изложив мой план.

Я тешу себя мыслью, что этот план был так же прост, как и то, что предложила Белла, и отличался такой же целеустремленностью, как планы Цезаря, во всяком случае, оказался не менее успешным. Неко-

торые мои военачальники выступали за то, чтобы сразиться с Уориком на его проклятой Вересковой пустоши, другие — за обход врага. Мой неопытный, но проницательный ум не видел никакой причины, почему бы нам не выполнить оба эти маневра одновременно, посеяв смятение во вражеских рядах. Намерение мое повергло всех в ужас, но я не слушала никаких возражений, и на другой день две трети моей армии, направившись на запад, стали обходить противника с фланга, тогда как оставшаяся треть во главе с Сомерсетом — сюда входили и свирепые шотландские горцы — двинулась прямо по дороге.

Сомерсет получил приказ двигаться как можно медленнее, тогда как я всячески торопила свои войска. Однако йоркисты, очевидно, разгадали наш замысел. Этого-то и опасались мои лорды, предполагая, что враг может вторгнуться в пространство между двумя частями армии и разбить их по отдельности. Но я знала Уорика. Он не только бездарный военачальник, обязанный своими успехами скорее случайности, чем способностям, но к тому же имеет одну роковую слабость: боится поставить на карту все, включая и свою жизнь, предприняв смелое нападение, если у него есть какая-то возможность добиться победы с помощью оборонительных мер. Кроме того, в его лагере находился король, который, как ни испытывала его судьба, все же оставался единственным законным оправданием для захвата йоркистами власти. Будущий Делатель Королей опасался потерять своего туза.

Я в точности предвидела его действия во время сражения. Он не мог оставаться там, где был, ибо ему грозило нападение сразу с двух сторон; он боялся двинуться вперед и поставить все на одну карту, поэтому решил отступить в мнимую безопасность Сент-Олбанса. И это перед лицом грозно надвигающегося противника. Как только я увидела, что его знамена, колыхаясь, двинулись назад, сразу поняла, что победа будет за нами. Я сделала для этого все, что от

меня зависело. Отъехала на своей лошади в сторону и сказала Клиффорду, командовавшему моей частью армии:

— Проложите мне путь к моему мужу.

Он издал громкий боевой клич: «За Маргариту!» — как восхитительно прозвучал этот клич! — и повел армию в наступление. Сидя рядом со мной на своих лошадях, принц Эдуард и Белла наблюдали за происходящим. Мои люди сражались с большим воодушевлением. Не давая врагам времени перестроить свои ряды, они ворвались в город с севера и запада, и уже не в первый раз в решительный момент мужество изменило Уорику. После того как он обвинил меня в супружеской измене, а моего сына назвал ублюдком, он, без сомнения, хорошо знал, какая участь ожидает его, окажись он в плену. Не прошло и часа, как йоркисты во главе с командирами начали поспешное отступление; за мной приехал вооруженный отряд, чтобы эскортировать меня в город, к месту моей победы.

— Где его светлость? — спросила я, опасаясь, как бы Уорик не увел его с собой.

— Ожидает вашу светлость, — ответил мне рослый детина. Охваченный страхом, Уорик позабыл даже, что без короля он всего-навсего мятежник, стоящий вне закона.

Когда я ехала между рядами приветствующих меня солдат, направляясь к улице Святого Петра, мое сердце переполняла гордость. Тогда-то они и стали впервые называть меня «капралом Маргарет». А почему бы и нет? Именно моя стратегия, столь восхваляемая военными историками, хотя они и не всегда приписывают мне честь ее выработки, привела нас к победе.

В самом центре города меня ожидали несколько моих лордов; хотя их мечи и доспехи были обагрены кровью, лица светились ликующими улыбками побе-

дителей. Среди них был и мой муж, которого я не видела семь месяцев.

Должна признать, что выглядел он совсем неплохо, даже набрал вес от отсутствия каких-либо физических упражнений и уж во всяком случае не голодал. Должна также признать, что он не изъявил никакой особой радости при виде жены, которая так бесстрашно пришла ему на помощь. Не обрадовался он и сыну.

— Мег, — заметил он, — ваши волосы растрепаны ветром.

— Мы одержали великую победу, сир, — сказала я, не уверенная, что он знает об этом.

— Я доволен, — ответил он, — доволен.

— Многие из ваших преданных сторонников совершили великие подвиги, сир.

— Это хорошие новости.

— Не посвятите ли вы их в рыцари?

— Охотно.

— Начиная с принца Уэльского?

Генрих посмотрел на Эдуарда достаточно благожелательно, но без какой бы то ни было любви или хотя бы нежности. Очевидно, что, пока он находился в плену, йоркисты отравляли его ум низкими инсинуациями, и в конце концов он поверил им. Но он был готов даровать моему сыну рыцарство, прямо здесь, на поле сражения, что меня особенно радовало. Пока совершались необходимые приготовления, я отвела Клиффорда и Сомерсета в сторону.

— Соберите всех достойных командиров, — сказала я им. — Грядет великое торжество. Особенно я хочу, чтобы в рыцари посвятили Грея Гроуби.

Они кивнули и послали своих сквайров, чтобы те выбрали наиболее достойных людей; Белла, которая въехала в город вместе со мной и принцем Эдуардом, радостно захлопала в ладоши. Тем временем Клиффорд обратил мое внимание на двух смутно знакомых людей, стоявших рядом с королем под стражей.

— В чем их преступление? — спросила я.

— Просто они йоркисты, которые не захотели убежать со всеми остальными, — ответил Клиффорд. — Это лорд Бонвилл и сэр Томас Кайрил.

Они опустились передо мной на колени.

— Граф Уорик поручил нам охранять его светлость во время сражения, ваша светлость, — объяснил Бонвилл. — Когда пришел приказ покинуть город, мы хотели увести его светлость с собой, но он попросил нас остаться с ним и продолжать охранять его особу. Мы выполнили его просьбу, ваша светлость, и теперь — ваши пленники. Но мы исполняли свой долг перед королем.

К нам присоединился Генрих.

— Это хорошие люди, Мег, — объявил он. — Я обещал отпустить их на свободу.

С этими словами он направился в ближайшую церковь, без сомнения для того, чтобы вознести хвалу Всевышнему за свое спасение.

У меня не было никаких причин ненавидеть этих людей, разве что за их принадлежность к йоркистам. Я с трудом припоминаю чувства, которые тогда испытывала, ибо слишком много событий произошло и еще должно было произойти, но я знаю, что у меня появилось даже смутное желание вознаградить эту пару, ведь они до конца защищали короля. С этой мыслью я повернулась к сыну и, все еще пребывая в прекрасном настроении, спросила:

— Что нам делать с этими двоими? Решай.

— Вели отрубить им головы, — без малейшего колебания ответил принц Эдуард. Я онемела, впервые осознав, как глубоко ранили наши злоключения эту юную душу. Пока я раздумывала, как мне поступить, — я только что сама объявила собравшимся лордам, что судьбу пленников решит принц, — Белла вдруг испустила отчаянный крик и без чувств упала на землю.

Я сразу же поняла, в чем дело. Выполняя мое приказание, лорды велели привести всех командиров,

еще не рыцарей, но достойных посвящения в этот сан. И среди этих доблестных солдат был Джон Грей Гроуби... но его несли на носилках, и из-под проломленного панциря струилась кровь.

Забыв о пленниках, я поспешила к нему. Кто-то находчиво выплеснул ведро воды на Беллу. Очнувшись, она сразу же присоединилась ко мне; с ее сбившихся волос капала вода, хуппеланд насквозь промок, грудь тяжело вздымалась.

К этой-то груди она и прижала своего мужа, быстро став такой же окровавленной, как и он.

Я сразу поняла, что он долго не проживет: ему нанесли несколько ударов булавой, а когда он упал на землю, по нему проскакали кони. Но я решила, что вдова Грея должна стать *леди* Грей, и велела отнести умирающего к королю, чтобы тот мог дважды прикоснуться к нему мечом, тем самым причислив к избранникам, возвышающимся над чернью. Это Генрих проделал с удовольствием, он всегда был на высоте, когда ему приходилось отзываться на чужую беду. Заливаясь слезами, я прижала Беллу к груди, а затем отослала сэра Джона и леди Грей, чтобы они могли провести последние часы вместе.

Меня охватило смятение. Оставив короля, я пошла посмотреть, что делает принц Эдуард. Я нашла его там же, где покинула, на главной городской площади; он наблюдал за тем, как сооружают плаху.

— Неужели эти плотники не могут заняться какой-нибудь более полезной работой? — спросила я у Клиффорда, который руководил приготовлениями.

— Они выполняют повеление принца Уэльского, ваша светлость, — ответил Клиффорд. — Бонвилл и Кайрил будут обезглавлены.

— В самом деле, сэр Джон? — резко спросила я. — Единственная их вина — в том, что они йоркисты. Но ведь они преданно охраняли короля. И он пообещал даровать им свободу.

Коснувшись моей руки, Клиффорд отвел меня в сторону.

— Возможно, его светлость так и поступил. Но без свидетелей. А принц Уэльский перед всей нашей армией осудил их на смерть. Вполне может случиться так, что через несколько лет наши люди будут получать повеления от принца. Вы думаете, его авторитет не пострадает, если первый же его публичный приказ будет с пренебрежением отменен?

Я закусила губу. Мне, разумеется, было известно, что в душе у Клиффорда та же сталь, что и у Эдуарда. Обуреваемый жаждой мщения, он готов расправиться с любым йоркистом, который попадет ему в руки, к тому же его ненависть усугубляется чувством вины, порожденным убийством молодого Рутленда. Однако его слова звучали ужасающе убедительно. Больше всего на свете я хотела, чтобы мой сын оказался как бы воплощением Великого Гарри или, еще того лучше, своего могущественного соименника Эдуарда III. Чтобы достичь подобных высот, ему придется совершать поступки, которые могут показаться жестокими или даже отвратительными. Я никак не могла прийти к определенному решению. Прежде чем я успела это сделать, ко мне на взмыленной лошади, весь в грязи подскакал гонец; устало спешившись, он упал передо мной на колени.

— Ваша светлость, — выдохнул он, — меня послал граф Пемброкский.

— Да? — проговорила я, и мне показалось, будто чья-то ледяная рука стиснула мне сердце: ясно, что этот человек привез отнюдь не радостные новости. Мне было страшно слышать, какая участь постигла Джаспера Тюдора.

— С нашей армией случилось большое несчастье, ваша светлость, — заикаясь, проговорил гонец. — Несколько дней назад граф, сопровождаемый своим отцом, встретился с йоркистами у Мортимерова креста. Йоркистами, ваша светлость, командовал граф

Марч, который, так он утверждает, видел одновременно три солнца. Вдохновляемый этим знамением, он оказался непобедим.

— Мы потерпели поражение? — спросил Клиффорд, как будто это не было уже очевидно.

— Граф Пемброкский вместе с остатками своей армии бежал. Его отец и все пленные лорды отведены в Херфорд и там обезглавлены.

— Оуэн Тюдор мертв? — пробормотала я, думая, какой эффект произведет известие о смерти отчима на Генриха.

— И многие другие, ваша светлость. Говорят, что граф Марч, который как наследник присвоил себе отцовский титул герцога Йоркского, объявил, что перебьет всех знатных ланкастерцев, чтобы отомстить за смерть отца и брата в Уэйкфилде.

Я взглянула на Клиффорда, на какое-то мгновение он побледнел, но тут же разразился громким смехом.

— Этот парень собрался обезглавить нас всех? Но сперва мы подкинем ему несколько голов, чтобы ему было чем поиграть.

Теперь не было уже никакой возможности спасти пленников. Вступись я за них, утратила бы поддержку тех самых лордов, которые помогали отстаивать престол. Стоя рядом с принцем, я наблюдала, как двух злосчастных людей, чья вина состояла лишь в том, что они выполнили свой долг, подвели к плахе и обезглавили.

Примечательно, что я впервые видела, как головы отделяют от тел.

Однако у нас были более важные дела, чем казнь йоркистов. Разгорелся яростный спор: что же делать дальше? Должна открыто признать: в тот момент я отнюдь не играла главенствующую роль как обычно. Я была физически утомлена усилиями последних нескольких дней, а сокрушительный удар, который по-

лучила как раз тогда, когда считала, что одержала полную победу, породил еще и чувство умственного утомления. Разумеется, я утешала себя мыслью, что победа йоркистов — всего лишь булавочный укол, хотя и болезненный, и справиться с этим выскочкой, молодым парнем удастся без труда. Тогда я еще не имела представления, с каким чудовищем мне придется иметь дело. Тем не менее меня угнетала мысль, что я не только не смогу отдохнуть, но вынуждена буду немедленно начать еще одну военную кампанию.

Отвлекало меня от заседания военного совета и беспокойство о Белле. Как я и опасалась, Грей умер всего через несколько часов после посвящения в рыцари. Белла впала в совершеннейшее отчаяние, и я почти ничего не могла сделать, чтобы утешить ее. Когда она попросила разрешения сопровождать тело мужа в Гроуби, где его должны были предать земле, я сразу же согласилась. Мы крепко обнялись, расцеловались, и тем же вечером, пообещав, что приедет ко мне в Вестминстер, как только я туда возвращусь, она уехала. Иногда кажется, что мы, смертные, строим свои замыслы лишь для того, чтобы Господь Бог в одно мгновение расстроил их. Я так никогда и не возвратилась в Вестминстер, и прошло более десяти лет, прежде чем мы увиделись с Беллой... К этому времени обстоятельства сильно изменились. Можно даже сказать, что мы с ней поменялись местами.

После отъезда Беллы я тут же легла и уснула как мертвая. Сон хорошо освежил и мой ум, и мое тело. Я позавтракала, оделась и вместе с принцем Эдуардом отправилась к мужу. Но едва я вышла из дома, который выбрала как свое временное пристанище, как с изумлением увидела, что моя армия собирается в поход. Я, конечно, не собиралась оставаться в Сент-Олбансе, ибо намерена была идти на Лондон... но насколько я могла видеть, моя ар-

мия готовилась отправиться в противоположную сторону, на север. Я быстро разослала сквайров с повелением собрать моих военачальников, которые тут же явились.

— Объясните мне, пожалуйста, что происходит? — повелительно спросила я. — Лондон — в той стороне. Туда направился граф Уорик. Там размещается правительство. Куда же нам идти, как не на Лондон?

Генри Сомерсет покачал головой.

— Это невозможно, ваша светлость.

Я пришла в замешательство.

— Но почему?

— К этому времени Уорик, должно быть, уже успел добраться до Лондона, — объяснил Клиффорд.

Его слова усугубили мое замешательство.

— Стало быть, мы должны последовать за ним.

— Мы уже не сможем его догнать, ваша светлость, — сказал Уилтшир. — А он пользуется большой популярностью среди лондонцев. У нас недостаточно людей, чтобы сражаться с целым городом.

— С подмастерьями! — фыркнула я.

— Но с ними герцог Йоркский, — пробормотал кто-то.

— Вы, видимо, говорите о графе Марчском, — отрезала я. — Герцог Йоркский мертв, и никто не имеет права без согласия короля присваивать себе этот титул.

— Как бы он там ни назывался, ваша светлость, — сказал Клиффорд, — он идет в Лондон со своей армией, которая пополняется на каждом привале. Двигаясь вперед, мы рискуем оказаться между Уориком и его лондонцами с одной стороны, и графом Марчским и его людьми с другой.

— Есть и еще одна причина, которую мы должны учитывать, — сказал Уилтшир. — Шотландцы. Все лондонцы возьмутся за оружие, лишь бы не допустить этих разбойников в город, тем более, ваша свет-

лость, что все помнят о вашем обещании отдать Лондон на разграбление.

В то время я, слишком разгневанная, не сумела как следует осмыслить эти слова, которые, в сущности, означали, что та речь, которую я произнесла перед нортгемптонским сражением, навсегда лишила меня шансов быть принятой в столице.

— Уж не хотите ли вы сказать, джентльмены, что одержанная нами победа бессмысленна? — спросила я полным сарказма голосом.

— Ни в коем случае, — сказал Клиффорд. — Но надо учитывать все обстоятельства. Отойдя на север, мы сможем пополнить наши силы, возможно, объединиться с графом Пемброкским и его валлийцами и, когда будем в полной готовности, попытаемся разделаться с Йорком — извините, ваша светлость, с Марчем... и Уориком.

— Значит, вы оставляете им Лондон.

— Сам по себе Лондон не имеет большого значения, ваша светлость. Значение имеет король. А король снова находится с нами. В этом истинная ценность одержанной победы. Сейчас йоркисты — мятежники, с оружием в руках восставшие против своего законного повелителя. Они это скоро поймут и тогда либо разойдутся, оставив дорогу на юг открытой, либо будут стремиться к сражению, которое мы им дадим тогда и там, где и когда хотим сами.

Возможно, я отдохнула не так хорошо, как мне казалось. Я позволила себя убедить, даже не оскорбилась, что о короле говорили так, словно он некий неодушевленный трофей, ибо именно так оно и было. Я с готовностью признала правоту моих сторонников. Мы с королем ехали впереди армии, и по обеим сторонам дороги стояли многочисленные толпы людей, собравшихся, чтобы приветствовать своего монарха. Возгласы: «Да здравствует Генрих!» перемежались возгласами: «Да здравствует капрал Маргарет», и под наше знамя стекалось множество добровольцев. К то-

му времени, когда мы достигли Йоркшира, под моим командованием была самая большая армия, которая когда-либо собиралась под знаменем английского короля. Даже и сама точно не знаю, сколько людей выразили готовность обнажить свой меч в защиту нашего правого дела, но по прикидочным оценкам наша армия насчитывала шестьдесят тысяч человек.

Я уже собиралась повернуть обратно на юг, когда мы получили сообщение, что граф Марчский направляется на север, готовый дать нам сражение.

Но это было еще не все. Этот девятнадцатилетний юноша питал честолюбивые замыслы, которые шли куда дальше, чем относительно скромные притязания его отца. Соединившись с остатками сил Уорика он вошел в Лондон, где был радостно принят горожанами. А чего другого от них можно было ждать? Получив такую поддержку, этот полувзрослый преступник созвал парламент и на совместном заседании палаты лордов и палаты общин, поддерживавших дело йоркистов, рискнул претендовать не только на титул герцога Йоркского, но и на английскую корону.

Он выступил против нас как король Эдуард IV.

Глава 12

Мои лорды, разумеется, высмеяли необоснованные притязания молодого Марча, а я напомнила себе, что юноша не был должным образом ни помазан на царствование, ни коронован; объявление о низложении Генриха не имело под собой никакого законного основания. В то же время, должна признаться, меня неприятно поразила дерзость этого поступка. Беспокоило и опубликование Марчем генеалогической таблицы, из которой совершенно ясно следовало, что он обладает куда большими правами на трон, чем мой муж. Но наибольшую тревогу внушал тот восторг, с каким лондонцы заключали его в свои объятья, —

уже ходили рассказы о том, что особый пыл проявляли при этом женщины, буквально душившие в объятиях молодого гиганта (шести футов и нескольких дюймов роста), — а также та щедрость, с какой они ссужали ему деньги, в чем почему-то отказывали моему бедному мужу.

Я не могла не поделиться своими опасениями с Генри Сомерсетом, и он разделил мое волнение.

— Наша единственная надежда — сразиться с этим негодяем, разбить его армию и прикончить его самого, — объявил он. — Нечего даже и думать о том, чтобы вести с ним какие-либо переговоры, а тем более проявлять милосердие. Он изменник и мятежник, и не приходится сомневаться, какая судьба постигла бы короля и принца Уэльского, если бы он восторжествовал.

И какая судьба постигла бы меня, подумала я и вздрогнула, вспомнив, что рассказывали об этом распутнике. Как он поступил бы, обнаружив у своих ног прекрасную пленницу? Я только что отпраздновала, если уместно употребить это слово, свой тридцать первый день рождения и должна заметить, что, несомненно, благодаря напряженной жизни, которую вела вот уже два года, была здорова и физически сильна, а стало быть, и прекрасна, как и в прежние времена.

Я безоговорочно согласилась с точкой зрения Сомерсета. Учитывая, какой потрясающей силой мы в тот момент располагали, необходимо было ускорить сражение.

Было очевидно, что это сражение должно стать решающим; мы все сошлись во мнении, что это будет последний «бросок костей», и сосредоточили усилия на том, чтобы этот бросок увенчался успехом.

В той безрассудной решимости, с которой йоркисты торопились ввязаться в сражение с нами, мы усматривали благоприятное для себя обстоятельство. К тому

же Уорик, видимо, стремился восстановить свою репутацию, изрядно пострадавшую от нанесенного ему — и кем, женщиной! — поражения. Лазутчики донесли нам, что граф командует авангардом молодого «короля», чье возвышение он рассматривает как свой личный триумф. Марч следовал за ним с несколько меньшей поспешностью.

Я разместила свою штаб-квартиру в Йорке и собрала военачальников, чтобы изложить им свои мысли. Я с большим тщанием изучила карту. Меня вновь окружали знатнейшие вельможи Англии, которые под моим знаменем изведали вкус победы, поэтому никто из них не был склонен оспаривать предполагаемую мной диспозицию. Могу добавить, что король Генрих не принимал участия в наших совещаниях; он предпочитал молиться. Я предполагала, что он молится за дарование нам победы, однако воздержалась от каких-либо расспросов.

Предыдущие столкновения с йоркистами многому меня научили. Я участвовала — до некоторой степени в роли командующего — в трех сражениях. В Сент-Олбансе враг придерживался оборонительной тактики, занимая довольно неудачные позиции. Я вынудила его оставить эти позиции и сумела захватить врасплох, во время движения. И в Блор-Хите и в Нортгемптоне моим войскам пришлось пересечь реку, и в обоих случаях это имело катастрофические последствия. Конечно же, оказывали влияние и другие факторы, но в обоих случаях соседство реки катастрофически повлияло на исход битвы.

В десяти милях южнее Йорка протекала река, которая называется Эр. С севера к ней примыкало обширное болото, идеальное место для расположения войска. Я была уверена, что Марч испытывает куда большее беспокойство, чем я, ибо его судьба всецело зависела от того, сумеет ли он утвердить свое право на трон, схватив Генриха и заставив его отречься или убив его, — результат для него был бы один и тот же.

— Следовательно, — объяснила я своим военачальникам, — он будет стремиться к нападению. Если мы расположим линию нашей обороны вдоль Эра, разместив главную часть армии на болоте, то он окажется перед неразрешимой проблемой. Фронтальная атака будет угрожать катастрофой. Поэтому он станет добиваться, чтобы мы изменили свои позиции. Тут-то мы сможем атаковать его как и где хотим. — Я обвела взглядом лица присутствующих и не видела на них ничего, кроме согласия с моим предложением. — Наша полевая штаб-квартира будет здесь, — сказала я и ткнула пальцем в карту, указывая на деревню Таутон, находившуюся в восьми милях южнее Йорка, на краю болота.

И на этот раз я не услышала возражений.

— Милорд Нортумберленд, — продолжила я, — вы будете командовать авангардом, милорд Сомерсет, вам поручаются главные силы. А вы, Клиффорд, получите под начало кавалерию и станете патрулировать берег реки.

— А где будете вы, ваша светлость? — спросили они.

— Я буду с герцогом Сомерсетским.

Тут они запротестовали, и мне, как обычно, пришлось уступить. Я хорошо понимала, что забота о моей безопасности и в самом деле могла отвлекать военачальников от их главной задачи — сражаться с врагом; к тому же, распорядившись об изначальной диспозиции, я уже не могла влиять на ход самого сражения, во всяком случае в его ранней стадии. Но в Таутоне была достаточно высокая колокольня, и с этого наблюдательного пункта открывался вид на все окрестности. Имея в своем распоряжении группу дюжих ординарцев, я могла через них передавать команды всем, кому сочту необходимым, и более эффективно влиять на ход сражения, чем если бы находилась в самой его гуще. В Нортгемптоне, во всяком случае, находясь на возвышенности, я действовала вполне

удачно, пока не разразился этот проклятый ливень. Итак, я согласилась.

Боюсь, что даже после шестнадцатилетнего пребывания на троне в этой сумрачной стране, я так и не поняла как следует всей непредсказуемости английской погоды. Разумеется, ни один уважающий себя континентальный полководец не станет проводить военные кампании зимой. Дядя Шарли всегда делал перерыв с октября до апреля, а такие великие воители, как Генрих V, Эдуард III, или Черный Принц, высаживались во Франции лишь в самый разгар лета.

Но в этой войне были отброшены все общепринятые обычаи; сражение под Уэйкфилдом состоялось в декабре. Две битвы произошли на февральском снегу, но март оказался еще холоднее, чем предыдущие месяцы. И все же, даже когда небо затянули темные тучи, никто не ожидал снежной бури.

Получив донесение о приближении Уорика с его авангардом, я приказала своей армии выступить на исходные позиции, а сама пошла к королю. С тех пор как увиделись снова, мы ни разу не спали с ним вместе; Генрих отринул все плотские помыслы, а у меня хватало других забот, к тому же я не испытывала ни малейшего желания разделить с ним ложе, зная, что из этого все равно не выйдет ничего хорошего, одни неприятности. Однако он оставался королем Англии, и это его армией я командовала, надеясь привести ее к победе.

— Полагаю, что последующие несколько дней будут решающими для вашего царствования, сир, — сказала я. — Не изволите ли вы вместе со мной наблюдать за ходом битвы? Это поднимет дух армии.

— Завтра суббота, — последовал ответ.

— Я знаю, сир.

— Мег, Мег, — запротестовал он, — вы сущая язычница. Если завтра суббота, то послезавтра — воскресенье.

— Меня всегда восхищала логика ваших рассуждений, ваша светлость.

— Что еще важнее, — продолжил он, не обращая внимания на мой сарказм, — послезавтра будет Вербное воскресенье, когда все добрые люди, среди них, естественно, и добрые женщины должны коленопреклоненно молиться. Нет, нет, в этот уик-энд не может быть никаких сражений, если только мы не возвратимся в Йорк к завтрашнему вечеру.

Спорить с ним, доказывать, что Уорик вряд ли прекратит продвижение из-за религиозного праздника, было бесполезно.

— Уверяю вас, сир, — сказала я, — что завтрашний, а возможно, и воскресный день намерена провести в церкви. — Я могла бы добавить: «На колокольне», но не добавила, зачем вдаваться в мелкие подробности?

Я поехала вместе с военачальниками осмотреть расположения наших войск; Марч, как стало известно, объединился со своим кузеном Уориком в Понтефракте, и не оставалось никаких сомнений, что на следующий же день они войдут в соприкосновение с нами. Я уже осмотрела всю окружающую местность и выбрала подходящие позиции. Войска должны были находиться на вершине невысокого холма, следовательно, взбираясь по его склону, йоркисты окажутся в невыгодном положении. Позиции эти имели и другие преимущества: их нельзя было обойти, потому что мой правый фланг был защищен утесом, а левый — болотом.

— Наша линия обороны неприступна, ваша светлость, — сказал Троллоуп. Он нуждался в победе более чем кто-либо другой, кроме меня. Легко было предсказать, какая участь его постигнет, если он попадет в руки йоркистов, из рядов которых в прошлом году дезертировал.

Но я разделяла его мнение. К этому времени стали приходить донесения, что авангард врага приблизился к реке, поэтому я послала Клиффорда с его конницей, дабы не дать им переправиться через реку, и в наилучшем настроении отправилась спать. Еще двадцать четыре часа, еще одна битва, и королевство, без сомнения, снова окажется в моих руках. Но в то время как я с Генри Сомерсетом и принцем ужинала, на взмыленном коне прискакал ординарец.

— Вражеские силы пересекли реку, ваша светлость, — запинаясь, проговорил он.

— Как это могло произойти? — спросила я, отказываясь разделить его беспокойство.

— Они переправились через неохраняемый брод у Феррибриджа, — сказал ординарец.

— Прошли ли главные силы? — спросил Сомерсет.

— Нет, милорд. Брод захвачен отдельным отрядом. Главные силы еще не подошли.

— Этот малый — глупец, — сказала я. — Он не умеет развивать временные успехи. Мы должны немедленно выбить их оттуда.

Сомерсет кивнул.

— Этим я и займусь.

— Ваша светлость, милорд, простите меня, — сказал ординарец, — но милорд Клиффорд уже на пути к Феррибриджу. Он меня и послал с докладом.

Очевидно, Клиффорд и его конница должны были добраться до места быстрее, чем Сомерсет смог бы собрать достаточно людей для выполнения этой задачи; во всяком случае, я была против разъединения наших сил, даже если йоркисты и переправились через реку в полном боевом порядке. Поэтому оставалось положиться на Клиффорда. Но о том, чтобы как следует выспаться, пришлось забыть.

Я проснулась и поднялась с первыми проблесками рассвета. Байи была слишком стара, чтобы участвовать в военных кампаниях, поэтому я оставила ее в

Йорке, а с собой захватила пару молодых девушек. Я наспех завтракала, когда от Клиффорда прискакал еще один ординарец.

— Важные новости, важные новости! — провозглашал он. — Лорд Клиффорд снова захватил брод. Йоркисты еще спали, когда он на них напал, все они мертвы.

— Новости действительно важные, — сказала я. — Хотелось бы знать, что теперь предпримут эти два негодяя.

Принц и я отправились к моей колокольне. Сомерсет проводил нас до Таутона, до нашего наблюдательного пункта. Он был, конечно, доволен триумфом Клиффорда, но обеспокоен погодой, ибо облака теперь плыли чуть ли не над самой землей, темные и угрожающие. Но у меня все еще не возникало никаких сомнений по поводу исхода сражения.

— Если хлынет дождь, ну что ж, наша артиллерия окажется бесполезной, но и с их артиллерией произойдет то же самое, Генри. Не унывай.

Хорошо, что я сказала ему это; когда я в последний раз обняла его, перед тем как подняться по лестнице, прибыл третий ординарец. Достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы догадаться: случилась катастрофа.

Оказалось, что нам нанесен тяжелый удар. Напрасно я принимала молодого, пусть и неопытного Марча за идиота, ничего не смыслящего в военных делах, — он сразу же проявил себя как человек неистощимой энергии, достаточно одаренный полководец. Он и в самом деле захватил брод в Феррибридже, но это, вероятно, был лишь отвлекающий маневр, ибо он понимал, что мы очень скоро узнаем об этом, и Клиффорд попытается вытеснить его передовой отряд. Но он, видимо, хорошо знал Клиффорда и был уверен, что этот беззаботный и даже безрассудный человек тут же почиет на лаврах, потому что в то же самое время йоркисты захватили другой брод, в Касл-

форде, в трех милях выше по течению, а *мы об этом ничего не знали*. И вот, когда Клиффорд уже праздновал победу, на него обрушились с тыла неистовые йоркисты.

— Его люди разгромлены, ваша светлость, — доложил несчастный гонец.

— Милорд Клиффорд?

— Мертв, ваша светлость. Стрела попала ему прямо в горло.

Я посмотрела на Сомерсета в замешательстве: Клиффорд был его лучшим другом. Однако ситуация не способствовала тому, чтобы оплакивать погибшего.

— И что же сейчас происходит? — спросила я.

— Йоркисты вновь захватили Феррибридж, ваша светлость, и вся их армия переправляется через реку.

Я поспешно поднялась на колокольню, Сомерсет следом за мной. Стоя у парапета, мы посмотрели на нашу армию, расположенную в двух милях южнее, на краю болота — там щетинились копья и реяли знамена.

— Мы должны присоединиться к своим людям, — сказала я.

— Но ведь мы договорились, что вы будете находиться здесь, ваша светлость, — возразил Генри.

— Я возвращусь сюда после начала сражения, — обещала я. — А до тех пор хочу быть со своими людьми. — Я положила руку ему на плечо. — Забудьте о Клиффорде, Генри. Нам остается только отомстить за него.

День был в самом разгаре, поэтому можно было предполагать, что сражение состоится завтра, как раз в Вербное воскресенье. Это, естественно, огорчит милорда короля, но тут уж ничего нельзя поделать. Между тем мой долг — воодушевить войска, как я это сделала перед нортгемптонским сражением; вмес-

те с принцем Эдуардом я проехала перед ними, напоминая, что они сражаются за правое дело, и призывая их превзойти самих себя. За это я была щедро вознаграждена криками «ура» и возгласами «Да здравствует капрал Маргарет!».

В то же время я внимательно наблюдала за йоркистской армией, которая постепенно располагалась на противоположном от нас склоне, хотя, как я и предвидела, уже почти стемнело, когда они наконец заняли свои позиции. Все это время мною владело сильное искушение напасть на них и попытаться разбить по частям, но и я и мои военачальники чувствовали, что наши оборонительные позиции сильны, и было бы ошибкой рисковать сражаться в менее выгодных условиях. Мы ждали и наблюдали, как вдруг Сомерсет притронулся к моей руке.

— Взгляните, ваша светлость.

Я прищурила глаза, чтобы лучше видеть, и различила всадника в черных доспехах, чья голова и плечи намного возвышались над всеми окружающими.

— Это герцог Йоркский, — сказал Сомерсет.

Мне не понравились нотки почтительного ужаса, которые прозвучали в его голосе.

— Вы хотите сказать, граф Марчский, — поправила я. — Рослый юноша. Тем легче будет попасть в него стрелой.

Граф Марчский подъехал к своей армии, и на мгновение мне показалось, что он в самом деле намеревается сражаться в темноте, что было бы очевидным безумием. Но спустя мгновение от него отъехали два всадника, направляясь к нам; один из них держал в руках белый флаг и рожок, в который он протрубил несколько раз, давая знать о своем приближении. Принц, Сомерсет и я выехали вперед, и к нам тут же присоединились несколько лордов.

В пятидесяти футах от нас герольд натянул поводья и развернул пергамент. За нашей спиной послышался заинтересованный шепот, затем все стихло,

только ветер шелестел нашими знаменами и белым флагом.

Герольд начал читать громким отчетливым голосом:

— Возглашаю слова его светлости Эдуарда IV, короля Англии, Франции и Ирландии. Да будет всем известно, что собравшийся в Лондоне парламент этой страны единодушно объявил Генриха Виндзорского, доселе именовавшегося Генрихом VI, неспособным к управлению и принял решение о его низложении. Королем этого государства парламент единодушно выбрал его светлость Эдуарда Иоркского... — На какой-то миг он остановился, но ни один человек в наших рядах не пошевелился.

Герольд возобновил чтение:

— С этого момента, следовательно, Генрих Виндзорский, его жена принцесса Маргарита Анжуйская и ее незаконнорожденный сын, именуемый принцем Уэльским, являются стоящими вне закона государственными изменниками.

Снова послышался ропот, на этот раз, к моей радости, гневный.

— С этого момента любой человек, будь то лорд или виллан, который попытается защищать либо оказывать какую-либо помощь или поддержку упомянутому Генриху Виндзорскому, упомянутой Маргарите Анжуйской либо упомянутому Эдуарду Уэльскому, также является стоящим вне закона изменником. Да будет известно всем и каждому, что его светлость король намеревается во главе своей армии атаковать и схватить упомянутого Генриха Виндзорского, Маргариту Анжуйскую и Эдуарда Уэльского и заключить их под стражу, впредь до решения парламента. Да будет также известно, что тем, кто попытается сражаться за этих стоящих вне закона изменников, не будет никакой пощады. Те же, кто хочет доказать свою лояльность его светлости королю, должны сложить оружие и уйти этой ночью. Им не будет причинено никакого вреда. С наступлением же рассвета

каждый человек, обнаруженный здесь с оружием в руках и под знаменем упомянутых изменников, будет казнен на месте. Такова воля его светлости Эдуарда IV, короля Англии, Франции и Ирландии.

Дочитав свой пергамент, глашатай развернул коня и поскакал обратно, причем куда более поспешно, чем подъехал, видимо опасаясь, как бы один из моих уэльских лучников, презрев белый флаг, не отправил ему вдогонку стрелу.

Послание Марча привело моих лордов в некоторое замешательство. Но я улыбнулась им и сказала:

— Ну что ж, милорды, по крайней, мере теперь мы знаем, чего ожидать. Поверьте мне, если среди нас есть хоть один слабодушный человек, которого напугали эти угрозы, он волен уйти сейчас же, сию минуту. — Разумеется, никто из них не решился объявить себя трусом. — Ну что, милорд Сомерсет, — сказала я. — Думаю, нам следует дать им подобающий ответ.

Мы послали к армии Марча своего глашатая, который возвестил следующее: Эдуард Марчский, по своему собственному признанию, является изменником; Ричард Уорик и все лорды, которые собрались под его знаменем, также являются изменниками. Изменниками являются и все рядовые солдаты. Единственная остающаяся у них надежда, сказал глашатай, покинуть Белую Розу, которая впервые появилась над рядами мятежников, и разойтись по домам.

Должна признаться, что нашу угрозу противники встретили громкими насмешками, но как бы то ни было, жребий был брошен. В предстоящем сражении ни одной из сторон не будет пощады, все будут вынуждены биться не на жизнь, а на смерть. С этой мыслью я быстро уснула среди моих смелых защитников. Я была уверена, что все решится на следующий день.

Оглядываясь на прожитую жизнь, могу с полным основанием сказать, что Всевышний обошелся со мной не слишком-то хорошо. Возможно, со временем Он еще пожелает искупить вину передо мной, но времени остается уже так мало. А искупить надо слишком многое. Не буду упоминать о том, что, к несчастью, я стала женой Генриха Виндзорского, тогда как могла быть замужем за Карлом Шароле или даже Яковом, королем шотландским. Моя жизнь сложилась бы совершенно по-иному. Я не забыла ливня, который расстроил все наши замыслы в Саутгемптоне, и не могла даже допустить, что в решительный момент Господь Бог окажется столь неблагосклонен ко мне, что ниспошлет такое же бедствие.

Хотя в ночь сильно похолодало, спала я крепко. Так как в руках у меня покоился принц Эдуард, нам было лучше, чем многим другим, однако мы оба дрожали, когда проснулись в зыбком полусвете зимнего утра. Наша армия усиленно готовилась к сражению. Сомерсет, в полном боевом снаряжении, — вполне естественно, ибо все мы спали в чем были, — держал лошадей для нас наготове. Он подсадил меня в седло, и я, наклонившись, пожала ему руку и поцеловала в щеку, напомнив ему таким образом, что изо всех людей я полагаюсь прежде всего на него. Вместе с принцем мы проехали вдоль рядов моей армии, которая громкими криками выразила нам свою преданность и любовь. Это был великий момент.

Принц Эдуард, я, мои фрейлины вместе с нашим эскортом возвратились в Таутон. Мы с принцем поднялись на колокольню, чтобы наблюдать за ходом сражения. Становилось все более и более холодно, солнце не показывалось, и, стоя в шестидесяти футах над землей, мы с Эдуардом принуждены были прихлопывать в ладоши, чтобы хоть как-то согреться. Но меня согревало ожидание решительной победы над продвигавшимися вперед йоркистами — они вот-вот подойдут на расстояние выстрела из лука. Наши по-

зиции были очень сильны, к тому же мы обладали значительным превосходством в численности, поэтому у меня не возникало сомнения, что нападающая сторона — а это не кто иной как йоркисты, — пытаясь прорвать наши ряды, должна понести непомерно большие потери.

Однако Господь Бог спутал все мои расчеты! Как я уже сказала, утро выдалось очень холодное и темное, тучи, наползая друг на друга, мчались над самыми нашими головами. Ветер дул с юга, в лицо моим людям. Неприятно, конечно, но не фатально; в свое время я говорила Сомерсету об этом, и мы решили, что наши лучники подпустят йоркистов на сто ярдов, прежде чем начать стрельбу. Этого-то мгновения мы и ожидали; мои солдаты терпеливо сносили выстрелы йоркистов, чьи лучники, пользуясь попутным ветром, стали стрелять раньше, чем это обычно делалось. Но их стрелы почти не причиняли урона, и я со спокойным сердцем наблюдала за приближением бряцающей оружием и доспехами массы людей, быстро распознав ехавших рядом Эдуарда Марча и Уорика. Один выделялся своим огромным ростом, другой был куда меньше, но обращал на себя внимание быстрыми нервными движениями. Расстояние между двумя армиями стремительно сокращалось, и я видела, что Сомерсет уже готовится дать нашим лучникам сигнал начать стрельбу... когда вдруг пошел снег.

Сначала это были лишь носившиеся в воздухе редкие снежинки, одна из них села мне на нос, и я быстро смахнула ее, ибо и без того уже замерзла. Но прежде чем я успела перевести дух, все перед нами застлала сплошная пелена снега. Задыхаясь и дрожа, я вместе с принцем Эдуардом вглядывалась в эту белую тьму. С таким же успехом мы могли быть не в двух, а ста милях от поля сражения. Снежная завеса отрезала нас от всего внешнего мира; стоя на колокольне, мы ничего не знали о происходящем и не имели никакой возможности повлиять на события.

А тем временем шло самое мрачное, самое кровопролитное сражение, которое когда-либо разыгрывалось на английской земле. Да, ожесточенные схватки случались между саксонцами Альфреда[1] и датчанами, но в них участвовали небольшие армии и длились они недолго. Битва при Гастингсе[2], говорят, продолжалась с утренней зари и до заката, но вряд ли в ней участвовало более десяти тысяч солдат с каждой стороны, и далеко не все были убиты. Столкновения между Симоном де Монфором[3] и королевскими силами можно назвать простыми стычками; таковы же были полвека спустя столкновения англичан с валлийцами и шотландцами, исключая, возможно, Баннокбёрн, если сравнивать их с этим знаменитым днем — 29 марта 1461 года. Армия сторонников Ланкастеров насчитывала более тридцати тысяч человек, тогда как йоркисты имели войско чуть меньшей численности. С обеих сторон собрались самые большие армии, какими за всю английскую историю командовал какой-либо король, единственное исключение — та армия, которую Эдуард II привел к катастрофе под Баннокбёрном (огромное полчище, по утверждению некоторых историков, насчитывающее сто тысяч человек — что, на мой взгляд, является большим преувеличением, — содержало в своих рядах всего группку солдат, проникнутых истинно боевым духом, только это и может объяснить, почему несметное войско так легко обратилось в бегство). Здесь же участвовали в сражении два короля, так, по крайней мере, внушали нам йоркисты, и все солдаты в обеих армиях были видавшими виды ветеранами.

Как я уже сказала, баннокбёрнская битва окончилась поражением. В Таутоне сражение длилось с незатихающей яростью весь день, и весь день я посы-

---

[1] Альфред Великий, король западных саксонцев (849—899).

[2] Английский город, возле которого Уильям Завоеватель (1066—1087) нанес поражение саксонцам.

[3] Английский военачальник и государственный деятель (ок. 1208—1265).

лала ординарцев, чтобы хоть как-то следить за происходящим, ибо ничего не видела, только слышала ужасающий шум. Первый ординарец, вернувшись, сообщил, что этот молодой негодяй Марч снова обнаружил полководческий талант: когда, после первоначального обмена стрелами, неожиданно пошел снег, он не только остановил наступление, но и приказал отступить на несколько ярдов, чтобы наши ответные стрелы в этой буре не могли долететь до его людей.

Но это была лишь временная неудача, за которой, однако, последовала гораздо худшая: очередной гонец сообщил мне, что граф Нортумберлендский и сэр Энтони Троллоуп, в негодовании на все происходящее, оставили оборонительные позиции и повели своих людей вперед. Это было сделано в нарушение всех моих распоряжений, и непокорные тотчас же оказались в трудном положении, ибо натолкнулись на заграждение из своих же собственных, воткнувшихся в землю стрел; в то время как они пытались перестроиться, их настиг второй ливень стрел; потеряв много людей, им пришлось отступить.

К счастью, это нарушение дисциплины не повлияло на всех остальных, и как раз в тот момент, когда я садилась на лошадь в решимости сплотить свою армию или умереть, прибыл еще один ординарец: он сообщил мне, что две армии наконец столкнулись. Впрочем, я уже догадалась об этом по шуму, доносившемуся из-за снежной пелены. Но этот добрый малый заверил меня, что мои люди держатся непоколебимо, остановив продвижение йоркистов по всей линии. Так как мы все еще обладали численным преимуществом, в конце концов это решило бы судьбу сражения в нашу пользу. Битва свирепствовала почти десять часов, и все это время мне и принцу приходилось полагаться на сообщения ординарцев. Они рассказывали душераздирающие истории о высоких грудах нагроможденных друг на друга тел, о ручьях крови, бегущих с холмов в долину, и о чу-

десах храбрости и подвигах, совершаемых вождем йоркистов; последнее было не слишком-то приятно слышать. По достоверным оценкам, на таутонском поле полегло всего около двадцати тысяч человек, поровну с каждой стороны.

День, если так можно его назвать, ибо солнце ни разу не показалось, уже переходил в вечер, когда снег наконец прекратился. Не без некоторого труда, так как мои сапоги по самую щиколотку утопали в сугробах, к тому же было очень скользко, я возвратилась к своей колокольне. Со смешанным чувством гордости и ужаса смотрела я на впервые открывшееся передо мной поле сражения. Знамена Алой Розы реяли высоко в воздухе, и мне показалось, что мои солдаты продвинулись вперед. Это могло означать только, что йоркистов постепенно оттесняют. Победа уже маячила перед нами, когда принц Эдуард вдруг схватил меня за руку.

— Что это за люди, мама?

Прищурившись, я всмотрелась в сгущающиеся сумерки. Реку пересекал какой-то большой отряд. Мое сердце подпрыгнуло, ибо я подумала, что это, возможно, граф Пемброкский. Может быть, Джаспер Тюдор привел подкрепление, набранное в Уэльсе. Эта надежда оказалась, однако, недолговечной. Мне никак не удавалось различить знамена, развевавшиеся над приближающимся отрядом, но те, что находились вблизи, я видела. Неожиданно несколько групп людей отделились от моей армии и быстро направились на север. Я тотчас же послала гонца выяснить, что происходит; он вернулся через полчаса с пепельно-серым лицом.

— Это лорд Стэнли, ваша светлость, — доложил гонец. — Он идет под знаменами Белой Розы.

Я сразу поняла, что все потеряно. Когда две примерно равные силы сражаются продолжительное время, неизменно побеждает полководец, способный ввести в бой свежее подкрепление, пусть даже и немногочислен-

ное, — такова аксиома военной стратегии. Стэнли возглавлял отряд в несколько тысяч человек. В свете последующих событий вполне можно было предположить, что Эдуард Марчский заранее призвал Стэнли на помощь и, зная о его предстоящем прибытии, навязал нам длительное многочасовое сражение. И хотя казалось, будто его войско терпит поражение, он знал, что конечная победа останется за ним. Если присовокупить сюда его тактику перед сражением, я вынуждена против своей воли признать, что как полководец — и это, заметьте, в девятнадцать лет — он ничуть не уступает не только Генриху V или Черному Принцу, но даже Эдуарду III. Более того, со всем уважением к своим соотечественникам-французам, которые в Азенкуре, Пуатье и Креси пострадали из-за дурного командования и чрезмерной гордыни, должна сказать, что никто из этих троих могущественных полководцев не сталкивался со столь преданной и решительной, да еще расположенной на столь выгодных позициях армией, как мои ланкастерцы в Таутоне.

Но теперь все было кончено. Мои солдаты разбегались во всех направлениях. Принц Эдуард и я уселись на лошадей, дожидавшихся у подножия нашей колокольни. Таутонцы глазели на нас, будто мы привидения, а мы и в самом деле очень скоро могли стать привидениями. Меня охватило такое непреодолимое отчаяние, что в какой-то ужасный момент я едва не направила свою лошадь к месту заканчивающегося сражения. Но я вспомнила, кто я, каковы мои обязанности, первая из которых — заботиться о принце, и повернула свою лошадь в сторону Йорка. Я была полна решимости предотвратить захват короля йоркистами.

Но вернусь к битве и довершу свой печальный рассказ. Около двадцати тысяч солдат пали на поле сражения, не меньшее число было и раненых. Сопоставить это кровопролитие можно лишь с теми побои-

щами, которые учиняли турки, воюя против Венгрии и Сербии. Некоторые из моих знатных вельмож погибли. Графу Девонширскому удалось добраться до Йорка, но там он был схвачен и казнен. Граф Уилтширский, славившийся своим умением спасаться после поражения, сумел достичь Коккермаута, но там удача изменила ему, и он лишился головы.

Отсюда можно заключить, что йоркисты повсюду преследовали моих сторонников. Прежде всего они, разумеется, разыскивали короля и меня, но мы успели ускользнуть и сейчас, не щадя лошадей, скакали в сторону границы, чтобы укрыться в Шотландии. В объятиях Марии Гельдернской. Бушевал ветер, погода стояла отвратительная.

Честно сказать, я надеялась на радушный прием. Во всяком случае, нас беспрепятственно пропустили в Шотландию и, как только мы назвались, препроводили в Линлитгоу, а оттуда в эдинбургский монастырь черных монахов[1]. Я видела в этом благой знак, ибо в мой предыдущий визит меня так и не пустили в столицу, но на этот раз Мария, видимо, решила оказать нам официальный прием. Поэтому меня особенно сильно поразили последующие события. Мы все в ожидании королевы собрались в большом монастырском зале. Кроме короля, меня и принца Эдуарда тут были мои фрейлины, включая Байи, с трудом перенесшую наше поспешное путешествие, а также Сомерсет, несколько бежавших с нами лордов и, конечно, Джон Комб. Собрались также добрые монахини, чтобы приветствовать свою монархиню. Но наша группа находилась в самом центре.

Мария вошла как обычно в облаке золотых волос, в разлетающихся юбках, стряхивая грязь с сапожек. Естественно, я немало думала над тем, как вести себя

[1] Доминиканцы, которых называли так за их черные рясы.

во время второй встречи с этой сильной женщиной. В первый раз я предстала перед ней в роли просительницы, но уехала с надеждой вернуть себе свое высокое положение. И вот, спустя всего два месяца, я вновь перед ней, и все в той же роли просительницы. Я подумала, что нужно как можно быстрее восстановить прежнюю близость между нами, поэтому при ее появлении выступила вперед с улыбкой и сказала:

— Похоже, прелестная кузина, судьба не хочет, чтобы мы разлучались.

К моему смущению, королева шотландцев не улыбнулась в ответ.

— В самом деле, ваша светлость, — сухо ответила она, — похоже, вы с судьбой не в ладах.

С этими словами она прошла мимо меня, сделала легкий реверанс перед королем, который как всегда очень смутно представлял себе, что происходит, и заметила:

— Нам надо многое обсудить. Пока же вы найдете убежище в этом монастыре. — Ее взгляд облетел всю нашу группу и остановился на лице Сомерсета. Как и я, он улыбнулся, ведь прошло всего два месяца с тех пор, как он держал в объятиях эту ненасытную красавицу.

Однако и на него она посмотрела холодно.

— Что до вас, милорд Сомерсет, то вы не заслуживаете никакого приветствия. У вас слишком длинный язык.

Я была глубоко встревожена столь высокомерным обращением, но сразу же поняла, что все это неспроста. Едва королева удалилась в свои покои, я тотчас же послала за Генри Сомерсетом.

— Происходит нечто такое, чего я не понимаю, — сказала я ему, — но это может нанести ущерб нашему делу. Вы оскорбили королеву шотландцев. Каким образом? В последний раз вы виделись с ней тогда же, когда и я.

Он был сильно сконфужен.

— Ваша светлость, должно быть, я слишком возгордился своим успехом.

Она сказала, что у него слишком длинный язык.

— Боже мой! — воскликнула я. — Вы хвастались, что спали с шотландской королевой?

— Возможно. Навеселе.

— Вы глупец и подлец, — вскинулась я. — Вполне вероятно, вы погубили наше дело. — И тут меня осенило: — А вы никогда не хвастались, что обладали мной?

— Нет, нет, ваша светлость, — заверил он. — Вы моя королева.

Я сверкнула на него глазами, не зная, правду он говорит или нет. Но в тот момент меня больше всего беспокоил вред, который он мог нанести моим отношениям с Марией. Я послала служанку с просьбой об аудиенции, но удостоилась ее лишь через двадцать четыре часа. Все это трудное для меня время король Генрих был совершенно счастлив. Он находился в монастыре, и его интересовали только молитвы и духовенство; он тут же снискал большую популярность среди монахинь.

К моему облегчению, Мария приняла меня одна, полностью одетая, стоя у камина, причем не в своей спальне, а в примыкающей к ней комнате, откуда через открытую дверь я могла видеть спальню. Это было неподходящее время для утонченного выяснения отношений.

— Мария, — сказала я, — глупый юноша признался в своем преступлении. Я ужасно сожалею.

— Вы можете отослать его куда-нибудь из Шотландии, — проворчала она в ответ.

— Так я и сделаю, обещаю, — заверила я. — Но, Мария... — Я подошла ближе. — Мне не хотелось верить, что неразумие неосторожного юноши способно положить конец нашей дружбе.

Мария села и пригласила меня последовать ее примеру.

— Ваш любовник погубил мою репутацию.

Я сильно усомнилась в ее утверждении, столь ненасытно чувственная женщина наверняка погубила свою репутацию уже давно.

— Я все еще люблю вас, — рискнула я произнести. Конечно, я никогда ее не любила, как бы она меня ни возбуждала. Но теперь я должна была пользоваться всеми средствами, какие только имелись в моем распоряжении.

— В самом деле, Мег? — спросила она, и ее лицо смягчилось. — Если бы я могла вам поверить!

— Прошу вас, поверьте мне, — умоляющим тоном произнесла я, опускаясь перед ней на колени.

Она поцеловала меня в губы, но ее тело оставалось бесчувственным.

— Мои вельможи говорят, что вы приехали ко мне лишь потому, что находитесь в отчаянном положении.

— Не буду отрицать, мы действительно в отчаянном положении, — призналась я. — Но... если бы только в этом заключалось все дело, я поехала бы во Францию и попросила о помощи короля Карла и моего папа.

— Возможно, это был бы наилучший выход, — пробормотала Мария.

Я начинала тревожиться.

— Вы хотите сказать, что откажете мне в помощи?

Она вскочила так резко, что ее юбки вихрем взметнулись, и от неожиданности я села.

— Это не такое легкое дело. Знаете ли вы, что я кузина герцога Бургундского?

— В самом деле? Я тоже его кузина.

— Граф Уорик уговорил герцога Филиппа поддержать дело йоркистов.

«Ах, гадюка», — подумала я, но продолжала улыбаться.

— Мне трудно в это поверить, милая Мария. — Пол был твердым и холодным, и я тоже поднялась. —

В январе, когда я находилась здесь, вы не упоминали об этом.

— Тем не менее переговоры в то время уже шли. Начались они еще при покойном герцоге Йоркском.

— Вы хотите сказать, что между Бургундией и Йоркским Домом существует официальный союз? — Я пришла в ужас. — И вы знаете условия договора?

— Не все. Но я знаю, что граф Шароле помолвлен с дочерью Йорка, которая сейчас является сестрой короля Англии de facto.

— Самозваного короля, Мария, — поправила я. — Ни одна страна не может иметь двоих королей. И ни один человек не может быть коронован, пока жив истинный помазанник, если только он не отрекся. А Генрих никогда этого не делал.

— Однако ходят разговоры об изначальной узурпации... — Она вздохнула. — Герцог Филипп настаивает, чтобы я не помогала вам. Сейчас здесь находится его посланник, граф Грэтьюз, он буквально осаждает меня своими просьбами. — Последовал еще один вздох.

Я обвила ее руками и шумно задышала ей в грудь. Что было делать? Еще никогда в жизни я не была в таком отчаянии.

— Если и вы оставите меня, дражайшая Мария, я погибла.

— Я знаю, вам поможет король Карл, — сказала она, в свой черед стискивая меня в объятиях и постепенно увлекая в спальню.

— Боюсь, что если я покину этот остров, то я уже никогда больше сюда не вернусь. — Я всхлипнула. — Я даже не знаю, кому могу доверять, милая Мария, за исключением вас. Есть ли какая-нибудь уверенность, что даже Карл не станет вести переговоры с этим молодым выскочкой? Что до дофина...

— Я скажу вам, почему ваш дядя не станет вести переговоры с Йорком, — сказала Мария, опрокидывая меня на кровать и начиная раздеваться. — Дело

в том, что дофин взбунтовался против него и бежал в Бургундию, поэтому Карл поддержит любую сторону, враждебную Бургундии, даже если эта сторона и не будет выступать под знаменами его любимой племянницы.

Она вся пылала страстью, поэтому продолжение разговора пришлось отложить на час, но, едва удовлетворив пыл, она, по своему обыкновению, вернулась к прежней теме.

— Стало быть, вы поедете во Францию?

— Я напишу письмо Карлу с просьбой о помощи, — согласилась я, садясь на постели и расчесывая спутавшиеся волосы. — Но невзирая на ваши уверения, я не решаюсь поехать к нему без соответствующих гарантий безопасности. Мария, вы должны позволить мне остаться в Шотландии до тех пор, пока я не получу от него ответа.

Она поднялась с кровати и стала ходить взад и вперед по комнате — зрелище поистине неотразимое.

— Моя знать потребует какой-нибудь компенсации, — сказала она. — Никто из них отнюдь не жаждет скрестить мечи с Эдуардом Йоркским.

— Готова отдать все, что у меня есть, — заверила я. — И конечно же, вы хотели сказать — с Эдуардом Марчским.

Она остановилась; ее груди высоко вздымались; подождав, пока волосы осядут на плечи, она проронила одно-единственное слово:

— Берик!

Я сглотнула.

— Мы договорились о передаче этого города после того, как в Англии будет восстановлена моя власть.

— Передача должна состояться сейчас, дражайшая Мег, или я не смогу вам помочь.

Эта ненасытная сука была столь же вероломной, сколь и все те, с кем я имела несчастье встречаться в своей жизни. Ну что ж, у меня не оставалось вы-

бора, и все же я хотела получить свою долю от этой сделки.

— Этот город ваш, если вы дадите разрешение набирать армию из вашей знати.

Всячески кривя губы, она смотрела на меня несколько секунд. Затем кивнула.

— Не вижу никаких причин, почему вы не могли бы это делать, милая Мег.

Так мне удалось преодолеть одну немалую трудность. В скором времени меня стали осаждать другие. Я тотчас же отправила Сомерсета во Францию — своим посланцем к дяде Шарли. Откровенно сказать, я была рада отделаться от него. Как военачальник он оказался не более удачливым, чем его отец, как любовник навлек на мою голову большие неприятности. Но, прощаясь с ним, я нежно его поцеловала. Ибо нуждалась в каждом верном мне человеке.

К моему великому облегчению, Мария также покинула монастырь, в конце концов, она должна править страной, и, как она намекнула, весьма большая часть ее знати отнюдь не так обворожена мной, как она. И во всяком случае, хотя я и согласилась уступить Берик, завладеть им должна была она сама. При всем великодушии Марии я никогда не сомневалась, что наипервейшая ее забота — о Шотландии и о себе самой, а уж потом о других, включая меня. Ее волнующие объятия научили меня многому, и все же я считаю, что руки женщины никогда не могут заменить руки мужчины, таково, по крайней мере, мое личное мнение. И последнее. В ее обществе, как бы щедра и обаятельна она ни была, я всегда сознавала, что Мария никогда не забывала: она королева Шотландии, а я беглянка. Подобные мысли отнюдь не способствуют подлинной близости.

Здесь, вероятно, уместно спросить, какая пара мужских рук утешала меня после того, как я отослала Сомерсета за море, а королева Шотландии уеха-

ла. Добровольцев нашлось предостаточно, но мои мысли занимали более важные проблемы.

Мне нужна была армия, и Мария дала свое позволение вербовать ее. Я встретилась со многими шотландскими аристократами и наконец остановила свой выбор на Джордже Дугласе, четвертом графе Ангусском. В то время ему исполнился пятьдесят один год — как раз подходящий возраст, чтобы увлечься прекрасной тридцатилетней королевой! Это, однако, была не единственная причина, почему он стремился служить мне, а я приняла его услуги. Он принадлежал к тому ответвлению знаменитого рода, которое называли Красными Дугласами. Это ответвление всегда считалось младшим, старшее же возглавлял Черный Дуглас. Дугласы всегда были повелителями и грозой пограничных районов, и так как они обладали большим могуществом, кто бы ни правил в Шотландии, всегда стремился сделать их своими союзниками. Второй Дуглас, принадлежавший к ответвлению Черных Дугласов, был близким другом бессмертного Роберта Брюса, сражался рядом с ним под Баннокбёрном; в соответствии с волей своего короля он отвез его набальзамированное сердце в Святую землю, где, сражаясь с сарацинами, бросил священную реликвию в их гущу, а затем повел своих рыцарей вперед, дабы отвоевать ее. Могу добавить, что повел не слишком успешно.

Однако, пока он и его потомки поддерживали трон, у Красных Дугласов оставалось мало надежды на возвышение. Но времена меняются, как меняются и люди. Черные Дугласы стали чересчур надменными и неуживчивыми, Красные же Дугласы снискали милость двора, и когда теперешний Черный Дуглас восстал против мужа Марии Якова II, во главе королевской армии на подавление восстания был отправлен Джордж Дуглас, граф Ангусский. После того как восстание удалось подавить, Черному Дугласу пришлось бежать из страны; укрылся он у Эдуарда Марчского, ныне именующего себя английским коро-

лем, поместья же его были конфискованы и переданы кузену.

Джордж Ангус, разумеется, не мог чувствовать себя в безопасности, пока жил и процветал его кузен, как и я не могла чувствовать себя в безопасности, пока жил узурпировавший трон *мой* кузен, поэтому наш общий интерес заключался в ниспровержении Дома Йорка. Ангус начал собирать армию, и я приободрилась. Главным, в чем я нуждалась, как всегда оставались деньги, и тут я рассчитывала на помощь дяди Шарли. Поэтому я с большим нетерпением ожидала вестей от Сомерсета. Когда вести наконец пришли, оказалось, что они худшие их всех возможных. Дядя Шарли был мертв!

Дядя Шарли исполнилось пятьдесят восемь, возраст, когда, как я полагаю, умереть вполне естественно. Но образ жизни, который он вел последние пятнадцать лет, несомненно, ускорил его кончину, ибо занятия любовью с женщинами и утром, и днем, и ночью пагубно отразились бы на здоровье самого молодого и крепкого мужчины.

Излишне говорить, что умер он в самое неподходящее для меня время, ибо был моей последней надеждой собрать необходимые деньги для организации кампании. И того худшей представлялась перспектива видеть на французском троне Людовика, одиннадцатого монарха этого имени. Даже если бы мы были друзьями, а мы никогда не были друзьями, меня настораживал бы уже тот факт, что, постоянно враждуя с отцом, кузен провел много лет, укрываясь в Бургундии... А Бургундия, очевидно, стала верной союзницей Дома Йорка. Как тут было не отчаиваться!

Однако я всегда страдала от чрезмерно упрощенных взглядов на политические дела. Я знала, чего хочу, и относилась с излишней прямотой к тем, кто становился на моем пути. Кузен же Луи был моей

полной противоположностью. За последние десять лет он снискал себе прозвище Паук, ибо свои интриги плел, словно паутину. К моему крайнему удивлению, а также к большому облегчению, из Парижа спешно прибыл шотландский епископ Кеннеди, который передал королеве шотландцев послание от нового короля Франции, где говорилось, что он был бы весьма признателен, если бы она продолжала поддерживать Ланкастерский Дом.

Это загадочное обстоятельство требует объяснения. Должна предупредить, что разгадать ход мыслей кузена Луи — дело очень и очень нелегкое, но все же попытаюсь изложить свои соображения. Прежде всего должна сказать, что кузен укрывался у своего дяди Филиппа скорее по необходимости, чем по доброй воле, а Филипп пригрел его на своей груди больше из желания насолить дяде Шарли, чем по любви. Длительное пребывание Людовика в Брюгге изобиловало ссорами между ним, Филиппом и кузеном Карлом Шаролезским. У него хватало возможностей наблюдать за силой и величием Бургундии и ее двора, а я должна отметить, что в то время во всей Европе не нашлось бы более блистательного герцогства.

Кузен Луи все это тщательно обдумал. Тут следует вспомнить, что во времена Генриха V, который едва не превратил Францию в придаток Англии и, безусловно, причинил много бед королевству, успехи англичан в значительной мере объяснялись союзом с Бургундией. Со смертью Генриха этот союз распался, ибо Филипп с трудом находил общий язык с Бедфордом, а тем более с Хамфри Глостерским, но теперь образовался новый союз, вдохновленный Йоркским Домом. Мой кузен хотел мира для своей страны и горел решимостью как можно скорее разрушить это опасное партнерство, а для этого требовалось незамедлительно сместить с трона Эдуарда Марчского или, по крайней мере, постоянной угрозой низложения отвлечь его мысли от континентальных авантюр.

Существовал и еще один фактор, который влиял на ход мыслей кузена Луи. Став королем Франции по праву первородства, он оказался в окружении братьев, упорно стремившихся причинять ему неприятности. Эти молодые люди все время оставались во Франции, или рядом с отцом, или в своих поместьях и, пока кузен Луи находился в изгнании, успели обзавестись многочисленными приверженцами. Поэтому кузен стремился привлечь на свою сторону как можно больше людей, и главным своим союзником в случае гражданской войны считал моего старшего брата Жана Калабрийского.

Должна откровенно сказать, что Жан почти так же мало преуспел в своих попытках завоевать неапольскую корону, как я в своих удержать корону английскую, и на какое-то время отрешился от мысли усадить нашего папа на этот слишком горячий трон. После этого он вернулся в семейные поместья во Франции, возможно, с преувеличенной репутацией талантливого полководца. Кузен Луи хотел привлечь герцога Жана, как титуловали моего брата, на свою сторону, а вернейшим для этого способом, как он чувствовал, стало бы оказание поддержки, пусть даже тайной, его беглой сестре.

Все это вселяло надежду, но ведь на поверхности плещущегося в кружке эля собирается преимущественно пена. Кузен Луи поощрял стремление Марии помочь мне, но делал это тайно, ибо в то же время не только Бургундия, но и ее собственная знать требовала моей высылки. Как ни замечательна была новость, что брат Жан возвратился во Францию и сблизился с королем, но он страдал от хронической болезни всех Анжу... полного безденежья. Той же болезнью, очевидно, страдал и кузен Луи. А я крайне нуждалась в деньгах.

Год, проведенный в Шотландии, стал одним из самых несчастных в моей жизни. Мария регулярно навещала меня, но постепенно эти постоянные вторжения в мое уединение стали угнетать меня, и не

только из-за ее неуемного любострастия, но еще и потому, что она изводила меня рассказами об успехах, якобы одерживаемых ее армиями. Стремясь овладеть обещанными им крепостями, они и в самом деле вели необъявленную войну против Англии, хотя и без особых результатов. Неприятно действовали на меня и известия о том, что Эдуард Марчский прибирает к рукам, помимо королевства моего мужа, еще и всех живущих в нем женщин. И самое худшее, невозможно было предугадать, что произойдет далее. Ангус собрал довольно большое войско, готовое следовать за мной. Лазутчики доносили, что весь север Англии готов восстать на мою защиту. Но без денег никто не хотел не только поднять меч, но даже и шевельнуть пальцем.

От своего окружения я не получала никакой помощи. Генрих проводил все свое время в молитвах. Принц Эдуард, до чьего восьмилетия оставалось совсем немного времени, служил мне неиссякаемым источником утешения, но каких можно ждать советов от восьмилетнего мальчика? Это в полной мере относилось и к пятнадцатилетнему пажу, Джону Комбу, чтившему меня как богиню.

Сомерсет благоразумно оставался во Франции, не рискуя снова оказаться во власти Марии.

В довершение всех моих бед перед самым Рождеством умерла Байи. Я даже боялась подсчитать, сколько лет она была моей доброй и верной служанкой, постепенно поднявшись от положения няни до положения моей главной постельничьей. Но она оказалась не созданной для той бродячей жизни, которую мы вели несколько последних лет, и стала недомогать еще до Таутона. Я похоронила ее с тяжелым сердцем, разрываемым к тому же невеселыми мыслями о будущем.

Я не из тех, кто легко предается отчаянию, но даже представить не могла, кто способен оказать мне помощь, пока меня — уже не впервые в жизни — наконец не озарило, что единственный человек, на которого

стоит рассчитывать — я сама. Поездка во Францию была не только изнурительной, но и рискованной, ибо в проливе крейсировали военные суда Уорика, но я поняла, что должна лично поехать к кузену Луи и напрямик поговорить с ним о своем положении: если он хочет отстранить йоркистов от власти, недостаточно симпатии, нужна конкретная помощь.

После того как я приняла решение, оставалось дождаться подходящей погоды, а погода, как и обычно в Шотландии зимой, была неизменно отвратительной. Мария, чего и следовало ожидать, считала, что я поступаю совершенно правильно. Как и многие ненасытные в любви женщины, она отличалась непостоянством: мое пребывание у нее в гостях доставляло ей немалые неприятности, а тут еще ей стало приедаться мое общество. Она охотно предоставила мне необходимые для поездки средства, не сомневаюсь, рассчитывая никогда больше не увидеть моего лица. Мария согласилась на некоторое время оставить у себя Генриха — везти с собой короля во Францию было бы крайне опрометчиво, — но она ясно поняла, что между нами уже не существует супружеских отношений.

Решив полагаться лишь на самое себя, я торопилась вступить в борьбу со стихиями. Но только в самом начале апреля, когда ветры наконец перестали бушевать, принц Эдуард, я и моя значительно поредевшая свита смогли сесть на корабль в Керккадбрайде — там же, где я высадилась восемнадцать месяцев назад.

Как явствует из моих слов, для переезда во Францию был избран самый окольный путь. Я сразу же поняла: мне предстоит тяжелейшее испытание, только не знала, что продлится это испытание целых две недели! Мы почти было преодолели Ирландское море, но были снесены назад. На протяжении многих дней мы видели горы Уэльса, а однажды так близко подошли к берегу, что я смогла различить знамена, вьющиеся над бастио-

онами харлехского замка, где доблестный граф Пемброкский Джаспер Тюдор все еще отстаивал дело Алой Розы. Я чувствовала сильное искушение велеть капитану пристать и хоть двадцать четыре часа отдохнуть от непрерывно терзавшей меня рвоты. Но так и не сделала этого — по двум причинам. Во-первых, я боялась, как бы капитан не покинул меня на берегу, во-вторых, не была уверена, что найду в себе достаточно силы воли продолжать столь неприятное путешествие.

Наконец 16 апреля 1462 года я высадилась в Роскофе, в Бретани.

Глава 13

Естественно, я сошла на французский берег не без некоторого душевного трепета. Семнадцать лет назад я уехала отсюда, уверенная, что никогда больше не возвращусь. И вот я возвратилась при самых худших для меня обстоятельствах. Но само возвращение изрядно удивило меня.

Никто, разумеется, не ждал моего приезда, и комендант роскофского порта изумленно воззрился на незнакомый корабль, который просил разрешения войти в гавань. Его изумление, вероятно, еще более возросло, когда он получил сигнал, что на этом корабле прибыла английская королева. Гавань в Роскофе неглубокая, она доступна для судов лишь во время прилива, поэтому пришлось ждать довольно долго, прежде чем мы смогли причалить. Между тем на берегу выстроился почетный караул. Это радовало, но одновременно означало, что к герцогу Бретонскому был спешно послан нарочный, чтобы уведомить его о моем прибытии, и меня тут же препроводили в Сен-Мало — поездка продлилась несколько дней, — где меня по-королевски приняли добрый Франсис и его супруга.

Во всех направлениях были разосланы конные гонцы, и из Сен-Мало со всей возможной быстротой я

переехала в Анжер. Как описать чувства, теснившие мою грудь, когда я приблизилась к местам, где проходило мое счастливое, ничем не омрачаемое девичество? В те времена я не представляла себе, какие превратности судьбы меня ожидают. Еще труднее описать чувства, испытанные при въезде в город, где меня приветствовали кланяющиеся пажи, веселые девушки, закованные в броню рыцари и дамы в высоких остроконечных шляпах-хеннинах. И везде были алые розы, и передо мной, на дороге, и вышитые на всех знаменах. Позднее я узнала, что папа занял восемь тысяч флоринов, чтобы оказать мне достойный королевы прием. Если бы только он послал деньги в Шотландию, на снаряжение армии!

Но каким счастьем было для меня вновь видеть моего дорого папа, дорогую маман, брата и сестру. Папа, казалось, ничуть не переменился за протекшие семнадцать лет. Маман же сильно состарилась. Жан выглядел мрачнее, чем прежде, но так же, без сомнения, выглядела и я сама. Иоланта превратилась в тучную домохозяйку. Ее муж выглядел так же отталкивающе, как всегда.

Но как порадовала меня встреча с семьей, ведь никого из них я не надеялась когда-либо увидеть. Я ни на миг не забывала о том, что главная цель моего приезда во Францию — переговоры с Людовиком. Мы с ним договорились встретиться в Шиньоне, и это означало, что он предпочитает приехать ко мне, нежели пригласить меня к себе. Это отнюдь не было проявлением учтивости с его стороны. Он хотел сохранить наше свидание (а еще лучше то, что я вообще была во Франции) в тайне от Бургундии и Эдуарда Марчского. При всей тщетности обмануть кого-либо этой затеей предполагалось устроить так, будто он охотился, очень устал и решил заночевать в Шиньоне, где по стечению обстоятельств оказалась и я.

Кузен Луи, как я, кажется, уже писала, был всего на шесть лет старше меня, иными словами, в то вре-

мя ему исполнилось тридцать восемь лет. Последние семнадцать лет мы ни разу не встречались. Я охотно признаю, что жизнь отнюдь не баловала его, но пусть кто-нибудь посмеет только сказать, что на его долю выпали большие тяготы, чем на мою, а ведь я женщина. Однако я готова утверждать, что моя красота за это время ничуть не потускнела. Даже румянец на лице стал чуть более ярким, потому что в девичестве единственным моим недостатком считалась бледность. Мои груди слегка отяжелели, бедра немного раздались, но для тех, кто хочет разделить с женщиной ее ложе, это может представляться лишь достоинством; в скором времени я приведу доказательства, что едва заметная полнота только прибавила мне привлекательности. Мои волосы оставались все еще великолепного рыжевато-коричневого цвета, дыхание — благоуханным, движения — полными энергии.

Но что сказать о том сморчке, который предстал передо мной? Он едва мог держаться прямо, волосы у него сильно поредели и поседели, ноги походили на щепки, а речь постоянно прерывал сухой кашель. Глядя на него, я подумала, что он не жилец на этом свете. Мое заключение оказалось ошибочным, ибо сейчас, когда я пишу эти строки, он все еще жив, и нет никаких признаков, позволяющих сделать вывод, будто он когда-либо, тем более в обозримом будущем, умрет. Некоторые люди рождаются старыми и только постепенно становятся еще более старыми, тогда как другие сохраняют свой юношеский взгляд на мир до самого своего горестного конца. Это я и намереваюсь сделать.

В то наше первое свидание кузен Луи вел себя достаточно дружелюбно, но старался никакими обязательствами себя не связывать. Он задал мне много вопросов, выясняя, что я намерена предпринять в случае, если удастся добиться отречения Эдуарда Марчского. На все его вопросы я отвечала по возможности правдиво и как можно более оптимистично. У меня имелись все основания верить, что английский народ,

если раскрыть ему глаза, с радостью примет Генриха как своего законного короля.

На следующий день кузен уехал, оставив меня в неведении относительно того, чего мне удалось добиться. Но вскоре по его инициативе мы встретились в Туре. И тут наконец пошел разговор по существу.

— Каковы ваши планы? — прямо спросил он.

— Вторгнуться в Англию, лишить графа Марчского узурпированного им трона и восстановить законные права моего мужа. — Я сочла, что на этой стадии лучше всего этим и ограничиться, не раскрывая моих намерений относительно непокорного Марча и его слабодушного кузена Уорика.

— Чтобы совершить все это, — заметил кузен Луи, — вам понадобятся и люди и деньги. — Я знаю, конечно, что моего кузена называют одним из мудрейших людей христианского мира, но мудрость, к сожалению, слишком часто проявляется в констатации очевидного. Мне бы очень хотелось помочь вам, — продолжал Луи сочувственным тоном, — но я и сам испытываю большие трудности.

Я терпеливо ждала: он бы не послал за мной, если бы собирался наотрез отказать.

— В подобных делах, — проговорил он, — первостепенное значение имеют деньги. На деньги вы можете купить людей, но чтобы раздобыть деньги с помощью людей, нужна победа, но чтобы победить, требуется вывести людей на поле сражения, а для этого опять-таки не обойтись без денег.

Я подавила вздох, в глубине души невольно сочувствуя тем французским принцам и вельможам, которым ежедневно приходится выслушивать эти пустопорожние фразы; удивительно, что они не взбунтовались еще ранее. Но наконец он сказал нечто, заслуживающее внимания.

— Однако, милая кузина, я, возможно, сумею раздобыть для вас кое-какие средства. Как вы понимаете, у банкиров, — поспешил он добавить.

— Да, я понимаю, ваша светлость, — сказала я.

— К сожалению, банкиры всегда требуют обеспечения.

— Как только я возвращу себе королевство, то смогу предоставить им любое, какое они пожелают, обеспечение.

— К сожалению, они потребуют обеспечения или хотя бы каких-нибудь гарантий, прежде чем ссудят деньги.

— Не могли бы вы выразить свою мысль более прямо? — сказала я, все еще не теряя оптимизма.

Но прямота не входила в число природных качеств кузена. Он хмыкал, мямлил, говорил невпопад, тогда как я прилагала все старания, чтобы либо не уснуть, либо не вспылить, пока наконец он не сказал:

— По моему мнению, вам необходимо двадцать тысяч франков.

Эта фраза, по крайней мере, вывела меня из состояния оцепенения. Франк, если это не обычное средство денежного обращения, как хорошо известно, золотая монета, содержащая около шестидесяти граммов драгоценного металла. Таким образом, двадцать тысяч франков в чистом золоте являются эквивалентом двух с половиной тысяч английских фунтов. Это очень большая сумма, несомненно, гораздо большая, чем все те деньги, которыми мы с королем располагали за время нашего совместного царствования. Он почувствовал, что я заинтересована.

— Вы полагаете, этого хватит?

Я постаралась обуздать свое сразу же разыгравшееся воображение.

— Полагаю, могло бы хватить, ваша светлость. Но кто сможет ссудить подобную сумму?

— Об этом позвольте позаботиться мне. Что до обеспечения, то им мог бы быть Кале.

Ошеломленная, я, казалось, слышала звон денег — золотых франков. Кузен Луи по своему обыкновению лгал, как лгут неправильно сооруженные солнечные

часы. Деньги должны были поступить из его собственных сундуков... в обмен на Кале!

Всю жизнь я и мои министры жили в гнетущем страхе перед потерей или вынужденной уступкой различных частей Франции, которые англичане привыкли считать неотчуждаемо своими. Того, кто посмел бы это сделать, толпа разорвала бы на куски; даже принадлежность к женскому полу не спасла бы от подобной участи.

Однако толпа думает то, что думает ее вождь. Если с помощью франков кузена Луи мне удастся вернуть себе королевство, я покараю всех вождей, которые посмеют мне противостоять; я не забыла ни безвременной смерти Суффолка, ни ее виновников и все еще горела желанием отомстить. В то же время я сурово накажу и тех, кто попытается протестовать против отдачи Кале... если, конечно, предположить, что этот город будет возвращен. Неужели же, став королевой, я не найду достаточно золота, чтобы оплатить заем, пусть даже мне и придется свернуть для этого шеи некоторым йоркистам? Да и как может один город, имеющий скорее сентиментальное, чем стратегическое значение, стоять на пути к реставрации Генриха и, что еще важнее, моей собственной?

— Я готова согласиться на определенных условиях, — сказала я.

Кузен Луи выслушал эти слова со скептическим видом, так как не представлял себе, какие условия я могу выдвигать в своем положении.

— Конечно, вы понимаете, что я не могу уступить Кале, пока не вернусь к власти, — сказала я. — Но до тех пор считаю необходимым хранить подробности нашей сделки в полной тайне. Причина для этого очевидна: чтобы одержать успех в Англии, я нуждаюсь в поддержке народа — по крайней мере до тех пор, пока не возвращусь к власти. Этой поддержки я не получу, если народ будет знать, что цена моей победы — Кале.

— Понимаю, — сказал он, — но соглашение должно быть официально составлено и подписано.

— Согласна. Второе мое условие таково: меня должен сопровождать в Англию небольшой французский отряд, который будет моим личным эскортом и станет ядром создаваемой мною армии. — Я не хотела оставаться в полной зависимости от Ангуса и его диких шотландцев.

— Хм, — сказал кузен Луи, — хм, я подумаю, что можно сделать.

Закончив этот разговор, мы условились о третьей встрече, которая должна была проходить более открыто, в Руане, куда мне предстояло поехать. Принц и я отправились туда ранним летом, сопровождаемые Генри Сомерсетом, которого я, однако, еще не допускала до своей постели, ибо не могла простить ему обошедшееся мне так дорого молодое бахвальство. Кузен Луи ждал нас с целой армией адвокатов; я подписала несколько документов, после чего мне торжественно вручили огромную сумму денег. При виде такого богатства у меня закружилась голова.

— Что до французского отряда, который вы просите, — сказал мой кузен, — боюсь, что не могу предоставить в ваше распоряжение королевские войска. Дело не только в том, что это повлекло бы за собой немедленный разрыв между Англией и Францией, чего я стараюсь избежать, но и в том, что мне нужны здесь все мои люди. Всякая помощь, оказываемая вам Францией, должна быть неофициальной. Думаю, вас обрадует, что есть некий благородный человек, который хочет и может предоставить в ваше распоряжение отряд в две с половиной тысячи человек.

Я была удивлена и растрогана, однако не представляла себе, кто бы ради меня мог взяться за столь дорогостоящее дело. Даже брат Жан отказался мне по-

могать, когда я намекнула, что неплохо бы ему поддержать меня своей сильной правой рукой. Будь он просто моим братом, он, возможно, и был бы заинтересован, но как герцог Калабрийский он не мог участвовать в длительной кампании в поддержку своей сестры, которая никак не может повлиять на его шансы взойти на неаполитанский трон. Другое дело — кузен Луи, имеющий большое влияние в северной Италии, и особенно на Сфорцу[1]. Но если это не брат Жан?..

— Ваш рьяный защитник дожидается в приемной, — сказал кузен Луи с одной из своих хитрых улыбок и сам открыл мне дверь, за которой меня ждал Пьер де Брезэ.

Меня охватило смешанное чувство неподдельного изумления и восторга. Пьер, разумеется, сразу же опустился на колено и схватил мою руку, чтобы поцеловать ее. Я повернулась к кузену Луи, ожидая объяснений. Но тот уже ушел, закрыв за собой дверь.

— Встаньте, пожалуйста, — сказала я. — Признаюсь, я в крайнем замешательстве.

Он встал.

— Неужели вас удивляет моя готовность служить вам, ваша светлость? Ведь я неоднократно изъявлял ее в прошлом. Мне только надо было получить позволение короля. И его позволение получено.

Позднее я узнала, что незадолго до нашей встречи Брезэ дали понять, что его возвращение в Париж в какой-либо официальной должности, тем более в должности главного министра, нежелательно. Так обычно поступают венценосные сыновья с теми, кто служил их отцам, когда приходят к власти. Кузен Луи хорошо знал, что, пока он был в ссоре с дядей Шарли, королевством — тем самым королевством, откуда *он* был изгнан, — фактически управлял Брезэ.

Но он также понимал, что с таким человеком, как Брезэ, который использовал годы процветания, что-

---

[1] Герцог Миланский (1401 — 1466).

бы обогатиться и создать себе мощную опору, особенно в Нормандии (он был сенешалем этой провинции), нельзя обойтись, как с изношенным ботинком, выбросив на свалку. У кузена Луи хватало врагов и без того, чтобы заводить себе еще одного. В то же время кузен знал, с каким неослабевающим обожанием относится ко мне Брезэ, — ему от природы было свойственно стремление проникать в тайны всех своих подданных, — здесь он и нашел ключ к решению проблемы. Будет совсем неплохо, если Брезэ на некоторое время отойдет от французских государственных дел и ради женщины, которую любит больше всех других, исключительно как частное лицо, займется *английскими* государственными делами. Если он не возвратится из этого рискованного крестового похода, ну что ж, Франция оплачет одного из своих героев. В случае же его благополучного возвращения можно повернуть все так, что Брезэ окажется в положении подданного, подчиняющегося велениям короля, а не в положении подданного, наставляющего монарха.

Не сомневаюсь, что Брезэ прекрасно знал об этих тайных умыслах; я, во всяком случае, сразу же о них догадалась. Но он был также хорошо осведомлен о том, что то средство, которое он использовал, чтобы подчинить себе Карла, а именно поставляя для королевской постели прекрасных женщин, навряд ли могло иметь успех у такого сухаря, как Людовик. Что до меня, то мне было плевать на ход мыслей Луи. Спустя семнадцать лет мы с Пьером собирались пуститься в рискованное предприятие, и мы оба сознавали, куда это должно привести нас — к взаимному восторгу.

Однако до поры до времени следовало соблюдать декорум. Вновь поцеловав мою руку, Пьер пригласил меня со свитой в Кан, чтобы инспектировать его небольшое войско и сделать необходимые приготовления для нашего возвращения в Англию. Я соблагово-

лила принять это приглашение, и на следующий день — после бессонной, в ожидании грядущих событий, ночи — я попрощалась с кузеном Луи. Он очень милостиво улыбнулся.

— Я надеюсь услышать о вас только хорошие сообщения, — сказал он. Но так и не уточнил, что именно имеет в виду.

На то, чтобы достичь Кана, нам понадобилось два дня; поездка была приятная, все это время мы с Пьером ограничивались обменом взглядами; на каждой стоянке он устраивал для меня, принца, Сомерсета и всей свиты поистине царское угощение. Заметив, что мои дела пошли на поправку, Сомерсет, видимо, решил, что и его собственные тоже должны пойти на поправку, во всяком случае, в отношении моей постели, и был весьма мрачен, когда я отвергла его притязания. Но я берегла себя для более крупной игры.

Жители Кана, заранее предупрежденные Пьером, встретили нас обычными криками «ура!». Низко кланялись юноши, улыбались резвые девушки, летели по воздуху розовые лепестки. Если бы к этому времени я не привыкла более интересоваться сутью дела, нежели внешними проявлениями, я была бы глубоко растрогана. Но умудренная опытом, я отвечала на приветствия толпы улыбками и взмахами руки; в сопровождении эскорта мы проехали в замок Пьера, где в нашу честь устраивался роскошный банкет; мы с сенешалем сидели во главе стоявшего в самом центре стола, улыбаясь всем пирующим. Принц Эдуард сидел по правую от меня руку и был всецело занят едой, тогда как Сомерсет уделял все свое внимание какой-то пышногрудой девице, очевидно специально к нему приставленной.

Это позволяло нам с Пьером наслаждаться обществом друг друга.

— Надеюсь, вы удовлетворены, ваша светлость? — спросил он.

— Пока все идет хорошо, — заверила я его и нечаянно уронила салфетку между нами.

За моим креслом, естественно, толпились дворяне и их дамы, готовые прислуживать мне, но Пьер, оттолкнув их, решил сам поднять салфетку. Для этого ему пришлось опустить голову ниже уровня столешницы, так, что его лицо оказалось напротив моего колена, которое он и поцеловал, находчиво приподняв подол моего платья рукой с зажатой в ней салфеткой. Учитывая приложенные им усилия, никто не обратил внимания на то, что он появился из-под стола с покрасневшим лицом.

— Вы выполняете все мои желания, господин сенешаль, — сказала я ему. — *Почти* все желания...

— Знаете ли вы, как долго я мечтаю о вас, ваша светлость? — спросил он, понизив голос.

— По крайней мере, семнадцать лет, господин сенешаль, — напомнила я. — Хотя, не стану отрицать, может быть, и дольше. Но ведь и королевы тоже мечтают.

У него возникли неожиданные затруднения с гульфиком, но для человека столь опытного выглядел он странно неуверенно.

— Если бы только я мог поверить вам, ваша светлость.

Надо брать быка за рога, подумала я. Сравнение было вполне уместным.

— Я не могу допустить, чтобы мой военачальник сомневался в каких-либо моих словах, — заявила я. — Мне хотелось бы побеседовать с вами наедине об одном неотложном государственном деле.

— Пусть только ваша светлость соблаговолит назначить время. — Он облизнул губы.

— Повторяю, дело совершенно неотложное, господин сенешаль. Боюсь, оно не может ждать до завтрашнего утра.

Ждать до утра не пришлось. Необходимо было покинуть пиршество, и когда я объяснила присутствующим, как сильно устали мы с принцем, — Эдуард и в самом деле задремал над своим поссетом, — нас отвели в наши опочивальни. Эдуард проснулся было, но тут же опять уснул; после того как фрейлины раздели меня, я отпустила их всех и принялась ожидать прихода моего повелителя такой же нагой, какой некогда появилась на свет.

Странно сознавать, что давнишняя мечта близка наконец к осуществлению. С того дня, как я отдала Пьеру свой шарф, я частенько, между делами, задумывалась, насколько он хорош как любовник, хотя в самом начале совершенно себе не представляла, каким должен быть любовник. Приобретя некоторый опыт, я обнаружила, что мои мысли вновь и вновь возвращаются к нему. Лежа в постели с королем Генрихом, я не могла не думать, как обращался бы со мной такой человек, как Пьер. Не могла я не думать и о том, что́ мог бы противопоставить Пьер безумному натиску Суффолка. А когда Сомерсет посвящал меня во французское искусство любви, я невольно заинтересовалась: а как бы поступал на его месте *француз*. И вот настал желанный миг! Пьер тихо постучался в дверь, а затем вошел. На нем не было ничего, кроме длинной ночной рубашки, которую он тут же снял.

Мы почти ничего не говорили — лишь несколько нежных слов, — ибо были слишком стары, слишком долго ждали, чтобы ощущать поэзию любви во всей ее полноте. Но наши губы и языки соединялись, пальцы сплетались, наше дыхание смешивалось, в этом и заключалась своеобразная поэзия. Он целовал меня всю, сверху донизу, а между моих ног его рот задерживался достаточно долго, даруя мне такое блаженство, которое я редко испытывала с другими любовниками. Точно таким же образом и я ласкала его, останавливаясь, однако, перед самой кульминацией, а

это давалось нелегко — так велик был наш взаимный пыл.

И все это время я думала, что он сделает, чтобы достичь кульминации, и была удивлена, даже встревожена, когда этот сладостный миг настал. В молодости Брезэ долго служил на востоке и давно уже отказался от христианского способа любви. Он поставил меня на колени, ягодицами к своему паху, как будто я была сукой в течке, впрочем, в тот миг я именно такой себя и чувствовала, а затем пронзил до самого живота. Все это время его руки ласкали мои груди, но затем обхватили бедра, и мы разделили взрыв бурной радости, второй за этот вечер; переполнявшее меня блаженство изливалось в томных стонах, которые, без сомнения, обеспокоили моих фрейлин, находившихся в соседней комнате. Но они знали, чем мы занимаемся.

О счастье! Конечно, это такое недолговечное чувство. Оглядываясь назад и вспоминая, как мало времени мы пробыли вместе, я иногда негодую на судьбу, заставившую меня семнадцать лет ждать единственного человека, которого я могла бы любить без всяких ограничений. Но я тут же думаю, что, распорядись судьба иначе и соедини она нас, когда мне было всего пятнадцать, в своей неопытности я бы не могла понять, что со мною делают, или, еще того хуже, так сильно увлеклась бы, что другие любовники не представляли бы для меня никакого интереса. Если бы мы встретились после того, как мне исполнилось двадцать, могло статься, что я отринула бы всякое мирское честолюбие, а заодно и ответственность, лишь бы быть с ним рядом, покорная каждому его зову.

Мне же было тридцать два; юность даже не подозревает, *какие чувства* испытывают в этом возрасте, но я знала: мне предстоят великие дела, а жизненный опыт подсказывал, что чувственные удовольствия не должны стоять на моем пути. Я счи-

тала само собой разумеющимся, что Пьер в течение всей кампании будет делить со мной постель или шатер. Но мы оба соглашались с тем, что любовь не должна мешать нам выполнять свои обязанности. Это было последнее счастливое время.

В конце сентября мы отплыли из Нормандии в Шотландию. Время года оказалось не лучшее, но пока на моем плече лежала рука Пьера, меня не страшила непогода с ее бурными ветрами. Нашему предприятию сопутствовала удача, мы не увидели ни одного английского военного корабля.

В Шотландии, по крайней мере со стороны Марии, нас ожидал менее радушный прием, чем я надеялась; я приписала это ревности: каждый сколько-нибудь наблюдательный человек мог разглядеть во мне полностью удовлетворенную женщину. Мария упрекнула меня в том, что я так и не отдала ей ни одной из обещанных пограничных крепостей, хотя она делает для меня все возможное. Я пообещала исправить это свое упущение.

Мой муж, однако, был лишен всякой наблюдательности, если он и замечал что-либо, то только погрешности в пении церковного хора и почти не обращал внимания на присутствие Пьера. Но все окружающие обращали на это внимание, ибо мой герой был сгустком энергии и решительности. Он один стоил едва ли не столько же, сколько две с половиной тысячи его солдат, и к тому же впервые с начала войны у меня была полная казна. Призвав под знамя Алой Розы Ангуса и его шотландцев, мы пересекли границу.

Наше вторжение стало для большинства людей полной неожиданностью. Октябрь уж перевалил за половину, и в это время года в Англии, особенно на севере, вешают на стену свои доспехи в ожидании, когда перестанут бушевать зимние ветра. Это облегчало, с военной точки зрения, наше наступление. Бам-

боро, Данстэнборо и Алник пали под нашим стремительным натиском; север оказался для нас открытым. Но, к моему замешательству, в стране так и не поднялось восстание в мою поддержку. Народ проявлял апатию, если не открытую враждебность. Тому, вероятно, существовало несколько причин. Первой из них, несомненно, была суровая погода: холода стояли такие, что у каменной статуи могли бы отвалиться титьки. Стужа, разумеется, повлияла и на боеспособность защитников взятых нами крепостей.

Другую причину я вижу во всеобщем ощущении, что дело Алой Розы проиграно: так быстро и так прочно утвердилась Белая Роза за восемнадцать месяцев, протекших со времени моего поражения близ Таутона. Спешу сказать, в этом отнюдь не было заслуги Эдуарда Марчского. Этот сверходаренный человек утверждал свое правление весьма своеобразным способом, сея повсюду свое семя. Королевством управлял Уорик: справедливости ради, должна признать, что он очень неплохо справлялся со своими обязанностями. Повсюду царил мир, и никто не хотел, чтобы вместо него воцарилась анархия, которую почему-то связывали с моим присутствием. Это, естественно, вселяло разочарование, но я отказывалась смириться. Я заняла три из четырех укрепленных пунктов, которые заранее наметила захватить, оставался лишь Берик.

— Не подождать ли с этим до весны? — предложил Пьер.

— Его надо взять сейчас, — решительно заявила я и объяснила, что это долг чести.

Он пришел в ужас.

— Вы хотите передать захваченные нами для вашего мужа крепости, а также Берик, шотландской королеве?

— Я обещала это сделать.

Он почесал затылок, только тогда, видимо, осознав, что предложенные им услуги могут обойтись слишком дорого.

— Могу ли я спросить вас, ваша светлость, на каких условиях вы заключили договор с королем Людовиком?

— Я должна отдать Кале, — призналась я ему. — Как только приду к власти.

Он сглотнул.

— Кто-нибудь знает об этом, ваша светлость?

— Никто, кроме короля и меня. А теперь и вас. И никто не должен знать.

— Да уж, лучше, чтобы никто не знал. Вы, конечно, отдаете себе отчет, ваша светлость, что, как только эта тайна откроется, против вас поднимутся все англичане. А если вас, упаси Бог, захватят йоркисты и заключенные вами сделки выплывут на свет, они могут обвинить вас в государственной измене и отправить на плаху.

— Тсс, — остановила я его. — Если вы не предадите меня, заключенные мною сделки, как вы изволили выразиться, не могут выплыть на свет, пока я не приду к власти, а уж если я приду к власти, никакие йоркисты будут мне не страшны. Что до возможных обвинений в измене, то эти замки и порты являются собственностью моего мужа, не так ли? Если, действуя от его имени, я пожертвую ими ради его восстановления в законных правах, то навряд ли окажусь обвиненной в измене.

Мои объяснения отнюдь не успокоили его, позднее я узнала, что он послал кузену Луи письмо, написанное в том же духе. Как показала жизнь, Брезэ, хотя он и был моим фаворитом, не хватало, как и прочим моим фаворитам, подлинной решительности и, что еще важнее, понимания моей цели. А стремилась я возвратить мужу его трон. Ради этого я уже не раз рисковала и готова была снова рисковать своей жизнью. Всецело сосредоточившись на достижении этой наиважнейшей цели, могла ли я задумываться относительно возможных обвинений в измене? Но Пьер усматривал в моих поступках только то, что я намереваюсь передать часть

наследия Англии ее наследственным врагам. И как только он это понял, стал несколько опасаться моего неукротимого стремления к победе. С этого момента он в значительной степени утратил свой пыл — и как любовник, и как военачальник.

Ко всему этому нас упорно преследовало невезение. Мне никогда не везло с погодой. Кое-кто может сказать, что мне следовало быть предусмотрительнее и что Пьер оказался прав, советуя отложить продолжение кампании до окончания зимы. Но я, вероятно, единственная в Европе верно понимала характер своего врага. Даже Уорик ошибался в оценке своего кузена, что впоследствии дорого ему обошлось. Было хорошо известно, что любые дела, как финансовые, так и связанные с парламентом, нагоняют на Эдуарда Марчского невыносимую скуку и что со скукой этой он борется с помощью амурных похождений, поглощающих почти все его время. Более того, мой опыт, приобретенный в Таутоне, свидетельствовал, что, как ни сильно он любит спать с женщинами, еще сильнее любит сражаться. Я ничуть не сомневалась, что, едва узнав о вторжении, предпринятом мной на севере Англии, он тотчас же оставит постель и поспешит мне навстречу, а потому хотела, чтобы до этого времени мое положение полностью утвердилось. Но дать ему четыре месяца на приготовления... Это казалось мне верхом глупости. Поэтому я настояла, чтобы, невзирая на приближение зимы, кампания продолжалась.

И в это время я сделала роковую ошибку: назначила Генри Сомерсета комендантом захваченных крепостей, приказав оборонять их, не щадя жизни. Что ж, кто-то должен был это делать, а Сомерсет, с того времени, как едва не погубил меня своей болтливостью, стал мне ненавистен, к тому же он сильно раздражал меня своим бездействием и злобными

взглядами, бросаемыми на Пьера. Я полагала, что подобный независимый пост в какой-то степени поможет ему укрепить свое положение, при этом я пребывала в непоколебимой уверенности, что он по-прежнему предан мне всей душой. Затем мы попытались взять Берик. И здесь нас подстерегала настоящая катастрофа.

Берик — морской порт, поэтому, проанализировав постигшую Марию неудачу, я решила, что его надо штурмовать одновременно и с суши и с моря. Этот план мы вместе с Пьером и стали осуществлять. Корабли, на которых мы прибыли из Франции, блокировали гавань с моря, а наши люди в то же время подступили к его стенам. При всей моей нелюбви к морской пучине мы с Пьером находились на одном из кораблей, ибо он считал, что это труднейшая часть всей операции, а я хотела всегда быть рядом с ним. Мы были готовы к непогоде, но не к тому ураганному ветру, который, завывая, налетел с севера и разметал наши суда. Многие из них затонули, некоторые выбросило на берег. Гарнизон, естественно, наблюдал за происходящим, и оказавшиеся на суше наши насквозь продрогшие солдаты были тут же захвачены в плен.

Буря не пощадила и тот корабль, где находились мы. Яростный ветер порвал паруса, сломал мачты и сильно накренил судно. Я пришла в ужас, и Пьер вынужден был посадить меня в небольшую шлюпку, спущенную с подветренной стороны плавучей могилы, в которую превратился наш некогда гордый флагманский корабль. Затем он велел гребцам отчалить. Мы тут же оказались в полной власти бушующего шторма; представьте себе королеву Англии, стоящую на коленях в утлой скорлупке, терзаемую рвотой и с помощью жестяного черпака выливающую воду, которая все прибывает.

— Мы должны причалить к берегу, — выдавила я между приступами рвоты.

— Чтобы нас захватили в плен йоркисты? — воскликнул Пьер. — Никогда.

Мы продолжали плыть, пока не удалились от порта и наших врагов. Это тяжкое испытание длилось несколько часов; за это время я вымокла до костей и продрогла. Наконец рвота прекратилась, ибо мой желудок полностью опустошился. Я мысленно простилась с жизнью и готова была с радостью встретить ужасного посланца. Но мы все-таки достигли берега, где с меня сняли все мокрые одежды, закутали в несколько одеял, посадили возле ревущего огня и дали горячего виски. Лучше, конечно, было бы поесть. Последнее, что осталось в моей памяти после той ночи, — похабные песни, которые горланили наши спасители-шотландцы, такие же пьяные, как и я.

Я снова вернулась в Шотландию, несчастная беглянка, без армии, без денег. Марию мое появление не слишком порадовало, и я с пониманием отнеслась к ее недовольству, хотя и не знала тогда его подспудной причины. Но, по крайней мере, мы держали в своих руках три из четырех стратегически важных крепостей, которые можно было использовать как базу для возобновления военной кампании весной. Вообразите же себе мои чувства, когда в начале нового года я получила известие, что Генри Сомерсет сдал все три крепости своему кузену Марчу!

Подумайте только, я знала этого паршивца семнадцать лет. Мы вместе играли еще детьми. Обстоятельства сделали его моим, хотя и неофициальным пасынком. Другие обстоятельства привели его в мою постель. Мы с ним вместе участвовали во всевозможных приключениях, вместе наслаждались опьяняющим дыханием победы при Сент-Олбансе. Я до-

верила ему командовать армией, что он и делал до прихода Брезэ, гораздо лучшего, чем он, солдата; Генри мог не сомневаться, что в случае моей победы станет первым вельможей страны. И все же он меня предал!

И это еще не самое худшее. Я узнала, что Эдуард Марчский не только не приказал отрубить ему голову, как можно было ожидать, а, наоборот, приветствовал как друга и даже больше, чем друга. Ходили слухи, будто им случалось делить ложе! Небеса знают, что я не люблю ханжески осуждать поведение других людей. Меня только беспокоило, как бы Сомерсет с его хорошо известной болтливостью не воспользовался своей близостью с Эдуардом, чтобы разгласить тайны чужих постелей. Я никогда не говорила ему, так же как и кому-либо другому, об истинном происхождении Эдуарда, считая, что он мог бы расстроиться, узнав о моих интимных отношениях с его отцом. Единственные, кто знал правду, Сомерсет-старший и Байи, были уже мертвы, а так как Генрих и я больше не спали вместе, а йоркисты продолжали отрицать законность происхождения принца, это, вообще говоря, и не имело особого значения. Но Генри Сомерсет мог рассказать о своих амурных похождениях со мной и о *наших* амурных похождениях с шотландской королевой Марией. При одной этой мысли у меня по спине начинали бегать мурашки; тот же самый страх испытывала, видимо, и Мария, которая вообще перестала навещать меня.

Но в скором времени я узнала истинную правду о ее положении. Моя дорогая Мария, одна из двух самых близких подруг, которых я когда-либо имела, умирала от какой-то ужасной опухоли, разраставшейся в ее чреве.

Но мне стало известно об этом лишь впоследствии. С улучшением погоды Ангус мужественно собрал еще одну армию, и я снова попытала свое счастье к югу от границы. Со мной был Брезэ. Меня сопровождал сам

король! И конечно же, принц Эдуард! Я понимала, что на карту поставлено все. Так оно и было на самом деле, впереди меня ожидало самое ужасное в моей жизни испытание.

Мы достаточно легко овладели приграничными крепостями, но и на этот раз не получили никакой поддержки со стороны местных жителей, к тому же у нас очень скоро кончились деньги. Были дни, когда мы не могли купить себе даже ломоть хлеба, а однажды в воскресный день, открыв во время мессы свой кошелек, я обнаружила, что он совершенно пуст: хорошо хоть какой-то шотландский лучник, стоявший рядом со мной на коленях, вручил мне деньги для пожертвования.

В отчаянии я посылала письма Марии и кузену Луи, умоляя их о финансовой поддержке. Кузен в своем письме ответил мне, что всякая женщина, способная потратить двадцать тысяч золотых франков всего за шесть месяцев, все равно что бездонная бочка. Но я была в неподходящем настроении, чтобы мириться с подобными нотациями со стороны своего кузена. Однако хуже всего в его послании оказалось сообщение, что у него сейчас свои трудности, он сделал для меня все возможное и отныне я должна полагаться только на себя. И в довершение ко всему он весьма прозрачно намекнул, чтобы я не рассчитывала на Францию как на убежище, если мои дела пойдут совсем плохо. Как переменчивы люди!

От Марии я не получила никакого ответа, но вскоре прибыло известие, что королева при смерти. На этом и закончилась наша кампания, ибо все шотландцы во главе с Ангусом тут же отправились домой. Дети королевы были еще очень малы, и граф, как и все шотландские аристократы, чувствовал, что ему предстоят куда более важные дела дома, чем участие в стычках с Англией.

Совершенно для себя неожиданно мы остались без чьей бы то ни было поддержки и без средств; между тем Эдуард Марчский быстро приближался со своей армией. Прежде чем мы успели понять, что происходит, нас окружили. Брезэ спешно отправился за помощью, так он, по крайней мере, объяснил свой уход; Генрих укрылся в соседнем монастыре; вооруженный эскорт, приставленный ко мне Брезэ, разбежался — французы ушли, чтобы сдаться в плен. Мы с принцем Эдуардом остались совершенно одни, вдалеке уже слышался топот вооруженных солдат, звучали возгласы «Йорк!» и «Белая Роза». Боже, есть ли на свете женщина, с которой судьба обходилась бы столь сурово! Но эта особа еще не разделалась со мной окончательно.

Первым моим поползновением было вооружиться — благо, рядом валялось много оружия, — и ринуться на врагов, чтобы найти доблестную смерть. Но меня остановило чувство ответственности за бывшего рядом со мной принца Эдуарда. Бедному мальчику только исполнилось девять, но он был уже настолько воинственным, насколько я могла пожелать. Я знала, что он с радостью умер бы рядом со мной... но он должен стать английским королем, такую, по крайней мере, я поставила перед собой цель. Поэтому я поступила чисто по-женски, быстро направившись к ближайшему лесу. Однако поступать по-женски очень часто означает поступать неразумно. Впрочем, у меня почти не было выбора, и устремись я навстречу йоркистам, результат, возможно, оказался бы тот же самый.

К этому времени все лошади разбежались, и нам с принцем пришлось идти пешком. Стремясь как можно дальше уйти от йоркистов, мы углубились в лес и двигались как можно быстрее, не обращая внимания на низко свисающие ветви деревьев и кусты. В скором времени, прежде чем я остановилась перевести дух, мое платье и шляпа, как и одежды Эдуарда, оказались изодранными в клочья. Тут только я поняла,

что мы находимся в глухой чащобе, что близится ночь, что я страшно устала, а принц Эдуард плачет, что мы оба хотим есть и пить... и что я не имею никакого понятия, где искать помощь.

С трудом пройдя еще немного, мы, к своей огромной радости, набрели на скачущую по камням речонку. Утолив жажду, мы перешли эту речонку вброд, после чего от наших одежд и вовсе осталось одно воспоминание. К этому времени уже окончательно стемнело, да и мы настолько устали, что просто не могли продолжать путь, поэтому легли на берегу в обнимку, стараясь вместе преодолеть страх, который нагоняли на нас шумы ночного леса, и забыть об урчании наших пустых желудков. С первыми проблесками зари мы проснулись и увидели около себя несколько мужчин, внимательно нас разглядывающих.

Со страху я было приняла их за разведчиков йоркистов. Но когда я села и, откинув волосы с глаз, присмотрелась к ним повнимательнее, поняла, что для нас, возможно, было бы лучше, окажись эти люди — и не солдаты, и не крестьяне — и в самом деле йоркистами. Для солдат они были слишком неряшливо одеты, а для крестьян слишком хорошо вооружены. Лесные разбойники, ибо это были именно они, смотрели на нас с явно довольным видом.

— Настоящая красотка, — заметил один.

— Да и мальчишка недурен собой, — сказал другой.

Его товарищи разразились громким хохотом.

— Уж больно ты, Уил, охоч до мальчишек, — произнес третий.

Тревога моя все росла, но я изо всех сил старалась ее не показывать. Однажды после поражения под Нортгемптоном по пути в Экслхолл я уже оказывалась в подобном положении, но тогда у меня было с собой целое богатство, которое и отвлекло внимание моих недругов, к тому же меня сопровождал верный человек. На этот раз у меня не было с собой ни бо-

гатства, ни друга. Но я поднялась на ноги, оправила как могла одежды и спросила:

— Вы верные слуги короля?

— Тут есть одна загвоздка, — сказал человек по имени Уил. — Какого короля ты имеешь в виду, малышка?

— Короля Англии, — ответила я. — Генриха VI. Я королева Маргарита Анжуйская. Вы сможете крупно поживиться, если поможете мне, и жестоко поплатиться, если причините мне вред. Перед вами стоит принц Уэльский.

Я пыталась внушить им ужас этим гордым признанием. Какой-то миг казалось, что я преуспела. Но затем один из них сказал:

— Что-то непохожа она на королеву, Гарри.

— Какая там королева, Джон, — отозвался Гарри. — Может, разорившаяся леди. Но только не королева.

— А мальчишка-то недурен собой, — повторил Уил.

— Я королева! — вскричала я, топнув ногой. — И нуждаюсь в помощи. Мне нужны лошадь, чистая одежда и, самое главное, еда.

— Что вы думаете, ребята? — спросил Гарри. — Она и впрямь сущая красотка. А потом можно чиркнуть ее ножом по горлышку, и никто ничего не узнает.

— А я мог бы поиметь мальчишку, — вставил Уил.

Кровь застыла у меня в жилах. Но я по-прежнему старалась не выказывать своего страха.

— Вы не посмеете, — заявила я.

— Подумаем-ка, ребята, — сказал Джон, очевидно, самый старший и самый умный из них. — С этим делом можно и подождать, только приятнее потом будет. Пошли с нами, женщина. И возьми с собой мальчишку.

— Куда? — спросила я как можно более повелительным тоном.

— Ты сказала, что хочешь есть. Вот мы тебя и покормим.

Я не стала затевать спор, ибо была так голодна, что не могла размышлять здраво, к тому же знала, что лучше удастся справиться с насилием на полный желудок. Принц Эдуард, однако, оказался не столь уступчив.

— Мама, — спросил он, — почему ты не прикажешь отрубить им головы?

Это позабавило разбойников, они вновь громко захохотали.

— В этом нет необходимости, Эдуард, — ответила я. — Они накормят нас и отведут к королю и нашей армии. Которая находится рядом, — добавила я со значением.

Новый взрыв хохота показал, что они хорошо осведомлены о случившемся с армией короля, но я схватила Эдуарда за руку и последовала за разбойниками в глубь леса. Я напряженно размышляла, однако пришла лишь к одному выводу: мне не остается ничего иного, как проявлять терпение и выдержку, а когда, как я надеялась, нас накормят, можно подумать и о бегстве. Я была полна твердой решимости защитить и спасти будущего короля Англии, но я не имела понятия, сколько сил это от меня потребует.

В скором времени мы увидели перед собой холм, вздымающийся в лесной чаще. В склоне этого холма была пещера, где, очевидно, и помещалось разбойничье логово; там находились две женщины, столь же убого одетые и неопрятные на вид, как и их мужчины: они стояли на коленях у пылающего возле самого входа костра. При нашем появлении они поднялись. Присутствие женщин несколько меня приободрило, хотя для этого и не было особых оснований, так как женщины тут же, хихикая, окружили меня и стали толкать и щипать.

— Говорит, будто она королева, — заявил Гарри, что развеселило их еще сильнее.

Но одна из них подошла ко мне поближе, заглянула в лицо, взяла своими засаленными пальцами прядь моих волос и поднесла к глазам.

— А может, она и впрямь была королевой? — произнесла эта гарпия. — Выглядит точно как королева. Такие красавицы и бывают королевами.

Призадумавшись, они все собрались вокруг меня.

— За нее можно получить хорошие денежки, — сказала женщина.

Эти слова вселили в меня некоторую надежду.

— Я королева Маргарита, — сказала я. — А это принц Уэльский.

— Какая она королева, — вступила в разговор другая женщина. — Королевы носят короны.

Я не стала обращать внимание на такое невежество.

— Отведите меня к его светлости, и вы получите богатое вознаграждение, — пообещала я.

К несчастью, эти люди хотя и не знали, как должна выглядеть королева, но имели кое-какое представление о недавних событиях.

— Король бежал, — сказал Уил. — Я слышал это, когда был в лагере йоркистов. У него нет денег. Он не сможет дать никакого вознаграждения. Но... — он обвел взглядом лица своих товарищей, — я слышал, что король Эдуард готов выложить целое богатство за эту женщину.

Они радостно захлопали в ладоши.

— И за мальчишку тоже, — поддакнул Гарри.

— Мы могли бы оставить мальчишку, — разочарованно протянул Уил.

— А может, он будущий король Англии, — заметил Гарри. — Йоркисты заплатят за него уйму деньжищ. За них обоих.

— Это если она и впрямь королева, — вставила самая догадливая из них, я мысленно назвала ее Кас-

сандрой, — если же она не королева, болтаться нам всем в петле.

— Спросим Дикона, — сказала другая женщина. — Когда он придет.

Все это время, пока я тревожилась о нашей безопасности и целомудрии принца Эдуарда, ноздри мне щекотал аппетитнейший запах. При других обстоятельствах я, возможно, сочла бы его слишком сильным, но я умирала от голода, а в железном котле, подвешенном над огнем, без сомнения, тушилось мясо. Чувствуя, что нам угрожают всевозможные опасности, но не имея понятия, когда может прийти этот загадочный Дикон, я напомнила им:

— Вы обещали накормить меня и моего сына.

— Сейчас вы получите еду, ваше величество, — сказал Гарри. Эти слова могли бы произвести на меня успокаивающее действие, если бы не сопровождались похотливой ухмылкой. Но в тот момент для меня имела значение только еда, и какой-то миг спустя мы с Эдуардом уже ели тушеное мясо, которое оказалось крольчатиной. Правда, нам предложили всего одну глиняную чашу, не дав ни ножа, ни куска хлеба, так что пришлось есть пальцами, но еда показалась необыкновенно вкусной. Нам также поднесли какого-то домашнего пива, от которого моя голова закружилась, как от шотландского виски, а принц Эдуард тут же, прямо за едой, уснул. При сложившихся обстоятельствах это, возможно, было и к лучшему.

Грабители, мужчины и женщины, много смеялись и вели похабные разговоры. И тут я совершила ошибку, которая, пожалуй, была неизбежной. Наевшись до отвала и напившись крепкого пива, я поднялась на ноги и направилась в ближайшие кусты. Это встревожило их.

— Она убегает! — крикнул Джон, вскакивая.

— Это зов природы, — объяснила я.

— Держись поближе, чтобы мы могли тебя видеть, — заявил Гарри.

— Буду рядом, — заверила я, заходя за куст. Куст оказался не слишком высок, поэтому, когда я присела, они могли видеть мою голову. Какое унижение для королевы! Но худшее было еще впереди. Мои женственные движения пробудили в них не только тревогу. Когда, уже немного придя в себя, я вернулась, все они с заговорщическим видом возбужденно перешептывались.

— А теперь вы должны заплатить за еду, ваше величество, — сказал Гарри с еще более похотливой ухмылкой.

— Я буду у вас в долгу, — ответила я ему. — Слово королевы, вы получите щедрое вознаграждение. — Веревка палача, вот какая вас ждет плата, пообещала я себе.

— Это когда еще будет, — возразил Джон. — А мы хотим, чтобы нам заплатили сейчас же.

— Вы должны потанцевать для нас, — заявила женщина, прозванная мной Кассандрой.

Я ответила разбойникам надменным взглядом, но трудно сохранять достоинство, сознавая, что твои одежды все изодраны, от прически не осталось и следа и к тому же ты выпила лишнего.

— Уил поиграет вам на лире, — сказала первая женщина. — Вам понравится танцевать, ваше величество.

Мое раздумье длилось недолго. Может быть, танец смягчит их, да это и не такая уж большая плата за то, чтобы расположить к себе этих людей. Вероятно, мой усталый ум был все еще затуманен алкоголем.

— Если вы так хотите, — примирительно сказала я, предварительно удостоверившись, что принц Эдуард продолжает крепко спать.

Уил заиграл какой-то мотив, я сбросила с себя туфли, которые были в самом плачевном состоянии, и закружилась перед ним, придерживая свои юбки, притоптывая и даже извиваясь всем телом, при этом мои волосы разлетались в разные стороны. Все это было

еще одной печальной ошибкой. Они громко хлопали в ладоши, прикладываясь к кружкам с домашним пивом, а когда я остановилась, чтобы перевести дух, угостили выпивкой и меня; у меня опять все закружилось в голове, и тогда Гарри сказал:

— Без одежды у тебя еще лучше получится.

— Наверняка, — беспечно согласилась я.

— Так сними ее.

В смятении я уставилась на него выпученными глазами.

— Придется помочь ее величеству, — сказал Джон, и все вместе они направились ко мне.

Я всегда отличалась способностью принимать быстрые решения. Возможно, они не всегда оказываются верными, но все же это лучше, чем не принимать никаких решений. Хотя и сильно опьяневшая, я сразу же поняла, что, если только они притронутся к моему телу, все будет потеряно. Они не только порвут все еще остающиеся на мне одежды, но и не отпустят меня, пока не насытят свою страсть. Я также поняла, что вряд ли могу рассчитывать на помощь женщин, которым, видимо, хотелось посмотреть на мои интимные места не меньше, чем мужчинам. Конечно, вероятность, что вид моего обнаженного тела разожжет в них похоть, была слишком велика, но что я могла поделать?

Итак, королева Англии разделась донага и вновь принялась плясать перед своими грубыми подданными. Уже трезвея, я стала думать, как жестоко преследует меня судьба почти с того момента, как я впервые увидела графа Суффолка, который приехал с дьявольски-соблазнительным предложением руки и сердца от имени своего короля! Могу сказать, что мои зрители были зачарованы, ибо благодаря постоянному участию в военных кампаниях тело мое было так же твердо и упруго, как у молодой девушки, хотя и принадлежало зрелой женщине, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо из них видел что-нибудь подобное. Когда в полном изнеможении, вся в поту,

я упала наконец на колени, все трое двинулись ко мне, и в следующий миг я была бы опрокинута на спину, если бы их не остановил чей-то оглушительно громкий крик.

Разбойники обернулись, а я, подняв голову, увидела человека, который, должно быть, еще несколько минут назад вышел из-за деревьев, но по вполне понятным причинам остался незамеченным. Это действительно был человек, мужчина, но ни до тех пор, ни впоследствии мне не доводилось видеть никого, хотя бы отдаленно его напоминающего. Зычный голос давал лишь слабое представление о нем самом; его рост, клянусь, достигал семи футов, а плечи шириной могли сравниться с амбарными воротами. Он носил узкие, в обтяжку, штаны, и я могла видеть, что бедра у него как у коня, и ни один гульфик в мире не скрыл бы подобные причиндалы. Возможно, сказалось то, что он наблюдал за моим танцем.

— Клянусь Богом и адом! — воскликнуло это чудовище, подходя к нам, между тем как я тщетно пыталась распущенными волосами прикрыть самые привлекательные места моего тела.

Я уже достигла определенной степени взаимопонимания с пьяной компанией и почти смирилась с неизбежным насилием, но инстинкт подсказал мне, что на этот раз я столкнулась с еще более серьезной угрозой.

— Что тут творится? — спросил он.

— Говорит, что она английская королева, Дикон, — пояснил Уил, в сильном возбуждении размахивая руками. — И что этот мальчишка — принц Уэльский.

Дикон скользнул взглядом по принцу, вполне естественно пробудившемуся от крика, который мог бы поднять и мертвого, и тут же снова принялся пожирать меня глазами.

— И вы уже поиграли с ней? — спросил он голосом, звуки которого походили на раскаты грома, предшествующие грозе.

— Мы только попросили ее потанцевать, Дикон, — сказала женщина, первая узнавшая меня. — Она сделала это по своей охоте. Мы ее не трогали.

— Мама, — заметил принц Эдуард, — ты совсем голая. Это неприлично. — Он произнес это точно таким же тоном, какой был свойствен его номинальному отцу.

Дикон явно заинтересовался моим положением, хотя, по всей видимости, и не усматривал в нем ничего неприличного. Он подошел поближе ко мне и положил на землю свое оружие: арбалет, меч и кинжал. Было очевидно, что именно он главарь шайки и именно за ним оставалось окончательное слово в решении моей судьбы. И судьбы принца. Я была в сильном замешательстве, не говоря уже о той естественной неловкости, которую чувствовала в присутствии четырех мужчин, — я даже не упоминаю о женщинах, ибо их голос явно не имел ни малейшего значения. Но как себя вести? Улыбаться? Не сочтут ли они улыбку приглашением к немедленному насилию. Хмуриться? А вдруг они воспримут это как вызов, который следует покарать смертью. Первое казалось более предпочтительным, во всяком случае, такой поворот событий предопределен в любом случае, что до смерти, то ее желательно избежать. Ведь на мне лежит ответственность за принца и, стало быть, за судьбу английской короны. К тому же, даже в случае самого худшего, я все равно останусь королевой Англии.

— Тут слишком жарко, мое сердечко, — объяснила я сыну. — А эти люди — наши добрые друзья.

С этими словами я, до сих пор стоявшая в умоляющей позе, быстро поднялась; на это движение тут же отреагировал важнейший анатомический орган Дикона.

— Клянусь Богом и дьяволом! — воскликнул он, обнаруживая некое подобие аристократических замашек. — Ты самая красивая штучка, которую я когда-либо видел.

Я не обиделась. Этого не позволяло мое положение, да и сам Суффолк однажды назвал меня «существом». Вместо этого, отбросив волосы с глаз и смело встретив его взгляд, я попыталась найти какой-нибудь спасительный выход.

— И твоя королева, Дикон, — изрекла я.

— Королева, — пробормотал он и, протянув руку, принялся перебирать мои волосы, пропуская пряди между пальцев. — Мне всегда хотелось переспать с королевой.

Стоя неподвижно, я приняла еще одно решение: жгучее желание, которое явно испытывал этот гигант, возродило во мне надежды на спасение; даже смерть из его рук в случае неудачи казалась, по крайней мере, интересной.

— Ну так и переспи с королевой, Дикон, — шепнула я. — Но только ты один. А потом отведи меня к королю.

Его глаза буквально буравили меня, рука соскользнула с моей головы на плечо, а затем на грудь, которую он поласкал так, как ощупывают яблоко, пробуя, насколько оно спелое. Сердце мое заколотилось, дыхание стало учащенным, тело охватила дрожь, но я по-прежнему стояла неподвижно.

— Мама! — Принц Эдуард явно осуждал столь фамильярное обращение со мной.

— Уйми своего щенка, — пригрозил Дикон. — Не то я отрежу ему яйца.

— Эдуард, — сказала я, сглотнув, — пожалуйста, успокойся. Я займусь тобой чуть погодя.

— Значит, ты будешь первый, Дикон, — сказал Джон. — А уж мы позабавимся с ней потом.

— Неужели ты поделишься королевой? — вновь шепнула я. Он нахмурился, все еще продолжая меня щупать. — Знал бы ты, как умеет ласкать королева, — добавила я все таким же тихим голосом. — Но только тайно. Отведи меня подальше в лес, и я сделаю тебя счастливейшим человеком на свете.

Он колебался, но я чувствовала, что победила.

— Стало быть, ты пойдешь со мной, — громко произнес он.

— Если ты дашь мне время одеться.

— Одеться? — проревел он. — Это еще зачем? Ты нужна мне голой, женщина.

— А я и буду с тобой голой, — заверила я. — В нужное время и в нужном месте. Ты хочешь лишиться удовольствия наблюдать, как раздевается королева?

Он сверкнул на меня глазами, но я чувствовала, что достигла полного интеллектуального превосходства, и с полной невозмутимостью встретила его взгляд, после чего он отвернулся, бормоча какие-то угрозы, и принялся поглощать невообразимое количество их очень крепкого напитка. Это меня вполне устраивало. Я уже знала, как мне поступить, потому что в решительности никогда не испытывала недостатка. Я натянула свое изорванное платье и встала на колени возле принца.

— Мы сейчас уйдем отсюда, — предупредила я его.

— Мама, — простонал он, — у меня болит голова.

— Прогулка на свежем воздухе — лучшее лекарство от головной боли, — сказала я. — Мы пойдем вместе с этим джентльменом.

— Мне он не нравится, — объявил принц. — Слишком уж вольно ведет себя с тобой, мама.

Антипатия была взаимной.

— Зачем брать с собой мальчишку? — спросил Дикон.

— Я не могу оставить его здесь, — ответила я. — Этот Уил в два счета спустит с него штанишки.

Дикон громким смехом подтвердил мое опасение.

— Ладно, пусть идет с нами, — согласился он, — и пусть поучится радостям жизни у того, кто знает в них толк... и своей матери. Но он должен помалкивать.

Другие члены шайки были явно взбудоражены, а Джон даже осмелился спросить:

— А как насчет нас, Дикон?

В ответ он получил увесистую затрещину, которая опрокинула его наземь.

— Я приведу их обратно, — пообещал Дикон. — После того, как получу свое.

Он подобрал оружие, а также прихватил с собой кувшин с пивом, — я предпочла бы, чтобы он запасся этой восхитительной крольчатиной, — затем схватил меня за руку и потащил в гущу леса.

— Я пойду сама, — запротестовала я, жестом показав Эдуарду, чтобы бежал следом за нами. Я инстинктивно чувствовала, что легче обхитрить, умаслить или обворожить одного человека, чем троих, особенно если среди троицы есть мужчина с необычными пристрастиями, а рядом находятся две фурии. То, что Дикон во всех отношениях, видимо, стоил тех троих, вместе взятых, отнюдь не казалось непреодолимой проблемой. А если он напьется еще сильнее, можно было подумать и о бегстве, хотя предварительно следовало уточнить наше местонахождение. Поэтому я покорно тащилась за ним, а Эдуард плелся вслед за нами двоими, пока мы не достигли речушки, возле которой нас утром схватили разбойники. К этому времени день был уже в самом разгаре, и на солнце стало почти тепло.

— Я хочу пить, — сказала я, легла на берегу и стала пригоршнями черпать воду. Что бы, интересно, сказали мои фрейлины, увидев меня в этот момент?

Дикон опустился на колени возле меня.

— Самое подходящее место, — промолвил он, кладя руку мне на шею и запуская пальцы в мои волосы, — чтобы переспать с королевой, — добавил он, очевидно начиная верить, что ему в самом деле крупно повезло.

Напившись, я тоже стала на колени. Его рука переместилась с моей шеи на корсаж.

— Мы здесь в безопасности? — поинтересовалась я.

— Да. Йоркисты пошли дальше. — Он ухмыльнулся. — Ищут тебя и старого короля. Как ты дума-

ешь, сколько выложил бы молодой Эдуард за тебя, милашка?

Если у меня и оставались какие-либо сомнения по поводу того, что он заслуживает смерти, то теперь они окончательно исчезли. Я улыбнулась ему.

— Уж, конечно, меньше, чем французы и шотландцы. Отведи меня к маршалу де Брезэ или графу Ангусу, и они заплатят столько, сколько тебе и не снилось. — Я имела в виду, что для него построят бóльшую, чем обычно, виселицу.

— Шотландцы, — пробурчал он, раздевая меня. Поразительный факт: мужчина хорошо знает, как выглядит женщина, но ее раздевание действует на него очень возбуждающе, стимулируя его мужское естество.

— Мы недалеко от Шотландии, я знаю, — сказала я, стараясь сохранять хладнокровие; еще один поразительный факт: когда женщину раздевают с целью овладеть ею, она не может ни на чем ином сосредоточить свои мысли.

— Дорогой Эдуард, — бросила я через плечо, — будь послушным мальчиком и спрячься в лесу на полчаса.

— Нет, — отозвался Эдуард. — Это плохой человек.

— Сейчас я отдеру его ремнем, — пригрозил Дикон.

— Он совсем еще ребенок, — поспешила я защитить сына. — Я сама его отстегаю, но потом. Ты не можешь меня сейчас оставить. — И я задышала часто и шумно, правдоподобно изображая пароксизм страсти, что, однако, не было полным притворством, ибо как раз в это время он стал обнажать нижние части моего тела. — Делай, как я тебе сказала, Эдуард, не то я очень рассержусь.

Мне удалось вложить достаточную повелительность в свой голос, и он спрятался в лесу. Где именно, я себе не представляла, но знала, что найду его, как только он мне понадобится.

— Ты говорил мне о Шотландии, — напомнила я Дикону, когда он опрокинул меня навзничь, на уже согретую солнцем, на мое счастье, траву, чтобы окончательно раздеть; он даже туфли снял, чтобы лучше рассмотреть мои ноги, удивительно красивой, как и все во мне, формы.

— Шотландия, — сказал он и махнул рукой. — Отсюда всего несколько миль до границы.

Я постаралась запомнить, в каком направлении он махнул, но тут мои мысли отвлекли другие обстоятельства. Сняв с меня все, что на мне было, он стал раздеваться сам. Эффект оказался потрясающий. К сожалению, у самых больших мужчин не всегда наиболее важная часть их тела пропорциональна росту, однако о Диконе этого никак нельзя было сказать. По огромной выпуклости в его штанах я уже заключила, что у него есть чем похвастаться. Но оказавшись лицом к лицу, если можно так выразиться, с самим этим предметом, признаюсь, что, как ни крепилась, едва не лишилась сознания. Я маленькая женщина и опасалась, как бы меч подобной величины не нанес мне смертельную рану, а если бы я уцелела, то меня все равно раздавила бы эта гора весом не меньше, чем в двадцать английских стоунов[1].

Теперь, узнав в какую сторону идти, я обдумывала всевозможные пути и способы спасения. Первоначально я предполагала попробовать бежать, когда он удовлетворит свою страсть и, возможно, уснет. Но теперь я сомневалась, что этот мой план удастся, и решила перейти к плану «Б»: как у всякого опытного военачальника у меня всегда имелось в запасе несколько вариантов.

Я неоднократно замечала, что крепкие напитки не только разжигают в мужчинах пыл, но и придают им сил для его удовлетворения. Поэтому я сказала, всячески стараясь умилостивить его:

---

[1] Мера веса, равная четырнадцати фунтам.

— Не выпить ли нам за нашу встречу и будущее счастье?

— Приятно слышать такое от красотки, — вскричал он, — даже если она королева. Пей!

Он протянул мне кувшин, предварительно сняв с него крышку, и я поднесла его к губам. Я хотела отпить лишь чуть-чуть, но когда подняла посудину, Дикон хлопнул по дну, так что мне пришлось проглотить куда больше, чем намеревалась; к тому же довольно много пива выплеснулось на мои обнаженные плечи. От всего этого я зашаталась, и прежде чем успела прийти в себя, Дикон схватил кувшин, поставил на землю и принялся слизывать пиво с моих грудей. Я пришла в замешательство, со мной никогда еще не случалось ничего подобного. Я хотела было упасть в притворный обморок, но это ничего не изменило бы, потому что он все равно положил меня наземь.

Я закрыла глаза, пытаясь как бы отстраниться от происходящего, но так как ничего не происходило, вновь открыла их и увидела, что он деловито допивает пиво. В кувшине оставалось еще достаточно алкоголя, чтобы уложить в беспамятстве несколько мужчин, лишив их всякой мужской силы... но выпитое не произвело на Дикона никакого действия; отбросив кувшин, он принялся насаживать меня на кол. Слова «насаживать на кол» я употребляю в самом буквальном значении, ибо он взял меня не так, как это обычно делают христиане, и даже не по мусульманскому обычаю, излюбленному Брезэ, а просто схватил и, посадив верхом на бедра, вонзил в меня свое здоровенное копье. Разумеется, я была ошеломлена и встревожена, однако не могла не пожалеть, почему ни один из моих любовников никогда не применял такой великолепной позы. Я даже не подозревала, что мужчина может так глубоко входить в женщину, к тому же такое положение позволяло Дикону одновременно ласкать все мое тело, от грудей до ягодиц, что он и делал с большим одушевлением.

Это бурное совокупление вытеснило из моей головы все мысли о побеге; когда он наконец позволил мне лечь рядом с собой, я была совершенно разбита. Конечно, нечего было и надеяться на то, чтобы страсть и выпитое пиво могли довести его до подобного же состояния. Поэтому первой моей мыслью было попробовать заручиться его поддержкой.

— Отведи меня к шотландцам, Дикон, — предложила я, — и будь отныне моим верным слугой.

Он со смехом перевернул кувшин, оказавшийся совершенно пустым.

— Тебе не нравится мое предложение? — спросила я, садясь.

— Ты королева, — ответил он.

— Разве я не удовлетворяю тебя как королева? И разве я не доказала, что настоящая женщина?

— Сомневаюсь, чтобы среди королев сыскалась какая-нибудь лучше тебя, — ответил он. — Но ты единственная, которую мне удалось попробовать. Как женщина ты не так уж плоха. Но я знавал лучших.

Если бы взгляды могли убивать, этот негодяй был бы мертв в тот же миг, но он даже не смотрел на меня.

— Ты просишь отвести тебя к шотландцам, но ведь они сразу же повесят меня, — продолжал он. — К тому же шотландцы большие скареды. Но если бы они даже и заплатили мне хорошие деньги, *ваше величество*, как только я перестал бы быть полезным, ты сразу же отделалась бы от меня. Нет, нет, конечно, мы оба будем помнить о нашей приятной встрече, но отныне наши пути расходятся.

— Ты хочешь покинуть меня здесь, с принцем? — спросила я, не зная, радоваться ли мне или огорчаться.

— Покинуть свою королеву? Никогда. — Последовал взрыв грубого хохота. — Я отведу тебя туда, где тебе окажут самый радушный прием. Клянусь Богом, я отведу тебя к самому королю Эдуарду. Тут-то я и смогу огрести хорошие деньги. И мне не придется де-

литься ими с этими олухами. Потому-то я и забрал тебя с собой. Ха-ха. — Он спустился к воде и, пригнувшись, стал пить, шумно прихлебывая.

Сомневаюсь, что хоть какой-нибудь женщине наносили подобное оскорбление. И я *знаю*, что подобное бесчестье не приходилось терпеть ни одной королеве. В конце концов, я сделала все возможное, чтобы удовлетворить его желание, хотя все мое существо противилось этому. А затем была отвергнута, точно ничем не лучше всякой другой женщины!.. Это возмутило меня даже сильнее, чем его намерение передать в руки врагов. Со всех сторон мне грозила погибель. До сих пор мои мысли вращались исключительно вокруг двух возможностей: бежать или, обольстив этого неотесанного мужлана, превратить его в своего верного слугу. Было очевидно, что вторая возможность отпала, вряд ли можно было рассчитывать и на то, что мне удастся бежать от такого ражего детины, способного перепить кого угодно. Оставался один-единственный выход.

Всякий, кто по воле случая прочитал эти мои записки, без сомнения, уже убедился, что под красивой, типично женской грудью было сердце настоящего мужчины. Как часто я стремилась повести моих солдат в самое пекло сражения и, возглавляя их, победить или умереть! Но меня всегда отговаривали мои советники-мужчины, напоминая о моем долге перед королем и грядущими поколениями в лице моего сына. Но я хорошо сознавала, что если сейчас не поступлю, как подобает герою, то навсегда потеряю и короля и сына, да и сама буду обречена на верную гибель.

Я не колебалась. Как бы там ни было, этот человек — закоренелый преступник, разбойник, предатель, убийца... к тому же он посмел надругаться над своей королевой. Моя ярость усугублялась тем презрением, которое он выказывал к моим физическим способностям, без всякого опасения повернувшись ко мне спиной. Я схватила обеими руками его валявший-

ся на земле меч и со всей силой опустила на шею пьющего негодяя!

Не издав ни звука, он повалился вперед, в воду. Но по отсутствию крови я заключила, что он не мертв; я отнюдь не отсекла ему голову, как намеревалась, а только оглушила его; это и понятно, ведь я никогда не училась владеть мечом.

— Хороший удар, мама, — похвалил меня принц, видимо все это время наблюдавший за нами. Момент был неподходящий для того, чтобы смущенно оправдываться, принц, во всяком случае, не проявил никакого замешательства, встав рядом со мной. — Но я сомневаюсь, что он мертв. Почему бы не пристрелить его?

Я посмотрела на Дикона, лежавшего лицом в воде, а затем на сына.

— Я не знаю, как заряжать арбалет.

— Зато я знаю, — сказал он, лег на спину и напряг ноги, чтобы натянуть тетиву, а затем протянул мне заряженное оружие. — Целься между лопаток, — посоветовал он.

Так я и сделала, и, хотя отдача опрокинула меня на спину, результат оказался вполне удовлетворительный. Приподнявшись, я увидела, что стрела наполовину вошла в тело Дикона; вода вокруг несчастного малого окрасилась в цвет крови.

— Хороший выстрел, — объявил Эдуард и взял у меня оружие. — Однако тебе придется выстрелить еще раз. — И он снова принялся заряжать арбалет.

— Ты уверен, что он еще жив? — спросила я.

Тело Дикона слегка покачивалось на мелководье, но, зацепившись за упавшую корягу, не уплывало. Я не сомневалась, что к этому времени он уже захлебнулся.

— Надо удостовериться, что он мертв, — заявил мой развитый не по годам сын. Я думаю, что ему нравилось управляться с арбалетом. Во всяком слу-

чае он заставил меня еще дважды выстрелить в груду неподвижного мяса. — А теперь, мама, — сказал он, — пожалуйста, оденься. Неприлично ходить нагишом, к тому же ты можешь простудиться.

Глава 14

Такие вот происшествия, подобные этому случаю с разбойником Диконом, весьма способствуют скреплению близости между матерью и сыном. Мы и всегда-то были близки, а теперь стали как две родственные души.

Разумеется, мы никогда не открывали всей правды о пережитом. Это, как сказал бы принц Эдуард, неприлично. Позднее, рассказывая о своих злоключениях герцогине Бурбонской, я только упомянула, что во время бегства на нас напал огромный, свирепого вида разбойник, который угрожал нам смертью, но как только я объявила, что королева, он переменился и стал нам помогать. Всякий, кто поверил бы этому, поверил бы и любой другой байке. К счастью, особы королевской крови, а также всякие щелкоперы, которые подхватывают каждое их слово, будь то мудрое изречение или какая-нибудь скандальная сплетня, с готовностью верят: все простые люди в глубине души хранят лояльность по отношению к ним.

Покончив таким образом с Диконом, мы с принцем направились в Шотландию. Сказать это легко, сделать, в абстрактном смысле, достаточно нетрудно, всего-то и дел, что пройти какие-нибудь пятьдесят миль то под снегом, то под дождем. Так как после случившегося мы не смели никому показаться на глаза, то, чтобы не умереть с голоду, все это время питались лишь ворованными фруктами. Поэтому я обойду молчанием ужасные лишения, которым мы подвергались в течение недели, и только скажу, что мы достигли своей цели.

Кто-нибудь может спросить, почему я не постаралась найти мужа. Для этого мне пришлось бы скитаться по разным аббатствам, где, конечно, мы были бы обеспечены едой и кровом, однако в любую минуту нас могли выдать йоркистам. Что до Генриха, наш брак уже давно исчерпал себя; возможно, мне было и грешно считать, что чем скорее он присоединится к своим знаменитым предкам, тем лучше, но тем не менее именно так я и считала, ибо рядом со мной на моем попечении находился тот, кто куда более заслуживал английской короны. Во всяком случае, я никогда больше так и не увидела мужа. Сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь в последующие годы скучал обо мне. Но я по нему точно не скучала.

Разумеется, я не знала, какой прием ожидает меня в Шотландии, но наконец-то фортуна улыбнулась мне: почти первыми, кого я встретила, оказались люди Ангуса. Они изумились, увидев меня живой, ибо упорно распространялись слухи о моей смерти, и как только я высказала свои желания, они тут же постарались их удовлетворить. Нам с принцем взамен наших лохмотьев принесли новые одежды, мы выкупались, поели, а вечером улеглись на мягкие постели; тотчас же был отряжен эскорт, чтобы сопровождать меня в Эдинбург. Там, как я узнала, находилась тяжелобольная Мария в окружении своих лордов, а также был Пьер де Брезэ. Марию я больше никогда не увидела, потому что к тому времени, когда достигла Эдинбурга, она была уже погребена. Для меня ее смерть оказалась тяжелой потерей, причем не только с политической и финансовой точки зрения. Я уже не могла рассматривать Шотландию как свою союзницу, к тому же меня очень скоро уведомили, что чем быстрее я покину пределы страны, тем лучше. Но сама мысль о том, что женщина, столь полная жизненной энергии, желанием насладиться каждым мгновением, умерла в таком молодом возрас-

те — Мария была больше чем на год моложе меня, — заставляла со страхом сознавать, какие непрочные нити привязывают нас к этому миру.

Казалось, можно было предположить, что испытываемое мною горе смягчала радость воссоединения с Пьером. Но и в наших с ним отношениях наступило охлаждение, хотя ни один пока не хотел в этом признаться.

Дело в том, что Пьер не привык терпеть такие сокрушительные неудачи, как постигшая его на севере Англии, к тому же он чувствовал себя виноватым в том, что в решительный момент оставил меня на произвол судьбы и я едва не погибла. Разумеется, он так и не узнал, какой урон потерпела моя женская честь. Как свойственно мужчинам, всю вину за случившееся он постарался переложить на меня и теперь негодовал. Ко всему прочему, Пьер был по характеру непостоянен, и наша связь, видимо, стала ему приедаться. Как я уже говорила, моя готовность идти на любые жертвы ради того, чтобы вернуть себе королевство, внушала ему опасение; в своих честолюбивых помыслах он видел себя едущим по правую руку от королевы Англии, однако, убедившись, что этим помыслам не суждено сбыться, стал обдумывать другие возможности.

То же самое происходило и со мной. Я хорошо понимала, что мне надо уехать. Вот только куда? Тут Пьер высказывался совершенно определенно: мне надо ехать во Францию. К кузену Луи? Он советовал искать убежище в Бургундии. Я пришла в ужас, Пьер приводил убедительные аргументы. Как я позднее узнала, отнюдь не все они были подсказаны заботой обо мне. Тайком от меня он написал Людовику, сообщив ему о моих злоключениях и высказав мнение, что с точки зрения англичан я заслуживаю лишь плахи. Ему удалось убедить меня, что Людовик, который, конечно же, знал, что я обещала отдать Кале, ибо в этом деле он был заинтересованной стороной, в интересах мира вполне может передать меня йоркистам.

Пьер так же знал, как знала и я, только я не придавала этому большого значения, что Людовик окружил себя своими ставленниками и при дворе отныне нет места для сенешаля Нормандии. Он опасался, что его враги (а как у всякого великого человека, у него было их множество) могут воспользоваться его возвращением после на редкость неудачной военной кампании, чтобы обвинить его в измене и таким образом помешать *когда-либо* добиться королевской милости.

С того времени как Людовик взошел на престол, отношения между ним и герцогом Филиппом значительно ухудшились, поэтому Пьер рассчитывал на радушный прием в Брюгге. Когда я заметила, что герцог Филипп должен вскоре породниться с Эдуардом Марчским, он заверил меня, что герцог Бургундский, который состоял со мной в близком родстве, ибо приходился мне, как и Людовику, дядей, не только любит хорошеньких женщин, но и является самым галантным рыцарем во всем христианском мире и, конечно, не вышлет меня из своего герцогства.

Итак, мы поехали в Бургундию.

В августе, после сравнительно спокойного плавания — совершать морские путешествия следует лишь летом, — мы высадились в Слейсе, не имея никаких средств к существованию. Со мной был принц Эдуард, Джон Комб и сэр Джон Фортескью. После поражения под Саутгемптоном сэру Джону пришлось довольно трудно, но, отказавшись служить Эдуарду Марчскому, он приехал в Шотландию и даже вызвался стать наставником принца, хотя я объяснила ему, что в настоящее время у меня нет денег на оплату его услуг. В моей свите было еще семь фрейлин, и ни одна из нас не имела даже смены одежды. Нас сопровождал Брезэ, который на свой скудный денежный запас покупал лишь самое необходимое. Мы не имели ни малейшего понятия, чего нам ждать от бу-

дущего, и я должна сказать, что мои дела никогда не были в столь плачевном состоянии.

Однако комендант порта уведомил, что в Брюгге меня ожидает граф Шароле. В этот самый момент, когда я как никогда нуждалась в поддержке, Пьер объявил, что вынужден покинуть службу у меня. Смущенный своим решением, он, стоя передо мной в неловкой позе, теребил шляпу в руках.

— Дело в том, ваша светлость, — произнес он, — что меня призывает к себе король Людовик.

В какой-то степени это была правда, так как Людовик, видя, что его политика ведет к столкновению с собственными братьями и знатными вельможами, осознал необходимость привлечь на свою сторону всех талантливых лояльных солдат, каких он сможет найти, а Пьер Брезэ безусловно занимал одно из первых мест в этом списке. Было объявлено, что сенешаль найдет теплый прием при дворе. К тому же Пьер не хотел оказаться во власти Карла Шароле или его отца, которые использовали бы его как пешку в будущей игре против французской империи. В то время, однако, я не видела в его поступке ничего иного, как одну из тех низких измен, которые всю жизнь были для меня сущим бедствием; и на этот раз меня предал человек, уговоривший поехать в Бургундию. Свое негодование я высказала ему в самых резких словах. На этом мы и расстались, как оказалось, навсегда.

В ту ночь, когда я лежала без сна на своей узкой кровати в такой же узкой, плохо обставленной спальне, ко мне пришел Джон Комб. Юноше исполнилось семнадцать лет; за три года, миновавшие со времени нашего бегства из Нортгемптона, он сильно развился, превратившись в великолепного молодого мужчину. Все замечали, что он воспылал любовью ко мне. Теперь, оказавшись одинокой, я могла вознаградить его и одновременно найти хоть какое-то утешение среди осаждавших меня бед.

Затем я отправилась в утомительный путь до Брюгге; не зная, что готовит мне будущее, я оставила принца Эдуарда с Фортескью в Слейсе, взяв с собой в путешествие лишь двух фрейлин и, конечно, Джона Комба. Сказать, что я была удручена и немного испугана, значит, почти ничего не сказать. Подумайте сами: принца, к которому я направлялась как нищая просительница, некогда сватали за меня, но моя семья не дала согласия; теперь он был помолвлен с сестрой моего худшего врага. Отец его некогда был близким другом и союзником семьи моего отца, а впоследствии они разошлись в разные стороны, можно сказать в противоположные. А я всецело отдавала себя на его милость.

Меня ожидало самое приятное удивление. В дополнение ко всем моим страхам я побаивалась вспыльчивого темперамента Карла, не случайно прозванного Безрассудным, но решила сделать все от меня зависящее, чтобы наладить с ним отношения. Переодевшись в новое платье, которое приобрела в Слейсе, я предстала перед графом, сомневаясь, смогу ли удержаться от того, чтобы не выцарапать глаза Маргарите Йоркской, окажись она рядом со своим женихом.

К счастью, ее там не оказалось. Трудно было себе представить человека приветливее, чем Карл. Встав с кресла, он поцеловал мне руку, именуя меня «ваша светлость» и воздавая все почести, полагающиеся королеве, а также и всякой красивой женщине. Уже не в первый раз я прокляла судьбу, воспрепятствовавшую нашему соединению еще до того, как я увидела этого красивого мужчину, но, увы, была слишком мала тогда, чтобы разобраться в происходящем.

В этот момент его нареченной рядом с ним не было, ибо хитрые йоркисты, с великим тщанием составлявшие брачный контракт, даже не привезли ее в Бургундию. К этому следует добавить, что она была еще моложе, чем я в пору женитьбы на мне

Генриха, и так как Карл и его отец оставались последней моей надеждой в этом мире, я сочла разумным сделать вид, будто двадцати пяти лет, прошедших со времени несостоявшейся помолвки, вообще не существовало.

Меня порадовало, что мой расчет частично оправдался, ибо, как я уже сказала, Карл был красивым, а также весьма энергичным мужчиной. Еще год назад я бы, возможно, сочла его чересчур энергичным, но после страстных объятий разбойника Дикона все другие мужчины казались мне просто мальчиками, и я тешу себя надеждой, что проведенная со мною ночь утомила Карла больше, чем меня. Мое поведение несколько расстроило Джона Комба, но я объяснила ему, что подобные встречи составляют неотъемлемую часть международной дипломатии. Я не собиралась сносить упреков молодого пажа, хотя и отлично знала, что семнадцатилетние юноши более подвержены необоснованной ревности, чем взрослые мужчины.

К сожалению, хотя мы с Карлом и очень приятно провели время, почти никаких ощутимых результатов это не принесло. Карл находился в ту пору в полном подчинении у отца, и несмотря на то, что он все-таки убедил дядю Филиппа принять меня, сколько-нибудь удовлетворительных результатов это не принесло. Дядю Филиппа, видимо, справедливо считали величайшим рыцарем и богатейшим принцем христианского мира. Но будем честными: рыцарские манеры, равно как и бросающаяся в глаза роскошь, зачастую оказываются лишь показными. Но они ничего не говорят о самом человеке, внешне сверкающим великолепием, а тем более о тех средствах, с помощью которых он поддерживает ослепительную пышность своего существования. Герцог Филипп изъявил желание принять меня, возможно, даже хотел мне помочь, но дни его величия остались позади. Теперь это был нервный человек, постоянно потирающий руки, который всячески стремился не дай

Бог не восстановить против себя двух своих могущественных соседей и родственников — Эдуарда Марчского и французского короля Людовика. Поэтому мне пришлось ехать из Брюгге в Сен-Поль на заднем сиденье экипажа какого-то ремесленника, в чужом платье, чтобы никто не знал, что герцог Бургундский принимает королеву Англии.

Когда мы наконец встретились, он был само обаяние и, невзирая на свои годы, ему исполнилось шестьдесят семь, оказался явно неравнодушен и к моему обаянию. Но, увы, мужчины с годами проявляют все больший интерес к делам государственным и все меньший — к делам любовным; сев рядом со мной, он проанализировал мое положение, и я вынуждена была мысленно согласиться, хотя так и не призналась в этом вслух, что наше с мужем дело безнадежно и мне не остается ничего иного, как искать прибежища в частной жизни.

Легко себе представить, как огорчил меня подобный исход событий. Вот тогда-то я излила свое сердце сестре Филиппа, рассказав ей о злоключениях, которые преследовали меня последние десять лет. Но у меня сохранилось достаточно здравого смысла, чтобы скрыть от нее правду о происхождении принца Эдуарда (я поведала ей, что через восемь лет после женитьбы Генрих проявил неожиданную пылкость!), о моих истинных отношениях с их племянницей Марией Гельдернской (по моим словам, мы были только самыми близкими подругами) и, естественно, о том, что произошло между мной и разбойником Диконом. Но я не сочла нужным умалчивать о моем романе с Брезэ, ибо вряд ли кто поверил бы, будто женщина в моем положении, с моими взглядами и воспитанием, никогда не имела любовника.

Герцогиня пришла в ужас от того, что мне пришлось перенести. Не могу себе даже представить, как бы она восприняла полную правду.

Итак, все мои надежды рассыпались в прах и я снова стала нищей изгнанницей. Дядя Филипп решил оказать мне помощь и подарил две тысячи крон, дав тем самым понять, что чем скорее я покину территорию Бургундии, тем счастливее он будет.

Мне не оставалось ничего иного, как отправиться обратно в Брюгге, где я в последний раз переспала с Карлом и рассталась с ним, заливаясь слезами. Я мечтала о том, чтобы его отец вдруг испустил дух, а он унаследовал герцогство; я чувствовала, что смогу убедить его одолжить мне свою сильную правую руку, как он одалживал другие, не менее важные части своего тела. Возможно, я была чересчур большой оптимисткой, потому что Карл знал, что, как только его отец выпустит из рук поводья, произойдет неминуемое столкновение с Людовиком, и уже обдумывал свои действия в этом случае.

Из Брюгге, в сопровождении своей заметно поредевшей свиты, я отправилась в Сен-Мишель-ан-Барруа, где папа отвел мне жилище, пообещав выплачивать ежегодно по шесть тысяч крон. Это было все, что он мог выкроить из своих ограниченных средств. Денег едва хватало на мое содержание, и я уже не могла оплачивать услуги лазутчиков и соглядатаев, а уж тем более вербовать армию. Я вновь и вновь обращалась к кузену Луи, но каждый раз получала холодный отказ в помощи. Пробовала я воззвать и к своему брату, но герцог Жан был в лагере решительных сторонников кузена Луи и рассматривал мои притязания на корону как маловажные по сравнению с необходимостью укрепления французской монархии.

Представьте себе, как тяжело переживала я свое изгнание всю ту зиму и часть следующего года; единственным моим утешением в это время оставался Джон Комб. Переживания мои усугублялись тем, что вокруг происходили великие события, а я не могла принять в них участия. Едва ли не самым важным было известие о том, что мой муж каким-то образом сумел бежать в

Шотландию и даже получил там помощь. Дела в этом королевстве наконец наладились, и новоизбранные регенты юного короля Якова III вновь возвратились к вековой вражде с Англией. В случае своего восстановления в правах Генрих обещал предоставить им торговые привилегии, и они решили поддержать его, отправив вместе с армией в Англию. Там, хотите верьте, хотите нет, к нему присоединился Генри Сомерсет.

Когда эти новости достигли Сен-Мишеля, естественно, преисполнившись воинского пыла, я собралась было пересечь пролив и присоединиться к дорогим мне людям. К моему возмущению, мне не позволили это сделать, причем запрет исходил не только от французского короля, но и от папа. Я энергично протестовала, давая понять, что их власть никак не распространяется на меня, ибо как королева я обладаю равными с ними правами. Они не оспаривали этого факта, но в свой черед указывали, что у каждого из них есть в руках оружие, с помощью которого они могут принудить меня согласиться с их желаниями: королю я обязана подчиняться, поскольку живу на французской земле, папа же держит завязки моего кошелька. Как я в скором времени узнала, как раз в это время Людовик вел переговоры с Уориком, который и был фактически королем Англии, о женитьбе Эдуарда Марчского на французской принцессе, надеясь таким образом создать широкий западноевропейский союз. Конечно, не в его силах было помешать королю Генриху и Генри Сомерсету затевать смуту в Англии, но он мог и был твердо намерен не допустить моего в ней участия.

Кузен Луи бы не на шутку обеспокоен, ибо на этом на тримониальном поприще у его протеже имелись конкурентки. Марча одновременно сватали за инфанту Изабеллу Кастильскую. Трудно даже вообразить себе возможные последствия этого брака.

Изабелла прославилась как замечательной силой своего характера, так и строгим целомудрием, одно-

временно за Марчем утвердилась репутация человека, также наделенного чрезвычайно сильным характером, и великого распутника. В то время инфанте было всего тринадцать лет, но вокруг нее, единокровной сестры короля, который проявил полную неспособность править страной, уже сплачивалась недовольная кастильская знать, и ее дяди отчаянно пытались каким-нибудь образом выдворить строптивицу из страны. Однако их усилия оказались тщетными: Изабелла вышла замуж за Фердинанда Арагонского, и супруги сделались самыми могущественными правителями Западной Европы.

Везет же некоторым женщинам.

Как оказалось, пока я писала разгневанные письма и получала ни к чему не обязывающие ответы, пока я, терзаясь досадой, расхаживала по зубчатым стенам своего замка, произошли события, показавшие, что вынужденная задержка послужила к моему благу. Повторилась старая история. Хотя Генриху и удалось поднять север Англии — ах, если бы его жители поддержали меня два года назад! — 25 апреля Сомерсет потерпел поражение близ Хеджли-Мура, а 15 мая — под Хэксэмом. Генриху пришлось бежать в Шотландию, где его, как и меня в свое время, приняли не слишком тепло, а Сомерсет попал в плен и был обезглавлен, чего давно уже заслуживал.

Таким образом я могла только порадоваться, что не приняла участия в этой последней, закончившейся столь катастрофически, кампании. Наконец началась война между Людовиком и его братьями, поддержанными Бургундией; дядя Филипп уже впал в старческий маразм, и Карл проявлял неукротимый воинственный пыл. Последовавшая война не представляла ни для кого особого интереса. Для всякого, хорошо знающего характер французского короля, в этом не было ничего удивительного, ибо встречам на поле битвы,

без которых, собственно, и не бывает войны, он предпочитал плетение всевозможных интриг и козней, заключение временных перемирий, разработку планов и контрпланов. Однако в конце концов, когда нависла угроза потерять Париж, он все же вынужден был дать сражение. Это сражение произошло в виду Парижа и закончилось победой короля. Среди его убитых сторонников оказался и Пьер де Брезэ.

Хотя наше продолжительное взаимное тяготение друг к другу затем и сменится бурным романом, я не могу притворяться, будто все еще любила Пьера. Тем не менее, узнав о его смерти, я заплакала. Я все яснее и яснее видела, что остаюсь в полном одиночестве, все друзья моей молодости, все мои прежние сторонники умерли и рассчитывать на какую-нибудь поддержку в будущем не приходится. В уединении моей спальни Джон Комб старался утешить меня, но ведь у него не было ни богатства, ни приверженцев, ни хотя бы таланта, а именно во всем этом я прежде всего нуждалась.

В 1464 году, в Михайлов день, я получила сообщение о событии, которое грозило стать для меня последним завершающим ударом, однако это известие вызвало у меня не слезы, а смех, хотя и отравленный горечью. Я уже упоминала о том, что кузен Луи отказывал мне в поддержке, ибо Уорик предлагал укрепить англо-французские отношения с помощью освященного временем способа, а именно женитьбы так называемого Эдуарда IV на французской принцессе. Эта идея очень привлекала кузена. Он отчаянно старался обеспечить мир на границах, дабы покончить со своими врагами, сеявшими распри в королевстве, но кроме того, питал вполне понятное уважение к полководческим способностям Эдуарда Марчского. Одна мысль о том, что это живое воплощение Эдуарда III, Черного Принца, и Генриха V может высадиться во Франции во главе армии, порождала у него кошмары. Переговоры продолжались все лето, успешно завершиться им, казалось, мешало лишь оче-

видное нежелание короля Эдуарда связать себя брачными узами. Это, естественно, представлялось странным всем, кто знал, какой он неисправимый распутник; но для такого подозрительного человека, как кузен Луи, подобное поведение служило верным признаком того, что теперь, когда молодой король устранил все внутренние трудности, хотя прежний монарх Генрих все еще и оставался на свободе, Эдуард готовился к крупным военным действиям.

И вот в Михайлов день ужасная тайна выплыла наружу: Эдуард не мог жениться на французской принцессе, даже если бы и захотел, так как еще в мае женился. Кто его жена? Некая Грей, вдова солдата, воевавшего на стороне Ланкастеров и убитого во втором сражении под Сент-Олбансом, известная в близком кругу как Белла.

Правда об этом удивительном событии выяснялась лишь мало-помалу, еще больше времени понадобилось, чтобы поверить ей: не думаю, чтобы какая-нибудь женщина во всем мире, кроме Беллы, могла бы успешно осуществить подобное.

Те, кто читает эти мои записки, возможно, помнит, что после второй битвы при Сент-Олбансе, где Грей Гроуби умер от ран, я разрешила Белле отвезти тело мужа домой, чтобы там его похоронить. Я ожидала, что, выполнив свой долг, она возвратится ко мне, в мои объятия. Но к тому времени, когда тело Грея было предано земле, между нами оказалась йоркистская армия. А пока моя самая дорогая подруга обдумывала, как обойти это препятствие, поражение под Таутоном изменило мою судьбу к худшему, и я снова оказалась беглянкой. Белла, без сомнения, здраво рассудила, что самое для нее лучшее — укрыться в доме матери, в Графтоне, где ей не угрожало ничего, кроме, может быть, необходимости переспать еще раз с графом Уориком. Разумеется, она забрала с собой обоих своих сы-

новей и здесь могла бы оставаться до конца своих дней, хотя это и маловероятно. Белле было всего двадцать семь лет, с годами она стала еще красивее, и вряд ли приходилось сомневаться, что рано или поздно к ее двери проложит тропу новый муж.

Я слышала, что в искателях руки Белла не знала недостатка, но она отвергала их всех. Может быть, она уже тогда замышляла свой мастерский удар? Я бы не исключала такую возможность. Ибо она так же хорошо, как и все, знала, что после победы под Таутоном, победы, от которой ланкастерское дело, казалось, никогда уже не оправится, Эдуард Марчский по своей доброй воле отдал все бразды правления своему кузену Уорику, а сам наслаждался молодостью, красотой, энергией, мужской силой... и своим королевским положением! Как и всякий энергичный мужчина, Эдуард имел всего три страсти: война, охота и женщины. Но в отношении Эдуарда я поменяла бы их порядок. Война только что закончилась, поэтому на первой план вышли две другие страсти: спать со всеми женщинами, какие только оказывались рядом, и скакать на коне вслед за гончими. Охота нередко приводила молодого короля в Графтон, где его, должно быть, видела Белла, возможно также, что ему преподносила кубок на дорогу привядшая, но все еще привлекательная герцогиня Жакетта. Не исключено, что в скором времени он стал замечать сидящую под дубом в материнском саду молодую женщину, у ног которой играли дети; женщина была изумительной красоты, с развевающимися золотыми волосами, милым лицом и бесподобной фигурой.

Нетрудно представить себе реакцию Эдуарда: он предложил этому великолепному существу разделить с собой ложе. Но тут Белла, несомненно, проявила свою решительность и мужество: она отвергла это приглашение. О причинах ее отказа существуют различные мнения. Йоркисты, естественно, утверждают, что эта слишком целомудренная и скромная женщина

не могла позволить себе стать чьей-либо любовницей, даже любовницей самого короля. Я-то, разумеется, знаю ее слишком хорошо, чтобы поверить в подобную чушь. Возможны три предположения. Первое: что Эдуард недостаточно ее интересовал, но, если вспомнить, как хорош он был собой и какое положение занимал, в это с трудом верится. Второе: что Белла продолжала сохранять мне верность и не хотела вступать в близкие отношения с моим заклятым врагом. Мне очень хотелось бы этому верить, но опять-таки я слишком хорошо знаю Беллу. Третье предположение самое правдоподобное: она прекрасно понимала, что ей представился главный шанс ее жизни, и готова была рискнуть всем, только бы его не упустить. Игра предстояла очень и очень нелегкая, ведь Эдуард мог выбрать не только любую женщину в Англии, но и любую принцессу в Европе; к тому же Белла была на пять лет старше его. Большинство мужчин дважды подумают, прежде чем жениться на женщине старше себя на пять лет. Принцы, правда, иногда поступают так, но по политическим соображениям, в этом же случае подобных соображений не могло и быть. Не могу я поверить и в то, что намерения Марча в отношении Беллы Грей были честными с самого начала; он только хотел дорваться до этих великолепных грудей и не менее великолепных бедер. Но когда в конце концов Белла дала ему понять, что единственный способ достичь этой цели — жениться на ней, совершенно одурманенный к этому времени Эдуард... согласился.

Остается надеяться, что брачная ночь, которая обошлась ему так дорого, стоила того.

Как я уже сказала, известие об их браке вызвало у меня горький смех. Моя дорогая подруга Белла, с которой мы провели вместе так много счастливых часов, именует теперь себя английской королевой Ели-

заветой. Однако другие отнюдь не были склонны смеяться по этому поводу, поэтому-то Эдуард и держал в тайне свою женитьбу в течение шести месяцев.

Я не сомневаюсь, что в начале царствования Эдуард немного побаивался своего повелительного кузена, который завоевал себе — без особых на то, как мы видели, оснований — репутацию победоносного солдата и был фактическим правителем страны. Эдуард хотел только, чтобы ему не мешали наслаждаться всеми прелестями новобрачной, и он знал, что Уорик, выражаясь мягко, отнесется неодобрительно к его выбору. Но когда граф стал все чаще и чаще заговаривать о женитьбе на французской принцессе, сперва прося, а затем и требуя ответа, Эдуард вынужден был открыть ему правду. О степени негодования графа я могу судить по тем чувствам, которые он изъявил при нашей встрече через несколько лет. Но даже в 1470 году он был дьявольски зол на своего протеже и всех, кто оказался замешан в этой истории. Возможно, тут говорила ревность, ведь Уорик в свое время несколько раз переспал с Беллой и, несомненно, уже знал, что в последнюю их встречу Белла, действуя в качестве моей лазутчицы, сумела его одурачить. Но что он мог поделать? Если Эдуард — король Англии, как Уорик стремился внушить всему миру... то Элизабет Грей, урожденная Вудвилл, королева, и гордому графу не оставалось ничего иного, как опускаться на колено при каждом ее появлении.

Естественно, в то время я совершенно не представляла себе, как этот поразительный поворот событий может повлиять на мою личную судьбу. Мои дела, казалось, никогда еще не обстояли так плохо, тем более что Белла очень быстро принялась рожать детей для своего мужа. Первыми были девочки, но, принимая во внимание удивительную плодовитость их матери, можно было в скором времени ожидать

и появления наследников престола, призванных увековечить йоркистскую династию. Не имея ни денег, ни влиятельных друзей, ни оружия, я ничем не могла этому помешать. Однако я уже обладала тем, чего пока еще не было у Беллы и Эдуарда, — своим собственным престолонаследником; отныне все надежды я возлагала на *моего* Эдуарда. В течение нескольких последующих лет я сосредоточила все свои усилия на том, чтобы, с помощью верного Фортескью, вырастить из моего сына настоящего мужчину, воспитать его в истинно королевском духе.

Люди, которым следовало бы знать что к чему, часто осуждают меня за то, что я поощряла воинственность в характере моего сына. Но посудите сами. Все мои несчастья, казалось, объяснялись полным *отсутствием* воинственности в характере мужа. Обладай он хоть десятой долей воинских доблестей его отца, десятой долей его силы и безжалостности, которые мог бы проявить в случае надобности, я бы до сих пор спокойно обитала в Вестминстере, и фактически и номинально оставаясь королевой Англии. Что до Солсбери, Уорика, Йорка и его сына, то их принудили бы к полному повиновению или казнили по обвинению в измене... а Белла по-прежнему оставалась бы моей дорогой подругой, и мы продолжали бы свои любовные игры. Но я оказалась изгнанницей, а потому не заслуживаю порицания за то, что стремилась построить свое будущее так, чтобы жажда мести сочеталась в нем с жаждой безопасности, спокойствия и власти.

По мере того как принц превращался в сильного, атлетически сложенного юношу, крепли и мои надежды. В то время я не искала никаких брачных союзов для своего сына. После смерти Марии Гельдернской договоренность о женитьбе принца на шотландской принцессе как бы сама собой отпала. Я не спешила снова затрагивать этот вопрос или начинать какие-либо новые переговоры. Я болезненно сознавала, что рискую получить резкий отпор в этих своих попыт-

ках, как это произошло с папа, когда он, сильно обедневший, подыскивал жениха для своей дочери. К тому же я хотела, чтобы ничто не отвлекало принца Эдуарда от его решимости отвоевать свое законное наследство. Я даже не сватала ему кого-нибудь в любовницы, да он и не хотел этого. Единственным предметом, который он изучал, были военные кампании, единственными его игрушками — оружие и доспехи, а единственными друзьями — солдаты, которых я к нему приставила.

Открыто признаюсь, что я наблюдала за всем этим с полным спокойствием. Я постепенно продвигалась к своей цели. И не сомневалась, что, когда настанет нужное время, удастся подыскать подходящую партию, хотя даже в самых смелых мечтах не представляла себе, кто бы это мог быть.

Между тем я наблюдала за событиями, происходившими в Англии. В мае Елизавета была коронована. Как я уже рассказывала, она присвоила себе честь открытия моего колледжа в Кембридже, наконец сооруженного. В следующем месяце король Генрих был схвачен в одном из северных аббатств. Из полученных мною донесений явствовало, что к нему теперь относились без малейшего уважения; привязав к лошади, его провели сначала по всей Англии, затем по улицам Лондона и заточили в Тауэр, как самого заурядного преступника.

Кто-то, возможно, выразит недоумение, почему Эдуард Марчский и Уорик не позаботились о том, чтобы их царственный пленник как можно быстрее присоединился к своим предкам. Но они оказались в трудном положении. Держать помазанника Божьего в плену — дело весьма дорогостоящее и сомнительное; конечно, они могли бы возвестить о его отречении, возможно, и с полным основанием, так как Генрих с легкостью подмахнул бы любую бумагу, которую ему подсунули, но

иметь двух королей вряд ли приемлемо. Когда Ричард II отрекся от престола в пользу Генриха IV, он сделал это публично, и никто не протестовал против такого решения. Однако дед моего мужа все же счел необходимым ускорить его переход в мир иной. Можно было также предположить, что сам факт нахождения Генриха, пребывающего в добром здравии, в Лондоне, служил для его сторонников побудительным стимулом добиваться реставрации.

Этим аргументом, однако, можно было противопоставить другие. В плен Генриха захватили публично. Его внезапная смерть после довольно продолжительной жизни в теперешних трудных обстоятельствах могла бы вызвать всеобщее недоумение: в 1465 году мир стал несколько умудреннее, чем был в 1397-м. Второй довод кажется мне значительно более весомым: пока Генрих оставался в живых, его можно было убедить признать незаконным любое мое действие, любой союз, какой я могла бы заключить, внеся тем самым смятение в ряды его приверженцев. Но если бы он умер, — и ни Марч, ни Уорик не могли в этом сомневаться, — то я тут же провозгласила бы своего сына королем Эдуардом IV, что привело бы к еще большему смятению, ибо на это имя и титул уже претендовал Марч. И что с их точки зрения, вероятно, было еще хуже — все враги Англии объединились бы вокруг меня, и вместо слабого, немощного, преждевременно состарившегося человека им пришлось бы иметь дело с неистовым юношей, поддерживаемым не менее неистовой матерью и Бог весть какими еще силами.

Посему они и предпочли оставить Генриха в живых, во всяком случае на некоторое время.

Я прекрасно разбиралась в их тайных кознях, но должна сказать, что в то время не видела почти никакого будущего ни для принца Эдуарда, ни для меня. Мы слышали, с каким недовольством принял Уорик

тайную женитьбу короля, но не думали, что в связи с этим он может предпринять какие-то конкретные меры, во всяком случае послужившие на пользу нашему делу. Во всей Англии мы удерживали один-единственный замок, неприступный Харлех, откуда бесстрашный граф Пемброкский, Джаспер Тюдор, все еще бросал вызов всему миру. В своем письме он уверял меня, что может завербовать для меня валлийскую армию, будь у него только деньги.

В этом-то и заключалась загвоздка. Как ни покажется странно, но в каком бы трудном положении человек ни оказался, ему никогда не следует впадать в полное отчаяние, ибо весь остальной мир продолжает заниматься собственными делами и невозможно предугадать, когда эти дела повернутся в благоприятную для нас сторону.

Главной причиной перемены в моем положении оказалась Белла. Я не считаю, что всю вину следует возлагать на нее. Возможно, у нее и текла королевская кровь в жилах, но она никогда не испытывала великих радостей, которые дает подобное наследие, а если и испытывала, то только, если можно так сказать, через вторые руки, во время своего пребывания со мной. Ее отец и мать, если судить по королевским критериям, жили в бедности, которую еще более усугубляла многочисленность их потомства. И вдруг она стала королевой Англии, женой человека, который ни в чем не мог ей отказать. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что она принялась извлекать всевозможные выгоды из своего нового положения, точно так же, как это делал сам Эдуард Марчский; но так как адюльтеры королевы считались государственной изменой, тогда как любовные похождения короля — чем-то вроде излюбленного национального спорта, ей пришлось ограничить себя в удовольствиях. И очень скоро главным, если не единственным ее удовольствием, стало наживать богатство.

Если бы она заботилась исключительно о себе самой, люди еще могли бы это понять и принять. Но

Белла всегда оставалась хорошей дочерью и сестрой. Она выхлопотала для своего отца титул графа Риверса. И это тоже могло быть понято и принято. Но в следующие же два года Англию захлестнул целый потоп Риверсов. Риверсы находили себе женихов и невест среди знатнейших родов. Один из братьев Беллы, которому не исполнилось еще и двадцати, женился на вдове-графине уже за восемьдесят, чтобы заполучить ее состояние. Подобное поведение многие сочли скандальным. Уорик с возмущением наблюдал, как в королевском совете его старается оттеснить на задний план эта орда чрезвычайно красивых, напористых, но бесцветных свойственников короля. Еще сильнее оскорбились братья Марча. Точнее сказать, один из них, Георг, герцог Кларенский. Ричард, герцог Глостерский, был в то время совсем еще юным и уже тогда выказывал глубочайшую преданность своему брату королю, которую можно считать единственной подкупающей чертой в его характере. Но Кларенс задумался. Его права как наследника престола оказались под угрозой. До женитьбы Эдуарда и до появления у него первого сына Кларенс считался законным престолонаследником, что вполне устраивало Уорика: сильный духом Делатель Королей легко мог управлять слабохарактерным Кларенсом. Но ни Уорик, ни Кларенс не могли равнодушно наблюдать, как все места в совете расхватывают алчные Риверсы, как растет их влияние на короля. Этих людей невозможно было сдержать; до того, как их августейший свойственник умрет, они старались захватить все сколько-нибудь значительные посты в королевстве. И умри король молодым, регентом престолонаследника, если тот появился бы на свет, без сомнения, стал бы кто-либо из семейства Риверсов.

Может быть, кому-нибудь и покажется странным это предположение о возможной смерти короля, ведь ему не исполнилось еще и тридцати и все сходились на том, что он самый большой — ростом в шесть футов и несколько дюймов, — самый сильный и здо-

ровый мужчина во всем королевстве. Но люди, случается, умирают молодыми, и по отношению к королям всегда следует принимать в расчет будущее, если только речь не идет об измене. И даже *если идет*. Реальные факты подернуты дымкой таинственности, и я могу рассказать о них только то, что слышала в своем сен-мишельском убежище.

В 1467 году герцог Филипп умер, его место занял Карл. Естественно, я не ждала от этого никакой выгоды для себя, ибо молодой герцог был помолвлен с йоркистской принцессой, но события мало-помалу начали складываться в мою пользу. Поссорившись со своим отцом, кузен Луи, как известно, укрывался при бургундском дворе и между ним и дядей Филиппом установились в какой-то степени дружеские, даже доверительные отношения, хотя они и недолюбливали друг друга. Кузену не нравилось постепенное сближение между Бургундией и йоркистами, но он всегда чувствовал, что дядя Филипп не позволит себе зайти слишком далеко; и радушный прием, оказанный мне герцогом, свидетельствует о том, что он был прав.

Но Карл был совсем другого поля ягодой. Он и кузен люто ненавидели друг друга, и, как мы уже видели, между их армиями у самых ворот Парижа произошло решительное сражение, сражение, которое стоило бедному Брезэ жизни. Отныне не было никаких гарантий, что Бургундия и Англия вновь не заключат между собой союз, который во времена моего свекра Генриха V принес Франции много бед, а такая возможность очень беспокоила французского короля.

Непосредственным плодом его раздумий явилось, по моему мнению, внезапное и неожиданное появление в Сен-Мишеле. Это был визит вежливости, ничего больше, мы не обсуждали никаких государственных дел. Он довольно грубо пресек мои попытки заговорить на эту тему. Он отлично понимал, что это его посещение вызовет широкий резонанс в Англии и вынудит Эдуарда Марчского хорошенько обдумать

все обстоятельства. Я употребила слово «плод» в достаточно вольном толковании. Как я уже упоминала, принимать короля и его двор — дело весьма дорогостоящее, а я пыталась укладываться в строгие рамки своего бюджета, к тому же мне отнюдь не хотелось быть пешкой в чужой игре.

Однако появились кое-какие признаки того, что положение меняется. Перед концом года меня посетил доблестный Джаспер, он сообщил мне, что смог занять кое-какие деньги во Франции, и убедил меня позволить ему попытать счастья в военных действиях. Я хотела поехать вместе с ним в Харлех, но он отговорил.

— Как только одержу победу, я немедленно пошлю за вами, — пообещал он.

Большой интерес у меня вызвал сопровождающий Джаспера в этой поездке Эдмунд, герцог Сомерсетский, младший брат бесчестного Генри и теперь глава Дома Бофоров. Эдмунд был на пару лет моложе Генри, и в последние годы я его редко видела, так как брат оттеснял его на задний план. Внешне он очень походил на отца, в честь которого и получил свое имя. Это удивительное сходство, а также его красивая внешность привлекали меня, но было в нем и нечто, меня отталкивающее, — необузданный, неровный характер. Однако я быстро заметила у него воинский талант, которым он превосходил и отца и брата, а также, должна добавить, и Джаспера. Я подумала, что он может мне пригодиться, если, конечно, удастся держать его в подчинении.

Эдмунд, в свою очередь, поклялся в вечной верности Алой Розе. Не знаю, надеялся ли он заменить своего отца и брата во *всех* отношениях, но я постаралась убедить его оказать Джасперу всю возможную поддержку. Он с радостью пообещал выполнить мое желание, ибо нет лучшего способа за-

воевать женское... Нет, я сомневаюсь, чтобы он был заинтересован в покорении моего сердца, скорее его прельщала возможность отомстить врагам. Разумеется, им не удалось одержать победу. Необученное войско Джаспера было разгромлено йоркистской армией под командованием лорда Герберта, и ему пришлось бежать обратно в свой неприступный Харлех, тогда как Эдуард Марчский нанес ему дополнительное оскорбление, лишив титула графа Пемброкского и передав этот титул самому Герберту.

Все эти события отнюдь не способствовали улучшению моего настроения, хотя мне было забавно узнать, что Марч так сильно беспокоился, как бы я вновь не пересекла пролив, что приказал своему родственнику Энтони Вудвиллу, которому он присвоил титул лорда Скейлза, продолжать крейсировать в море, после того как тот отвезет Маргариту в Бургундию, где должен был состояться ее долгожданный брак с Карлом I.

Лишь на следующий год клокотавшая некоторое время под землей лава наконец вырвалась наружу. Это был тот самый 1469 год, когда Католичка Изабелла наконец вышла замуж за своего кузена Фердинанда Арагонского. Счастливые события, естественно, не имели никакого влияния на английские дела. Но в начале этого года кузен Луи нанес мне еще один визит: на этот раз он предложил мне на некоторое время оставить Сен-Мишель и переехать в Онфлёр. Он сказал, что такой королеве, как я, даже в изгнании подобает иметь вооруженный эскорт, который он рад будет содержать на свои деньги. И коль скоро я предпочитаю быть окруженной англичанами, а не французами, то в таком морском порту, как Онфлёр, хватает скитающихся англичан, которые сочтут за счастье служить Алой Розе.

Все это, разумеется, была полная чушь. Мой переезд в Онфлёр в Англии восприняли как начало вербовочной кампании перед вторжением. В какой степени это был тайный план и в какой степени в его осуществлении принимал участие кузен Луи, я не могу сказать с достаточной достоверностью. Однако, пока я все еще находилась в Онфлёре, на севере Англии началось восстание под предводительством некоего Робина Ридсдейла, бандита, о котором ходили самые невероятные истории, тем более что его путали с другим легендарным бандитом, якобы жившим в царствование Ричарда Львиное Сердце.

Этот Робин, судя по многочисленным о нем отзывам, был первостатейным негодяем, но весьма способным солдатом. Эдуард Марчский, который все с той же неутомимостью предавался любовным похождениям, — говорили, будто он не смог лично принять участие в сражении, потому что подцепил триппер, — отправил на подавление восстания Герберта, новоявленного графа Пемброкского, вместе со своим тестем. 26 июля две армии встретились в Эджкоте, и, ко всеобщему изумлению, Герберт и Риверс потерпели поражение.

Нетрудно себе представить, в какой восторг я пришла от этих новостей, хотя меня и огорчила безвременная гибель отца Беллы и, естественно, мужа Жакетты. Результат этого восстания поверг в смятение все европейские дворы. Эдуард Марчский, очевидно успевший подлечить свои причиндалы, собрал армию и вместе с Уориком и Кларенсом поспешно направился на север. Робин Ридсдейл был, как и следовало ожидать, разбит и исчез со сцены. Что же оказалось во всем этом нового? А только то, что по Европе разнесся слух, будто Марч и сам пленник в руках своего брата и кузена. Поговаривали также, будто восстание Робина объясняется отнюдь не приверженностью делу Алой Розы, а происками Уорика, вознамерившегося выманить Эдуарда из столицы, где он

пользовался популярностью. И еще, будто Риверса казнили не сами ланкастерцы в отместку за то, что вся его семья переметнулась к их врагу, а по приказу самого графа, который хотел таким образом отделаться от одного из мерзейших сторонников Эдуарда. Самым зловещим событием для Эдуарда Марчского стало то, что, как бы в подтверждение этих слухов, герцог Кларенс женился на дочери Уорика — Изабелле.

Все это было настоящей сенсацией, но я по-прежнему ошибочно считала Уорика куда более опасным врагом, нежели Марча. А Марч между тем оказался достойным противником для двух заговорщиков, хотя одним из них и был великий Уорик, и в скором времени возвратил себе и свободу и власть, создав, правда, в королевстве неустойчивое положение. В свете этих событий я была скорее огорчена, чем обрадована, узнав, что в Линкольншире началось восстание в поддержку дела ланкастерцев, во главе которого стоял сэр Роберт Уэллс. Восстание это удалось быстро и без усилий подавить, и Уэллс, а также еще несколько добрых малых лишились голов.

Но и это восстание имело свои последствия. Перед тем как казнить Уэллса, Эдуард, очевидно, получил от него признание, которое позволило ему обвинить Кларенса и Уорика в измене. Это признание, заметьте, последовало от человека, провозглашавшего, будто действует от моего имени, но он, видимо, знал гораздо больше о том, что происходит в Англии, чем обо мне и моих планах. Уорик и Кларенс, немедленно объявленные изменниками, вынуждены были бежать из королевства. Все эти события произошли в конце марта 1470 года. Было совершенно ясно, что беглецы могут отправиться только во Францию, но не в Бургундию. В скором времени в своем Сен-Мишеле я получила известие, что они высадились в устье Сены, ибо их не допустили даже в Кале, комендантом которого все еще числился Уорик.

Я пребывала в убеждении, что Уорик наконец-то справедливо покаран самим Небом, и только сожалела о том, что кузен Луи наверняка предоставит ему убежище, чтобы иметь в рукаве козырную карту на случай, если Эдуард Марчский задумает вторгнуться во Францию. Но во всех этих событиях я не видела ничего благоприятного для себя и своего сына.

Тем более изумлена я была, когда ко мне прискакал гонец от французского короля с приглашением принцу Эдуарду и мне прибыть в Амбуаз... чтобы обсудить реставрацию Ланкастерского Дома.

Глава 15

Сначала я почувствовала, что меня призывают словно какого-то вассала для услужения своему господину и повелителю. Но, дочитав послание до конца, поняла: я непременно должна поехать.

Следует вспомнить, что наступил уже июнь 1470 года. За три месяца до этого я отпраздновала, если только это слово здесь применимо, мое сорокалетие. Есть ли на свете женщина, которая равнодушно переступает через этот возрастной порог? Ощущать себя тридцатилетней женщиной уже достаточно неприятно. Не то чтобы мои страсти остыли, скорее — напротив. Джон Комб, уже двадцатичетырехлетний мужчина, в последние шесть лет лучше, чем кто-либо другой, исполнял обязанности моего мужа.

Ничуть не увяла и моя красота. Я могу утверждать это, не рискуя навлечь на себя обвинение в ложном тщеславии. Груди мои чуть-чуть располнели, талия немного раздалась, бедра слегка округлились, но заметить это можно было только в постели. Точно так же и случайные седые волоски на моем теле удавалось разглядеть, только если я раздевалась догола, и во всяком случае я их быстро выщипывала. Что до всего остального, то я охотилась не менее энергично,

чем в молодости, поглощала столько же еды и питья. Но если тридцать лет означают конец молодости, то сорок лет символизируют начало старости. Будущее вдруг перестает казаться безграничным. И следует поспешить сделать все, что надлежит. В противном случае появляется пассивное смирение. Таков был мой удел в последние шесть лет; создавалось впечатление, будто с каждым днем рождения меня все глубже засасывает бездонная трясина, откуда уже нет спасения. Нет, мой сорокалетний юбилей скорее нужно считать поводом для слез, чем для празднования.

Но вот последовало это странное, волнующее, необыкновенно заманчивое приглашение. Что бы оно могло означать? Я предстала перед королем с трепещущим сердцем, пытаясь сбросить со своих плеч скопившийся груз лет и несчастий. Я вновь хотела быть той девушкой, из-за которой ссорились правители Европы.

По-видимому, я более чем преуспела. Кузен Луи оторопел, когда я появилась перед ним в своем лучшем платье, шляпе и во всех драгоценностях, которые мне удалось собрать за последние годы взамен утраченных в войне Алой и Белой Розы. У его новой жены Шарлотты Савойской — она лишь недавно заняла место, которое принадлежало прежде несчастной шотландке Маргарите, — едва не случился выкидыш, когда она увидела меня. Однако король сумел побороть удивление, вызванное моим появлением, и даже сделал мне комплимент, сказав, что я так и лучусь здоровьем. Судя по всему, на него произвел впечатление и Эдуард, шестнадцатилетний юноша с рыжевато-золотистыми волосами, широкими плечами, открытым лицом и решительной осанкой, истинного воплощения мужественных Плантагенетов, от головы до пят будущего короля. По сравнению с ним сын кузена Луи Шарль выглядел лишь хнычущим ребенком с уже проявляющимися признаками уродства.

Затем разговор зашел о делах, и я пришла в восторг от первых же слов кузена, хотя он и произнес их своим обычным неискренним тягучим голосом:

— Этот король Эдуард — сущий выскочка. Уверен, что вы согласитесь со мной, милая Мег.

— Полагаю, вы говорите о графе Марчском, — поправила я. — Не знаю никакого короля Эдуарда.

— Да, да, конечно. Это всего лишь оговорка. Буду откровенен с вами, Мег. Он причиняет мне много неприятностей. Почти столько же, сколько причинил вам. Ха-ха-ха.

Слышать, как смеется кузен Луи, было привилегией весьма ограниченного круга лиц, — я, во всяком случае, никогда еще не удостаивалась этой чести, а потому сделала вывод, что король нервничает. Наш тет-а-тет становился более для меня интересным. Я не могла понять, чего может опасаться царствующий король Франции со стороны изгнанной королевы Англии.

— По моим сведениям, он договаривается о союзе с Бургундией, — продолжал кузен Луи. — Против кого, если не против меня, может быть направлен этот союз?

— Только против вас, — уверила я его. — И вы хотите, чтобы я возобновила войну?

— Вы ведь и сами этого хотите? Но я должен буду поставить вам условия.

— Не сомневалась в этом.

— Я хочу заключить договор о дружбе с Ланкастерским Домом сроком на тридцать лет, взамен же предоставлю вам людей и деньги, чтобы вы могли осуществить вторжение в Англию. Справедливо ли это, по-вашему?

Я поняла, что он собирается вести войну женскими руками, но ведь именно этого я больше всего и хотела, поэтому согласилась:

— Вполне справедливо, кузен.

— Значит, остается только решить вопрос о том, кто будет командовать вашей армией.

Я махнула рукой.

— Назначьте кого хотите, лишь бы он был способным солдатом.

Эдмунд Сомерсет был, безусловно, еще слишком юн, хотя я и собиралась назначить его своим командиром, как только такая возможность представится.

Кузен Луи долго откашливался, он явно нервничал все сильнее. Я была очень заинтригована.

— Я предложу вам самого искусного полководца во всей Европе, Мег, — наконец выдавил он.

Но ведь это может быть только сам Марч.

— Пожалуйста, назовите мне имя этого выдающегося полководца, — попросила я.

Кашель зазвучал оглушительно громко, но заговорил король таким тихим голосом, что я не вполне могла его понять. То, однако, что я все же поняла, показалось мне глупой шуткой.

— Повторите, пожалуйста, — попросила я.

Он быстро вскочил, точно опасался неожиданного на себя нападения.

— Я сказал: граф Уорик.

Я тоже вскочила, и Луи поспешил укрыться за своим креслом.

— Ваша шутка отнюдь не кажется мне забавной, — заявила я.

— Это отнюдь не шутка, Мег. Граф Уорик предложил возглавить ваши армии и помочь вашему мужу возвратить себе престол.

— Вы хотите оскорбить меня? — резко спросила я, с большим трудом сдерживая нахлынувший на меня гнев.

— Разумеется, нет, милая Мег.

— Стало быть, вы безумны. Совершенно безумны. — Учитывая его наследственность, в этом не было ничего удивительного.

— Вы только послушайте, Мег...

— Послушать? — выкрикнула я. — Уже наслушалась. Вдоволь наслушалась, как этот ползучий гад

называет меня убийцей, ведьмой, прелюбодейкой и шлюхой. Наслушалась, как он называет моего сына ублюдком. Насмотрелась, как зверски он расправлялся с самыми верными моими сторонниками. Скажу вам, кузен, когда я в следующий раз увижу графа Уорика, он будет стоять на коленях у плахи. А до этого времени не желаю видеть его лица. — И я снова села, обессиленная осознанием того, что мои надежды оказались ложными, а также вспышкой неистового гнева.

Осмелев, кузен Луи вышел из-за кресла и тоже сел.

— Я думал, что для вас превыше всего государственные интересы, Мег. — Я сверкнула на него глазами, с трудом переводя дыхание. — Вы посвятили всю свою жизнь делу Алой Розы, — продолжал этот негодяй с подкупающим участием. — До сих пор обстоятельства складывались не в вашу пользу только потому, что Йорк и Уорик были слишком могущественны для вас, действуя совместно. Подумайте об этом, Мег. Вспомните ваши сражения. Вы проиграли первое сражение при Сент-Олбансе, потому что они выступали вместе; вы выиграли второе сражение, потому что в нем участвовал только Уорик. Мы можем не считать Нортгемптона, где вы потерпели поражение из-за предательства Грея Рэтина, и Блор-Хита, где Одли обнаружил свою полную несостоятельность. — Его слова показывали, что он следил за перипетиями моей судьбы гораздо пристальнее, чем я предполагала. — Вы победили при Уэйкфилде, потому что сражались против одного Йорка, и были разбиты при Таутоне, где вам пришлось иметь дело с Марчем и Уориком. Неужели вы думаете, что проиграли бы это сражение, окажись Уорик на вашей стороне? Да вы бы спокойно сидели сейчас в Вестминстере.

Я начала понимать, почему этот негодяй всегда одерживал бо́льшие успехи в переговорах, чем на поле сражения. Каждое слово он как будто вбивал

молотком, и все, что он сказал, было абсолютной правдой.

— Теперь он предлагает вам поддержку по меньшей мере половины королевства, — продолжал король. — Там, где Уорик водрузит свое знамя, тотчас же начнут собираться добровольцы, готовые ему служить. Это хорошо известно.

— Все во мне восстает против вашего предложения, — проворчала я. — А что скажут люди?

— А что они могут сказать, Мег? Они скажут: вот женщина, истинно преданная своему делу, которую ничто не может остановить в ее стремлении восстановить мужа и сына в законных правах.

Это был еще один точно нацеленный удар. Но ведь и я не так уж проста.

— А какого вознаграждения ждет граф?

— Он хочет только стать вашей правой рукой.

— И все?

— Ну, разумеется, должны последовать определенные гарантии с обеих сторон. Мы думаем о брачном альянсе. — И прежде чем я успела что-либо сказать, он добавил: — Между принцем Эдуардом и младшей дочерью графа — Анной.

— Теперь я окончательно убедилась, что вы безумны. Таким образом Уорик стал бы тестем будущего короля.

— А что тут невероятного? Его тетя Сисели — мать человека, восседающего сейчас на троне Англии.

Это было в достаточной степени верно.

— Сколько лет предполагаемой невесте? — спросила я.

— Леди Анне? Я думаю, лет десять. Бракосочетание придется отложить на год-другой.

— Да, — задумчиво согласилась я. Мало ли что может случиться за один-два года. Неожиданно я спохватилась.

— А что скажет на все это Кларенс? — Ведь если мой Эдуард женится на леди Анне, как это преду-

сматривается планом восстановления моего мужа на престоле, Кларенс лишится возможности унаследовать королевский титул от своего брата.

Кузен Луи только улыбнулся:

— Сомневаюсь, чтобы все это ему понравилось. Но с ним не слишком-то считаются.

Он встревожился, когда я снова встала, но вскоре немного успокоился, поняв, что я хочу только пройтись по комнате и подумать. А подумать было о чем. Я никогда не испытывала к Уорику ничего, кроме презрения и ненависти. Одна мысль о том, что его дочь станет моей невесткой и матерью моих внуков, наполнила мою душу отвращением. Однако еще хуже было бы провести остаток жизни в изгнании, в Сен-Мишеле, зная, что мой сын так и останется королем без королевства. И если в мире есть хоть один человек, не только по моему, но и по общему убеждению способный свергнуть Эдуарда Марчского, то это Ричард Невилль. Конечно, он захочет управлять государством. Но времена меняются. Уорик старше меня, тогда как мой Эдуард только вот-вот достигнет зрелости, к тому же под рукой у нас будет Эдмунд Сомерсет. С помощью двух этих достойных и сильных молодых людей я смогу разделаться с Уориком, когда время для этого приспеет; к тому же граф в трудном положении, ведь у него нет сыновей, только дочери.

Между тем король с присущей ему наблюдательностью мгновенно уловил в моем лице нечто такое, что заставило его заключить: наступило время подать главное блюдо.

— Вы только что изволили заметить, милая Мег: «Когда я в следующий раз увижу графа Уорикского, он будет стоять передо мной на коленях». Могу сказать, что он готов выполнить ваше желание и попросить у вас прощения за все причиненное вам зло, если вы только согласитесь на этот союз, столь выгодный для вас обоих.

На что только не идут люди, чтобы достичь желанной цели! Я уверена, Уорик отнюдь не собирался подвергнуться подобному унижению, когда они с королем стали обсуждать этот замысел. Несомненно, кузену Луи пришлось выкручивать ему руки. Во всяком случае 15 июля он прибыл в Анжер, где ко мне присоединились отец и кузен Луи, преклонил передо мной колено, вложил свои руки в мои, попросил у меня прощения, которое я милостиво ему даровала, и поклялся быть моим верным слугой до конца своих дней. Это была, вероятно, единственная клятва, которую он сдержал только потому, что ему просто не представилась возможность нарушить ее.

Но, конечно, и мне пришлось поклясться чтить его превыше всех людей, исключая моего мужа и сына. Чтобы мы яснее представляли себе, на что идем, французский король положил перед нами где-то раздобытый им и присвоенный кусок истинного Христова Распятия, и мы поклялись на священной, как будто созданной для этой цели реликвии. Одновременно принц Эдуард был помолвлен с леди Анной, прехорошенькой крошкой.

Кларенс не присутствовал на этой церемонии. Мы подумали было, что он, как Ахилл, предается тоске в своем шатре. Предвидя неприятности, я настойчиво советовала держать его под бдительным присмотром во Франции, пока наша военная экспедиция не достигнет своей цели. Уорик, однако, заверил меня, что Кларенс — его человек, ибо после своего предательства не смеет вернуться к своему брату, Эдуарду Марчскому; к тому же, добавил он, его присутствие будет весьма ценно для нашего дела, ибо покажет английскому народу, что даже Йоркский Дом благоприятно относится к реставрации Генриха VI.

Уже не в первый раз в своей жизни я предпочла суждения других людей тому, что подсказывал мне инстинкт. На собственном горьком опыте я убедилась, что всецело полагаться на других — вернейший путь

к катастрофе. Но доверяться равным себе или тем, кто занимает более высокое положение, — английская национальная болезнь. Жизнь подтвердила это суждение конкретными примерами.

До поры до времени, однако, все шло по хорошо разработанному плану. Едва последовал сигнал, как на севере Англии началось новое восстание под предводительством лорда Фицхерста, одного из бесчисленных кузенов Уорика. Как ожидалось, Эдуард Марчский тотчас поспешил на его подавление. Вот вам пример номер один. Йоркистской армией на севере командовал лорд Монтэгю, брат Уорика, которого так и не сместили, невзирая на разрыв между братом и кузеном. Марч поскакал на север лишь в сопровождении своих телохранителей, не подумав, очевидно, что окажется в самом центре армии Монтэгю... Последний тут же высказался в поддержку своего брата и арестовал Марча.

Будь я там, недолго церемонилась бы с этим молодым человеком, который изрядно попортил мне кровь. Но в мое отсутствие начались колебания да сомнения, и Марчу удалось бежать. Не спрашивайте меня, каким образом, но я полагаю, что и тут проявилась излишняя доверчивость. Казалось, что все для него потеряно. Подскакав к берегу, он сел на корабль и поплыл в Бургундию, где отдал себя на милость мужа сестры; в 1468 году Карл Бургундский женился на его сестре Маргарите. В спешке Эдуард даже не смог взять с собой Беллу и ее выводок. А это и в самом деле был настоящий выводок, ибо она доказала всему миру, что является достойной дочерью Жакетты. До сих пор рождались девочки, но она уже опять была в тягости. Видя, как складываются обстоятельства, она благоразумно покинула Тауэр, где находилась в отсутствие мужа, и переехала в более безопасное убежище — Вестминстерское аббатство.

Будь я в Англии, сделала бы все возможное, чтобы забрать ее оттуда. Не то чтобы я намеревалась

причинить ей вред, просто считала ее ценным приобретением для последующих политических ходов. Однако меня там не было. Как только пришло донесение, что замысел Уорика заманить Марча на север и там его арестовать удался, граф тут же отправился в путь. Я предполагала, что мы с принцем будем его сопровождать. Но кузен Луи отказался нас отпустить, заявив, что для принца и меня безопаснее оставаться во Франции до окончательного завершения всего этого дела.

Мне стало ясно, что, невзирая на все клятвы над куском Распятия, этот мошенник, мой кузен, не верил ни Уорику, ни мне. Он хотел одновременно иметь и синицу в руке, и журавля в небе. И пока Уорик действовал в Англии, он со всей подобающей пышностью принимал меня в Амбуазе.

Я сильно волновалась, но все шло в соответствии с нашими замыслами. Сопровождаемый Кларенсом, Уорик высадился в Кенте. Люди со всех сторон прибывали на их поддержку. Лондон распахнул перед ними ворота. Генрих был освобожден из Тауэра, впервые за несколько лет его сытно покормили и под рукоплескания собравшейся толпы усадили на трон. Вот тогда-то Уорик и получил прозвище Делателя Королей. Однако одно дело — «делать» короля и совсем иное — обеспечить его долгое пребывание у власти.

После того как удалось достигнуть этих волнующих успехов, я, естественно, захотела поехать к своему мужу. Но кузен Луи снова воспротивился этому. Я рвала и метала: вопила, рыдала, молила и проклинала, но ничто не могло повлиять на этот холодный рассудок, а уж говорить о сердце и вовсе бессмысленно. Вместо того чтобы отпустить меня в Англию, он отвез меня в Париж, где мне оказали поистине королевский прием, что, однако, ничуть меня не радовало, ибо мои мысли были далеко. Лишь в феврале 1471 года король Генрих повелительно потребовал,

чтобы жена и сын немедленно к нему вернулись, и на этот раз кузен Луи не стал препятствовать моему отъезду.

Однако его согласие объяснялось отнюдь не тем, что он решил уступить Генриху. На его решение повлияли некоторые обстоятельства, о которых он знал, а мы пока еще нет. Он опасался, что Уорик, положив французские деньги в свой карман, сделает еще один кульбит и возвратит королевство Эдуарду, чтобы затем начать войну против Франции. Так вот сведения, которые он получил, а мы еще нет, исключали подобное развитие событий; ланкастерцам требовалось мобилизовать все свои ресурсы, дабы приготовиться к предстоящим трудным испытаниям, а одним из их ресурсов, несомненно, была я.

Ничего не зная о том, что происходит, я испытывала эйфорию, которую не могла омрачить даже перспектива пересечь пролив в зимнюю непогоду. Я поспешила в Онфлёр в сопровождении своих фрейлин, среди которых была и графиня Уорикская, а также принца и принцессы Уэльской и большого количества собравшихся отовсюду ланкастерских лордов. С удивлением и радостью я встретила старого сэра Джона Уэнлока; ему уже перевалило за семьдесят, но он снова решил обнажить меч в защиту моего дела. Обнимая его, я расплакалась. Ко мне также приехали скрывавшиеся в Бретани Маргарита Бофор и ее сын от Эдмунда Тюдора, Генри, известный как Генри Ричмондский, хотя его право на отцовский титул так никогда и не было подтверждено. В последний раз я видела его четырнадцатилетним юношей, с тех пор прошло несколько лет, и теперь меня поразило его сходство со своим бедным отцом. Сходство это оказалось, однако, лишь внешним. Он ничего не унаследовал от выдающейся личности отца и казался замкнутым, напуганным всем происходящим. Почти всю жизнь он провел в изгнании, поэтому в этом не было ничего удивительного. Но я обняла его с нежностью. Он приходился мне достаточно

близким, хотя и не прямым родственником: как сын Эдмунда и — в равной степени — как сын Маргариты был моим племянником. Что еще более важно, я подумала, что он, возможно, окажется полезен моему Эдуарду, когда тот взойдет на трон.

24 марта, на следующий день после моего сорок первого дня рождения, хотя небо и мрачно хмурилось, мы сели на корабль. Но едва судно вышло из гавани, как подул северный ветер и нам пришлось лечь в дрейф. Но теперь я переносила качку гораздо лучше, чем двадцать шесть лет назад, и готова была перенести даже шторм, лишь бы достичь английского берега. Однако ни один корабль не может плыть против ветра, и нас отнесло назад. В течение последующих трех недель мы еще дважды выходили из гавани, но ветер упорно продолжал дуть с северо-востока. Небеса ясны, в ослепительной синеве ярко сверкает солнце... но корабль не двигался. Какая досада!

И она еще усугубилась, когда пришло известие, что Эдуард Марчский, получив финансовую поддержку от своего зятя Карла Бургундского, высадился на северо-востоке Англии. Ветер, который препятствовал нам, благоприятствовал ему, ибо он отправился в путь из Нижних земель[1]. Именно известие о том, что Марч сумел заручиться поддержкой Бургундии, и вынудило кузена Луи решиться отправить меня в Англию, ибо теперь можно было не бояться измены Уорика: совершенно очевидно, что Марч полон решимости отомстить.

Известие о высадке Марча, естественно, нас огорчило. Мы не могли плыть на север, однако на юг корабли двигались, подгоняемые попутным ветром.

---

[1] Территория на побережье Северного моря, включавшая современный Люксембург, Бельгию и Нидерланды.

Вскоре от Уорика прибыл гонец: граф извещал, что полностью управляет ходом событий и намеревается, оставив Лондон, отправиться на север, чтобы разделаться с нашим общим врагом. Я оказалась настолько глупа, что поверила, будто это возможно.

13 апреля, в первый день Пасхи, мы наконец вышли в море. Последнее полученное мной донесение прибыло несколько дней назад; в нем сообщалось, что Уорик выходит со своей армией из Лондона, чтобы соединиться с Кларенсом и дать сражение Марчу, который двигался на юг, собирая по пути своих сторонников. Было вполне вероятно, что две армии уже встретились; как позднее выяснилось, это произошло как раз в тот самый день.

Но тогда я этого еще не знала. Ветер переменился с северо-восточного на восточный и дул теперь нам в борт. Это означало, что мы никоим образом не можем пройти через Солент и достичь Порстмута. Мы старались держаться как можно севернее, но смогли причалить лишь в рыбацкой деревушке, расположенной в устье реки Вей и называвшейся поэтому Веймут. Это место находится далеко от Лондона, но мы все же порадовались, что наконец-то высадились.

Естественно, мы с принцем хотели как можно скорее добраться до Лондона. В ближайших фермах реквизировали себе лошадей и тут же отправились в путь. Мы скакали без передышки и лишь в полночь остановились в аббатстве Карне. Прежде чем удалиться на ночлег после поспешного ужина, мы с Эдуардом вышли во двор, чтобы полюбоваться мерцающими звездами и насладиться свежими запахами весенней Англии.

— Я стану править этой страной, — сказал мой сын, — а ты будешь рядом со мной, дорогая мама.

Мы обнялись. Казалось, целая жизнь, исполненная напряженнейших усилий, подошла к концу. Она и в самом деле подошла к концу.

На следующее утро мы доехали до Больё, где остановились позавтракать. Мы уже готовились сесть на коней и отправиться дальше, когда услышали стук копыт. Не зная, чего ожидать, мы с тревогой смотрели на пологие холмы перед нами, и, признаюсь, мое сердце так и подпрыгнуло, когда я увидела, что навстречу нам едут Эдмунд Сомерсет, его младший брат Джон Бофор, а также несколько ланкастерских лордов, все в большом смятении. Нетрудно было предположить самое худшее, ибо, если бы Уорик одержал победу и захватил в плен Марча, достаточно было бы послать с радостными вестями одного гонца.

— Мы разгромлены! — вскричал Джон Бофор, соскакивая с седла и бросаясь к моим ногам.

Я пыталась сохранить спокойствие.

— Как это могло произойти? — спросила я.

— Кларенс, — простонал молодой человек. — Он перешел на сторону брата.

Что ж, будь я с ними, могла бы предвидеть это.

Спешился и Эдмунд, само олицетворение отчаяния.

— Все бы еще ничего, если б не туман, — пробормотал он. — Туман был такой густой, что не отличишь своих от чужих. На правом фланге мы действовали успешнее, но у йоркистов было преимущество на левом фланге, и когда они развернулись и напали на нас с тылу, наши люди с криками «Измена!», «Измена!» разбежались.

— А что с Уориком?

— Он убит, ваша светлость.

При этих ужасных словах утреннее небо у меня над головой как будто потемнело, голова закружилась. Я пошатнулась, и фрейлинам пришлось меня поддержать. Это был первый и последний раз в моей жизни, когда со мной случился обморок. Длился он, однако, недолго, но когда я наконец открыла глаза, мне захотелось тут же закрыть их вновь —

лишь бы не видеть этих мрачных лиц вокруг меня. Принцесса Уэльская, как и ее мать, плакали. Я не могла их винить, ибо этот человек доводился отцом одной и мужем другой. Но...

— Как умер граф? — спросила я.

— Он слез с коня, чтобы сражаться пешим, — объяснил Эдмунд.

Весьма предусмотрительно, подумала я, он, видимо, хотел убедить своих солдат, что не убежит и не оставит их, как сделал это при Сент-Олбансе.

— Когда стало ясно, что битва проиграна, — продолжал Эдмунд, — графа уговорили бежать, но он уже не смог найти своего коня и был зарублен в схватке.

— Где все это произошло? — спросил принц.

— У Хай-Барнета, к северу от Лондона, — ответил Эдмунд. — Марч, без сомнения, уже в городе. Вы должны бежать, ваша светлость. Ваши корабли все еще ждут?

К этому времени я уже оправилась от удара. Произошло то, что я смутно предвидела: в решительной момент Уорик показал свою несостоятельность, хрупкая тростинка сломалась. С другой стороны, он всегда становился для меня камнем преткновения. Но был и еще один камень преткновения.

— А король Генрих? — спросила я.

— Взят в плен йоркистами, ваша светлость. Ваша светлость, вы должны бежать.

На этот раз они, конечно же, предадут старого бедолагу смерти. Но я жива. Жив и мой сын.

— Сколько людей мы сможем собрать? — Я посмотрела мимо лордов на развевавшиеся на вершине холма знамена.

— С нами около двух тысяч человек, ваша светлость, но у графа Марчского, по крайней мере, вдвое больше.

— Он в Лондоне, а мы здесь, — заметила я. — Насколько я знаю, Джаспер Тюдор, граф Пемброкский, собирает армию в Уэльсе.

— Да, верно, ваша светлость, но Уэльс в нескольких переходах отсюда.

Я улыбнулась:

— Но все же он ближе к нам, чем к Марчу.

Они были изумлены.

— Вы хотите продолжать войну, ваша светлость?

— Именно для этого я сюда и приехала, — напомнила я.

— Но без Уорика?..

— Милорд Уорик исполнил свой долг, — сказала я им. — Он задержал наших врагов, перебил значительное их число. И пал на поле сражения. Большего мы от него требовать не вправе. Теперь следует умело воспользоваться тем, чего ему удалось достичь. Мы возвратимся в западную провинцию, поднимем там наши знамена и отправимся на север, к реке Северн и Уэльсу. Эдмунд, вы пошлете гонцов к Джасперу Тюдору с повелением немедленно присоединиться к нам.

Подергав бороду, Эдмунд посмотрел на окружающих.

— Это могло бы принести успех, — пробормотал граф Девонширский.

— Если король Эдуард будет стоять на месте, — произнес Джон Сомерсет.

— Король Эдуард? — переспросила я. — Если только мой муж не мертв, на троне Англии не может быть короля Эдуарда. Если же он мертв, король Эдуард стоит перед вами.

Они смущенно принесли свои извинения, а я оттеснила их в сторону.

— И мы сделаем так, чтобы граф Марчский стоял на месте, — сказала я. — Предпримем отвлекающий маневр. Эдмунд, я назначаю вас главнокомандующим.

Эдмунд напыжился.

— Во-первых, вы выполните мое повеление и пошлете гонцов к Джасперу Тюдору. Во-вторых, отправите небольшой отряд к Лондону, и пусть этот отряд

производит по пути как можно больше шума, чтобы все принимали его за наш авангард. В-третьих, главные наши силы направятся в западную провинцию, пополняя свои отряды за счет вербовки; как только мы узнаем о расположении армии Марча, повернем на север, к Бристолю, Глостеру и мостам, ведущим в Уэльс. Понятно?

Мужчины переглянулись, никто из них никогда не видел меня либо какую-нибудь другую женщину, исполненную воинственного пыла, за исключением старого Уэнлока.

— Понятно, ваша светлость, — сказал он, вытянувшись. — Я хотел бы просить вас назначить меня на командную должность.

— Вы получите командную должность, сэр Джон, — обещала я. — Но сперва надо уладить кое-какие дела. Прежде всего отправить с эскортом принца Эдуарда в Веймут, а оттуда на корабле во Францию.

— Мама, — запротестовал принц, — я приехал сюда, чтобы сражаться.

— Дорогой мальчик, — сказала я, — весьма вероятно, что твоего отца уже нет в живых. Поэтому ты король Англии. И твоя жизнь — наше самое дорогое достояние.

— Милорды, — воззвал Эдуард к окружающим, впервые в своей жизни проявляя непослушание. — Ведь Черный Принц прославился уже в шестнадцать лет. Неужели у меня нет права сражаться за свое королевство?

Я потянулась к нему всем сердцем. О если бы такой был мой муж!

— Ваша светлость, — сказал Сомерсет. — У принца есть право сражаться за свое королевство, более того, это его долг. И его присутствие придаст отваги нашим людям!

Им трудно было отказать в правоте, ошибалась я, предлагая переправить принца в безопасное место.

— А вот тебе, мама, следовало бы уехать, — сказал принц.

— И покинуть тебя и наше дело? Никогда! — заявила я. — Я везде, где сражается Алая Роза. — Ах, если бы я только присутствовала в Барнете!

Лорды приветствовали мою решимость. Но Маргарита Бофор и ее молодой сын не разделяли моих чувств, они поспешно направились к побережью, где надеялись обрести безопасность.

Все мои повеления исполнялись, и мы направились к Эксетеру, где к нам присоединились остатки армии Уорика, а затем двинулись на север к Бристолю. Я была разочарована отношением местных дворян, лишь немногие из которых присоединились к нашему делу, но я не теряла уверенности; если бы только я могла соединиться с Джаспером, в моем распоряжении оказалась бы грозная сила. Все это время мы не получали никаких известий о Марче. Оставалось надеяться, что он развлекается с лондонскими потаскухами.

Бристоль открыл перед нами ворота; здесь удалось пополнить нашу армию людьми и даже раздобыть кое-какое оружие, включая несколько пушек. Отсюда мы намеревались отправиться в Глостер, к мосту через Северн.

И тут как раз прибыли гонцы, которые привезли два разных сообщения. Одно, и весьма обнадеживающее, было от Джаспера. Он извещал меня, что собрал довольно значительную армию и будет ждать на северном берегу Северна. Второе — об Эдуарде Марчском. Его отнюдь не обманул наш отвлекающий маневр, и он день и ночь мчался, чтобы настигнуть меня, прежде чем я успею перейти через реку. У него не могло быть никаких шансов на это: мы опережали его на сорок восемь часов и находились уже в виду Глостерского моста. К этому мосту мы и направились, поздравляя себя с успехом нашей стратегии.

Однако поздравления оказались преждевременными, никому еще не удавалось одержать верх в споре с Эдуардом Марчским. Узнав, что я направляюсь на север, он сразу же полностью разгадал мой замысел и к тому же отдавал себе отчет в том, что допустить, чтобы я соединилась с Джаспером, было бы серьезной ошибкой. Подойдя к Глостеру, мы увидели, что ворота закрыты, а на крепостных стенах заняли позиции решительно настроенные солдаты. Прибывший сюда всего за несколько часов до нас гонец передал губернатору города, грубому мужлану по имени Ричард Бошан, повеление Марча не впускать нас в город и тем самым преградить нам доступ к мосту. Я была в ярости. Неужели этот подлый выскочка погубит все мои надежды? Однако ни угрозы, ни обещания щедрого вознаграждения не возымели никакого действия на этого мерзкого человека; более того, когда я попыталась вдолбить немного здравого смысла в его глупую башку, лучники пустили в меня стрелы.

Мы оказались перед трудной дилеммой. Ближайший брод находился в трех переходах к северу, между тем йоркистская армия продолжала свое стремительное продвижение на север.

— Мы в безвыходном положении, — пробормотал Эдмунд Сомерсет, почти во всех отношениях точная копия своего отца.

— Ничего подобного, — заявила я, оглядывая ряды своих солдат. — Посмотрите на старого сэра Джона. Он просто изрыгает пламя.

— А что ему остается? — заметил Эдмунд. — С точки зрения йоркистов, он перебежчик, предатель. Если его схватят, он лишится головы.

— Дорогой Эдмунд, — сказала я, — *любой* из нас, если будет схвачен, лишится головы.

Он сглотнул, так как прежде, видимо, не задумывался над подобным более чем вероятным исходом.

— У нас есть еще время добраться до берега и спастись.

— Оставив на произвол судьбы всех этих отважных людей? Они-то не смогут спастись. К тому же мы еще не побеждены. Мы отправимся на север.

— Ваша светлость, до ближайшего брода сорок восемь часов пути. А через сорок восемь часов йоркисты наверняка настигнут нас.

— Тогда нам придется преодолеть это расстояние за тридцать шесть часов, — сказала я. — И уж во всяком случае, нам не стоит терять время на бесплодные споры. Вперед, милорд Сомерсет! Мы еще можем выиграть. Вперед, как можно быстрее, и пусть дьявол заберет отставших.

Я ехала среди своих солдат, как делала это в Нортгемптоне и Таутоне.

— Надо только перебраться через реку, — сказала я им, — и победа за нами. Соединившись с валлийцами, мы будем иметь превосходство два к одному. Только бы перебраться через реку.

Они разразились громкими криками в мою честь и отправились в путь; может быть, это был самый отчаянный марш-бросок во всей военной истории. Мы двигались весь день и всю ночь. Некоторые отстали, а то и просто дезертировали. Этот негодяй Бошан осмелился сделать вылазку из Глостера и изрядно потрепал наш арьергард, он даже отнял у нас несколько пушек. Но основная часть моей армии, преодолевая крайнюю усталость, продолжала движение. Могу сказать, что больше всех устала я, ибо весь день и ночь ездила взад и вперед вдоль колонны, подбодряя и воодушевляя своих солдат, стараясь, чтобы люди видели красоту, ради которой сражались, лишь время от времени подкрепляясь кусочком хлеба и бокалом вина. Я думала только о Джаспере и его валлийских легионах.

Наконец мы подошли к Тьюксбери и броду. Вечерело, но в нескольких милях уже виднелся город, и хотя мы двигались без передышки тридцать шесть часов и

у солдат заплетались от усталости ноги, я горела решимостью продолжать наш поход, даже если придется преодолеть брод ночью. Но пока я ждала, когда подтянется арьергард, ибо я намеревалась подавить всякое сопротивление, которое мне могли бы оказать в этом городе, не обнесенном, как Глостер, крепостными стенами, мои разведчики вернулись с пренеприятнейшим известием: авангард Эдуарда Марчского захватил брод, и его главные силы уже на подходе.

— Но это невозможно! — вскричал Эдмунд. — Ни одна армия не могла бы опередить нас.

— Но йоркисты сумели это сделать, — спокойно сказала я, хотя мою грудь и теснила тревога.

— Что же делать? — спросил Девоншир.

— У нас нет выбора, — сказала я. — Мы должны сражаться.

Они переглянулись.

— Численное превосходство — на их стороне, — напомнил мне Эдмунд. — И мы измотаны.

— Йоркисты измотаны не меньше нашего, — ответила я. — А чтобы компенсировать немногочисленность нашего войска, надо занять выгодные позиции. Они наверняка будут действовать наступательно.

Я тотчас же отправилась на поиски удобного для сражения места, тогда как мои солдаты повалились, где стояли, на землю, радуясь возможности передохнуть. Я тут же послала гонца к Джасперу с приказанием не ждать меня, а поспешить на помощь. При этом я велела, чтобы его армия при своем продвижении поднимала как можно больше шума, ибо не оставалось сомнений, что она не успеет подойти к утру, но я надеялась, что ее приближение заставит Марча хотя бы задуматься, а в случае, если завяжется сражение, я смогу рассчитывать на подкрепление.

Вообще-то говоря, я не видела причины, почему бы мы не могли успешно противостоять даже такому сол-

дату, как Эдуард Марчский. Местность была сильно пересеченная и выравнилась лишь перед самыми нашими позициями. Я приказала, чтобы Сомерсет возвел кое-какие полевые укрепления; по обеим сторонам нашей позиции густо рос кустарник, а землю перерезали многочисленные овраги, которые исключали возможность внезапного флангового нападения и в то же время скрывали наши фланги. Позади наших позиций находилось аббатство, где я расположила свою штаб-квартиру.

— Какова будет ваша диспозиция? — спросил Сомерсет.

— Мы разделим армию на три войска, — решила я. — Вы и ваш брат Джон будете командовать первым, принц Уэльский — вторым, а граф Девонширский — третьим.

Эдуард всплеснул руками от радости, но Сомерсет нахмурился.

— При всем глубочайшем почтении к вам, ваша светлость, должен заметить, что принц никогда прежде не сражался.

— Не имеет значения, — отрезала я. — Мы с ним будем рядом.

— Вы, ваша светлость?

— Ты, мама? — подхватил Эдуард.

Итак, все повторялось. Мои военачальники пришли в ужас от моего намерения сражаться рядом с сыном. И как всегда, я позволила уговорить себя, сознавая, что в обычной для сражения сумятице не смогу играть активную роль, и таким образом моя армия останется без общего командования.

— Хорошо, — согласилась я, — тогда вы, сэр Джон Уэнлок, будьте наставником и защитником моего сына в предстоящей битве.

Я знала, что для этой цели мне не найти лучшего человека; к тому же старый Джон Уэнлок был исполнен признательности.

Наступило позднее утро, и нам сообщили, что в аббатстве нас ждет завтрак. Едва мы развернули ло-

шадей, как услышали шум по ту сторону долины. В этом шуме можно было различить и бряцание доспехов, и ржание лошадей, а главное — топот шагающих ног.

— Йоркисты, — пробормотал Джон Бофор, сильно взволнованный.

— Мы же знали, что они должны вот-вот подойти, — напомнила я. — Нам остается только нанести им завтра поражение.

Как бы то ни было, я позавтракала с большим аппетитом, ибо в отличие от большинства своих военачальников могла считать себя опытным солдатом. Я смотрела на них со смешанными чувствами. С одной стороны, мое сердце переполняла невольная гордость при виде этих молодых львов, достаточно молодых, чтобы быть моими сыновьями, стоявших вокруг меня плотным кольцом в этот самый решительный момент моей жизни. Конечно, среди них был и весьма пожилой Джон Уэнлок, но и этим я могла гордиться: человек, который по возрасту вполне годился мне в отцы, с такой охотой выступил в поддержку моего дела. С другой стороны, глядя на этих неопытных молодых людей, которым предстояло сразиться с самым грозным воителем своего времени, я не находила сил изгнать из души чувство обреченности. Теперь, когда Уорик лежал в земле, у Эдуарда Марчского не осталось никаких соперников; впрочем, даже и Уорика при жизни нельзя было считать достойным ему соперником. Я успокоила себя тем, что победа в приближающейся битве принесет мне еще более великую славу.

Но сон все никак не шел ко мне. Я вышла на террасу аббатства и стала вглядываться в мерцающие во тьме лагерные огни моей армии; где-то вдалеке светились и огни йоркистов. Тут же на террасе оказался и мой сын, он тоже пристально всматривался в ночную мглу.

— Тебе надо бы отдохнуть, — сказала я. — Завтрашний день будет очень долгим.

— И к исходу его я, возможно, обрету вечный покой, — заметил он.

Я положила руку ему на плечо.

— В конце этого дня мы двинемся на Лондон, чтобы ты мог вступить в свои наследственные права.

Все шестнадцать лет, еще с тех пор как он был грудным младенцем, говорила я ему об этих наследственных правах, напоминала о великих предках, убеждала его превзойти его предшественников Эдуардов. Я стремилась воспитать его хорошим правителем и солдатом и, конечно, достойным человеком. Порой, например, после второй битвы при Сент-Олбансе, я боялась, не вложила ли в его душу слишком много стали и недостаточно любви. Временами, как то было во время нашего сен-мишельского изгнания, я сомневалась, что он любит даже меня, с таким упорством внушала я ему мысль о необходимости готовиться к будущему, вырабатывать в себе ту непоколебимость, с помощью которой только и можно достичь желанной власти, и главное — удержать ее в своих руках.

И тут Эдуард вдруг поразил меня. Моя рука все еще лежала на его плече, когда он сжал мне пальцы.

— Я буду хорошим королем, мама, — сказал он. — Клянусь всем, что только есть для меня святого. Я буду справедливым, сильным и верну Англии ее величие.

Мне на глаза навернулись слезы.

— Верю тебе, Эдуард, — сказала я.

Да, я все еще верю ему.

С рассветом наша армия пришла в движение. Меньше чем за милю от нас уже пели рожки йоркистов. Мои люди разошлись по своим позициям, я же осталась на террасе аббатства, рядом с Сомерсетом, облачившимся в полные боевые доспехи. Я невольно задумалась о судьбах его старшего брата и отца, погибших в сраже-

нии за мое дело. Но может быть, третий из них окажется более удачливым.

— Вы должны уйти, ваша светлость, — сказал он.

— Не раньше, чем поговорю со своими солдатами, — сказала я и велела подвести ко мне мою лошадку.

Увидев, что я проезжаю мимо ланкастерских рядов, мои военачальники забеспокоились, ибо заметили: йоркисты уже двинулись в наступление. Впереди развевалось знамя с изображенной на ней головой вепря, это было знамя Ричарда Йоркского, которому его брат Марч присвоил титул герцога Глостерского. Я никогда не встречалась с этим юношей, всего годом старше моего Эдуарда, но слышала, что как солдат он уступает лишь своему брату. Этот порывистый юноша уже начал наступление, и мои люди тревожились за мою безопасность.

Но я не собиралась пасовать перед юношей, который годился мне в сыновья, и медленно объезжала ряды своих солдат, обращаясь к ним с призывами. Терять мне было нечего. Я говорила, что им предстоит сражаться, чтобы положить конец узурпации и освободить своего законного короля, доброго, честного Генриха, подло и вероломно заточенного в тюрьму. Обещала всем в случае победы высочайшие награды и недвусмысленно намекала, что отдам имущество этих предателей, лондонских торговцев, на разграбление.

Я приказывала им смотреть на принца Уэльского, который будет сражаться вместе с ними, в их рядах, преисполненный решимости победить или умереть, и который никогда не забудет тех, кто стоял с ним плечом к плечу в этот день. Вновь и вновь я обещала награды, обещала, что каждый получит свою долю йоркистских поместий и йоркистского богатства. И самое главное, я внушала им, что все, кто будут здесь сражаться, победят они или умрут, обретут бессмертие.

Никогда еще никто не приветствовал меня такими громовыми рукоплесканиями, как эти мои последние львы. В лучах восходящего солнца засверкали поднятые мечи, зазвучала ликующая победная песня. Йоркисты заволновались, их передовой отряд с громкими криками направился в нашу сторону, загрохотала их артиллерия, сделав первый залп.

— Вы *должны* удалиться, ваша светлость, — взмолился Сомерсет.

Я кивнула, в последний раз сжала руку Эдуарда и под громкие восхищенные крики поднялась на своей кобыле к аббатству, где меня ожидали фрейлины. С этого наблюдательного пункта я хорошо видела поле сражения. Время от времени останавливаясь, чтобы выстрелить из своих арбалетов, солдаты Глостера продвигались вперед. Пересеченная местность сдерживала нападающих, а когда они подошли к склону холма, где располагалась моя армия, их встретил ливень стрел. Они остановились, а затем стали отступать.

Фрейлины захлопали в ладоши, и я почувствовала прилив уверенности. Увы, мои надежды оказались тщетными. Все шло хорошо, и что еще важнее — в соответствии с моими планами. А план этот, как я уже говорила, состоял в том, чтобы задержать йоркистов и постараться истощить их силы, ибо мы занимали очень выгодные позиции. Главное было удержаться до того времени, когда к нам на помощь, возможно, подоспеет Джаспер со своими валлийцами. Каждый час, каждую минуту выигранного времени мы рассматривали как победу. Никто в моем лагере не ставил вопрос о нападении на Марча, для этого у нас было слишком мало солдат.

И вот тогда-то Сомерсет проявил себя истинным сыном своего отца, безрассудным и бездарным. Увидев, что солдаты Глостера отходят, он потерял всякий контроль над собой, забыл о нашей стратегии, забыл о наших планах, забыл о выгодности нашей позиции, забыл о том, что у наших врагов двойное

численное превосходство, забыл о том, что в бой вступила лишь третья часть армии Марча... Издав громкий боевой клич, он повел свое войско, самое большое из всех наших трех, вперед. В полном смятении я хлопнула себя по щекам.

— Господи, — воскликнула я, — какой дурак! Мы пропали!

Безумная выходка Сомерсета в любом случае дорого обошлась бы нам. Но Марч уже принял меры против нашего контрнаступления и послал в лес со стороны нашего левого фланга двести всадников. Как только Сомерсет со своими солдатами оставил укрытия, Глостер остановил своих людей, они развернулись лицом к наступающим, вперед двинулась и остальная армия Марча, а когда солдаты Сомерсета сблизились с солдатами Глостера, из леса налетели двести всадников и ударили им во фланг. Я смотрела на это побоище, не веря своим глазам, тогда как фрейлины мои кричали от ужаса. Но еще оставались две армии моего войска, ибо Уэнлок не разрешил принцу Эдуарду последовать за его безумным братом, в резерве стоял и отряд Девоншира. У меня по-прежнему оставались надежды на благополучное отступление, тем более что я продолжала ждать Джаспера.

И эти надежды оказались напрасными. На глазах у меня солдаты Сомерсета стали разбегаться. Отряд моего сына оставался на прежних позициях, но, к своему ужасу, я увидела, что сам Сомерсет, у которого не хватило мужества остаться и умереть вместе со своими людьми, которых он завел в западню, примчался на коне обратно. Размахивая боевым топором, он подскакал к Уэнлоку, стоявшему рядом с принцем, видимо возмущенный тем, что тот не поддержал его вылазку. Не знаю, что ответил старый рыцарь, но Сомерсет, очевидно, не удовлетворился его ответом. В следующий же миг Сомерсет взмахнул топором и ударил по обнаженной лысине Уэнлока, который как раз перед этим,

чтобы удобнее было разговаривать, снял шлем. Его голова оказалась разрубленной надвое, по самую шею.

Увидев гибель своего командира, солдаты Уэнлока громко закричали, но вместо того, чтобы напасть на Сомерсета, что было бы вполне оправданно, повернулись и бросились бежать. Не устоял и отряд Девоншира. Через несколько мгновений моя армия перестала существовать.

Единственное, что меня беспокоило, — судьба принца, и я хотела поскакать к нему, хотя бы это и угрожало мне смертью от рук йоркистов. Но и в этом праве мне было отказано. Фрейлины буквально силой увели меня прочь, нашли наших лошадей и ускакали, спасая свои жизни — или, по крайней мере, свою общую добродетель, — в ближайший монастырь, где попросили убежища. Джон Комб смело вызвался поехать за принцем и умчался. Больше я его никогда не видела.

Я была не в состоянии ни о чем думать. Только где-то в глубине моего рассудка тлело сознание, что дело, ради которого я жила и дышала, дело моего сына, Генриха и мое собственное, безнадежно проиграно. Я безмерно беспокоилась о принце. Однако лишилась всякой способности действовать.

Да и что я могла поделать? Кто-то из моих фрейлин предложил попытаться достичь южного берега и оттуда на корабле переправиться во Францию. Но мы вскоре узнали, что по всей стране рыщут йоркистские патрули. Да я никуда бы и не поехала, не получив известий о принце. Так мы протомились три дня. Все эти три дня я не мылась, не меняла платье, ничего не ела и лишь время от времени выпивала бокал вина; и все время, что я не спала, как верная супруга своего мужа, я молилась на коленях. Бесполезно. На третий день пришли йоркисты.

Закованные в броню, они стояли передо мной, словно некие чудища. Мои перепуганные фрейлины дрожали.

Но я смотрела на них с обычным своим вызовом. К моему удивлению, они обратились ко мне со всем подобающим моему сану уважением, хотя слова их и прозвучали достаточно зловеще.

— Его светлость король хочет видеть вас, ваша светлость, — сказали они. — Он будет здесь через час. Не хотите ли вы приготовиться?

При этом намеке на мой не слишком-то опрятный вид я покраснела и позвала своих фрейлин. Через час я вернулась совершенно преображенная и оказалась лицом к лицу с негодяем, виновником всех моих бед. Своим внушительным обличием Марч полностью соответствовал тому портрету, который рисовали мои люди, его видевшие. Он был в полных боевых доспехах, только снял шлем, самый высокий, широкоплечий молодой мужчина, которого мне только доводилось видеть; чтобы посмотреть на него, пришлось запрокинуть голову. Черты его румяного лица, увенчанного шапкой рыжевато-золотистых волос, оказались поистине великолепными, явно принадлежащими человеку смелому и сильному, хотя, присмотревшись, можно было различить и некоторые следы разгульного образа жизни.

Рядом с ним его брат Ричард Глостерский походил на эльфа: он был на целую голову ниже, смуглый и слегка сутулый.

Оба брата были, очевидно, рады своей окончательной победе, но приветствовали они меня совершенно серьезно.

— Ваша светлость, — сказал Марч, — прошло много лет с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Даже угроза смерти не заставила меня опустить взгляд.

— Судьбе угодно было даровать вам победу, милорд.

Глостер сердито фыркнул, недовольный тем, что я не назвала его брата королем, но Эдуард как будто бы не обратил на это внимания.

— С судьбой не может тягаться ни один мужчина, ни одна женщина, ваша светлость, — охотно согласился он. — А теперь я должен попросить вас поехать со мной в Лондон.

— С какой целью, сэр?

Он улыбнулся. Улыбка выглядела непринужденной, но в его глазах не было ни мягкости, ни жалости.

— А уж это мне решать, мадам, с какой целью.

Мы смотрели друг на друга, и оба отлично знали, кто из нас хозяин положения.

— Могу ли я спросить о своем сыне?

— Увы, мадам, ваш сын мертв.

Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла заговорить.

— Как он умер? — спросила я.

Эдуард и его брат обменялись быстрыми взглядами.

— Он умер смертью храбрых, мадам, — сказал мне Марч. — Пытаясь собрать свой отряд.

Мне хотелось бы поверить ему. И я все еще хочу верить. Но до меня доходили слухи, будто мой сын был взят в плен и отведен к Марчу и его брату. В разговоре с ними он проявил презрение и был зверски убит. Поэтому я не знаю, чему верить, и только вспоминаю заговорщический взгляд, которым обменялись оба брата.

При этих обстоятельствах мне показалось бессмысленным спрашивать об участи Джона Комба.

Сомневаться в жестокости Эдуарда Марчского, разумеется, не приходилось. И Сомерсет и его брат, хотя и укрылись в церкви, были жестоко умерщвлены. Не подействовало даже старинное, освященное веками право убежища, их вытащили наружу — кое-кто утверждает, будто сделал это Эдуард, — и изрубили на куски. Я отправилась в свое скорбное пу-

тешествие в Лондон, но Глостер уехал вперед, и к тому времени, когда я достигла столицы, мой муж был мертв. Разумеется, пустили слух, будто бы Генрих умер от отчаяния, узнав о полном крушении всех своих надежд и смерти сына. На самом же деле йоркисты всегда отрицали, что принц Уэльский является его сыном, и после того, как он погиб, а я оказалась у них в плену, им уже незачем было оставлять в живых бедного старого Генриха. Еще более убедительно о характере Эдуарда свидетельствует относительно недавняя казнь его брата Джорджа Кларенса, которого он так и не простил за то, что тот, хотя и временно, переметнулся на сторону Уорика.

Что же могло ждать меня? В глазах йоркистов я была самой опасной из их врагов. Но как я уже упоминала, англичане не воюют с благородными дамами, хотя, возможно, было бы лучше, если б они это делали. Со мной обращались с величайшей учтивостью... но везли по ухабистым дорогам в повозке, которая все время тряслась и подпрыгивала так, что, в конце концов, я отбила себе весь крестец и едва могла сидеть. Каждый час каждого дня я вынуждена была представать перед немытым сбродом. Некоторые улюлюкали, насмехались надо мной, и только мои охранники мешали им забросать меня грязью и камнями, большинство же хранило молчание, но все они знали, что перед ними проезжает низложенная пленная королева.

И так вплоть до самого Лондона. Нетрудно себе представить, что меня больше всего беспокоила именно эта заключительная часть поездки. Хорошо зная враждебность ко мне лондонцев, я не сомневалась, что здесь меня ждут худшие унижения. Однако мои опасения не сбылись. Лондонцы, казалось, испытывали передо мной благоговейный ужас. Когда я проезжала мимо, они глазели, показывали на меня пальцами и перешептывались. Наконец-то Повелительница львов была закована в цепи.

Но, пожалуй, самым худшим для меня стал тот момент, когда я оказалась в своей камере, вдали от людских толп, и ко мне зашла Белла. При ее появлении я встала и едва не сделала реверанс. Высокая и прекрасная, более пышно-соблазнительная, чем прежде, ибо как раз кормила родившегося в ноябре сына, она облачилась в лучшие одежды, украсила себя лучшими драгоценностями и с ног до головы выглядела настоящей королевой. Я же была одета в потрепавшееся во время путешествия платье и не имела перчаток.

Я поискала в ее глазах хоть какое-то свидетельство нашей прежней взаимной любви. Возможно, я даже надеялась, что она обнимет меня. Но она даже не подошла ко мне.

— Сожалею о смерти вашего сына, — выговорила она.

— Спасибо.

— Грустно видеть вас в таком положении, Мег, — наконец обронила Белла. — Но муж дал мне слово, что вам не причинят никакого вреда.

— Что же меня ждет?

— Ну... вы должны понимать, король не может так просто, без необходимых гарантий, вас отпустить. Я пришлю вам кое-какие книги, чтобы вам легче было скоротать время.

Она выполнила свое обещание, и, честно сказать, я испытывала признательность к ней, хотя и понимала, как много времени мне предстоит коротать. У меня нет ни желания, ни сил, чтобы подсчитать, сколько часов в шести годах, но могу заверить, что это очень и очень длительное время, когда ты в заточении.

Сдержала Белла и другое свое слово: я не страдала от грубого обращения, тяготило только то, что меня постоянно переводили из замка в замок, от одного тюремщика к другому. Эдуард, очевидно,

опасался, что, если я долго пробуду в одном месте, меня могут попытаться освободить или мне удастся соблазнить тюремщиков и бежать. Пока же меня вверили заботам старой Элис Суффолк, которая проявляла ко мне прежнюю доброту. Но в апреле 1475 года она умерла, и мои переезды возобновились. Томиться в заточении, не принимать никакого участия в великих событиях, сознавать, что активная деятельная жизнь уже не для меня, — суровое наказание для моей души. Не менее суровым наказанием оказалось и наблюдать за тем, как вянет моя красота, как на моей дивной шее появляются морщинки, а в волосах — седые пряди.

Но хуже всего угнетала неопределенность моего положения, то, что я не знала, как долго меня продержат в мучительном заточении.

Через несколько месяцев после смерти Элис меня выпустили. Все это время папа собирал деньги на выкуп, которого требовал Эдуард Марчский, для этого ему, в конце концов, пришлось продать кузену Луи свои любимые владения — графство Прованс — за пятьдесят тысяч крон. Подари мне папа такую сумму денег в мои лучшие дни, трудно даже сказать, что я могла бы совершить.

Разумеется, я ничего не знала о том, что происходит, поэтому визит, который в ноябре этого года нанес мне Ричард Глостерский, оказался для меня в какой-то степени неожиданностью. Сознаюсь, что я приняла его с некоторой тревогой в сердце, ибо ходили слухи, будто этот темнолицый малый собственноручно разделался с моим мужем и по поручению брата совершал некоторые другие тайные казни. Может быть, он приехал, чтобы разделаться со мной?

Пока я приходила в себя, он положил передо мной пергамент, где было написано следующее:

Я, Маргарита, бывшая замужем здесь, в Англии, уступаю все, чем могла бы обладать в Англии в силу этого замужества, а также все свое остальное имущество Эдуарду — нынешнему королю Англии.

Этот документ я подписала. Мне больше не за что было сражаться, к тому же я не имела для этого никаких средств. Так, по крайней мере, мне тогда казалось.

Затем меня перевезли под конвоем в Портсмут и я вновь пересекла пролив. Я надеялась, что меня встретит папа, но вместо него увидела суровых адвокатов, представителей кузена Луи. Они заставили меня подписать другой документ, где я отрекалась от права на какие-либо титулы, которые могли бы мне принадлежать как представительнице Дома Анжу, в обмен на ежегодную пенсию. В том угнетенном состоянии, в каком я пребывала, я не могла его не подписать.

Затем меня отвезли в поместье Рекюле, милостиво пожалованное мне королем. Я провела там несколько лет, а затем переехала в замок Дампьер, где и пишу эти строки. Дампьер находится недалеко от Сомюра, и хотя мне запрещено посещать город, очень приятно находиться там, где прошло мое детство, видеть Луару, в водах которой я некогда беспечно купалась.

Как давно это было! Как много безумных приключений испытала я с тех пор, сколько безумных искателей приключений повидала! К сожалению, почти всех уже нет в живых. Я очень не люблю встречаться со своими прежними сподвижниками, иногда наведывающимися в Дампьер. Все они конченые люди — без денег, а иногда и без одежд. А я, в своих затруднительных материальных обстоятельствах, не могу предложить им ничего, кроме обеда.

Я старею, и все сильнее становится сожаление о неудавшейся, в сущности, жизни. Эдуард Марчский... Но теперь я, пожалуй, должна называть его

узурпированным им титулом — королем Англии Эдуардом IV. Итак, Эдуард IV считается наиболее преуспевающим монархом своего времени. Когда он объявил о своем решении вторгнуться во Францию, королю пришлось пожертвовать всей своей казной, чтобы откупиться от него, и это также способствовало его преуспеянию. Он может уже не думать о продолжении рода, ибо Белла родила ему двух принцев, очень красивых — да других и не могло быть у таких родителей — и здоровых.

Что до иных моих вольных или невольных партнеров, то Карл Бургундский умудрился погибнуть от пик швейцарцев. Кузен же Луи продолжает управлять Францией и, к прискорбию, мной с обычным своим лицемерием.

Стало быть, у Алой Розы нет будущего? Я буду честна и признаю, что у нее и впрямь нет никакого будущего. Кое-кто еще мечтает о ее воскрешении, но мечты недорого стоят. На этой неделе меня должен навестить сын Маргариты Бофор и Эдмунда Тюдора. Этому Генри Ричмондскому уже двадцать два года, но в моих глазах он все тот же юноша, который когда-то бежал, чтобы не участвовать в битве при Тьюксбери. Но как ни поразительно, он последний ланкастерский принц, если, конечно, признать, что сын незаконнорожденного имеет право на престол.

Он приезжает на празднование моего пятидесятилетия, но я не хочу праздновать свое пятидесятилетие. Ничто не внушает мне такого отвращения, как эта годовщина. Мои волосы сплошь поседели, цвет лица утратил прежнюю привлекательность. От моей красоты осталось лишь воспоминание, и я все время чувствую себя такой усталой... Но он приедет. И будет вслух мечтать: в один прекрасный день... Но этот прекрасный день никогда не наступит. Смешно даже думать, что маленький рыжеволосый Генри Ричмондский сможет противостоять смело-

му, распутному и красивому Эдуарду Йоркскому. Какой блистательной четой были бы *мы* с ним, обрати он свое благосклонное внимание на меня, а не на Беллу!

Дампьер, 18 марта 1480 г.

Постскриптум:

Маргарита Анжуйская умерла 25 августа 1482 года. Ей исполнился пятьдесят один год и пять месяцев, но она была измучена своей долгой борьбой в защиту Алой Розы.

Как обычно, ее оценки как отдельных людей, так и будущего оказались ошибочными. Менее чем через год, в самом расцвете сил, вероятно от аппендицита, Эдуард IV последовал за ней в могилу, и Ричард Глостерский, его брат, отнял престол у сыновей Беллы. Генри Ричмондский сумел возвратить корону Ланкастерскому Дому, а его женитьба на дочери Беллы положила конец вражде династий и утвердила Дом Тюдоров.

Генрих VII и его теща не ладили, и для Беллы, как некогда для Маргариты, наступили тяжелые времена.

Людовик умер 13 августа 1483 года, почти ровно через год после Маргариты.

Савадж Алан

С12 Повелительница львов: Исторический роман. — Пер. с англ. А.Ш. Ибрагимова. — «Мастера исторического романа». — М.: Центрполиграф, 1996. — 489 с.

ISBN 5-218-00111-2

Полная драматизма история жизни, любви, страданий и мытарств, отчаянной борьбы за власть, а подчас и за собственную жизнь Маргариты Анжуйской, волею судьбы ставшей супругой короля Генриха VI, переносит читателей в средневековую Англию и погружает в водоворот знаменитых исторических событий — войны Алой и Белой Розы между сторонниками династий Ланкастеров и Йорков за право на трон. Известный мастер исторического жанра — Алан Савадж сумел придать роману особый колорит, ведя повествование устами самой королевы Маргариты.

ББК 84.4 Вл

Литературно-художественное издание

Савадж Алан

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

Редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *А.И. Моисеев*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректор *И.А. Филатова*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа
ЛР № 070243 от 21.11.91 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.04.96.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Академия».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 23,76.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2364

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Мастера Романа Исторического

Когда прекрасная пятнадцатилетняя Маргарита Анжуйская вышла замуж за своего отдаленного родственника английского короля Генриха VI, она была девственницей, мечтавшей о любви, власти, богатстве... и сыне. Ее муж не мог выполнить ни одного из этих ее желаний. Но при дворе были влиятельные вельможи, которые могли это сделать.

Повествование романа «Повелительница львов» ведется самой Маргаритой. Она рассказывает об ожесточенной борьбе, которую ей приходилось вести за сохранение своего трона, о том, как использовала всевозможные средства, находившиеся в ее распоряжении, чтобы привязать к себе мужчин... и женщин. В этой поразительной истории восшествия пятнадцатилетней девушки на трон всемогущей королевы Маргарита блистательно сплетает вымысел и исторические факты; ее рассказ о борьбе не только за корону, но и за выживание буквально зачаровывает.

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®